ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՀԵՆՐԻ ԳԱԲՐԻԵԼՅԱՆ

ՄԱՐՔՍԻՍՏԱԿԱՆ ՏՐԱՄԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՈՒՆՔՆԵՐ

«ՄԻՏՔ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1968

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГЕНРИ ГАБРИЭЛЬЯН

ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ ЛОГИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИТК»
1968 ЕРЕВАН

Работа является систематическим изложением основных категорий марксистской логики. В ней исследуются кардинальные вопросы диалектической логики, большинство которых дискутируются среди советских логиков и философов.

Для обоснования своих выводов автор приводит большой историко-философский материал и данные как классического, так и современного естествознания. Книга рассчитана на изучающих марксистскую философию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Правомерно ли существование марксистской логики наряду с формальной? Приверженцы формальной логики на поставленный вопрос дают отрицательный ответ, мотивируя его тем, что о мышлении может быть одна, а не две науки. Но это конечно заблуждение, являющееся результатом в первую очередь ошибочного толкования сущности широкой математизации наук и обнаружения общности и единства процессов в машинах, живых организмах и обществе, приводящих к возникновению кибернетики.

Характер этой ошибки состоит в том, что некоторые естествоиспытатели и даже отдельные философы **главную особенность** указанных процессов видят в доказательстве **необходимости формализации научной мысли** если не в качестве единственного, **то в качестве основного средства прогресса познания.** Связывая осуществление этой цели с формальной логикой, они уверяют, что нет другой логики, кроме формальной. Но, как известно, первой причиной возникновения «физического» идеализма в начале нашего столетия В. И. Ленин считал одностороннюю математизацию физики, приводящую к такой же односторонней формализации наук.

Во-вторых, основу этого заблуждения следует искать также в неправильном понимании предмета формальной логики. Энгельс считал, что её предметом являются формы и законы отражения конечных вещей. Однако, кроме конечных вещей существует и бесконечная материя, вечное изменение, движение и развитие. Есть ли основание отрицать необходимость науки, изучающей формы и законы отражения этой бесконечности и ее развития? Такого основания нет. Дело в том, что знания каждой исторической эпохи порождают свою логику

или же являются основанием для ее возникновения. Все виды знаний или наук прошли в основном два периода развития. Характерной особенностью первого периода является накопление фактов. Науки этого периода являются отражением закономерностей состояния относительного покоя вещей и явлений объективного мира. По мнению Энгельса, то, что «Особенно характеризует рассматриваемый период, так это—выработка своеобразного общего мировоззрения, центром которого является представление абсолютной неизменности природы».

Наиболее отличительной чертой второго периода является систематизация накопленного материала, раскрытие внутренней связи и взаимопревращения форм материи и ее движения, рассматривание природы в процессе развития. Соответственно с этими двумя периодами развития человеческих знаний возникла и формировалась формальная и диалектическая логика. И не случайно, что творцом формальной логики стал Аристотель, а творцом диалектической логики Гегель. Следовательно, существование диалектической логики исторически оправдано, поскольку она является результатом закономерного развития человеческих знаний.

Не следует ли из сказанного, что с наступлением второго периода развития научной мысли формальная логика теряет свое значение? Нет сомнения, что с переходом к изучению процессов изменения накопленных фактов, их координация, описание и выявление законов относительного покоя, не перестали быть необходимыми. Поэтому, существование как формальной, так и диалектической логики вытекает из общего процесса развития научной мысли.

2. А что такое диалектическая, вернее марксистская логика? Отвечая на этот вопрос часто отождествляют ее с диалектическим материализмом. Конечно, отрывать их друг от друга ошибочно, поскольку марксизм—цельное мировоззрение и его отдельные части являются применениями одних и тех же общих принципов к конкретным областям научной мысли. Но на этом основании нельзя говорить, что марксистская логика—это тот же самый диалектический материализм. Дело в том, что марксистская логика—**это наука о формах и законах развития познания, а диалектический материализм—**

наука об общих законах движения природы, общества и мышления. Следовательно, это разные науки с разными объектами изучения, хотя и обладающие общими методологическими принципами. Обе они науки о развитии. Но в то время как логика исследует исторический путь формирования категорий и законов познания, диалектический материализм занят изучением общих форм движения природы, общества и мышления.

В то же время нет основания опасаться, что благодаря этому диалектический материализм превращается в натурфилософию поскольку объектом познания для него является не только природа, но и общество и мышление. Однако, занимаясь изучением всеобщих форм движения природы, он, одновременно выступает как марксистская философия природы. И совершенно необоснованна точка зрения, что на данном этапе развития естествознания философия уже превратилась в науку наук, что она больше не в состоянии выдвигать новых идей, способствующих прогрессу научной мысли. Конечно, выполнять роль физики или биологии, и «проникать в тайны строения вещества», «в эволюцию живых организмов» и т. д. она не может, в этом собственно и нет необходимости. Но она способна открывать новые закономерности объективной действительности, пользуясь данными частных наук. Разве положение Ленина о том, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом», не было результатом подобного обобщения и одним из руководящих принципов в деле развития современного естествознания? Предполагать, что выдвижение подобных положений в дальнейшем невозможно, ошибочно, ибо познание бесконечно. Эти факты говорят, во первых, о том, что философия не исчерпала и не может исчерпать себя, и, во-вторых, о том, что нельзя отождествлять предмет философии с предметом логики.

3. Диалектический материализм не философия в старом смысле, «а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»[1]. Как философское мировоззрение диалектический материализм шире логики, последняя входит

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 142.

в первое как его составная часть. Но как составная часть диалектического материализма логика преобретает известный характер мировоззрения, ее основные принципы тоже имеют руководящее значение для познания мира.

Как часть марксистской философии логика—это гносеология марксизма, а диалектический материализм — это не только гносеология, но и онтология марксизма. Логика—это итог, вывод истории познания, а диалектический материализм— это методология познания. Логика—это «алгебра мышления» (Энгельс), она занимается изучением различных методов, используемых в познании, показывает «развитие мышления в его необходимости» (Ленин); а диалектический материализм дает только общие принципы решения этих вопросов, самое решение оставляя логике. Логика—это наука о противоречивом развитии познания, наука о возникновении, развитии и разрешении противоречий в самом познании, а диалектический материализм—это наука об общих закономерностях противоречивого процесса материи и ее основных форм существования.

4. Объектами логики являются: формы, категории, правила и законы как чувственного так и логического познания вещи. Она исследует мышление под углом его объективности, его соответствия предметному содержанию, поэтому не может пройти мимо чувственного познания. Как наука о противоречиво развивающемся познании она руководствуется положением о единстве **непосредственного** (чувственного) и **опосредованного** (рационального) познания, **объектами ее исследования являются акты как непосредственного, так и опосредованного познания в их единстве.** Но в этом единстве генетически первенство принадлежит непосредственному познанию, поэтому изложение марксистской логики начинается с анализа чувственного познания. Конечно, среди этих категорий есть такие, как, например, целое, часть, структура, элемент и другие, которые стали предметами особого исследования только в последнее время, но из этого не следует, что наука не знала об их существовании раньше. Является фактом, что еще Анаксимандр различал целое, в качестве апейрона, от части, считая, что первое не изменяется, а вторая изменчива, переходя одна в другую. Эмпедокл ставил вопрос о структуре

и ее элементах, говоря о «четырех корнях» вещей. Демокрит обращал внимание на категорию «граница», объявляя атом пределом делимости материи и т. д. Таким образом, то, что одни категории становятся предметом разностороннего изучения в одно время, а другие в другое не может быть связано с началом их возникновения и потому нельзя строить систему категорий исходя из этого. Кроме того, логическая последовательность является воспроизведением исторической только в очищенной от случайностей форме.

Учитывая вышеуказанные соображения, мы можем строить систему категорий диалектической логики, разделяя их на категории объективной и субъективной логики.

5. Создавая свою объективную логику, Гегель делил ее на учения о бытии и сущности. Он писал: поскольку объективная и субъективная логики различны, то из этого различия «получается область **опосредования»,** объективная и субъективная логики относятся друг к другу через третий элемент или член единства, представляющий «**учение о сущности»,** помещающееся между учениями о бытии и понятии»[1]. Таким образом, учение о сущности выделяется Гегелем как самостоятельный отдел логики для того, чтобы иметь опосредствующее звено между учениями о бытии и понятии. Он не отрицает, что учение о сущности относится к объективной логике, но как идеалист считает, что нельзя верить в истинность непосредственного бытия, данного через ощущение, поэтому необходимо идти дальше и дойти до сущности бытия путем размышления или рефлексии. Иначе говоря, переход от бытия к сущности является для Гегеля актом освобождения от эмпирического ради одностороннего возвышения логического.

Как известно, Маркс, Энгельс и Ленин относились отрицательно к абсолютизации триады и односторонней логизации процесса познания, лежащих в основе «Логики» Гегеля. Поэтому нет основания говорить, что членение «Капитала» Маркса тождественно членению «Логики» Гегеля»[2] или же уверять, что первый отдел первого тома «Капитала» Маркса совпадает с «бытием» «Логики» Гегеля, второй и последующие

---

[1] *Гегель,* Наука логики, ч. 1, кн. 1, стр. 15.

[2] См. «Диалектика и логика научного познания» 1966, стр. 87.

отделы с «сущностью», а третий том с «понятием»[1]. В действительности не только общий ход изложения вопросов, но и принцип построения «Капитала» не совпадает с «Логикой» Гегеля. Руководящий принцип создания «Логики»—это тот же самый принцип, который Гегель применял в «Феноменологии духа». В «Феноменологии» движение сознания начинается в чувственной достоверности, с непосредственного сознания, которое еще сращено с внешним миром и завершается абсолютным знанием, в котором мир представлен как царство разума. «Логика» также начинается с эмпирии, но только с логической эмпирии. Бытие и его атрибуты суть формы логической эмпирии. «Сущность» является преодолением этой первоначальной эмпирии. Но все таки она есть сущность бытия, поэтому должна быть преодолена понятием для того, чтобы при познании, как говорит Гегель, мы окончательно оставили в покое слух и зрение. В «Капитале» же Маркс начинает свое исследование, представляя буржуазное общество как идеальное, т. е. такое, в котором нет других классов, кроме рабочих и капиталистов. Об этом Маркс пишет: «В первой книге были исследованы те явления, которые представляют капиталистический **процесс производства,** взятый, сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется **процессом обращения,** который составил предмет исследования второй книги. Так именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредования общественного процесса воспроизводства, оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из **процесса движения капитала, рассматриваемо-**

---

[1] См. «Диалектика и логика научного познания», стр. 88.

[2] *Гегель,* Соч., т. I, стр. 265.

го как целое»[1]. Как можно после этого утверждать, что принцип построения «Капитала» Маркса тождественен с принципом построения «Логики» Гегеля?. Что касается конкретного содержания тех или иных отделов «Капитала», то фактическое положение вещей следующее: в первом отделе первого тома речь идет не только о «бытии», но и о «сущности» (товарный фетишизм и его тайна); во втором и последующих отделах этого тома говорится не только о «сущности», но и о качестве (всеобщая формула капитала), о количестве (процесс увеличения стоимости), о мере (норме прибавочной стоимости) и т. д.

6. С точки зрения марксизма вполне правильно деление логики на объективную и субъективную, объединение учения о бытии и сущности в объективную логику, ибо как в первом, так и во втором случае речь идет о формах и законах отражения объективного мира. Систему категорий, как объективной, так и субъективной логики следует строить, руководствуясь принципами как исторической, так и логической последовательности. Осуществление первого принципа даст нам возможность показать исторический путь развития познания, т. е. осуществить то, о чем говорил Ленин. А осуществление второго принципа поможет нам соответствующим образом учесть современные достижения наук. Конечно, логическая последовательность—это отражение исторической последовательности, но очищенное от случайности. Последнее обстоятельство создает условия для внесения нужных поправок в традиционную хронологию возникновения отдельных категорий, с целью более глубокого изложения их. Такая попытка была сделана нами в книге «Марксистская логика как диалектика и теория познания», вышедшей в свет в 1963 году. Дальнейшая работа в этой области привела нас к заключению, что следует внести существенные изменения в порядок и последовательность как основных разделов логики, так и многих ее категорий. В предлагаемой вниманию читателей книге эти изменения внесены, однако изложение некоторых вопросов оставлено в основном в прежнем виде.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 25, ч. I, стр. 29.

КНИГА ПЕРВАЯ

ОБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА

ГЛАВА I

ВЕЩЬ

А. ОЩУЩЕНИЕ ВЕЩИ

1. НАЧАЛО ПОЗНАНИЯ ВЕЩИ

Познание начинается с ощущения. Логика, как наука о путях, формах и законах познания мира, также начинается с него. Мнение, что логика есть наука о так называемом чистом мышлении, неверно, ибо этим определением за логикой отрицается всякое содержание. Кант, крупный представитель этой науки, в свое время утверждал, что логика есть формальное условие истинного познания, а не сама истина в ее очищенной и опосредованной форме. Основанием для такого утверждения, по мнению Канта, является то, что содержание, якобы, всегда находится вне логических форм. Но еще Гегель доказал, что нет формы без содержания и наоборот. А первым средством приобретения содержания является ощущение.

В ощущениях дана вещь, существующая вне и независимо от нас. Наше знание есть знание вещей и явлений объективного мира. Знание вообще есть качественно своеобразное отношение субъекта к объекту, оно есть социальное явление, ибо характерная особенность субъекта—его социальная природа. На первой ступени своего развития знание имеет форму чувственной достоверности. Органы чувств отражают предмет так, как он есть в своей непосредственности. В этом отражении предмет дан в своем бесконечно-чувственном богатстве. Само по себе это отражение есть истинное познание, познание предмета в своей натуральной законченности, ибо, во-

первых, оно дает картину реального предмета, во-вторых, оно есть овладение предметом, так как чувственная достоверность обладает некоторой своеобразной активностью или интересом.

Чувственная достоверность есть единство биологического акта ощущения и социального содержания, переход биологического в социальное: в своем биологическом начале она непосредственна; но с актом сознания ее биологическое начало опосредуется социальным содержанием; в результате этого она имеет новый характер. Чувство или ощущение вообще — это, «во-первых, начальный момент сейсомоторной реакции» и «во-вторых, это—результат сознательной деятельности, дифференциации, выделения отдельных чувственных качеств внутри восприятия»[1]. Наличие момента сознания в акте ощущения или чувственного познания человека, является для него необходимым, даже неизбежным элементом. Объясняется это тем, что как социальное существо человек относится к природе активно, с известным намерением: изменяя ее, он осуществляет свою цель. Поэтому любая форма отношения человека к природе в той или иной мере является действием сознательным или же происходит с участием сознания. Это относится и к чувственной достоверности как акта познания. А наличие момента сознания превращает чувственную достоверность в отражение объективного мира, но только в форме отдельного чувственного качества, недифференцированного впечатления от окружающих вещей.

Таким образом, чувственная достоверность внутри себя богата. Но в то же время она поверхностна и бедна; чувственная достоверность не является углублением в предмет познания. В ней предмет дан не в отношениях с другими, а в своей единичности, в своей натуральной непосредственности. Она удостоверяется только в одном: что предмет есть и он реален. Но это удостоверение является непосредственным однократным отношением, оно не является формой проявления сложной абстракции или мышления, а есть простое единичное констатирование наличия предмета. Однако эта бедность не есть бедность предмета—материи. Материя внутри себя многогранна, ее истина есть бесконечный процесс изменения и диа-

---

[1] *С. Л. Рубинштейн,* Основы общей психологии, 1946, стр. 185.

лектических переходов форм. В чувственной достоверности дана только одна из этих форм; она есть познание, лишь внешнего проявления объекта.

Не следует ли из сказанного, что у чувственного познания по существу нет объекта отражения? Нет, не следует, ибо любое чувство в конце концов имеет свой источник во внешнем мире. Поэтому без последнего, как и без высокоорганизованной материи—человека, нет познания. А материя существует и без познания. Она становится объектом познания лишь в процессе отношения субъекта к ней; вне этого отношения она есть просто **реальность,** и это—ее абсолютное бытие. Чувственное познание есть отражение одной из форм проявления этого бытия.

С точки зрения процесса познания, важен не только объект, но и субъект. То обстоятельство, что объект—фактор, обуславливающий, не отрицает роли и значения субъекта, а лишь объясняет, показывает путь решения проблемы их взаимоотношений. Суть этих взаимоотношений—единство объекта и субъекта на базе или основе объекта. Объект есть предмет внешнего мира. В чувственной достоверности он схвачен со стороны качества.

2. КАЧЕСТВО И ЕГО ПОЗНАНИЕ

Качество есть реальность, которая существует вне и независимо от субъекта, особая определенность наличного предмета, то, что дано в непосредственных чувствах и через которое данный предмет является нам в отличие от другого.

Отличие или различие вещи есть потенциальное отрицание своего другого. Один предмет отличен от другого тем, что он противостоит ему, как его другое, и исключает его из себя, утверждает свое особое бытие. Поэтому качество есть, с одной стороны, отрицание, а, с другой,—утверждение некоторого бытия, оно есть единство этих двух моментов в конкретных формах материи, в вещах или предметах внешнего мира. Например, стол, как качественно определенный предмет, противостоит, скажем стулу. Но это его отрицательное отношение к нему есть утверждение самого себя, обоснование

того, что он есть стол, а не что-нибудь другое. Качество проявляется только в этих отношениях и через них.

Качество вообще есть такое свойство предмета, такая его особенность, благодаря которой он сохраняется и не переходит в другой. Переход качества есть переход самого предмета. Но в переходах предмет не становится чем-то бескачественным, а освобождается от своей первоначальной конкретной формы, приобретая новую форму. Переработка, например, хлопка есть изменение его качества, превращение его в пряжу, а потом в ткань. Пряжа или ткань суть качественно новые формы вещества, отличные от хлопка. Конечно, они— результат движения хлопка, но в этом движении новые качества—приобретенные результаты, поэтому они противостоят хлопку, как качественно другие предметы, как другие качества. Это значит, что есть не вообще качество, а конкретные формы его. Качество по своей природе таково, что оно конкретно-единично, и абстрагирование от этой своеобразности есть абстрагирование от самого качества.

Локк полагал, что реальное качество, это «объем, форма, число, расположение и движение или покой их плотных частиц»[1]. Это — выдвижение на первый план пространственно-геометрических свойств вещей, связанных с протяженностью, иначе говоря, это попытка свести качество к количественным характеристикам в пространстве и времени. Руководствуясь упомянутым принципом, механисты-материалисты пришли к отрицанию объективности качества. А между тем, современная наука исходит из того, что качество вещей настолько реально, что его изменение (учитывая требования человека) суть важнейшая задача нашей эпохи.

Мы отметили, что качество—это особая определенность реально существующих предметов. Но реально существуют не только предметы природы, но и явления общества, огромное скопление духовной культуры, поэтому качественно-конечны не только кислород и углерод, но и системы мысли и вообще всякое духовное творчество. Все формы этого творчества суть качественно-конечные формы, поэтому качество свойственно всему тому, что реально. Все, что есть, имеет свое качест-

---

[1] *Д. Локк,* Избранные философские произведения, 1960, т. I, стр. 160.

во. Начинающее познание начинается с восприятия качеств предметов в форме чувственных достоверностей. Вступая в отношения с внешним миром, мы воспринимаем вещи, и они в наших органах чувств беспрерывно сменяют друг друга. В каждый момент в любом новом мире мы можем найти новый предмет, иметь новую чувственную достоверность, вследствие чего ни одна из них не является постоянной. Это последнее обстоятельство дало некоторым мыслителям формальное основание для сомнений: существует ли вообще предмет внешнего мира как реальность? Однако, изменчивость—не основание для отрицания реальности предмета и его качества, наоборот, она является формой утверждения этой реальности.

Нечто реально, поскольку оно существует. А существовать означает иметь определенное бытие и находиться в известных отношениях с другими вещами или явлениями мира. Говоря, например, о существовании нашей земли, мы имеем в виду, что она есть определенная планета с определенным устройством, содержанием и т. д., которыми она отличается от других планет. Без подобного отношения нельзя установить качества предмета.

Каждая определенная вещь существует не только для других, находится с ними во взаимосвязи, но и существует для себя, имеет свое определенное существование, что делает его качественно отличным от других. Поэтому Гегель говорит, что «определенность, изолированная так для себя, как сущая определенность, есть качество»[1]. Не всякая определенность есть качество. Количество тоже—определенность вещи, но только внешняя. В отличие от количества, качество—это ее определенность, тождественная с ее бытием. Однако из сказанного не следует, что качество указывает только на различие; оно отражает и сходство, тождественность всех представителей данного вида. Следовательно, качество внутри себя противоречиво, оно с одной стороны, связывает все индивиды данного вида, а с другой—отделяет этот вид от других. Задача познания состоит в том, чтобы найти сходное в различных вещах и различие в сходных предметах.

---

1 *Гегель*, Наука логики, ч. I, 1929, стр. 59.

3. МНОЖЕСТВО КАЧЕСТВ И ИХ РАЗЛИЧЕНИЕ

Качество—это фиксируемая созерцанием определенность вещи. А вещей—бесконечное множество. Дерево, железо, вода, воздух, атом, нейтрон, протон, звезда, Галактика, человек и т. д. суть вещи со своими многочисленными качествами. Множество вещей есть основание существования множеств качеств. Имея в виду это обстоятельство, Локк поставил себе задачей классификацию качеств. Согласно последней, все существующие качества делятся на **первичные** и **вторичные.** Первичны суть те качества, «которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии...» Вторичны «такие качества... которые на деле не находятся в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения своими первичными качествами...»[1]. В то время как первичные качества объективны, вторичные, наоборот, субъективны. Так были истолкованы мысли Локка. И это правильно. Но есть философы, которые говорят, что у Локка якобы речь идет не о субъективном характере вторичных качеств, а только об их опосредствованных отношениях к вещам. Но это неверно, ибо Локк сводит вторичные качества к ощущениям, тем самым отрицая их объективную реальность. Он пишет, что «вторичные качества»—«суть вызывающие в нас различные ощущения силы и зависят от указанных мною первичных качеств»[2]. Конечно, признание зависимости первых от вторых ведет к материализму. Но Локк эту зависимость понимает лишь как указание на источник ощущения, недвусмысленно заявляя, что «вторичные качества» нереальны и люди только «по ошибке» приписывают им реальность». Локк полагает, что реальны только те качества, которые «находятся в самих предметах»[2]. На самом деле реально любое качество, поскольку его основы, в конечном счете, находятся вне субъекта. Цвет, вкус, звук и т. д.—«вторичные качества», связаны с определенной формой воздействия вещи на человека. Если нет вещи и ее воздействия, нет и соответствующего качества.

---

[1] *Д. Локк,* Избранные философские произведения, т. I, стр. 155.

[2] Там же, стр. 157.

Вообще деление качеств на первичные и вторичные ошибочно, ибо нет основания говорить, что для определения содержания, скажем, сахара, форма имеет больше значения, чем сладость. Но в то же время форма и сладость находятся в разных отношениях с сахаром. Первая—это закон его строения, а вторая—это результат его способности вызывать у человека такое ощущение. Поэтому качества можно различать по форме их связи с предметом. Таких форм бесконечно много, для их различия необходимо брать их в отдельности, ибо каждое качество есть конкретная определенность. Для познания любого качества необходимо, во-первых, выделение, обособление его от остальных, во-вторых, установление связи между отдельными качествами путем сравнения и сопоставления друг с другом. Эти два действия едины. И это единство дает нам возможность избегать крайностей при определении характера и предела существования каждого качества, т. е. точно устанавливать их границы.

4. ГРАНИЦА И ЕЕ РОЛЬ В ОБОСОБЛЕНИИ И ПОЗНАНИИ ВЕЩЕЙ

Граница—это то, что отделяет один предмет от другого. Средствами такого отделения являются: качество, пространство и время. Поэтому границы бывают качественные, пространственные и временные. Качество конечно, ибо оно есть отграничение одного предмета от другого. Всякая реальность имеет свою особенность и выделяется от другой. Это выделение, обособление себя от другого—есть собственное отграничение, установление собственной границы, дальше которой она идти не может, не отрицая самое себя. Вода, например, является жидкостью в пределах от нуля до 100° тепла. Нарушение этих границ превращает воду либо в твердое тело, в лед, либо—в пар. Следовательно, граница—это предел изменения данного качества, переход которого влечет прекращение первого качества и возникновение взамен его нового качества или новой вещи с новым качеством.

Нечто имеет границу только в отношении к другому, потому что только в отношениях можно отличать его от другого. В нашем примере вода есть жидкость в отношении ко льду, который как твердый предмет является ее отрицанием.

Поэтому можно сказать, что установление границы определенного предмета одновременно является установлением границы другого предмета, к которому он относится. Таким образом, любая вещь, имея свою границу в другой, сама является границей для нее, и в этом двойном отрицании сохраняет свое качество.

Качество необходимым образом указывает на наличие границы, в пределах которой оно сохраняется как таковое, а граница предполагает определенное нечто, для которого она служит как средство конкретизации содержания. Следовательно, качество и граница, неотделимы. Без качественной определенности нет границы, как и без установления границы невозможно говорить о качественно определенной вещи. Это значит, что граница есть средство обособления и познания вещей. Нечто имеет границу, потому что есть и неограниченное, и наоборот. Например, органическая материя имеет свою границу, потому что она является конкретной формой существования материи как субстанции. В целом же материя безгранична, так как все свои определения она имеет в себе самой. На первый взгляд кажется, что отношение между границей и неограниченным только отрицательно. Но это не так. Граница—это не только отрицание неограниченного, но и его утверждение. Дело в том, что она не только обособлена от своей противоположности, но и переходит в нее, утверждая, тем самым, ее существование. Без границы нет неограниченного, как и наоборот, отношение между ними имеет характер диалектического взаимоперехода. Из сказанного следует, что нет абсолютных границ, они всегда историчны и конкретны. Односторонне отделяя безграничное от ограниченного, мы делаем первое ограниченным. Между тем только в процессе диалектического взаимоперехода сохраняются они, чем одновременно и подтверждается, что нет безграничного, которое сначала безгранично, а потом уже становится ограниченным или наоборот. Каждое из них само для себя насколько ограниченно, настолько и безгранично. Только благодаря этому и становится возможным прогресс. Конкретно—единичная вещь со своей границей отрицается, а безграничная материя осуществляется в качественно новых вещах и явлениях.

5. КОНКРЕТНО-ЕДИНИЧНАЯ ВЕЩЬ

Что такое вещь? Вещь есть стол, ручка, карандаш и т. д. Но как стол она находится **здесь,** причем именно **теперь.** Когда я поворачиваюсь спиной к нему, это уже не стол, а диван. Предмет, как стол, исчезает из поля моего зрения. Но сам предмет сохраняется в форме дивана. И так без конца я могу повторять свои опыты, но результат будет один и тот же. Предмет, как таковой, пребывает во всех его конкретных формах, он образует бесконечное пребывание. Но эта бесконечность есть бесконечность упомянутых форм стола, стула, дивана, дерева, дома. Вне стола, стула и т. д. нет предмета, точно так же, как сам предмет может существовать не иначе как в этих конкретных формах. Но чувственная достоверность еще не в силе раскрыть эту сложную природу вещей, поскольку она схватывает единичность, в процессе которой просвечивается диалектика самой чувственной достоверности, диалектика того, как чувство стола переходит в чувство дивана, ручки—в карандаша, одним словом, как чувственно-достоверным становится другой предмет.

Начиная свое познание, мы имеем единичный предмет в определенном времени и пространстве. Формы, в которых существует **этот** предмет, являются, подобно ему, однократными: время есть **теперь,** а пространство есть **здесь.** Но в результате повторения опыта оказывается, что существует не один, а множество предметов. Все эти предметы не могут существовать **одновременно** и на **одном** и **том** же месте. Если стол сделан из дерева, то дерево должно существовать **раньше** стола. Если стол стоит в данном углу, то диван может стоять только в **другом** месте. Таким образом, оказывается, что **теперь** имеет значение только для данного предмета, как и **здесь. Теперь** для дерева может быть весной, когда оно цветет, может быть осенью, когда его срубят и сделают стол, но никогда зафиксированное для дерева **теперь** не может быть тем же самым для стола, ибо во всем дерево предшествовало столу.

Кроме того, весна или осень состоят из месяцев, месяцы из дней и т. д., т. е. даже один и тот же предмет существует не в одном и том же **теперь,** а в бесконечно многих **теперь,** которые сменяют друг друга, составляя целый непрерывный про-

цесс прерывных **теперь,** как форму существования самого предмета. То же самое следует сказать о пространстве.

Здесь дерево, там стол и т. д. **Здесь** переходит в **там, там** переходит в **здесь,** и этот вечный переход есть непрерывное движение материи в пространстве, бесконечная смена мест. Движение познания субъекта есть отражение этого движения. Я познает **теперь** как день. Это **однократное** отношение субъекта к объекту. Но одно **теперь,** как мы видели, переходит в другое, день становится ночью. Вследствие этого объективного процесса я не может познать **теперь** всегда, как день, оно познает его и как ночь и т. д. Однократное отношение переходит в многократное, единичный акт познания становится повторяющимся всеобщим, но не механической суммой единичных, а вполне определенным процессом познания.

Чувственная достоверность, как форма отношения субъекта к объекту, является двухсторонним отношением. Только при наличии предмета чувства нет чувственной достоверности. Горы и долины, камни и железо существовали всегда, но стали чувственно-достоверными предметами только тогда, когда человек вступил в определенные отношения с ними. Но чувственная достоверность не может быть и чисто субъективной, так как всякий познавательный акт есть форма отражения объективного мира, если только в корне он не искажен. Поэтому истина чувственной достоверности в единстве объективных и субъективных моментов, в определенной форме отношения субъекта к предметному миру. Но это единство далеко еще не истинно конкретное единство, ибо оно не является единством многообразий, не содержит в себе множества определений. Из объекта, вернее объективного процесса мы имеем лишь его однократное внешнее проявление, а всякое другое исключено.

Отношение субъекта к предикату является его описанием, единичным актом непосредственного чувства. Поэтому чувственная достоверность по сути дела очень абстрактна и не дифференцирована. Первобытное мышление, которое в основном имело еще чувственно-достоверный характер, было именно таким. Дифференцированное познание стало результатом длительного исторического развития, когда сознание

человека постепенно освободилось от мистификации явлений природы и получило возможность представить предметы внешнего мира как непосредственные, индивидуальные, изолированные от других единичных предметов объекты познания.

Индивидуализм в своей первоначальной форме лишал первобытного человека способности улавливать самую очевидную последовательность явлений, например, я—Луо не ассоциирует дневного света с сиянием солнца, он рассматривает их, как две совершенно самостоятельные вещи и спрашивает: что же делается с дневным светом ночью (как сообщает об этом Леви Брюль). Свет и солнце даются человеку в отдельных чувственно единичных актах. Днем я вижу свет, но вижу и солнце, в моих чувствах дана их разность, каждая из них есть самостоятельная чувственная достоверность для меня. Вещи существуют как отдельные самостоятельные вещи. Солнце—это особое небесное тело, и оно не является светом. Будучи светом, оно не было бы солнцем, ибо его сущность в том, что оно отличается от света и тем самым утверждает себя как солнце. То же самое можно сказать о свете. Если б он был тождественным с солнцем, тогда бы мы имели не две, а одну вещь, которая могла быть или светом или солнцем. Но вместо этого или-или мы имеем и-и, и свет и солнце. Таким образом, есть не одно **это**; их много, ибо мир есть мир бесконечных вещей.

Каждую вещь можно выразить через **это,** или, вернее, каждое **это** обязательно указывает на какой-нибудь предмет. Если нет предмета, то нет и местоимения **это.** В языке оно—слово, которое ничего другого не означает, кроме предметов внешнего мира: света, солнца и т. д.

6. ОБЩНОСТЬ, ЕЕ ХАРАКТЕР И РЕАЛЬНОСТЬ

Слово всеобще, поскольку для него безразлично, к какому конкретному предмету оно относится, важно только, чтобы этот предмет принадлежал к тому виду или роду, к которому относится это слово. Например, слово **дом** равнодушно относится ко всем домам. Построен ли этот дом из дерева или

из базальта, принадлежит он к готическому стилю или к древнеармянскому, он остается по-прежнему домом. Эта общность предметов объективного мира отражается в словах или, вернее, в понятиях, она определяет их характер, придавая им как форму, так и содержание.

Это как указательное местоимение, как грамматическая категория есть указание на предмет внешнего мира, есть отражение реальности объектов познания. Когда говорят: это, всегда подразумевают какое-нибудь событие или предмет, о чем уже шла речь, что уже известно или же становится таковым при указании на него.

Таким образом, чувственное познание не сомневается в реальности единичных предметов, о которых оно судит на основе доступных ему фактов. Указательное местоимение **это** относится к определенному предмету, и прав Фейербах, говоря, что точка зрения спекулятивной философии, согласно которой чувственной достоверностью является всеобщее, ведет к общности имущества, так как она дает право сказать всем: это мой (указывая на любой предмет). Но каждый здравомыслящий человек знает, что такая постановка вопроса не имеет ничего общего с действительностью. Чувственно достоверно для меня то, что я вижу или же ощущаю, одним словом, все то, что имеет объективное бытие. Слово приобретает определенный смысл, когда оно отражает известное содержание. Поэтому можно сказать, что **это** только как стол, дерево или дом является чувственно достоверным. Истинность этой достоверности подтверждается опытом. Опыт есть некоторое отношение субъекта к объекту, который существует независимо от субъекта. Как двухсторонняя форма отношения опыт имеет всеобщий характер, его цель—утверждение того, что «это есть стол», является результатом неоднократных отношений субъекта к предметному миру.

Всякое отношение, взятое отдельно, имеет свое начало; оно начинается с чего-нибудь и идет к своей индивидуальной цели. Наше утверждение «это есть стол» является **таким** отношением, оно внутри себя, по отношению к себе самому есть целый процесс, истинность которого подтверждается именно тем, что оно повторяется, воспроизводя самого себя, повторяет тот же самый опыт, иначе говоря, подтверждает истинность

чувственной достоверности. Повторяемость—внутренняя форма, в которой проявляется существование предмета или явления. Поскольку чувственная достоверность есть, она непрерывно повторяется, воспроизводит свое существование и тем самым подтверждает свою истинность.

Утверждение: **здесь** есть стол—истина. Но истина также и другое утверждение: что **здесь** не стол, а диван, ибо я повернулся спиной к столу. Второе утверждение не уничтожает первого, не отрицает, не отбрасывает его, а является переходом от него к другому. Переход есть утверждение реальности как переходящего, так и переходимого. Говоря: **здесь** не стол, а диван, я тем самым признаю, что стол, по отношению к которому другое есть диван, уже дан, наличен. То, что происходит, есть изменение форм истины чувственной достоверности. Сначала она была столом, а потом уже диваном. Не будь ни стола, ни дивана, не было бы и этих форм истин, а следовательно, нельзя было бы говорить о переходе.

Когда люди из «самой низшей школы мудрости посвящались в тайны вкушения хлеба и питания вина», они убеждались в бытии чувственных вещей, в том, что есть хлеб и вино, которые могут утолить голод и жажду человека. Если бы они сомневались в бытии чувственных вещей, то вовсе не могли бы «посвящаться в тайны их вкушения». Нельзя есть или пить то, чего нет. Поэтому можно сказать, что проходящие эту «самую низшую школу мудрости» люди были мудрее современных «мудрецов», ибо они вовсе не сомневались в бытии хлеба и вина и знали, что имеют дело с реальным продуктом питания, которым можно наполнить себе желудок. Люди или животные, пожирая «чувственные вещи», меняют только их форму, ничуть не отрицая их реальности. Утверждая обратное, Гегель совершил двойную ошибку.

Во-первых, субстанциональное бытие вещей он отождествил с их конкретными формами существования, с тем, что бытие—реальность проявляется в форме стола, стула, дерева или дома.

Во-вторых, из перехода форм или же из них непостоянства он вывел их нереальность. Но мы уже показали, что изменчивость форм не только не отрицает, но и, наоборот, целиком опирается на их реальность. А реальность сверхчувственной

быть не может. То, что так или иначе не действует на наши органы чувств или вообще не может **действовать** на них, не существует, не является реальным предметом. Моя мысль о предмете может быть только его отражением и между ними нет противоположности, они не противостоят друг другу как абсолютно раздельные явления. Как отражение, мои мысли вполне совпадают со своим предметом, с тем, о чем я **вначале** узнал и что мог узнать только как чувственное **это.** Но чувственное **это,** как мы уже видели, бесконечно, оно есть стол, стул, дом, дерево и т. д. Эта бесконечность есть бесконечность форм субстанционального бытия, форм реальности. Формы сменяются, а материя остается. Чувственное познание всегда имеет дело с чувственно единичными предметами. Но каждый из этих предметов является единством многообразий, познание которого начинается с его восприятия.

Б. ВОСПРИЯТИЕ ВЕЩИ

7. ОСОБЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ВЕЩИ И ЕГО ПРОЦЕСС

Как отношение воспринимающего к воспринимаемому, восприятие есть выход из пределов простой непосредственности. Оно есть, во-первых, чувственный образ объекта познания и, во-вторых осознание противостоящего субъекту предмета. Для восприятия осознание является существенным, благодаря чему оно познает чувственное качество как свойство определенного предмета, придавая последнему относительно устойчивый характер. В отличие от простой чувственной достоверности, восприятие включает в себя опыт прошлого и мышление воспринимающего.

Формы, возникающие в восприятии, обладают известной относительной независимостью от содержания. Поэтому оно является шагом вперед в познании мира вещей. Этот мир через мои ощущения вызывает во мне некоторую рефлексию,— я отражаю его. Отраженный мир уже не абстрактный предмет в первоначальном смысле, а единство многообразия. Восприятие есть отражение этого единства.

Таким образом, если на ступени ощущения объект и субъ-

ект познания были еще не дифференцированы, на ступени восприятия они уже значительно конкретизируются. Отражение, как довольно сложный процесс, вносит нечто новое в этот акт познания. Если в ощущениях вещь была чем-то **данным** и только, в восприятии **это данное** расматривается уже как один из моментов ее осуществления, ибо она как вещь является со многими свойствами. Момент случайности здесь уже выпадает, так как в определении: это есть бумага, охвачена совокупность свойств, делающих ее бумагой. Это значит, что в восприятии предмет с новой силой и в новых формах подтверждает свою реальность.

Реальность познается через свои свойства. Я воспринимаю ее через эти свойства, которые в действительности даны не раздельно, а в единстве; поэтому в моих восприятиях они не чередуются друг с другом во времени, я их воспринимаю сразу и они действуют на мои органы чувств одновременно, вызывая определенные раздражения, которые, передаваясь соответствующим органам, обобщаются, образуя представление или понятие, например, о сахаре. Однако восприятие начинается не с целого завершенного единства, а как с «единого», так и с «различного», как с анализа, так и с синтеза, образуя двуединый процесс, в котором анализ и синтез одинаково необходимы.

Восприятие имеет за собой чувственную достоверность, поднимаясь на ее плечи, оно снимает ее и сохраняет в снятом виде. В чувствах мы имели дело с однократным актом констатирования того или иного качества предмета, а в восприятиях мы имеем дело уже с многократностью, поскольку предмет восприятия есть единство многообразий. Чтобы получить одно и цельное представление или образ предмета, мы диалектически сочетаем его свойства, воспринимаемые нами. Но, воспринимая предмет в его свойствах, мы воспринимаем не всеобщность, а особенность, индивидуальность предмета. Однако этот индивидуальный предмет индивидуален по отношению к другим, а внутри себя он образует общность многообразностей, ибо обладает не одним, а многими свойствами, вследствие чего он есть процесс, т. е. целая непрерывность вообще. Каждый перерыв в этой непрерывности, т. е. каждое свойство само по себе тоже имеет некоторую самостоятель-

ность и, воспринимая их как таковые, мы схватываем единичное свойство, т. е. воспринимаем чувственное бытие.

Чувственное бытие, как мы видели, есть реальность, поэтому возврат восприятия к чувственному бытию есть форма подтверждения реальности предмета восприятия. То обстоятельство, что в своем движении восприятие есть восприятие как единичного, так и всеобщего, показывает не обманчивость восприятия, а сложность предмета восприятия. Предмет сам по себе и сложен и прост, и единичен и всеобщ, он—целый процесс противоречий. Как диалектическая совокупность своих свойств он противостоит другим предметам, но свойства, благодаря которым он приобретает определенность, сами по себе всеобщи.

Таким образом, один и тот же предмет есть, с одной стороны, определенность, перерыв непрерывности, с другой—процесс, вечное пребывание в себе, всеобщность. Восприятие, как отражение этой противоречивости, тоже противоречиво. Его противоречивость заключается в том, что оно открывает как единство так и общность предмета, как принадлежность всех свойств предмету, так и отличие различных свойств, например, белого цвета от черного, как его отрицания.

2. ВЕЩЬ И ЕЕ СВОЙСТВА

Свойство—присущий вещи признак или форма осуществления качества вещи, а качество—это бесконечное многообразие свойств рассматриваемой вещи. Вещь—это определенная система свойств. Например, сахар—твердое, хрупкое вещество белого цвета, сладкого вкуса, не имеющее запаха, хорошо растворимое в воде, тяжелее воды, буреющее при нагревании и т. д. **Этот** сахар есть и каждое из перечисленных свойств в отдельности и их совокупность. Но каждое из этих свойств в отдельности не есть сахар. Всякое белое или хрупкое вещество не обязательно должно быть сахаром. Мел белый, но не сладкий, графит хрупкий, но не белый и т. д. Поэтому ни одна из упомянутых вещей сахаром быть не может. Свойства вещи зависят от ее внутреннего состава, от организации ее элементов, от структуры, от качества. В свойствах

качество конкретизируется, ибо в каждом отдельном свойстве отражается какая-нибудь особенность качества.

Взятые в отдельности, как свойства вещества вообще, они равнодушны друг к другу, ни одно из них не вытекает необходимым образом из другого и не переходит в другой. Не всякое хрупкое вещество обязательно должно быть сладким и не всякое вещество обязательно является хрупким. Однако ни одно свойство вне вещи и ни одна вещь без свойства не существуют. Хрупкость всегда есть свойство сахара или же какой-нибудь другой вещи, и поэтому она неразрывно связана другими свойствами, единство которых составляет основную особенность данной вещи. Глубоко ошибочно видеть связь вещей или их свойств только в их взаимопереходе. Если одна вещь или одно свойство вещи в своем движении переходит в другое, это, конечно, есть лучшее проявление связи. Но нельзя на основе этого отрицать наличие связи также там, где совокупность всех этих как будто не связанных свойств составляет определенную вещь, в данном случае сахар. Связь тут проявляется в том, что нельзя ни одно из перечисленных свойств заменить другим, не изменяя вещь, т. е. сахар. Несладкого сахара нет так же, как нет сахара с запахом. Таким образом, хотя сладость не переходит в запах или в хрупкость, но разные сочетания этих свойств дают качественно разные вещи.

Вещь—не простая совокупность случайных свойств. Для вещи ее свойства строго необходимы, ибо сама вещь, в конечном счете, есть полное единство этих свойств. Отсутствие перечисленных свойств сахара есть отсутствие самого сахара. Из сказанного следуют два вывода:

I) Свойство любой вещи есть реальность. Вижу ли я, например, белый цвет или нет, получаю ли я определенное вкусовое ощущение или нет, они принадлежат сахару, который, разными путями действуя на меня, вызывает во мне представление или понятие о них. Конечно, сладость вообще или же белый цвет сами по себе не существуют. Но сама вещь, в данном случае сахар, есть такая организация и такое сочетание химических элементов материи, что в конкретном соотношении с ними они вызывают во мне ощущение или представление о белом цвете, сладком вкусе, изменение этих понятий у

меня является результатом изменения не моей субъективной души, а результатом изменения самого предмета. Холодное железо, например, имеет один цвет, а горячее, накаленное железо совсем другой не потому, что я настроен воспринимать первое так, а второе иначе, а потому, что теплота вызвала в железе определенное изменение, изменение расположения частиц атомов железа, а следовательно, и его свойства. Это так не только по отношению к цвету, но и по отношению ко всем свойствам материи. Поэтому абсолютно неверно деление свойств на первичные и вторичные качества в том смысле, что вторичные качества субъективны.

Субъективного свойства не существует, есть субъективное восприятие объективных свойств вещей. Вода вообще безвкусна, но для больного она бывает то сладкой, то горькой на вкус. Из этого следует, что свойство воды, в данном случае отсутствие вкуса, или же внешний вид предмета, который объективен, по-разному воспринимаются разными органами или же органами в разных состояниях. Отрицание объективности свойств ведет к отрицанию объективности вещей, и наоборот. Но это не значит, что свойство есть сама вещь.

2) Вещь проявляется в своих свойствах, поэтому отсутствие, вернее изменение какого-нибудь отдельного свойства, не есть отрицание самой вещи. Однако отсутствие вещи есть отсутствие всякого свойства. Например, окрашивание сахара в красный цвет не является отрицанием сахара как определенного питательного вещества, а есть отрицание белого сахара, однако отрицание сахара есть отрицание всех его свойств. Стало быть, отдельные свойства относятся к вещам как к своим источникам и носителям. Свойство вещи выражается в определенных отношениях: а) в отношениях вещей между собой и б) в отношениях с субъектами вообще. Без этих отношений о свойствах вещей ничего знать нельзя. Но не все свойства имеют одинаковое значение для вещи. Одни свойства составляют ее сущность, и с их уничтожением уничтожается и она сама; другие свойства являются лишь дополнением к целостности данной вещи, поэтому с отнятием их она не перестает существовать. Уничтожение, например, сладости является уничтожением сахара, а изменение цвета сахара не является его отрицанием.

Поскольку вещь есть совокупность своих свойств, эти свойства сохраняются до тех пор, пока существует сама вещь. Благодаря этому сохранению вещь—есть именно эта вещь и не противостоит своим свойствам, которые суть объективные реальности.

Свойств—бесконечно много, но все они указывают либо на качество, либо на количество вещи. Так, например, установление скорости света—количественная характеристика, а его определение как объективной реальности мы находим в обнаружении качества. Смешивать эти две стороны вещей или отрывать их друг от друга нельзя, ибо вещи суть единство своих свойств, каждое из которых имеет известное значение для всестороннего познания.

3. СООТНОШЕНИЕ КАЧЕСТВА И СВОЙСТВ ВЕЩИ

Вещь познается через качество и свойство. Свойство вообще—это форма обнаружения или форма осуществления качества через его отношение к другому предмету. Например, ядро атома имеет свойство выделять большую энергию. Но для выявления этого свойства необходимо расщепить ядро атома при помощи внешних сил.

Каждое свойство принадлежит определенной вещи. Цвет и твердость суть свойства макроскопических, а масса и заряд—микроскопических вещей. В отличие от свойства, качество относится не только к вещам, но и к самим свойствам и отношениям. Твердость, к примеру, как для железа, так и для калия является свойством, но при этом различным качеством. То же самое можно сказать об отношениях, скажем, между рабочим классом и трудовым крестьянством, с одной стороны, и буржуазией,—с другой. Эти социальные отношения—качественно противоположны. В природе качественно различны электромагнитные и гравитационные взаимодействия и т. п. Следовательно, качество более общее определение вещи, чем свойство. В этой общности проявляется абстрактность качества, в то время как свойство, будучи обнаружением качества, более конкретно. Свойство—это то, что переходяще в предмете, а качество—то, что сравнительно устойчиво в нем.

У Маркса качество, в известном смысле, совпадает с

предметом. Он пишет: «Как сюртук и холст—качественно различные потребительные стоимости, точно также качественно различны между собой и обуславливающие их бытие работы: портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары»[1]. Это значит, что вещи качественно различны и одновременно сходны уже в силу их существования. Тот факт, что есть сюртук, как результат портняжества, и холст, как результат ткачества, уже говорит об их качественном различии и в то же время о сходстве как формы существования потребительной стоимости.

Но различие вещей можно установить и при помощи категорий **особенного** и **единичного.** Собственно говоря, эти категории призваны решить именно эту задачу. Однако они суть формы обособления предметов и явлений объективного мира через их качество, а следовательно, и формы обособления качеств. Мы уже видели, что для установления различия между сюртуком и холстом Маркс указал на различие их качества. То же самое следует сказать о категории единичного. Единичное—это отдельное тело, скажем, Луна. Определение Луны начинается с установления ее качества, которым она отличается от других планет. Поэтому, нельзя противопоставлять категории единичного и особенного категории качества. Они не тождественны, но и не противоположны.

Приблизительно такое же отношение существует между качеством и свойством. Качественное своеобразие вещей определяется их свойством. Это значит, что свойство есть форма реализации качества. Но характер свойства зависит от качества. Например, характер противоречия, как свойства общества, зависит от качества взаимоотношения классов: антагонистичны ли они или неантагонистичны. А это последнее зависит от структуры общества. Структура буржуазного общества одна, а социалистического—совсем другая. Поэтому качества взаимоотношений классов этих обществ противоположны.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 50.

Но структура определяет и свойство вещи, твердость железа зависит от его химического состава, а периодичность в свойствах химических элементов объясняется периодичностью их структуры. Следовательно, структура имеет решающее значение для определения свойства, а свойство дает возможность выявить структуру вещи. Познание начинается с отражения свойства вещи и идет к структуре; когда же структура уже известна оно снова возвращается к свойствам, во-первых, для уточнения содержания уже известных и, во-вторых, для обнаружения новых свойств и установления их характера. То же самое следует сказать о соотношении свойства и качества. В чувствах дано свойство, например, красный цвет розы, и только вслед за этим, происходит синтезирование отраженных субъектом свойств, составляя представление о качестве предмета. Любая вещь обладает многими свойствами, во-первых, потому что она находится в бесконечных отношениях с другими вещами, во-вторых, благодаря сложной структуре.

4. СЛОЖНОСТЬ ВЕЩИ И ХАРАКТЕР СООТНОШЕНИЯ ЕЕ ЭЛЕМЕНТОВ

Каждая вещь состоит из многих элементов. Еще мыслители древнего мира постигли эту истину. Исходя из положения, что восприятие есть восприятие реальной вещи, они стали искать в ней и по-своему сумели обнаружить элементы, показали сложность вещи, ее неоднородность. Согласно учению Анаксагора, каждая вещь состоит из множества материальных частиц, сочетание которых образует качественно разные тела или вещи. Даже в каждой вещи Анаксагор видел качественно разные частицы. Эмпедокл старался свести их к некоторым общим элементам, и вместо анаксагоровских качественно бесконечно многих частиц во всех вещах видел различные сочетания воздуха, воды, огня, и земли, т. е. четырех элементов стихии. Это было наивным представлением качественной определенности количества. И все же оно не было лишено смысла, ибо современная химия уже не в форме загадки, а на основе научного анализа доказала, что вещь сложна и состоит из множества элементов, которые лежат в основе разнообразия и противоречивости вещей.

Но это разнообразие не есть простая совокупность разных образов или же «просто количественная связь свободных веществ», а совершенно новое качество. Водород и кислород, например, суть отдельные вещества или же химические элементы, но вода уже не является лишь количественной связью «свободных веществ».

Во-первых, каждый из элементов единства также является сложной системой. Расчленение атома и атомного ядра доказало, что мы имеем дело с целым миром разнообразия и множества. Простое ядро водорода состоит из нейтрона и протона. Но можно ли считать протон абсолютно простым веществом? Современная наука на этот вопрос дает отрицательный ответ. Следовательно, рассуждение об абсолютно «свободных вещах» ошибочно, так как его последовательное развитие приводит нас к признанию существования частицы материи, лишенной внутреннего движения и тем самым всякого качества. Ведь «всякое движение состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания» (Энгельс). Если согласиться с мыслью о том, что в природе есть абсолютное простое вещество, тогда придется признать, что есть частица материи, которая находится вне взаимодействия притяжения и отталкивания, т. е. вне движения. Но этого делать нельзя, ибо, как мы увидим дальше, движение является атрибутом материи. Однако, нельзя считать правильным одностороннее толкование и обратного утверждения. Дело в том, что отрицая наличие всякой границы делимости материи, мы лишаемся возможности **достаточного** обоснования наших высказываний о той или иной структуре, ибо тогда любой ее элемент окажется сложной системой, нуждающейся в дополнительном исследовании для нового уточнения ее определения. Учитывая это обстоятельство естествоиспытатели справедливо говорят, что «идея неограниченной делимости должна быть дополнена в известном смысле прямо противоположным принципом»[1], т. е. принципом неделимости элемента как **элемента** структуры. Конечно, это не значит, что следует оправдать теорию «свободного вещества». Нет. Смысл такой постановки вопроса состоит в том, чтобы отличать вещь, взятую вне структуры от

[1] «Структура и формы материи». Сборник. 1966, стр. 21.

вещи в самой структуре. В первом случае она сложная система элементов, а во втором является нам как неделимая единица или кирпич известной системы. Говоря об электроне, как об элементе, Луи де Бройль писал: «То, что характеризует электрон как атом энергии, это не мелкое место, занимаемое им в пространстве... а тот факт, что он неделим, что он не может быть разбит на части, что он представляет собой единство»[1]. С одной стороны электрон неделим, а с другой—он сложное вещество с корпускулярным и волновым свойствами. Неделимость не является отрицанием сложности электрона, он характерен тем, что диалектически сочетает в себе эти особенности.

Во-вторых, «просто количественная связь вещей» никогда не дает нового качества, новой вещи. Одно, сто или тысяча зерен—суть зерна, а не что-нибудь другое. Кроме того, количественная связь—это связь однородных веществ.

Любая вещь, будучи сочетанием разных химических элементов, есть не количественная, а качественная связь своих частей. Вода как сочетание H_2 и O есть химическая связь. А в химии каждое количественное прибавление имеет смысл лишь в своем переходе. Поэтому изменение **этой** вещи есть изменение ее свойств, ее превращение в другую вещь через отнятие или прибавление **определенного** количества элементов, ибо всякое изменение количества не является изменением этой вещи. **Определенное** количество есть качество. Когда мы у данной вещи отнимаем **это** или же прибавляем к ней именно **это** количество элементов, то мы уже выходим за пределы простого количественного изменения, ибо сущность **этой** вещи как раз в том, что она есть диалектическое сочетание **этого**, а не другого количества элементов. Сущность, например, воды состоит в том, что она является сочетанием H_2O. В этом сочетании химические элементы теряют свою самостоятельность и поэтому, утверждая, что вода есть также кислород, я сразу допускаю две ошибки: во-первых, я признаю самостоятельность кислорода в воде, что абсолютно неверно. Кислород в воде растворен с водородом и совместно с последним

---

[1] *Луи де Бройль,* Исследования по теории квантов. В кн. «Вариационные принципы механики», 1959, стр. 646.

образовал молекулу воды. Химический раствор не идентичен механическому раствору. Во-вторых, формула «вода есть также кислород»,—ошибочна еще потому, что она основана на допущении лишь внешней связи между элементами этой вещи, что, как мы видели, в корне неверно. Внешняя связь есть там, где нет появления нового качества на основе этого взаимоперехода. В нашем примере с водой кислород, растворяясь с водородом, вместе с ним переходит в новую вещь, в воду. Вода, как определенная вещь разложима, ее можно разлагать на составные части. Разложение есть в тоже время восстановление, например, восстановление кислорода и водорода при разложении воды. Из этого следует, что вещь есть двуединый процесс. Познание через восприятие постигает этот процесс, оно, как мы уже видели, обнаруживает как единичность, так и множественность, оно воспринимает ее всегда в определенном виде. Проникая в познание этого вида, мы доходим до познания структуры вещи.

5. СТРУКТУРА ВЕЩИ

Каждая вещь имеет свою структуру. Ведь по своей природе вещь сложна, она состоит из многих элементов. Единство этих элементов и способ их взаимосвязи и взаимодействия дает структуру вещи. Структура воды— единство водорода и кислорода, способ соединения этих химических элементов, закон их соединения в определенную систему. Элементы показали расчлененность вещи, а структура указывает на ее упорядоченность, на то, что элементы, находясь в известной форме связи между собой, образуют данную вещь со своим качеством. Качество—это единство элементов и структуры. Механическое скопление элементов не может образовать нового качества. Для этого необходимо их диалектическое сочетание. Форма этого сочетания дает нам определенную структуру.

Структура такая же всеобщая как и качество. Нет вещи без структуры, как и нет структуры, которая не была бы структурой какой-нибудь вещи. Следовательно, нет структуры вообще, она всегда исторически конкретна и бесконечно

многообразна. Есть развитая структура, скажем, структура живой материи. Есть и неразвитая, как например, структура неорганической материи. Эта градация структур, конечно, относительна, ибо абсолютно неразвитых и развитых структур не существует, поскольку развитие не имеет границы. Но из этого не следует, что структура неустойчива. Если изменение, развитие элементов, составляющих данную струкутуру, не задерживается в ее пределах, тогда она устойчива. Например, развитие производительных сил социалистического общества не имеет никаких непреодолимых внутренних границ, поэтому его структура устойчива. Но сказать то же самое о структуре буржуазного общества нельзя, поскольку периодические кризисы нарушают экономическую устойчивость этой системы.

Однако, устойчивость структуры не является отрицанием ее изменчивости. Устойчивость структуры социалистического общества не только не исключает ее развития, но и создает более благоприятные условия для этого. Когда устойчивость закономерна, т. е. не является результатом искусственной задержки поступательного процесса, тогда она играет положительную роль в жизни данной структуры. Но бывает и так, что устойчивость выступает как форма нарушения нормального хода движения, тогда она приводит к длительному повторению одной и той же структуры. Маркс говорит об азиатском способе производства, при котором одна и та же политическая структура общества непрерывно повторялась, не приводя к прогрессу общества. Но даже в этих условиях изменение структуры все таки не прекращается полностью. Когда изменчивость и устойчивость структуры едины, тогда ее движение имеет поступательный характер, а если этого единства нет, происходит либо однообразное повторение старого, либо его разрушение. Выше приведенные примеры говорят об этом.

Как единство и форма связи своих элементов структура не изолирована от окружающей среды, она находится в тесной взаимосвязи с внешними явлениями. Эта взаимосвязь также образует структуру, но уже внешнюю, ибо судьбу вещи определяет не эта структура. Например, то что жидкость принимает форму того сосуда, в который она вливается, есть внешняя структура, не имеющая более или менее существен-

ного значения для определения характера жидкости. Но химический состав жидкости, соотношение химических элементов внутри нее является как раз тем, что представляет из себя данная жидкость. А эта форма взаимосвязи образует внутреннюю структуру вещи. Следовательно, одна и та же вещь имеет свою **внутреннюю** структуру как форму взаимосвязи элементов, образующих данную вещь, и **внешнюю** структуру как форму взаимосвязи данной вещи с другими вещами. Но это еще не все. Элементы, образующие данную вещь, находятся во взаимоотношениях не только между собой, но и с другими вещами или явлениями объективного мира. Поэтому одна и та же вещь имеет много структур. Так, любое растение имеет биологическую, физическую, химическую и, наконец, органическую структуру. Однако не все эти структуры имеют одинаковое значение для данной вещи. Из всех этих структур только одна является **главной,** определяющей для растения—его биологическая структура как единство его **основных** элементов, а все остальные являются **неглавными,** хотя иногда имеют весьма большое значение для жизни и развития растения. Следовательно, для глубокого познания вещи необходимо точнее установить соотношение ее структуры и элементов.

6. СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ И СТРУКТУРЫ

То обстоятельство, что структура есть единство и взаимосвязь элементов свидетельствует о том, что без последних нет структуры. Но из этого вытекает также, что элементы приобретают свою конкретную определенность именно в структуре и через нее. Более того, любая вещь, явление, процесс, а также их отношения и свойства способны превратиться в элементы только в том случае, если находятся в какой-либо взаимной связи. Укажем хотя бы на водород и кислород, которые вне известной формы связи между собой суть не элементы структуры воды, а обыкновенные вещи внешнего мира. Следовательно, структура и элементы суть взаимно определяющие категории. Вне структуры нет элемента, а без элемента нет структуры.

Как объективная реальность элемент—устойчивая частица действительности, а как конкретно переходяшее явление, он уже имеет относительный характер. Таким образом, у каждого элемента—два качества: устойчивость и изменчивость, благодаря последним он сохраняется как таковой и в то же время может переходить в другой. В структуре эти особенности элементов имеют существенное значение. Они, с одной стороны, сохраняют данную структуру, а с другой,—подготовляют ее смену новой. Благодаря устойчивости, например, производственных отношений социализма, сохраняется данная формация, а благодаря изменчивости этих же отношений совершенствуется существующая структура социалистического общества и, конечно, подготовляется почва для перехода к коммунизму.

Не все элементы играют одинаковую роль в структуре. Есть такие элементы, которые определяют характер структуры и уничтожение которых является уничтожением самой структуры. Без соответствующего количества нейтронов и протонов нет ядра атома. Но есть и такие элементы, удаление которых не приводит к уничтожению данной структуры. Если удалить один электрон из внешней оболочки атома, от этого структура его ядра не перестанет существовать. Следовательно, по отношению к структуре элементы бывают определяющими и неопределяющими или основными и неосновными. Чем больше в структуре элементов из первой группы, тем она совершенней. Структура зависит от своих элементов, но и элементы зависят от структуры. Степень развития политической формы правления социалистического общества зависит от общего уровня развития структуры этого общества. Это взаимоопределение является законом существования как для структуры, так и для элементов. Поэтому, неправомерен вопрос о том, что существует раньше—структура или элемент? Все они существуют одновременно, ибо нет вещи без структуры, как и нет структуры без элементов. Но в процессе изменения ведущие элементы определяют ход и характер развития структуры. Так, судьба любого общества в конечном счете зависит от развития производительных сил и производственных отношений.

Элементы любой вещи зависят не только от ее структу-

ры, но и друг от друга. Производительные силы и производственные отношения, как элементы структуры общества, находятся в таких взаимоотношениях, что без производительных сил нет производственных отношений и наоборот. Вещи сохраняются и изменяются только в системе всех этих взаимоотношений.

7. ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВЕЩИ

Вещь, как **этот** стол, **эта** бумага, **это** дерево и т. д., есть объективная реальность. Реальность—это абсолютно вечно пребывающее свойство вещей. Вещь может менять свои формы, она может потерять или приобрести то или иное отдельное свойство, а потерять, приобрести или же сменить свою реальность не может, последняя неуничтожима. При обычном наблюдении мы видим, что знакомое нам дерево сгорает, а дом разрушается, иначе говоря, та или другая вещь уничтожается. И это наблюдение правильно, однако из этого не следует, что «философ, веривший в то, что он может доказать немыслимость уничтожения материи, оказался неправым»[1]. Нет, он прав, во-первых, потому, что дом или дерево суть отдельные, исторически конкретные формы существования материи, а не вся материя, чтобы их уничтожение отождествлять с уничтожением материи вообще; во-вторых, потому, что горение или разрушение той или иной вещи вовсе не является отрицанием ее объективной реальности. А материя тождественна с объективной реальностью. Вещь как материя тоже тождественна с этим свойством, и каждое ее отдельное свойство является формой осуществления основного свойства, т. е. реальности. В самом деле, органами зрения я вижу, например, белый цвет и внешнюю форму сахара, органы осязания дают мне представление о твердости и хрупкости сахара, органами вкуса я узнаю о сладости сахара и т. п. Таким образом, каждое из этих свойств подтверждает существование вне и независимо от меня чего-то, что в той или иной форме, действуя на меня, вызывает во мне разные ощущения, доказы-

[1] *Ф. Франк.* Философия науки, 1960, стр. 279.

вающие, что **это** нечто есть реальность. Стало быть, реальность—это не какое-то пустое всеобщее определение, а диалектический синтез всех свойств материи. И когда сахар как материя растворяется в воде, он уничтожается как сахар, как определенная вещь, но не как материя вообще. Но вещь все-таки нечто всеобщее по отношению к своим конкретным формам осуществления и как всеобщее отличается от своих отдельных форм осуществления. Это отличие есть отличие всеобщего и единичного. Всеобщее может существовать как та или другая совокупность единичных. Поэтому нельзя определить ее как какую-то «среду», где собраны все ее свойства, или, как говорит Гегель, определенности. Для осуществления «определенностей» нет надобности в существовании какой-то среды, куда они ссыпаются, как в пустой мешок, ибо сама вещь ничего другого из себя не представляет, кроме единства своих свойств.

Гегелевское понимание соотношения вещи и ее свойств напоминает нам соотношения мешка и его содержимого. Но ведь мешок существует и без своего содержимого, как и наоборот, а вещь без свойства, свойство вне вещи существовать не могут. Поэтому восприятие дает нам не среду или вещность, а конкретную реальную вещь. Но сама вещь выше этого вида, она не **этот** или **другой** вид, а их диалектическое единство. Таким образом, вещь для себя не то, что для другого. Для себя она есть единство всех своих видов, а для другого—только один из них, для себя она равна самой себе, для другого **это** равенство снимается и как главное определение выступает различие.

В отношениях с другой вещью **эта** вещь имеет известную определенность. То же самое можно сказать и об этой другой вещи. Следовательно, каждая вещь, будучи равной самой себе, в то же время отлична от другой. Это понятно, ибо каждая вещь является единством многообразия. Но это многообразие здесь принимает уже другой характер, переходит в существенную определенность, вследствие чего отличие вещей тоже становится существенным, так что одна вещь противостоит другой. Это противостояние есть форма связи с

другими, в процессе чего вещь отрицает свою абсолютную обособленность и тем самым резко отграничивает бытие для себя от бытия для другого, утверждая их единство. Познание этого единства есть переход от познания многообразности в своей текучести к познанию безусловной всеобщности, к познанию материи вообще, которая дается нам через явление.

ГЛАВА II

ЯВЛЕНИЕ

I. ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Познание вещи вообще через ее многообразность есть переход восприятия в рассудочное мышление, есть познание вещи через явление. Благодаря тому, что познание через восприятие постигло двуединый процесс вещи, оно познало ее тем самым не в виде спокойной, простой сущности, а в движении, ибо только в движении вещь может обнаружить свою внутреннюю разность.

Постижение вещи в своем движении есть постижение противоречивости и единства особенностей вещи, постижение характера соотношений моментов вещи, единство которых дает нам эту вещь.

Вещь в движении есть осуществляющаяся вещь. Осуществление вообще есть явление вещи, обнаружение ее сущности. Вступая в соотношения с внешним миром, мы имеем дело с вещами, находящимися в процессе осуществления, т. е. в явлении.

Хотя мы говорили, что в восприятиях вещь дана нам так, как она есть, это было сказано в относительном смысле, лишь в меру возможности представить ее в виде спокойной простой сущности. Однако абсолютный покой вообще, как мы увидим, чужд вещам, абсолютная сущность которых — беспокойство, где вещи, сохраняя себя, обнаруживают свою сущность. Это обнаружение есть явление. Следовательно, явление объективно, и как осуществление сущности оно независимо от субъекта. Но как гносеологическая категория явление возникает, «когда наши органы чувств испытывают толчок из-

вне от тех или иных предметов», и оно исчезает «когда то или иное препятствие устраняет возможность воздействия заведомо для нас существующего предмета на наши органы чувства»[1]. В этом смысле в отношении источника возникновения явление ничем не отличается от восприятия. Они разнятся своими формами отражения реального предмета, как результата разницы ступеней развития отражаемого предмета и отношения субъекта к этому предмету.

Восприятие есть постижение предмета в виде спокойной простой сущности; явление берет ту же сущность, но уже в своем осуществлении, не в покое, а в движении. Чтобы быть предметом восприятия, достаточно показать себя с внешней стороны. Но диалектика восприятия показывает, что осуществляющийся предмет есть обнаружение самого себя, превращение «вещи в себе» в «вещь для нас». Следовательно, «вещь в себе» внутри себя имеет неисчерпаемое богатство, которое является источником ее непрерывного осуществления и превращения или перехода от состояния в себе к состоянию для нас. Таким образом, познание, с точки зрения исторической перспективы, от восприятия внешних форм вещей переходит к различению внутренних особенностей, иначе говоря, оно переходит к отличению предмета от своего явления.

2. ЯВЛЕНИЕ И ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ИЛИ ВЕЩЬ

Когда предмет являлся нам еще в своей однократной непосредственной случайной форме или же в форме спокойной сущности, установление упомянутого различия было исключено. А когда анализ этих форм показал, что они вовсе не спокойны, что вещь есть непрерывный взаимопереход своих форм и элементов, тогда обнаружилось, что вещь в своих формах осуществления показывает лишь свою исторически конкретную сущность, что явление предмета, его данная историческая конкретная форма проявления не тождественна с предметом. В истории человеческого знания это было огромным шагом вперед, ибо в нем познание нашло новые способы отражения вещи в ее конкретности.

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, изд. 5, стр. 102—103.

Явление—это предмет в своем осуществлении. Осуществление всегда есть осуществление чего-нибудь, поэтому явление реально, его конечные основы находятся вне субъекта и независимо от него.

Но осуществление является процессом, который имеет место также в определенном времени, поэтому для явления время имеет существенное значение. Каждое время, каждая эпоха имеет свою ступень развития науки и техники, и явление есть отражение сущности предмета соответственно этой ступени развития знания.

Наконец, осуществление всегда имеет свою определенно конкретную форму, ибо предметы, отражаемые в явлениях, разнообразны. Кроме того, не всегда один и тот же предмет выступает в одной и той же форме; в зависимости от ступени развития научной мысли и поставленной задачи разнородными бывают и формы явления.

Таким образом, явление как со стороны своей формы, так и со стороны своего содержания всегда имеет конкретный характер. Нет явления вообще, есть явление конкретной сущности конкретного предмета.

Отрывая явление от являющегося, Кант и его последователи создали царство чистых явлений. Они не поняли, что объявление явления чистой формой не научное разрешение вопроса о **соотношении** явления и являющегося, а лишь одностороннее представление **этого отношения,** превращение явления в пустую форму восприятия. Став на этот путь Кант вынужден был отказаться от признания возможности познания «вещи в себе», т. е. отражения вещи через явление. Аргументируя в пользу своего положения, он говорил: поскольку образ предмета, который мы создаем для себя на основе полученных ощущений, есть результат свойств предметов, производящих на нас известные впечатления, и свойств нашего я, которое группирует эти впечатления, приводит их в определенный порядок, постольку этот образ не может быть отражением вещи в себе, ибо свойства, через которые проявляется данная вещь, якобы принадлежат исключительно субъекту.

Конечно, если заранее допустить, что все свойства, через которые осуществляется данная вещь, существуют только в

субъекте и для субъекта, тогда вопрос о том, что же такое «вещь в себе», является бессмысленным, ибо этим допущением уже сказано, что объективной вещи нет. Но дело в том, что само это предположение нелепо. Когда говорят, например, что сладость, растворяемость в воде, хрупкость, отсутствие запаха, белый цвет и все остальные свойства сахара существуют только в субъекте, тем самым признают, что сахар—не «вещь в себе», не реальность, а воображение человека, нуждающегося в сахаре. Однако из этого допущения неизбежно возникает вопрос: откуда же берется это воображение, где же следует искать его последний источник? Ответ идеалиста на этот вопрос ведет к субъективизму, а по мнению материалиста, явление, будучи отражением вещи, есть отражение ее свойств. Поэтому можно сказать, что «решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что не познано»[1]. Как гносеологическая категория явление есть познанная вещь, т. е. раскрытие сущности в процессе ее осуществления, иначе говоря, отражение действительности. Как познанная вещь явление предполагает воздействие внешних предметов на наши органы чувств. Только одно это обстоятельство является доказательством того, что чувственно воспринятый мир дан в явлении.

Если особенность предмета восприятия—его многогранность, то следует сказать, что в явлении дана как раз эта многогранность внешнего мира, бесконечная разнообразность. Из сказанного следует, что сверхчувственное не может быть явлением или предметом явления. Признание сверхчувственного явления есть попытка допустить существование явления **как явления** без какого-либо содержания. Но практика доказывает, что такого явления не существует.

Мир сам по себе есть полнота своих явлений или осуществлений. Нет ничего в явлении, чего нет в предмете, и нет ничего в предмете, что не может быть дано явлением. Это совпадение—характерная особенность как явления, так и являющегося. Являющийся мир есть вечный процесс осуществления, постоянное раскрытие своей сущности, своего богатст-

---

[1] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

ва, всех тех свойств, которые составляют его сущность. Поэтому между ними нет **принципиальной** разницы. Но отрицание принципиальной разницы не есть отождествление явления и вещи в себе.

Во-первых, явление, как гносеологическая категория, есть **отражение** вещи, а не сама вещь. Копия совпадает со своим оригиналом, в смысле сходства они могут быть тождественны, но все-таки копия не оригинал. Сходство и совпадение не исключают различия, заключающегося в том, что отражение есть известное отвлечение от несущественных, случайных качеств ради постижения основного, существенного в предмете. Кроме того, отражение есть некоторое **отношение** между отражающим и отражаемым, а вещь есть и без этого отношения.

Во-вторых, явление есть то, «что познано», вещь, которая раскрыта на базе имеющегося явления. Непознанная вещь от познанной отличается тем, что первая дана в своей натуральной законченности, чего нельзя сказать о второй, ибо она не вся вещь, а вещь в той форме и с теми свойствами, в которых она доступна субъекту. Само познание есть не раз навсегда данное, а движение, расширение, углубление в предмет познания. Вследствие этого то, что сегодня еще не познано, завтра может быть познанным. Содержание явления обогащается с углублением познания предмета, с раскрытием новых свойств в вещах, которые существовали и тогда, когда еще не были познанными субъектом. Ализарин, например, существовал в каменноугольном дегте и тогда, когда мы о нем ничего не знали, а с раскрытием этого вещества в каменном угле расширился круг тех знаний, которые были связаны с явлением отражающегося каменного угля. Следовательно, явление и вещь в себе, не исключая друг друга, в то же время различны. Их взаимоотношение—это диалектическое единство и различие.

3. ЦЕЛОСТНОСТЬ ВЕЩИ

Вещь—это целостность, единство своих частей. Это было известно еще Аристотелю. Он писал: «**Целым** называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, в составе кото-

рых оно именуется целым от природы», оно есть «то, что объемлет объемлемые (им вещи) таким образом, что эти последние создают нечто единое»[1]. Это единство дано в явлении, благодаря чему мы и имеем цельное представление о вещи, можем говорить, что это—растение, а то—животное. Познание целостности здесь совпадает с познанием качества. Оно и понятно. Ведь качество—это определенное выражение целостности, форма качественной характеристики вещи. Но они не тождественны. Мы уже знаем, что нет вещи, у которой нет своего качества, но есть вещи, которые не представляют из себя целостностей. Куча зерен качественно определенна, но не целостна, потому что здесь нет внутренней связи между ее частями или зернами. Кроме того, вещь может потерять свою целостность, тогда как этого нельзя сказать о качестве, хотя целостность является наиболее устойчивым свойством вещи. Это последнее обстоятельство приводит к тому, что в процессе развития качество часто существенным образом меняется, а целостность продолжает оставаться сама собой. Является фактом, что по сравнению с капитализмом XIX века современный капитализм качественно иной, он является империалистическим, но как целостность остался тем же капитализмом.

Из сказанного следует, что целостность—это система глубоко внутренних связей компонентов, отражающая наиболее существенные черты вещи. Конкретная форма существования вещи определяется целостностью. Та или иная молекула, как форма существования вещи, зависит от характера связей атомов между собой. Это значит, что целостность выступает как формообразующий фактор.

Целое — это совокупность своих частей. Но не всякая совокупность есть целое. Куча камней—совокупность единичных вещей, но не целое. Для возникновения целого необходима такая связь между его частями, чтобы образовалось новое качество, совершенно новая вещь. Формой такой связи является, например, соотношение H_2O, которое приводит к образованию воды, качественно отличной от своих частей. Характер связи определяет тип целостности. Если связь частей име-

---

[1] *Аристотель*, Метафизика, 1934, стр. 102—103.

ет **внешний** характер, тогда возникает механическая целостность. К примеру, любая машина—это **механическая целостность,** ибо взаимодействие ее частей не приводит к их преобразованию, оно не нарушает их самостоятельности, части продолжают существовать как внешние самостоятельные части. Связь между частями устанавливает их определенную последовательность и тем самым обеспечивает нормальное функционирование как каждой части, так и целого, т. е. машины как целостности. Если нарушить эту связь путем удаления какой-либо части машины, свойства остальных частей не меняются, происходит лишь прекращение работы целого, т. е. машины. Это объясняется тем, что внешняя связь не определяет характера или строения отдельных частей, она имеет решающее значение только для нормальной работы целого.

Когда связь частей приводит к их взаимному преобразованию, тогда возникает **органическое целое.** Здесь все части целого непосредственно и опосредственно связаны между собой так, что в результате изменения какой-нибудь из них изменяются свойства других. Соотношение в молекуле ее химических частей является такой формой связи.

Высшая форма целостности—это **органическая целостность,** связь частей которой имеет коррелятивный характер и когда об изменении целого можно судить на основании изменения частей. Примером такого органического целого является живой организм. Здесь все части не только связаны между собой, но и взаимно действуют друг на друга так, что изменение в одной части так или иначе отражается и в других частях организма и даже в целом. Является фактом, что плохое функционирование почки отрицательно влияет на весь организм человека.

Все эти типы или виды целого имеют не только отличительные черты, но и сходства. Все они сходны как совокупности своих частей и зависят от них, а части зависят от целого. Из этого следует, что характер целого зависит не только от формы связи, но и от частей. Для получения воды, необходимо соответствующее количество водорода и кислорода, ибо соединение других химических элементов воды не даст. Но из сказанного следует также и то, что целостность возникает не как результат действия какой-нибудь сверхъестест-

венной силы, а как закономерное следствие объективно существующих частей и их взаимоотношений. Положение идеализма о том, что конечная основа существования целого—это «абсолютный дух» (Гегель), «жизненный порыв» (Бергсон) или же «жизненная сила» (виталисты) противоречат фактам, ибо еще до возникновения всякого духа или сознания, атомы, например, представляли из себя целостности своих электронов и ядра.

Природа целого определяется составом его частей, которые образуют материальный субстрат его организации. Но эта организация конкретизируется в структуре. Можно сказать, что любое конкретное целое имеет свою структуру, которая играет большую роль в деле определения свойства целого. Структура наиболее устойчивая сторона целого. В то время, как части быстро меняются, структура долгое время остается той же самой, удерживая изменение частей. Благодаря этому, целое сохраняется и не переходит в свою противоположность. Но это не значит, что оно неизменчиво. Нет, оно изменяется. Изменение частей не может не привести к изменению целого. Это изменение осуществляется в форме усовершенствования существующего целого или же возникновения нового. Следовательно, каждое целое исторически конкретно, оно имеет свою пространственно-временную характеристику, т. е. существует в конечном промежутке времени и пространства.

Конкретное целое отличается от целого вообще, которое дано в созерцании и представлении. Это отличие состоит в том, что в созерцании и представлении целое дано нерасчлененно, поэтому его внутренняя структура, закономерности его изменения и развития нам еще не известны. Здесь целое представляется нам как сумма своих частей. Задача познания состоит в том, чтобы обнаружить особенности каждой части целого. Для решения этой задачи мы расчленяем целое на его составные части, анализируем их, а далее синтезируем, воссоздавая целое в мышлении. Но эти действия, естественно, выдвигают новые вопросы; что такое часть и как она относится к целому?

4. СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛОГО И ЧАСТЕЙ

Мы уже знаем, что целое состоит из частей. Но можно ли утверждать, что целое сводится к сумме своих частей и как таковое не обладает новым качеством, отличным от качества суммы частей? Да, можно,—отвечали метафизики. Впрочем, и сейчас немало людей, в том числе и среди естествоиспытателей, которые именно так представляют себе соотношение целого и его частей. Это глубокое заблуждение. Часть—это не единица как результат механического дробления целого, которая существует пространственно совершенно отдельно от других частей того же самого целого. Если бы характерная особенность части состояла в этом, целое сводилось бы к простой сумме своих частей. Но мы видели, что это не так, что целое—это качественно особый организм со своими закономерностями. Возникновение такого организма возможно, если его части тесно связаны между собой, если они неравнодушны друг к другу и их сочетание приводит к появлению нового качества. Подобные части, взятые отдельно, подчиняются другим законам и целое не является формой проявления законов своих частей. Части или компоненты протоплазмы суть химические вещества (белки, кислоты, липоиды и т. д.), которые подчиняются законам химии, а их слияние в одно целое, в протоплазму дает биологический организм, с подчинением законам биологии.

Вне целого часть имеет особое качество и собственную структуру со своими законами изменения, т. е. она есть целостность, которая может стать компонентом для другой целостности. Атом является частью или компонентом молекулы, а вне молекулы он—целостность со своими частями в лице электронов и ядра. Следовательно, всякая часть относительна, нет абсолютных частей, т. е. таких единиц, которые признаны быть только частями, без возможности когда-либо не переходить в целое. То же самое можно сказать о целом. Непрерывный взаимопереход и взаимопревращение является абсолютным законом существования целого и частей. Без этого закона не было бы никакого прогресса в природе и обществе.

В роли частей целого может выступить всякая как ма-

териальная, так и духовная реальность. Так, частями космической системы являются небесные тела, ядра атома—протоны и нейтроны, общества—классы, государство, производительные силы и т. д., а системы духовной культуры—литература, искусство, общественные и естественные науки. Вообще существующее выполняет роль либо части, либо целого. Это говорит о том, что в мире все связано, что взаимосвязь и взаимодействие тоже является законом существования всякой реальности. В этом вечном процессе часть и целое взаимно обусловливают друг друга. Часть всегда есть часть целого, она необходимым образом предполагает его существование, которое в свою очередь зависит от существования частей. Но из этого не следует, что часть и целое не могут иметь относительной самостоятельности. Хотя государство, например, и является частью социальной системы, но после своего возникновения оно приобретает известную самостоятельность, начинает развиваться также по собственным законам и превращается в активную силу для сохранения или же преобразования существующей социальной системы.

Степень взаимодействия целого и частей определяется типом или видом целого. Функционирование механического целого зависит от нормального действия **всех** его частей. Если сломана какая-нибудь деталь машины, последняя вообще не сможет работать. Иначе говоря, механическое целое, как **действующая** система, прекращает свое существование, если из ее многочисленных частей одна выходит из строя. В неорганическом целом этой зависимости значительно меньше. Если отнять у атома один из электронов его внешней оболочки, то он, как неорганическое целое, не уничтожается. Конечно, от этого его свойство изменится, поскольку электрон превращается в электрически заряженный ион, но атом, как целое, остается. То же самое можно сказать об органическом целом. Потеря одной почки отрицательно влияет на функцию организма человека, но от этого он не перестает быть представителем органического целого. Следовательно, для определения роли части в целом необходимо знать о каком целом идет речь. Кроме того, важно уяснить также значение **данной** части для целого, ибо не все части одинаково влияют на судьбу

целого. Есть такие части, уничтожение которых является уничтожением самого целого, как, например, ядро атома для атома. Имея в виду это обстоятельство, некоторые ученые приходили к выводу, что в процессе взаимоотношений целого и частей последние существуют раньше первого.

Конечно, нет целого без частей, нет разумеется, общества без человека. Однако, из этого не следует, что части могут существовать без или вне целого, что человек когда-либо жил или может жить вне общества. Дело в том, что не только целое состоит из частей, т. е. существование первого зависит от существования последних, но и последние в такой же мере зависят от первого. Даниэль Дефо хотел изолировать Робинзона от общества, но из этого ничего не вышло, ибо только в обществе человек есть человек. «Чем больше мы углубляемся в историю,—говорит К. Маркс,—тем в большей степени индивидуум, а следовательно и производящий инвидиуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей, развивающейся в род; позднее—с общиной в различных ее формах, возникшей из столкновения и слияния родов. Лишь в XVIII веке, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения—точку зрения обособленного одиночки,—есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей. Человек есть... не только животное, которому свойственно общение, но и животное, которое только в обществе и может обособляться»[1].

В соотношениях целого и частей примат принадлежал бы частям, если бы целое сводилось к сумме своих частей. Но этого делать нельзя. Ни один химик не скажет, что вода—сумма водородов и кислородов, потому что по своим качествам она совершенно отличается от своих частей. Более того, бывает и так, что целое порождает новые части. Является фактом, на-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, стр. 134.

пример, что политические партии, как части целого, не существовали в начале возникновения общества, они стали результатом развития последнего. Эти факты породили мысль, что целое первично по отношению к своим частям. Но и с этим согласиться нельзя, потому что нет целого, если нет частей, нет общества, если нет людей. Обратное утверждение ведет нас к идеализму, даже к религии, к признанию бога как первичного целого без частей. А это уже не наука. С точки зрения науки, целое и части существуют одновременно, ибо для возникновения целого необходимо, чтобы части существовали и объединились в определенную систему, а для существования частей требуется наличие целого, чтобы в отношение к нему нечто определялось как часть. Говоря об общественном организме, Маркс пишет: «все его отношения существуют одновременно и опираются одно на другое»[1].

Соотношение целого и частей—это диалектическое единство и различие, и нельзя сказать, что является в этом процессе первичным: целое или часть? Но можно и нужно говорить о том, что одна из сторон этого диалектического единства играет все-таки ведущую роль в общем процессе движения. И эту функцию выполняет целое. Дело в том, что только в целой части приобретают жизненность, раскрывают имеющееся у них внутреннее богатство, этим одновременно продвигая вперед и целое. Разве не является фактом, что только в обществе человек преодолел свой животный характер и поднялся до уровня современной цивилизации? Кроме того, мы уже знаем, что целое—это не только единство своих частей, но и—источник новых. Эти особенности целого дают ему возможность играть ведущую роль в своих отношениях с частями.

Гегель справедливо считает отношение целого и частей **существенным** отношением, т. е. таким, которое обнаруживает сущность явления. Но все таки этому отношению характерно внешнее определение вещи, в котором сущность раскрывается в своих внешних формах. Следующий шаг познания состоит в том, чтобы обнаружить в явлении сущность как она есть.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, стр. 134.

5. ЯВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ. СУЩНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ

Сущность есть внутренняя индивидуальность предмета и основание его индивидуальности вообще. Через явление мы познаем эту индивидуальность, отличаем, например, социализм от капитализма, человека от животного и т. д. Следовательно, сущность не только не скрыта от явления, но и составляет его содержание. Например, в явлениях экономических кризисов буржуазного строя мы познаем известную сущность капитализма, его неспособность обеспечить нормальное развитие общества.

Сущность есть качественно внутренняя определенность предмета, которая совпадает с предметом. То, что есть в сущности, взято из предмета, и то, что принадлежит предмету, как его решающее отличие, составляет его сущность. Следовательно, сущность не привносится в предмет извне, она возникает с ним, принадлежит ему и является объективной реальностью, как сам предмет. Собственно говоря, сущность и предмет в известном смысле тождественны, ибо только это тождество составляет то, что называется предметом внешнего мира. Поэтому, если мы признаем, что **предмет является,** мы должны признать и то, что в этом явлении дана **сущность,** является нам **именно как сущность.** Явление и сущность не только едины, но между ними нет принципиальной разницы.

Выше отмечалось, что сущность всегда принадлежит определенному предмету. Следовательно, нет сущности вообще, есть конкретная сущность, сущность груши, сущность яблока, сущность феодализма, сущность капитализма и т. д. А груша или яблоко, феодализм или капитализм и вместе с тем также их сущность являются продуктами исторического развития. Историчность сущности коренится в историчности предмета и его явления. Возникновение нового предмета является возникновением новой сущности и наоборот. Не соответствует истине утверждение, что сначала возникает предмет, а потом только образуется его сущность или же наоборот, потому что всякое такое разграничение предмета и его сущности означает допущение существования одного без другого, что ошибочно. Нет, например, социализма без его сущности, без осуществления принципа от каждого по его спо-

собностям и каждому по его труду. Другое дело, когда речь идет о познании сущности субъектом. Здесь предмет представляется нам сначала в своих внешних формах, и только через них познание проникает в сущность, доходит до основания внешних форм. Дело в том, что сущность не дана на поверхности предмета, но образует его внутреннюю особенность. А внутреннее открывается через внешнее и во внешнем, но не наоборот. Внутреннее нам непосредственно не доступно, оно становится доступным через свои формы. Поэтому познание начинается с чувственной достоверности предмета и через восприятие переходит к явлению, в котором уже открывается сущность. В явлении внутреннее бытие предмета раскрывается перед нами, и познание сталкивается с необходимостью обнаружения и отражения законов существования сущности.

Гегель к явлению сущности приходит через сущность, т. е. без явления познает являющееся, поэтому его построение последовательности категорий произвольно. Нельзя без обнаружения дойти до обнаруживаемого. Хотя обнаруживаемый существует раньше данной его исторической формы обнаружения, тем не менее путь к нему лежит через эту его форму. В этом высказывается противоречие познания и действительности. Но это противоречие является лишь необходимым путем к снятию противоречий, к адекватному отражению действительности. Через явление мы приходим к сущности, узнаем, что предметы или тела отличаются друг от друга по своей сущности.

До сих пор познание обращало свое главное внимание на отдельные стороны вещи; обнаружение сущности является преодолением этой ограниченности. Первая, наиболее простая форма ее обнаружения—это **видимость.** Но видимость—еще не отражение внутренней сущности предмета, она его поверхностное определение, определение того, что не так крепко сидит в предмете. Видимость, например, какой-нибудь архитектурной ценности есть лишь внешнее отражение ее устройства и **непосредственно** не относится к внутреннему содержанию, к форме как закону ее строения. Положительное в видимости—это то, что она дает цельное представление о вещи, показывая нам ее в своей живой многообразности.

Гегель уверял, что видимость не является отражением реальной действительности, хотя в ней дана многообразность мира[1]. Говоря это, он исходил из того, что отождествлял бытие с чистой мыслью, поэтому раскрытие сущности бытия или движение познания не рассматривал как процесс углубления познания в материальный мир. Он был прав в том, что видимость все-таки—не вся сущность. Видимость, например, реки есть то, что «поверхностное, чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как сущность». Но наряду с этим нельзя отрицать, что не только «глубокое течение внизу» показывает сущность «движения реки», но и «пена сверху». «Пена» тоже «есть выражение сущности»[2]. Видимость или кажимость есть сущность, но только в одном ее определении, отражение одного из его моментов, но все таки и отражение сущности объективного мира. Она является наглядным представлением вещи в сознании субъекта. Однако, из этого не следует, что видимость чисто субъективна. Конечно, она содержит в себе момент субъективного в том смысле, что является определенным представлением субъекта об объекте, а не сам объект. Ошибка Гегеля состоит в том, что он абсолютизировал этот момент, в то время как без объекта нет никакого отражения.

Кант признал существование вещи вне и независимо от нас, но он полагал, что явление вещи—это не явление ее сущности, поскольку явление и сущность нетождественны. Он был прав в том отношении, что явление и сущность нетождественны, но он пошел дальше, отрывая явление от сущности, в результате чего явление превратилось у него в пустую форму, а сущность оказалась скрытой от субъекта, что фактически и привело к отрицанию возможности науки. Современные агностики идут именно по этому пути, развивая борьбу против марксизма и вообще против науки. Человеческий опыт, в частности успехи науки доказывают, что оторвать явление от сущности невозможно, ибо всякому явлению соответствует нечто в реальном мире.. Явлению, например, излучения атома соответствует качественное и количественное изменение оп-

---

1 *Гегель,* Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 6.

2 *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 116.

ределенной частицы материи объективного мира. Это говорит о том, что в явлении отражается сущность. Поскольку сущность—это сам предмет, то ее познание осуществляется также путем выявления содержания предмета и его формы.

6. СОДЕРЖАНИЕ—ВЫРАЖЕНИЕ СУЩНОСТИ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ФОРМЕ

Внутренняя индивидуальность вещи, как ее сущность, конкретизируется в содержании. В отличие от сущности, содержание не тождественно с предметом, а представляет собой совокупность его определенных элементов. Оно также внутренняя сторона вещи, но только по отношению к форме, а так оно—конкретное выражение сущности. Например, сущность художественного произведения—это его общественно-политическая идея, а содержание—это те события и действия героев, в которых выражается или же осуществляется данная сущность. Можно сказать, что содержание—это сущность в форме конкретного осуществления.

Содержание—совокупность существенных элементов, сторон и моментов, которые характеризуют какой-нибудь предмет, явление или процесс. Маркс говорит, что «потребительная стоимость образует вещественное содержание богатства»[1], ибо богатство характеризуется своей потребительной стоимостью. Первая основная особенность содержания—это его объективная реальность, независимо от его характера. Дело в том, что содержанием может быть, например, известное количество электронов, протонов, нейтронов и т. д. атома. Тогда оно имеет материальный характер. Но содержанием может быть также образное выражение какого-нибудь художественного произведения. Тогда оно имеет уже духовный характер. Однако, в обоих случаях содержание является объективной реальностью, поскольку оно имеет свои корни в объективном мире вещей или явлений. Конечно, это не значит, что содержание художественного произведения тождественно с материальными элементами атома. Нет, они различны, и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 44.

это различие проявляется в природе их возникновения и существования. Ведь элементы атома, как его содержание, образуются без участия человека, а содержание, любого произведения всегда является продуктом деятельности человека и по характеру своему зависит от его общественного бытия. В остальном они не противостоят друг другу.

Содержание находится в непрерывном процессе развития, поэтому оно исторически конкретно, и невозможно содержание вообще. Каждая вещь, явление или художественное произведение имеет свое особое индивидуальное содержание, как продукт исторического развития. Но из сказанного не следует, что содержание выражает одну только индивидуальность предмета или явления. Нет, оно показывает также общность индивидуумов данного рода или вида. Дело в том, что общее существует в единичном. Поэтому содержание, индивидуализируя предметы, одновременно устанавливает связь между ними, само является формой этой связи. Социальность, например, есть то содержание или та особенность общественных явлений, которая, отличая их от явлений природы, одновременно связывает явления общества между собой. Это говорит о том, что нельзя отделить единичное от общего.

Общее, как вид, состоит из индивидуумов, видовая особенность образуется из того, что обще всем индивидуумам, входящим в данный вид. Это значит, что индивидуумы имеют не только свои отличительные признаки, но и такие качества, которые объединяют их в одну общую семью. Поэтому Ленин говорил, что «отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное»[1]. Исходя из этого, мы вправе сказать, что раскрывая содержание отдельного явления, устанавливая правила его образования, мы одновременно открываем закономерности возникновения, существования и развития содержания общего вида. Это доказано всем ходом развития естествознания. Как известно, объектами опыта естествоиспытателей являются отдельные животные или расте-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т .29, стр. 318.

ния, а полученные результаты распространяются на весь животный или растительный мир.

Абсолютизирование какой-либо особенности содержания лишает нас возможности научного познания мира. Если мы будем односторонне раздувать значение индивидуальности содержания, то станем на путь ползучего эмпиризма и не сможем установить какой-нибудь общий закон развития, которому подчиняется данный предмет со своим индивидуальным содержанием. Так, например, если мы займемся описанием только того, чем отличается один колхоз от другого, никогда не сможем открыть законы их развития, без знания которых нельзя управлять колхозами. Наоборот, если мы будем выявлять и изучать одну только общность содержания, то придем к созданию абстрактных схем, в которых конкретная особенность явления будет потоплена. Если в отличие от первого случая мы обратим свое внимание только на общность колхозов, то лишимся возможности отличать передовые колхозы от отстающих, не сумеем принять меры к поднятию последних до уровня передовых. Поэтому задача состоит в том, чтобы избежать этих крайностей, диалектически сочетая между собой все особенности содержания и показывая их.

Содержание любого явления или предмета внутри себя богато и складывается из многочисленных элементов, имеющих различные особенности и роли в самом содержании. Задача научного познания состоит в том, чтобы выявить значение каждого из этих элементов, исходя из конкретных условий исторического процесса явления.

Содержание имеет свою как качественную, так и количественную определенность. Так, например, производительные силы капитализма, составляющие содержание производственных отношений этой формации, как качественно, так и количественно отличны от производительных сил феодализма; они привели, во-первых, к замене ручного труда машинным и, во-вторых, к огромному увеличению производства. Эта качественная и количественная определенность содержания является основой его формы. Поэтому можно сказать, что для возникновения какой-нибудь новой формы требуется известное развитие содержания.

Но следует ли из этого, что наличие одной только соответствующей ступени развития содержания вполне достаточно для появления новой формы? Нет, не следует. Для этого требуются также необходимые условия. Известно, например, что углерод, будучи существенным элементом органической материи, имеет потенциальные возможности для соединения с другими химическими элементами, что может привести к возникновению органической материи. Однако эта потенциальная возможность не везде и не всегда переходит в действительность. На Луне или на Солнце, например, сейчас нет такого процесса, ибо там нет соответствующих условий для этого. Условия перехода неорганической материи в органическую исторически созданы пока что на нашей планете, на Марсе и Венере, поэтому именно на этих планетах указанная возможность перешла и переходит в действительность.

Но не противоречит ли вышеуказанное тому, что появившееся новое содержание обязательно в конце концов вызывает к жизни и новую форму? Конечно, одним из законов развития объективного мира является определение формы содержанием. Маркс говорит, что «форма стоимости или выражение стоимости товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот»[1]. Это не только в экономике, но и во всех других областях действительности.

Однако эту определяющую роль содержания не следует понимать метафизически, в том смысле, что форма является лишь пассивным выражением содержания. Такая постановка вопроса ошибочна, ибо, как мы увидим дальше, форма также играет весьма активную роль в деле развития содержания.

Говоря о соотношении формы и содержания, обычно обращают особое внимание на их единство. Это, конечно, правильно, однако не следует забывать, что единство не является основанием для отождествления их. Маркс считает, что «меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания»[2]. Способ выражения—форма. Форма есть закон строения материи, а содержание—совокупность элемен-

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 70.

2 Там же, стр. 45.

тов конкретного вида материи. Следовательно, они различны, и путать их друг с другом нельзя. Но в то же время ошибочно механически отделять их и тем более противопоставлять друг другу.

Поскольку содержание всегда исторически конкретно, оно не может существовать без формы, ибо свою определенность приобретает именно благодаря форме. Поэтому, предположение, что имеющийся у нас кусок мрамора—сырой материал, подлежащий оформлению, означает, что мы хотим из этого мрамора сделать какую-нибудь новую вещь, скажем, статую или чернильницу, т. е. придать ему новую форму, а вовсе не то, что у него нет никакой формы.

Но изменяя форму, мы изменяем содержание. Наш кусок мрамора может стать художественной вещью, т. е. приобрести новую форму только в том случае, если мы вложим в него известную идею через новую форму. Новая форма не появляется механически, как простой результат ряда приемов изменения мрамора художником, а как результат обогащения его содержания при помощи этой же формы. В этом как раз проявляется единство формы и содержания.

Но из признания этого единства не вытекает ли вывод, что содержание имеет или обязательно должно иметь только одну форму? Нет. Во-вторых, содержание не дано раз навсегда в какой-то определенности, а развивается, находится в процессе постепенного изменения. А с развитием содержания соответствующим образом меняется и форма.

Во-вторых, поскольку содержание определяет форму, оно в известном смысле свободно в выборе своих конкретных форм, может приобрести разные формы в зависимости от обстоятельств. Маркс говорит, что рабочая сила, как содержание, осуществляется в производстве в разных формах: в форме портняжества, ткачества и т. д. Следовательно, нет абсолютных форм, ибо, во-первых, они многогранны, во-вторых, они изменяются так же, как содержание.

Многогранность форм говорит о богатстве содержания, о том, что содержание в потенции неисчерпаемо и при наличии соответствующих условий может облекаться в разные формы. Но не означает ли это, что форма богаче содержания? Конечно, нет, ибо в единстве формы и содержания определя-

ющую роль играет не форма, а содержание, которое находится в процессе постоянного развития, т. е. непрерывного обогащения.

Содержание первично, его изменение приводит к появлению новых форм, но из этого не следует, что каждое изменение содержания **обязательно** должно привести к коренной замене старой формы новой. Дело в том, что если одно и то же содержание может облекаться в разные формы, точно так же одна и та же форма может стать средством выражения разных содержаний в зависимости от исторических условий и особенностей развития содержания. Как известно, содержание, например, советской культуры — социалистическое, а форма — национальная. До победы социалистической революции национальная форма служила буржуазной по содержанию культуре, а сегодня — социалистической. Содержание в корне изменилось, а форма в своих общих чертах осталась той же. Следовательно, изменение содержания, приводящее к изменению формы, является не механическим актом замены старого новым, а сложным диалектическим процессом, когда разные обстоятельства играют роль в деле перехода к новому содержанию или к новой форме.

Как развивается содержание? То обстоятельство, что содержание имеет исторически-конкретный характер, свидетельствует о невозможности иметь всеобщие абстрактные схемы для решения этого вопроса. Каждое содержание имеет свои особенности, и задача научного познания состоит в том, чтобы выявить эти особенности и тем самым помочь практикам в деле изменения действительности. Но показать особенности изменения каждого содержания вовсе не означает становиться на путь простого описания фактов, отказываясь от обобщения, от установления некоторых общих законов изменения содержания. Дело в том, что индивидуальность изменения каждого содержания происходит в рамках действия определенных общих законов.

Наиболее общим законом развития содержания является переход от старого к новому при соответствующем изменении формы. Это объясняется тем, что форма является не только способом выражения содержания, но и законом его внутреннего строения и условием его существования. Поэтому нор-

мальное развитие как формы, так и содержания возможно, с одной стороны, при установлении единства между ними, а с другой — при непрерывном нарушении этого единства для восстановления его на новых основах. Следовательно, возникновение соответствия формы и содержания не является абсолютным. Оно было бы абсолютным, исчезни в результате этого соответствия всякое противоречие между ними. В реальном мире этого быть не может, во-первых, потому, что данное содержание никогда полностью не отражается в данной форме, поскольку оно богаче своей формы и изменяется быстрее, во-вторых, потому, что в известных исторических условиях определенные явления могут развиваться и в рамках старой формы. Это вытекает из многогранности содержания, из разнообразности условий и из исторической конкретности его развития. Если бы по характеру содержание всех явлений было одинаковым и находилось в одних и тех же условиях, тогда его развитие имело бы одну и ту же форму. Но поскольку содержание явлений не идентично, то, естественно, должны существовать и разные способы изменения для качественно отличного содержания. Содержание одних явлений развивается только при одновременной смене старой формы новой. Например, смена экономического базиса общества приводит к смене также политической надстройки как формы. А другое содержание в известный исторический период прогрессирует, сохраняя старые формы. Социалистическая экономика нашей страны развивается, пользуясь такими старыми формами, как торговля, деньги и т. д.

Можно ли говорить, что сохранение упомянутых форм для развития нового содержания свидетельствует о наличии известного несоответствия формы и содержания? Мы уже знаем, что, соответствие не исключает наличия известных противоречий между совпадающими сторонами. Но это противоречие не имеет антагонистического характера, оно связано с поступательным движением нашего общества и все время преодолевается, подготовляя почву для возникновения новых форм и установления новых соотношений между ними и непрерывно обогащающимся содержанием.

Из сказанного следует, что развитие содержания возможно только при наличии, с одной стороны, единства со своей

формой, а с другой — противоречия с ней, поскольку единство всегда является единством противоречивых сторон, а противоречие необходимым образом предполагает известное совпадение и связь между противоречивыми моментами единства. Если содержание как в природе, так и в обществе, окончательно расходится со своей формой и долгое время не может опрокинуть ее, оно начинает разрушаться. Поэтому несоответствие формы и содержания долго держаться не может, рано или поздно оно должно быть преодолено для того, чтобы снова нарушаться и восстанавливаться на новых началах. Эта необходимость вытекает из характера соотношения формы и содержания, из того, что их единство и противоречие диктуется развитием как содержания, так и формы.

7. ФОРМА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К СОДЕРЖАНИЮ

Форма — это закон строения явления, это система основных действий оформления содержания, это способ выражения содержания, его внутренняя и внешняя структура, его определенность. Если содержание есть сумма взаимодействующих элементов, составляющих данный предмет или явление, то форма являет собою уже определенный порядок расположения этих же элементов внутри этого же предмета, т. е. структуру, характерную для каждой вещи в отдельности.

Анализируя любой предмет природы, мы обнаруживаем известную внутреннюю организацию его элементов. Это есть его форма. А когда речь идет об общественных явлениях, форма есть уже способ их существования. Но в обоих случаях форма—это реальное единство своих в той же степени реальных элементов. Форма, например, художественного произведения складывается из языка, стиля, сюжета и композиции, которые суть основные элементы этой формы.

Реальность формы доказывается также тем, что она всегда существует совместно со своим содержанием и всегда содержательна. Нет чистых форм как таковых. Рассуждения Канта об априорных формах чистого рассудка опровергаются наукой и практикой.

Форма была бы субъективной, если бы существовала раньше содержания. Но ни одна наука не может доказать,

что, например, формы растительного или животного мира существовали до появления материи или что у людей были понятия ямба и хорея задолго до того, как они начали слагать стихи и т. д. Вся история природы и человеческой культуры доказывает, что формы возникли и возникают с появлением известного содержания, и поэтому разговоры об их субъективности могут вести только враги науки, представители современной реакции.

Поскольку форма — внутренняя и внешняя структурная особенность содержания или же способ его существования, ее образование начинается с образования самого содержания. Но из этого не следует, что сложение формы всегда целиком и полностью совпадает с полным сложением содержания. Нет, возникшая на определенной базе форма в известных исторических условиях может иногда на определенное время даже определить свое содержание. Это возможно потому, что форма всегда относится к своему содержанию активно.

Форма — воплощение содержания, средство проявления того, что составляет содержание предмета или явления.

Но что же представляет собой это проявление? Можно ли считать его выражением лишь внешнего вида предмета? Конечно, в форме дан и внешний вид, поскольку внешний вид тоже относится к форме. Внешний вид — это внешняя форма, связанная с активной деятельностью внутренне формированного содержания. Однако внешний вид не является тем главным фактором, посредством которого мы должы судить о содержании. Внешний вид иногда может быть даже обманчивым и вовсе не выражать истинного содержания явления. Поэтому научное познание чего бы то ни было не может исходить из внешнего вида предмета познания, который часто имеет даже случайный характер, но обязано идти дальше и судить о содержании своего объекта на основе той формы, которая отражает его сущность и дает нам полное представление об истинной природе предмета или явления. А эта форма есть в первую очередь внутренняя структурная особенность объекта и не сводится к его внешнему виду.

Нечто становится формой только в том случае, если оно отражает в себе известное реальное содержание. Звуки, например, превращаются в форму музыкального произведения

только тогда, когда они выражают определенную идею; если этой идеи нет, тогда нет и музыки, а есть только хаос звуков, которые не выполняют функций формы музыкального произведения. Следовательно, форма — это существенная особенность явления, определяющий закон его строения.

Строя что-нибудь, строитель применяет определенные технические приемы. Так, например, для создания из мрамора какой-либо художественной вещи скульптор применяет некоторые приемы шлифовки камня. Для написания романа о колхозной деревне писатель ездит в колхоз, изучает жизнь и труд колхозников, собирает материал, занимается сортировкой материала, составляет план работы и т. д. Все эти действия необходимы для создания какого-нибудь художественного произведения, однако они не входят в форму, хотя имеют большое значение для нее. Форма не является суммой технических приемов. Технические приемы обычно существенны для внешнего вида, но они не решают внутренней структурной особенности предмета или явления, и поэтому не могут быть средством отражения всего богатства и глубины содержания.

Но это не значит, что технические приемы не имеют никакого значения для формы. Во-первых, внешний вид не оторван от формы, как закона строения явления, во-вторых, технические приемы входят в содержание и как элемент содержания оказывают влияние и на форму. Тем не менее, характер формы определяется содержанием. Форма и содержание едины, но они одновременно противоречивы. Это противоречие возникает как между старой формой и новым содержанием, так и внутри каждого из них, поскольку как форма, так и содержание находятся в постоянном движении и развитии. Развивающаяся форма переходит в новую, более совершенную форму путем отрицания своего старого состояния, следовательно, через противоречие и разрешение этого противоречия.

Противоречие между старой формой и новым содержанием принимает особо острый характер, когда стоит вопрос о переходе от старой сущности к новой. Но созревание этого перехода — целый исторический процесс, который подготовляется развертыванием противоречий как между формой и содержанием, так и внутри каждого из них в отдельности.

Является фактом, что выполнение содержанием определяющей роли по отношению к форме и в равной мере воздействие формы на содержание не бывает без противоречий и их преодолений. Следовательно, нельзя свести соотношения формы и содержания к тому или иному виду противоречия. Это соотношение многогранно, и задача познания состоит в том, чтобы показать его, а также выявить роль как формы, так и содержания в этой многогранности.

Как определенность предмета форма отражает содержание в своем относительном покое. Конечно, предмет со стороны формы и содержания находится в постоянном движении. Но он одновременно погружается и в относительный покой, без которого нет никакой качественной определенности объекта. А качественная определенность предмета проявляется в его форме. Таким образом, форма является своеобразной силой, которая в известном смысле удерживает непрерывно изменяющийся предмет в определенных границах, придает его содержанию относительно устойчивый характер, не отрицая его непрерывного изменения, как и покой, будучи моментом в движении, не отрицает вечности движения. Но из этого не следует, что в форме отражается только относительный покой предмета; нет, она воплощает в себе и его процесс изменения, благодаря чему получает возможность выполнить свою функцию качественной конкретизации предмета.

Одно и то же содержание, как уже было сказано, может проявляться в разных формах, но, находясь в одних и тех же отношениях, оно не может выражаться в противоположных формах. Так, например, «один и тот же товар,— говорит Маркс,— в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы»[1], т. е. формы эквивалента и относительной формы стоимости. Это вполне понятно. Поскольку форма — внутренняя структурная особенность содержания, вполне естественно, что последнее не может одновременно и в одних и тех же условиях иметь взаимоисключающие структурные особенности. Но оно может иметь формы с разными значениями, например, основную форму в отличие от неосновных.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 58.

Основная форма отражает содержание в его самых существенных и главнейших чертах. Форм зарплаты, например, в капиталистическом мире бесконечно много, но из них повременную плату и поштучную плату Маркс считает основными, потому что купля и продажа рабочей силы в буржуазном обществе совершается главным образом в этих формах. Эти формы отлично отражают особенности наемного труда при капитализме, представляя прибавочный или неоплаченный труд как оплаченный труд.

Форма — в равной степени основная или неосновная — отражает содержание предмета или явления. Однако не всякий предмет или явление всегда находят свою завершенную, вполне адекватную форму. Дело в том, что в реальном мире явления существуют не изолированно, а во взаимосвязи и взаимодействии. Поэтому побочные обстоятельства очень часто мешают тем или иным явлениям облекаться в такие формы, в которые они облекались бы, если бы не существовали эти побочные обстоятельства. В силу ряда исторических причин нигде, например, капитализм не дошел и не проявляется в своей чистой форме, т. е. в форме существования лишь двух классов — рабочих и капиталистов. В любой буржуазной стране наряду с этими двумя основными классами существуют и другие классы—крестьяне и землевладельцы, которые перешли к капитализму от феодализма.

Следовательно, в обществе соотношение формы и содержания социальных явлений особо своеобразно и сложно. Эта своеобразность и сложность в антагонистическом обществе может принимать такой характер, когда форма совершенно отрывается от содержания и превращается в чистую фантастическую форму. Это прекрасно показал Маркс на примере анализа товарного фетишизма. Он доказал, что потребительная стоимость — например, как форма этой стоимости — не заключает в себе ничего загадочного. «Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь». В капиталистическом мире отношение товаров, которое является лишь формой «определенного общественного отношения самих людей... принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами». Такими же формами являются и религиозные представления. «Здесь продук-

ты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом»[1]. Поэтому можно сказать; когда форма отрывается от содержания, она уже перестает быть реальной, объективной, отражающей какое-нибудь конкретное содержание формой, и следовательно, перестает быть помогающим человеку средством для овладения содержанием и подчинения его задачам общества. Более того, в таких случаях форма становится враждебной трудовому человеку силой и мешает ему иметь правильное представление об окружающей среде.

Развитие формы не является проявлением чего-нибудь нового из абсолютно пустого места, а переходом одной формы в другую в результате изменения содержания. Формы буржуазных производственных отношений, например, стали результатом перехода феодальных отношений в новые, более высшие формы отношения, основанные на частной собственности.

Но не всякое изменение или переход является развитием формы. Появление, например, кубизма как формы буржуазного искусства вовсе не является развитием формы, наоборот, оно является признаком ее разложения, поскольку кубизм — огромный шаг назад по сравнению с формой буржуазного классического искусства. Следовательно, развитие формы есть переход от низшей к высшей, от менее развитой к более развитой форме. Переход, например, от простой или единичной формы стоимости к современной ее денежной форме является процессом усовершенствования формы. Характерная особенность этого процесса состоит в том, что в высшей форме преодолеваются недостатки низшей формы. Единичная форма стоимости, например, имела тот недостаток, что выражала товар А лишь в одном товаре другого вида. Поэтому она по своему характеру была случайной. Этот недостаток был преодолен при ее переходе в развернутую форму.

А как же совершается этот переход? Всякий переход вообще подготовлен количественными изменениями и завершается скачком. Но скачки бывают разные, бывают скачки — взрывы, когда старая форма одним ударом уничтожается и

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 81—82.

на ее месте возникает новая форма. Бывают и такие скачки, которые совершаются путем постепенного нарастания элементов новой формы и отмирания элементов старой. Старая форма взрывается тогда, когда развитие содержания не приводит к одновременному изменению формы, вследствие чего возникает острый конфликт между ними. А когда с развитием содержания усовершенствуется и форма, создавая тем самым условия для непрерывного прогресса первого, тогда переход в новую форму совершается без взрыва.

Маркс считает, что форма перехода без взрыва также меняется в зависимости от степени развития переходящих форм. Так, например, «при переходе от формы I стоимости к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив — форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III — роль всеобщего эквивалента. Процесс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки с натуральной специфической формой товара золото»[1]. Иначе говоря, чем неразвитее форма, тем заметнее переход. А когда развитие доходит до определенного уровня, тогда переходы форм постепенно становятся менее резкими или незаметными. Так развивались, например, органические формы.

Развитие формы — диалектический процесс отрицания, когда новая форма, ставшая результатом отрицания старой, снова отрицается, превращая собственное движение в бесконечный процесс.

Несомненно, форма всегда является формой определенного содержания. Содержание в форме находит свое выражение, а форма в содержании имеет свое основание. Однако это обстоятельство не противоречит тому, что она может иметь свою относительную самостоятельность. Эта самостоятельность проявляется в том, что новая форма возникает также на базе старой, благодаря чему устанавливается преемственная связь между старыми и новыми явлениями.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 80.

Кроме того, любая форма, после того как она уже возникла, приобретает также и самостоятельное движение, начинает развиваться как некоторое самостоятельное явление. В качестве примера можно указать хотя бы на государство, которое после возникновения в качестве политической формы своего базиса выступает как известная самостоятельная сила, развивается по своим специфическим законам и само оказывает огромное влияние на экономический базис общества.

Следовательно, форма, имея относительную самостоятельность, играет весьма активную роль по отношению к своему содержанию. Имея свою форму и свое содержание, каждая вещь является индивидуальной вещью, но это же обстоятельство одновременно говорит о том, что все вещи не только индивидуальны, но и едины, поскольку их особенности—форма и содержание—доказывают также их объективную реальность.

Имея в виду резкие индивидуальности форм и содержания явлений природы, идеалисты уверяли, что между ними существуют непроходимые границы; органический мир, например, противостоит неорганическому миру, человек ничем не связан с животным миром и т. д. Таким образом, исходя из индивидуальности формы и содержания, идеалисты создавали бесконечно много абсолютно самостоятельных царств. Но это неверно. Обладая особой формой и особым содержанием, вещи вовсе не противостоят друг другу, ибо эти особенности тоже суть формы проявления объективной реальности или моменты единства. Ведь форма есть форма содержания, которое представляет нам известную вещь материального мира. Следовательно, обособляя вещи друг от друга, они одновременно связывают их между собой, утверждая их объективную реальность. А объективная реальность вообще—это материя, существующая вне и независимо от нас.

8. СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТВОВАНИЕ

Сущность есть погруженное внутрь материи бытие, она есть тождество с самим собою. Сущность не единична, а бесконечно множественна, ибо каждая вещь или каждое явление

природы имеет свою особую сущность. Кроме того, каждая сущность, взятая в отдельности, многогранна, и в то же время составляет живое единство своих моментов, которые обнаруживаются в движении. Если бы не было движения, мы имели бы лишь один момент из многочисленных, иначе говоря, не имели бы никакой сущности. Еще Гегель говорил, что сущность понимаема только в движении, что она «содержит видимость внутри себя самой, как бесконечное движение внутри себя», или, что сущность «есть движение через различимые моменты, абсолютное опосредование собою»[1]. Изучая экономическую структуру капиталистического общества, Маркс пришел к заключению, что капитал, как определенная сущность, мыслим только в движении. А сущность в движении—это ее существование. Ведь существовать означает так или иначе обнаруживать себя. Когда говорят, что, например, капитал существует, этим хотят сказать, что происходит непрерывное воспроизводство известных общественных отношений. Прекращение воспроизводства этих отношений является прекращением существования капитала.

Кроме того, существовать значит иметь внутренние противоречия, как источники жизненного движения. Ведь единство моментов сущности—это не абсолютное, не мертвое тождество, а конкретное, которое содержит в себе свое различие. Сущность капитала—стоимость—является единством потребительной и меновой стоимости, которые суть разные формы стоимости. Поэтому можно сказать, что реальное различие или противоречие имеет субстанциональный характер, не возникает, а существует всегда, меняя свои формы проявления в зависимости от ступени и конкретных условий развития вещи или явления.

Противоречие развертывается в самом единстве, отрицая его тождество с самим собой. В нашем примере меновая и потребительная формы стоимости, как различные формы, противоречивы. При продаже товара продавец безразличен к потребительной стоимости своего товара, а покупатель—к меновой стоимости. Но товар является единством этих форм стоимостей, тождественен с ними. Это тождество не является

---

[1] *Гегель*, Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 11, 16.

результатом отвлечения от существенных различий, поэтому оно не поверхностно и образует истинно внутреннее тождество, тождество реально существующее. Стоимость, как сущность капитала, тождественна с самим капиталом не как его отвлеченный момент, а как охватывающая в себе все основные особенности капитала. Следовательно, сущность—не только противоречие, но и тождество, их органическое единство.

Тождество и противоречие—формы осуществления сущности. Для обыкновенного мышления это положение непонятно, так как оно считает тождество абсолютным отрицанием противоречия и наоборот. В действительности же А есть А только в процессе, сущность тождественна с собой только в движении, в вечном изменении. Является фактом, например, что стоимость тождественна с капиталом лишь в процессе непрерывного воспроизводства. Прекращение воспроизводства есть прекращение существования, а следовательно, отрицание тождества стоимости с капиталом, поскольку последний также является таким же тождеством.

Но тождество как процесс, в котором возникает и утверждается тождество сущности, в то же время является отрицанием тождества, потому что, выражаясь словами Гегеля, оно «различается от различия; поскольку этим вместе с тем допускается, что такова природа тождества, что тождество не внешним образом, а в нем самом, по своей природе таково, что оно различно»[1]. Различие, например, хлеба и воды не внешнее, а внутреннее, поэтому мы никогда не путаем их друг с другом, ощущая жажду, мы стремимся утолить ее не хлебом, а водой.

Отрицание тождества воспринимается нами вначале во внешних сравнениях предметов. Дом не дерево, железо не бумага и т. д. Это не постороннее предметам различие, а отражение их сущности. Каждый предмет есть то, что он есть внутри себя, и по отношению к другим он выступает как нечто внешнее. Без различения нет никакого исследования. Нельзя, например, отождествлять дом с деревом и законы строения первого применять ко второму, ибо первый принадлежит к неорганическому, а второй к органическому миру. Так

---

[1] *Гегель*, Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 20.

что за внешними сравнениями предметов спрятано их внутреннее структурное различие. Дом есть единство одного рода особенностей, дерево—другого рода. В этих особенностях проявляется их разность, которая как форма проявления указанных особенностей осуществима только в процессе.

Процесс есть непрерывное отрицание, но в то же время восстановление движущегося тела. Поэтому осуществление тела имеет формы тождества и его непрерывного отрицания, т. е. внутренних противоречий. Различие и противоположность суть формы проявления противоречия, а все они являются формами осуществления сущности. Переход от тождества к различию или противоположности невозможен, если нет движения, нет отрицания тождества, а следовательно, нет противоречия. Например, для того, чтобы дерево отличалось от угля и противостояло ему как нечто другое, требуется отрицание в угле того, что свойственно дереву, и наоборот. Так что «борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[1]. Однако, познание доходит до противоречия не сразу, а через его формы проявления.

Идя дальше тождества, познание устанавливает различие сущностей, их противоположности, а потому уже противоречия. В силу того, что различие и противоположность являются сравнительно более наглядными формами проявления противоречий, познание начинается с них и только через них углубляется в противоречие. По своей природе познание таково, что любит обособление, выделение объекта своего исследования и не может без обособления проникать дальше в глубь явления. Нельзя, например, раскрыть внутреннюю противоречивость товара, не различая его от продукта вообще, не противопоставляя его продукту, ибо всякое определение требует противопоставления разных предметов познания с целью обнаружения свойства одного и отсутствия его у другого. Совершая такое обособление, познание приписывает обособленным явлениям самостоятельное существование, обращается с ними как с самостоятельными формами, в то время как они суть формы порявления отдельных ступеней проти-

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 29, стр. 317.

воречия. Иначе говоря, познание отдельные ступени проникновения в действительность представляет как ступени развития самой действительности. Это искажение действительности познанием преследует одну цель: облегчить задачу ее всестороннего отображения.

Выдавая развитие познания за развитие действительности, Гегель допускал существование такого процесса объективного мира, в котором противоречие выступает лишь в конце, иначе говоря, по его убеждению, различие есть, но нет противоречия. Это, конечно, неверно. Всякое развитие есть развертывание и разрешение противоречий, конечным результатом которого является переход одной сущности в другую сущность.

9. СУТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ СУЩНОСТИ

Противоречие—это движение. Движение же, в свою очередь—всякое изменение. Противоречие является непрерывным изменением и восстановлением соотношения сторон или моментов сущности для нового нарушения их, а потому и движением. Противоречие существует там, где есть движение, и «самое движение есть противоречие». Но из этого не следует, что движение и противоречие абсолютно тождественны. Дело в том, что в природе предметы могут находиться и в соотношениях тождества, различия, противоположности и т. д., которые также суть движения, но одновременно качественно отличны от противоречия. Из этого следует, что движение более широкое понятие, чем противоречие.

Будучи движением противоречие одновременно является источником или же потенциальной основой всякой другой его формы. Тождество например, характерно тем, что содержит в себе свое различие, переходящее в противоречие в процессе собственного развития. Маркс прекрасно показал это на примере анализа товара. Как воплощенная стоимость, т. е. как конкретное тождество, товар внутри себя противоречив. В развернутой форме стоимости это потенциальное противоречие превращается в процесс соотношения противоположных сторон сущности, иначе говоря полностью осуществляется.

Всякую жизненность, всякое развитие в природе и обществе Энгельс связывает с противоречием. Там, где нет противоречия—господствует смерть.

Любая форма противоречия необходимым образом предполагает:

а) Раздвоение единого, возникновение противоположных сил или тенденции внутри сущности. Раскрывая эту особенность противоречия, Маркс писал: «Противоречие, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости... тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени»[1].

б) Установление известной формы соотношения между возникшими различными силами в результате раздвоения единого, соотношения взаимоисключения, взаимоограничения и т. д. Дело в том, что противоречие—это не однократное негативное действие, а процесс, который возможен только при наличии постоянной связи между сторонами сущности. Поэтому в противоречии, с одной стороны, моменты единства отделяются друг от друга, формируются как самостоятельные субъекты движения, а с другой,—соединяются между собой в форме взаимодействия, взаимоборьбы и т. д. С развитием, например, буржуазного общества классы кристаллизируясь отделяются друг от друга, образуя самостоятельные общественные силы, которые, вступая во взаимоотношения между собой, сохраняют и двигают это общество, одновременно подготовляя его гибель.

в) Условия развертывания противоречий. Раздвоение единого и возникновение борьбы или же взаимодействия между крайностями еще недостаточно для сохранения и развития противоречий как источника жизни. Для этого необходимы и соответствующие условия, т. е. такая среда и такие силы, которые питают, а также снимают противоречия на пути его развертывания. Условия решают характер и даже судьбу противоречия.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т, 25, ч. I, стр. 73.

г) Известные границы, в рамках которых развертывается противоречие. То или другое противоречие возникает в результате раздвоения вполне конкретного единства в известных условиях и времени, составляющих границы его действия. Противоречия **вообще** не существует, как таковое оно есть абстракция мысли. По своей природе противоречие конкретно, является формой борьбы классов, соотношением химических элементов, микрочастиц и т. д., которые, как качественно различные объекты материального мира имеют свои пределы развития. Поскольку противоречие—это противоречие упомянутых объектов, то их ограниченность является также ограниченностью собственных противоречий. Конечно, противоречие как движение, как источник всякого развития безгранично. Но эта безграничность осуществляется в конкретно-исторических формах и объектах, имеющих качественную определенность, поэтому любая отдельная форма противоречия имеет свои границы, за пределами которых оно превращается в качественно новое противоречие.

д) Ведущую силу процесса. Тот факт, что противоречие есть форма соотношения двух крайностей или сил еще не говорит о том, что все они играют одинаковую роль в процессе его развертывания. Дело в том, что появление любого противоречия сигнализирует о возможности возникновения нового. Данное единство развертывается, потому что в нем зарождается новое, вступающее в борьбу со старым, иначе говоря, раздвоение единства—это формирование нового в старом и его отделение от последнего. Поэтому стороны противоречия не могут иметь одинакового значения для общего процесса, одна из них всегда берет вверх, является ведущей и в конечном счете определяет судьбу процесса. В буржуазном обществе ведущей силой противоречия является рабочий класс, а в растительном и животном мире процесс ассимиляции во время роста более решающий, чем процесс диссимиляции. В противном случае, если бы, скажем, рабочие и капиталисты всегда оказывали абсолютно одинаковое влияние на судьбу общества, тогда проблему замены капитализма социализмом пришлось бы снять с повестки дня. Любое противоречие характерно тем, что содержит в себе силу, которая ведет его вперед,

подготовляя его разрешение, обеспечивающее поступательное движение явления со своей сущностью.

е) Возникновение предпосылки или средства для собственного разрешения. Противоречие не самоцель, оно преследует определенную задачу—завершить данный процесс. А для этого нужна соответствующая предпосылка, нужны средства. Взять их извне нельзя, ибо противоречие—это внутренний процесс. Но отрицать значение внешних сил и обстоятельств в деле разрешения противоречия, тоже ошибочно, поскольку любое явление тысячами нитей связано с окружающей средой. Таким образом, мы имеем сложное переплетение разных обстоятельств, разных сил, из которых внутренние играют решающую роль. Противоречие само порождает силу для собственного разрешения. Эта сила является ведущей стороной противоречия, которая назревает в процессе его развертывания и вступает в конфликт со стесняющими поступательное движение силами, преодолевая на этом пути их сопротивление. Говоря о соотношениях противоречивых сил буржуазного общества, Маркс писал: «Средство—безграничное развитие общественных производительных сил—вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью—увеличением стоимости существующего капитала». В процессе этого конфликта средство одерживает победу над ограниченной целью, иными словами, противоречие разрешается освобождая общество от своих оков.

з) Наличие зачатка новых противоречий в старых. Противоречие—сложный процесс, оно своеобразное сочетание разных сил, среди которых есть и такие, которые имеют не только прошлое и настоящее, но и будущее. Ведущей стороной противоречия является та сила, которая в своем движении порождает и соответствующие противоречия, подготовляя этим почву для появления нового. Если бы противоречие было соотношением сил, имеющих только прошлое или живущих одним только настоящим, тогда оно не являлось бы процессом и не могло быть источником жизни. Та или иная форма движения выступает в качестве процесса лишь постольку, поскольку будучи результатом, она сама порождает новые формы и продолжает существовать в новых формах, иначе говоря, «поднимаясь на плечах» старой, диалектически она прео-

долевает ее и сохраняет наилучшую из старых форм. На основании этого мы можем сказать, что особенность противоречия состоит также в том, что оно представляет собой непрерывную цепь взаимопревращающихся форм движения.

Противоречие, в котором осуществляется сущность, объективно. Витгенштейн уверяет, что «противоречие не образ действительности. Оно не изображает возможного положения вещей»[1]. В свое время, раскрывая основу ошибок мыслителей, выступающих против объективности противоречия, Энгельс говорил, что это является логическим следствием отрицания атрибутивности движения. Конечно, если мы станем рассматривать вещи в состоянии покоя и абсолютной безжизненности, мы не сможем обнаружить в них никакого противоречия. «Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимодействии... Здесь мы тотчас же наталкиваемся и на противоречия». Это вполне понятно, ибо «движение само есть противоречие»[2]. Возьмем, к примеру, живую природу; в ней развитие есть вечный процесс возникновения и разрешения противоречий в форме обмена веществ, в форме их ассимиляции. Прекращение этих противоречий знаменует прекращение жизни.

Противоречие есть внутреннее содержание процесса развития любой сущности, начиная от нейтронов и протона и кончая человеком и его обществом. Тождество, различие и противоположность суть формы проявления движения, в основе которого лежит противоречие.

10. СУЩНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Мы уже знаем, что существовать—значит непрерывно воспроизводиться в определенной конкретной форме. Из этого следует, что существование зависит от сущности, ибо, во-первых, тут воспроизводится сущность (это она обнаруживает самое себя) и, во-вторых, характер формы самообнаруже-

---

[1] *Л. Витгенштейн,* Логико-философский трактат, 1958, стр. 59.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 123.

ния определяется характером сущности. Если нет сущности, то нельзя говорить о ее существовании, хотя вне существования нет сущности. Дело в том, что существование это такой процесс, в котором все время раскрывается сама сущность (в силу ее внутренних противоречий). Поэтому сущность является основанием существования.

Гегель говорит, что «Основание есть **внутри себя** сущность, сущность есть существенным образом основание, и она есть основание лишь постольку, поскольку она есть основание нечто, основание некого иного»[1]. И это верно. Во-первых, сущность и основание не противоположны, они связаны между собою так, что сущность переходит в основание, становится основанием для существования. Во-вторых, нечто не может быть основанием для самого себя, оно способно играть эту роль только по отношению к другому. Сущность—это основание существования, потому что разрешение ее внутренних противоречий приводит к возникновению нового, по отношению к которому имеющаяся в начале сущность выступает как основание. Изучая переход от одной экономической формации к другой мы убеждаемся в том, что основанием этого явления служит существование этих же систем общественных отношений и их развитие. На примере анализа капиталистического способа производства, Маркс пришел к заключению, что доказав историческую необходимость существования этой формации, он тем самым раскрыл и основание смены капитализма социализмом. Следовательно, основание—это то, закономерное развитие которого приводит к определенным следствиям. Из этого вытекает, что основание непосредственно связано с развитием. Там, где нет развития, нет перехода сущностей, говорить об основании нельзя, ибо оно является предпосылкой разрешения противоречий развивающихся вещей. А поскольку нет вещи без противоречий, стремящихся к разрешению, постольку основание всеобще. Все имеет основание. Без основания ничего не происходит ни в материальном, ни в духовном мирах.

По своей природе основание таково, что не может быть внешним. Ведь в качестве основания выступает сущность, от-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 207.

ношение которой к вещи не имеет внешнего характера. Наоборот, она есть то, что есть сама вещь. Основание—это сущность в действии. Говоря, что условия материальной жизни общества являются основанием для его духовной жизни, указывают на то, что первые порождают вторую. Если же из общего комплекса этих условий выделить географическую среду, то она действительно будет играть определенную роль, но роль лишь внешнего фактора, а не основания, ибо таковым является способ производства. Только в общей системе условий материальной жизни географическая среда является основанием для упомянутого следствия, вне этой системы она перестает быть основанием для духовной жизни общества. Основание, как внутри себя бытие сущности, есть целостность и расчленение ее на свои составные части и приводит к отрицанию основания или же к возникновению новых оснований с новыми следствиями.

Выступая против механического понимания причинности, Лейбниц выдвинул тезис о достаточном основании. Но может ли одно и то же основание в одно и то же время быть вполне достаточным для одного и того же следствия? И да, и нет, смотря в каких отношениях находится это основание. Например, дезертирство американских солдат во Вьетнаме имеет свое основание в том, что последние не хотят умирать ради выгод кучки магнатов монополистического капитала. Это основание для подобного действия вполне достаточно. Если бы оно не было достаточным, солдаты оставались бы на своих постах. Но для американского правительства это основание не только недостаточно, а вообще не является основанием для подобного поступка. Более того, оно считает его преступлением, которое карается. Следовательно, нет основания вообще, есть исторически конкретное основание, значение которого зависит от тех отношений, в которых оно выступает.

Одно и то же явление может иметь больше одного основания, потому что само оно находится во многих отношениях. Так, например, основаниями победы Октябрьской социалистической революции служили: 1. противоречия между производительными силами и производственными отношениями в царской России, доказывающие, что при господстве существующих тогда отношений дальнейшее развитие производительных

сил стало невозможным; 2. тот факт, что в России буржуазно-демократическая революция еще не победила; 3. империалистическая война больше всего обострила противоречия в России и т. д. Но все эти основания не имели одинакового значения для победы Октябрьской революции, хотя каждое из них играло положительную роль в достижении этой победы. Говоря **о непосредственном** основании, Ленин считал, что Октябрьская революция связана с первой всемирной империалистической войной. Следовательно, когда много оснований, одно из них играет решающую роль и задача познания состоит в том, чтобы найти и точно определить его место в системе других оснований. Основание—это не причина, оно больше, чем причина как по радиусу действия, так и по глубине охвата процесса. Но одно только его присутствие недостаточно для перехода данной сущности или же для разрешения существующих противоречий. Достижение этой цели возможно только при наличии условий перехода.

11. УСЛОВИЕ И ПЕРЕХОД СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ

Основание возникает в самой вещи в результате внутренних противоречий. На определенном этапе созревания этих противоречий, возникшее основание вполне достаточно для перехода к новой сущности,—ввиду, конечно, внутренних соотношений сил. Однако вещь, кроме своих внутренних отношений, находится и во внешних связях и взаимодействиях, имеющих существенное значение для нее и часто определяющих ход ее движения. Комплекс этих внешних отношений является условием для разрешения противоречий любой сущности или явления объективного мира. Но следует ли из этого, что условие тождественно с внешними отношениями? Нет, конечно, ибо внешними отношениями бывают и такие, которые для данного перехода имеют лишь побочное значение, а условие определяет ход процесса и имеет существенное значение для его судьбы. Условие внешне только по сравнению с основанием, а так оно не только не внешне сущности, но и является той средой, в пределах которой развертывается сущность.

Нечто становится условием, когда оно обусловливает бытие некоего другого. В процессе этого отношения условие передает свое содержание обусловленному, однако не перестает быть самостоятельным. Одно из условий победы революции — политическая зрелость народных масс, содержание которой сливается с содержанием революции, но как условие она продолжает свое самостоятельное существование. Сказать то же самое относительно основания невозможно, оно не может быть самостоятельным, поскольку «есть **сущность**, положенная как **целостность**»[1]. Впрочем из этого не следует, что условие менее важно для вещи, чем основание. Если основание есть сама вещь в процессе существования, то условие является тем источником, из которого вещь черпает новый материал для обогащения и развития собственного содержания. Более того, вещь существует, потому что есть условия для этого, вне условия нет вещи. В этих отношениях вещь зависит от своих условий. Но это не значит, что условие абсолютно автономно, совершенно независимо от вещи. Если нет вещи, то нет и условия, ибо нечто становится условием только в отношениях с неким другим, если есть это другое, существование которого связано с определенным условием, тогда можно говорить об условиях. Если нет, например, атомов химических элементов, то об условиях соединения их в молекулы не может быть речи. Известно, что от высокой температуры даже ядро атома теряет свою тождественность в центрах звезд, поэтому говорить об условиях образования молекул там бессмысленно. Следовательно, условие и вещь нераздельны, они взаимно обусловлены.

Не следует думать, что условие может играть роль основания или оно есть основание существования вещи. Гегель был прав, когда писал, что «Нечто есть не в силу своего условия; его условие не есть его основание. Условие есть для основания момент безусловной непосредственности, но не есть самодвижение и положение, которое относится к себе отрицательно и делает себя положением. Поэтому условие противостоит **отношению основания**. Нечто имеет также основание вне своего условия»[1]. Основание существования вещи имеется

---

[1] *Гегель,* Соч., т. I, стр. 207.

[2] *Гегель,* Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 68.

независимо от условия, поскольку она обладает сущностью. Наличие условия дает этому существованию определенно конкретный характер. Оно имеет большое значение и для основания. Ведь «то непосредственное, к которому основание относится, как к своему существенному предположению, есть условие»[1].

Для перехода сущности необходимо не только основание, но и условие. Наличие одного только основания недостаточно для перехода, потому что без условия сущность не осуществляется, тем более не переходит в свою противоположность. Более того, присутствие только условий с главным основанием опять ни к чему привести не может. Разрешение имеющихся противоречий требует, чтобы было **полное** основание совместно с условиями. Так, например, с точки зрения развития производительных сил основание для перехода от капитализма к социализму в США более чем достаточно, а с точки зрения общественно-политической зрелости рабочего класса и вообще трудового народа и условий, страна эта еще не готова для такого перехода.

Нет условия вообще, оно всегда исторически конкретно и возникает в результате перехода известных явлений в условия. Условиями развития растения являются наличие земли, определенного количества и видов солей в ней, температура и влажность как воздуха, так и земли и, наконец, свет. Все они существуют независимо от растения и превращаются в условия в результате установления известных форм отношений между ними и растением. Помимо этого, одно и то же явление в одном случае может быть условием, а в другом—обусловленным. Об этом говорит тот факт, что упомянутые количество и виды солей, выступающих в качестве одного из элементов условий для развития растения, в свою очередь обусловливаются теми химическими процессами, которые происходят внутри земли.

Условий бесконечно много, поскольку формы отношений вещей тоже бесконечны. Но для развертывания и разрешения противоречий они могут иметь либо такое определяющее зна-

---

[1] *Гегель*, Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 67.

чение: что от них зависят существование самой вещи или самого явления, либо оказывать заметно большее влияние на процесс движения, ускоряя или замедляя его, но всегда так, что без них прекращается объективный процесс изменений. Только что упомянутые условия для развития растения являются жизненно необходимыми, без которых нет растительного мира. Но нельзя сказать того же относительно таких условий, как удобрение земли или севооборот, преследующих те же самые цели. Конечно последние оказывают влияние на растение, в частности на урожай пшеницы или хлопка, но считать, что существование растения зависит от них неверно, ведь было время, когда этих условий для роста растений не было, однако и трава росла, и яблоня цвела в лесу. Следовательно, говоря об условиях, необходимо отличать главные от неглавных, различную роль их в жизни вещей и явлений.

Обобщая вышеуказанное, следует заключить: раскрытие сущности или ее явления есть сложный процесс, осуществляющийся через соотношение целого и частей, формы и содержания, основания и условия, развертывания и разрешения противоречий и т. д. Познание идет к своей цели, отражая все эти процессы, которые дают возможность убедиться в историчности как сущности, так и явления.

12. ИСТОРИЧНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Явление сугубо исторично. С развитием науки и техники изменяются также явления природы и общества, появляются новые явления, возникают новые формы отношения между субъектом и объективным миром. Поэтому можно сказать, что историчность явления осуществляется:

Во-первых, как отражение историчности предмета внешнего мира, историчности раскрытия его структуры, его свойства и вообще форм существования реальных веществ.

Во-вторых, как изменение его собственных форм, которые стареют для адекватного отражения новых форм этих вещей вследствие их развития. Явление всегда есть явление вещи, и оно относится к ней как к своему основанию, которое подлежит осуществлению и до такого существует лишь как

вещь в себе. Но вещь в себе не противостоит осуществленной вещи как своему принципиальному отрицанию, ибо она в потенции имеет способность осуществляться. Осуществленная вещь, снимая форму вещи в себе, утверждает ее реальность, превращается в вещь для нас. Следовательно, вещь в себе как основание относится к явлению как к чему-то, во что она непрерывно переходит, а явление относится к вещи в себе как к чему-то, из чего оно исходит, богатство чего оно отражает в себе и раскрывает для нас.

В явлении вещь в себе существует как его определенное основание, которое постоянно переходит в явление, удерживающее вещь в себе уже как снятую. Отрицание вещи в себе, ее познание через явление есть двуединый процесс. Чтобы упомянутые отношения постоянно существовали, объект должен непрерывно противостоять субъекту как вещь, утверждающая свою независимость, как реальность. Субъект, усвоив предмет своего познания, не должен «растворяться в нем», не должен переставать быть тем, чем он является, т. е. субъектом, что и наблюдается в действительности.

Таким образом, в явлении ясно различаются две противоположные стороны, две крайности в одном и том же единстве. Процесс явления есть, с одной стороны, снятие, а с другой—утверждение этих крайностей. Вещь, ставшая объектом явления, перестает быть первоначальной вещью, она уже не вещь вообще, а осуществленная вещь, вещь в своей исторической конкретной форме. Но так как это отрицание есть отрицание исторической конкретной формы, вещь в этом процессе отрицания развертывается, раскрывает свое богатство, тем самым уже утверждает свою реальность, т. е. первоначальное отрицание отрицается, и вещь все время восстанавливается на совершенно новых основах. Поэтому явление есть, с одной стороны, взаимопереход сторон или моментов, участвующих в процессе, а с другой—восстановление и сохранение этих моментов, благодаря чему явление есть процесс. В этом процессе вещь **бесконечно** осуществляется тем, что она в своем переходе в вещь для нас неисчерпаема. Явление есть форма осуществления этой неисчерпаемости, в котором есть нечто, которое постоянно принадлежит ему, прочно сидит в нем, как его сущность. Это нечто—закон явления.

а) Процесс познания и определение закона

Познание закона удается нам не сразу, потому что он не находится на поверхности явления. Рассматривая мир вещей и явлений, мы обнаруживаем наличие связи между ними, например, между телом и теплотой, вследствие чего тело расширяется и вообще меняет свою форму. Раскрытие этой связи становится возможным благодаря результату. Зная результат, мы ищем приведшие к нему причины. Найдя их, устанавливаем закон явления.

Но к закону мы можем придти и путем наблюдения непрерывно повторяющихся фактов, эксперимента, который неотделим от абстракции, поскольку каждому эксперименту предшествует длительное наблюдение, размышление и умозаключение в форме гипотезы. Абстракция дает нам возможность отвлекаться от того, что искажает процесс осуществления закона и мешает представить его в чистом виде. Но она, одновременно, позволяет нам заниматься вычислением того общего, что присуще группе явлений данного рода с целью зафиксировать закон, изучить его и найти его формулу. Следовательно, для открытия закона познание совершает во всех случаях переход от внешнего к внутреннему его процессу. Совершая его, познание устанавливает, что закон—это прежде всего форма связи объективного мира. Впрочем, было бы неправильным утверждение, что любая форма связи есть закон. Только **определенные** формы связи могут иметь значение закона. Определенность эта состоит в ее **всеобщности.** Энгельс говорил, что форма всеобщности связи в природе есть закон. Случайные, единичные формы связи или причины не являются законами, поскольку «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к отдельному случаю»[1].

Например, причиной расширения летом железнодорожных рельс является их согревание солнцем. В этом случае мы имеем дело с единичным явлением, для объяснения которого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 22.

требуется выяснение причинной связи. Для того, чтобы вывести закон, необходимо от единичного перейти к всеобщему, необходимо данную форму причинной связи применить не к отдельным фактам природы или общества, а ко всему комплексу фактов, необходимо показать те объективные условия, постоянное присутствие которых **всегда** вызывает упомянутую форму связи.

Причинность в своей единичной форме показывает внутренне необходимую связь явлений, представляет собой ту основу, на базе которой возникает закон. Более того, можно сказать, что цепь причинной связи и есть закон. Энгельс считает, что если рассматривать отдельно взятое «явление в его общей мировой связи», то понятия причины и следствия «соединяются и переходят в представление о всеобщем взаимодействии», т. е. в представление об одном из всеобщих законов природы и общества. Следовательно, закон включает в себя причинную связь как свою своеобразную «клетку». Закон—это особая всеобщая форма связи.

Как форма связи, закон выражает известное отношение между вещами или явлениями объективного мира. Это было известно материалистам до Маркса. Однако, эти отношения они представили как внешние отношения и потому не дошли до раскрытия истинной сущности закона. В действительности закон выражает не всякое, не побочное, а самое существенное отношение, такое отношение, которое отражает сущность предмета. Ленин считает, что «закон и **сущность** понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира е+с»[1]. Отделение закона от сущности и тем более противопоставление их друг другу не имеет ничего общего с наукой, поскольку такое противопоставление ведет к превращению закона в априорную конструкцию чистого рассудка кантовского порядка или же в чистое отношение, без какого-либо конкретного содержания.

Закон всегда содержателен. Собственно говоря, он образует содержание явления. Как форма существенных отношений закон не случайность, а необходимость. Но из этого не

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 29, стр. 136.

следует, что закон является огульным отрицанием случайности. Во-первых, необходимость, что лежит в основе закона, есть цепь случайностей и осуществляется через случайности. Во-вторых, закон выражает лишь общую тенденцию развития или изменения явления, поэтому он приближается, но не совпадает **полностью** с действительностью. На эту особенность закона указал Энгельс. Он писал: «Все они (законы) не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в **непосредственной** действительности. Это происходит отчасти вследствие того, что их действия перекрещиваются с одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы как понятий»[1]. В-третьих, та всеобщая связь, которая выступает как закон и существует в единичных вещах или же между единичными вещами (действия которых, взятые в отдельности, имеют случайный характер) необходимым является лишь общий результат. В статических законах, где действие каждого члена ансамблей, имея характер необходимости одновременно подчиняется многим случайностям, эта особенность проявляется ярче. В-четвертых, действие любого закона зависит не только от той сущности, которую он отражает, но и от обстоятельств, посторонних для его сущности, поэтому он всегда является вероятным. В теории, говорит Маркс, предполагается, что законы капиталистического производства развиваются в чистом виде. В действительности всегда имеется налицо лишь некоторое приближение, потому что чистого капитализма нет. Наличие некапиталистических отношений наряду с капиталистическими не дает возможности упомянутым законам осуществляться в чистом виде. Иначе говоря, необходимость в законе не отрицает присутствия определенного элемента случайности. В-пятых, все законы будучи формами общих связей являются законами конкретных объектов и действуют в конкретных условиях. Например, законы физики суть формы физического типа связей, а законы биологии—формы связей, имеющие место в живой материи, поэтому законы физики механически переносить в область биологии или же наоборот, недопустимо. Более того, будучи определенным типом связей каждый закон (в границах этого типа связей) содержит в себе мно-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 39, стр. 355.

жество различных конкретных форм связей, которые, как таковые, случайны по отношению к общей форме связи. Все это дает нам основание говорить, что любой закон внутренне противоречив, включает в себя как то, что непосредственно вытекает из сущности и является необходимостью, так и то, что непосредственно не вытекает из сущности и является случайным по отношению к ней. Энгельс говорит, что в природе закономерность существует внутри случайностей, выступающих на поверхности явлений, а в обществе, где все начинается с внутреннего общего закона, на поверхности явлений тоже царит, в общем целом, по-видимому, случай[1]. Так что игнорировать роль случайностей в законах нельзя, но нельзя и переоценивать ее. Во всяком законе главным, определяющим является момент необходимости. Необходимость присуща тем отношениям, которые даются законом; она не является чем-то стоящим над законом или выше закона, а представляет собой его характерную черту. А как же относится закон к явлению? Как сущность явления, он не противостоит ему, но одновременно и не тождественен с ним.

Во-вторых, отношение явления и его закона состоит в том, что закон есть «постоянный образ непостоянного явления». В то время, как явление переходяще, его закон имеет относительную устойчивость. Закон не изменяется в каждое мгновенье. Поскольку существует данное явление, его закон остается одним и тем же. Изменение закона есть изменение характера явления или же его перехода в другое. Но не всякое изменение явления есть изменение закона явления, поскольку закон—его устойчивая сущность.

Во-вторых, так как закон соотнесен с явлением, основное содержание у них одинаково и они вполне совпадают друг с другом. Но в этом совпадении есть в то же время несовпадение, различие явления и его закона. В то время как закон составляет существенное, основное в содержании, явление выступает как **все** содержание являющегося предмета. Поэтому содержание явления богаче содержания закона, охватывая в себе многие определения, не принадлежащие закону.

В-третьих, закон есть закон данного явления, его сущность, постоянство **этого,** а не другого явления; поэтому он

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 21, стр. 305—306.

исторически конкретен. То, что называется покоем, по сути дела есть движение. Например, закон стоимости, как клеточка, которая в себе заключает основы многообразия капиталистических общественных отношений, есть отражение не только спокойного состояния явления, но также их постоянного движения, потому что сама стоимость является **стоимостью** только в движении, в процессе капиталистического воспроизводства. Следовательно, закон, в смысле историчности, не противостоит явлению. Закон, как и явление, конкретен: закон стоимости, закон революции, закон тяготения и т. д. Нельзя ни один из этих законов механически перенести в другое явление и применить к нему, ибо перечисленные явления качественно различны.

Кроме того, так как явление вечно меняется, а закон адресован явлению, не на всех ступенях явления проявление его закона бывает одинаковым. Если, например, над уровнем моря вода кипит при 100°, то на вершине горы для этого требуется уже значительно меньше теплоты. Таким образом, будучи устойчивым в явлении, закон одновременно историчен. Историчным становится устойчивое содержание явления, наиболее существенное в нем, и так как существенное—основание явления, в историчности закона проявляется историчность самого явления. Из этого следует, что познание закона есть познание явления и наоборот, ибо содержание обоих в основном тождественно, а различие принадлежит лишь их специфике. В то время как закон есть покоящееся содержание явления, явление есть то же самое содержание, но только в непрерывной смене.

В-четвертых, явление есть осуществляющаяся реальность, а закон есть то, что лежит в основе этого осуществления, что направляет ход и характер этого осуществления. А это—сама реальность. Что же направляет ход и характер, например, революции, как общественного явления? Конечно, степень развития противоречий производительных сил и производственных отношений, а следовательно, противоречий между борющимися классами. А это и есть объективная реальность, форма осуществления материи вообще.

Явление в первую очередь—обнаружение своего основания, поэтому истинное содержание явления—закон. В законе

явление освобождается от случайностей, благодаря чему мы познаем главное, постоянно пребывающее в явлении. Постоянным же фактором явления выступает то основание, которое обеспечивает непрерывное воспроизводство явления. Этим основанием является предметный мир. Закон—это способ поведения явления объективного мира и по своей природе является объективным.

б) Объективность закона

Выступая против материализма, Кант писал: «Законы существуют не в явлениях, но только по отношению к субъекту, которому присущи эти явления, поскольку он имеет рассудок»[1]. После Канта этот субъективизм постепенно стал господствующим направлением буржуазной реакционной мысли, согласно которой законы природы и общества якобы целиком зависят от субъекта и его воли. Это направление не отрицает, что в природе действуют определенные законы, что, например, при бомбардировке ядра атома альфа-лучами происходит процесс расщепления ядра атома по определенным законам, но считает, что эти законы субъективны, ибо основной процесс, который происходит в природе при ее изучении,—это отметки стрелок на приборах или же вспышки на экранах, вызванные нами. Поэтому законы природы по утверждению сторонников этого направления—определенные правила, приписанные нами природе. Конечно, если бы природа существовала в нашем сознании или же в наших восприятиях, тогда такой вывод имел бы основание. Но мы уже знаем, что с самого начала познание имеет свой предмет независимо от себя, объективно. А это обстоятельство дает ему возможность при изучении движения микрочастиц находить реальные основы, например, комбинации данных измерительных приборов и вспышки на чувствительных экранах. А найдя эти основы, познание неизбежно приходит к признанию истинности утверждения объективности законов материи.

Выступая против объективности законов материи, идеа-

[1] *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 129.

листы говорят: законы познаются людьми, люди могут заставить силы природы и общества действовать именно так, как это желательно им, поэтому они в силе отменить законы реальной действительности, заменить их новыми законами. Конечно, люди способны заставить силы природы, например, электричество, действовать на пользу общества. Люди имеют полную возможность использовать огромную силу атомной энергии для прогресса общества, заставить ее служить человеку. Но из этого не следует, что они в силе отменить объективные законы действия электричества или ее атомной энергии. Наоборот, только точное знание этих законов, последовательное их применение дает возможность человеку применять силу электричества, передавать ее на далекое расстояние, использовать ее для промышленности, для освещения домов и т. д. Всякое неразумное отношение к объективным законам действия электричества смертельно опасно.

То же самое следует сказать относительно законов общества. Для того, чтобы развивать общество дальше, передовые классы стараются заменить устаревшие формы производственных отношений новыми, более передовыми, пользуясь существующими законами общества. Так поступила буржуазия, выступив против феодализма, так поступили и мы, когда совершили Великую Октябрьскую Социалистическую революцию. Но эти действия—как буржуазии, так и пролетариата—привели к положительным результатам именно потому, что, совершая их, люди строго руководствовались объективными законами общественного развития. Подчиняя себе силы природы и общества, человек в свою очередь в известном смысле подчиняется этим силам в форме строгого соблюдения их законов. Все это говорит о том, что законы природы и общества существуют объективно, независимо от людей.

в) Виды и соотношение видов законов

По объему действия и по своему характеру законы объективного мира не одинаковы. Приступая к раскрытию законов природы, познание фиксирует, что не все они действуют повсюду. Например, закон сохранения материи действует как

в неорганическом, так и в органическом мире и в обществе, а закон обмена веществ имеет силу только для живой материи. В обществе закон соответствия производственных отношений степени развития производительных сил свойственен всем экономическим формациям, а закон неравномерного развития является законом капиталистического строя. На основе наблюдения за всем этим, познание заключает о существовании всеобщих и особых законов. Общие законы всегда осуществляются в конкретно исторических формах. Является фактом, что основные законы диалектики действуют не **вообще**—вне времени и пространства, а в объективных явлениях природы и общества. Они являются законами материального мира, который существует в форме земли, луны; солнца, звезд и т. д. Поэтому такой общий закон, как закон качественного изменения, осуществляется в форме химической реакции, замены старого общественного строя новым или же в другой конкретно-исторической форме. Следовательно, общие и частные законы внутренне связаны так, что в процессе диалектического развития один переходит в другой. Так как материя существует только в какой-либо конкретной форме, любой закон в действительности, как закон **того** или **другого** тела или явления, всегда имеет частную форму осуществления. Его общность состоит в том, что он действует или же может действовать везде, и все формы материи в своем движении подчинены этому закону, в нашем примере—закону качественного изменения.

Кроме того, любой частно-конкретный закон является таковым только в известных отношениях, в отношениях к более общеохватывающим формам материи и ее движения, а в других отношениях этот же закон уже превращается в общий закон для всех видов данного рода. В нашем примере закон обмена веществ, будучи частно-конкретным по сравнению с законом сохранения материи, является общим для органического мира в целом. Иначе говоря, общие законы по своей природе одновременно конкретны, переходят в конкретные законы, и наоборот. В этом суть диалектики соотношения общих и конкретных законов. Абсолютизирование общих законов приводит нас к созданию мертвой схемы, а абсолютизирование конкретных законов—к ползучему эмпиризму. Диалекти-

ческое мышление является отрицанием этих двух крайностей и рассмотрением явлений в своем переходе.

Научное познание общего хода развития объекта требует знания не только общих и частно-конкретных законов, но выяснения и точного определения основного закона, который является наиболее существенным для данного явления. Любое явление подчиняется многим законам, но среди них есть один закон, который определяет ход и характер его изменения и является основным для него. Капитализм, например, как особая общественно-экономическая формация подчиняется многим законам, но среди них закон производства и присвоения прибавочной стоимости основной.

Основной закон конкретен, поскольку имеет значение только для определенного явления, оказывается основным, например, для капитализма или же органического мира, а не вообще основным. Но одновременно он является общим законом для данного явления, поскольку оно в целом определяется его действиями. В нашем примере закон производства и присвоения прибавочной стоимости есть общий закон капитализма.

Общий и основной законы во многом сходны, но они не тождественны. Общий закон дает нам представление лишь об общей тенденции развития данного явления, вследствие чего он не может быть основным для него. В отличие от общего, основной закон имеет более конкретный характер. Он показывает именно такие отношения, которые наиболее специфичны, наиболее существенны для данного явления, и отражает главнейшую сторону его индивидуальности. Конечно, как общий, так и основной законы показывают сущность явления. Однако каждый из них отражает эту сущность с разных сторон и в разной форме. Эта разница состоит в том, что общий закон берет сущность только с одной стороны и определяет общий путь движения явления с этой стороны. Основной закон идет дальше, он не ограничивается и не может ограничиваться отражением лишь отдельных процессов или форм связей явления, представляя собой воспроизведение всех главнейших черт его процессов и сторон, причем в более конкретной форме, благодаря чему явление на данной ступени своего развития проявляется в нем полнее, чем в общем законе.

Одно и то же явление может иметь несколько общих законов, каждый из которых играет особую роль в его жизни, но оно не может иметь больше одного основного закона, поскольку последним исчерпывается отражение его главнейших черт.

Из всех имеющихся законов законы природы качественно отличны, в особенности от законов общества. Общество—часть природы, но оно—совокупность людей, связанных между собой трудовыми связями, и поэтому суть совершенно новое качество. Поэтому законы общества не тождественны с законами природы, они не могут быть механически перенесены на природу и применены к ее явлениям. Законы общества —законы социальной жизни. Содержание этой жизни состоит в целеполагающей деятельности человека, в изменении природы человеком с определенной целью, в труде, в конце которого получается результат, который уже в начале этого процесса существовал в представлении человека, т. е. идеально, как говорит Маркс.

Законы общества и прежде всего основной закон любой экономической формации указывают на **цель** общественного производства, на ту **сознательную** задачу, которая поставлена перед обществом, перед членами общества. Так, например, основной закон или же цель социализма—обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества. А в природе законы выявляются иначе. Например, закон расширения тела от теплоты не выражает стремление теплоты или же тела, как сознательного действия. Дело в том, что тела неорганического мира, как и теплота, не имеют сознания, зачатки которого зарождаются только в живой клетке. Следовательно, сознательная и целесообразная деятельность имеется только в обществе, она соответствующим образом отражается в общественных явлениях, придавая им особый характер.

Устанавливая отличие законов общества от законов природы, познание не считает его абсолютным, во-первых, потому что оно исходит из того, что общество существует так же реально, как природа, следовательно, законы общества так же объективны, как законы природы. Во-вторых, общество является частью природы. Конечно, часть нетождественна с

целым, но и не противостоит ему, между ними существуют отношения различия в пределах их полной объективности.

Таким образом, для познания становится ясным, что по характеру, по радиусу действия и по многим другим признакам законы бесконечны, но все они одновременно связаны между собой, составляя целый диалектический процесс, основной чертой которого, наряду с объективностью, является историчность.

г) Историчность законов

Доказывая, что закон соотнесен с явлением, есть его закон и что явление всегда исторически конкретно, познание приходит к заключению, что нет абсолютно вечных законов, что они исторически конкретны или же осуществляются в определенно-конкретных формах. Закон, как таковой,—абстракция мысли, логическая категория, отражающая многогранность законов. В действительности же эта абстракция существует в форме закона кровообращения, закона механического движения, борьбы классов и т. д. Поскольку кровообращение, механическое движение или же борьба классов суть продукты исторического развития, то, следовательно, их законы вечными быть не могут. Раньше, в силу недостаточного развития науки, обнаружить эту особенность законов не могли, а сейчас, когда научная мысль шагнула очень далеко, **вечные законы природы** превращаются все более и более в исторические законы, говорит Энгельс. Так, например, законы метеорологии, которые считались вечными законами природы, оказались ограниченными определенными условиями, связанными с нашей планетой. Законы физики и химии тоже действуют там, где есть **соответствующие условия** для них. Является фактом, что, например, законы химических связей элементов прекращаются на солнце вследствие наличия там высокой температуры. И «если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых ко всем телам, начиная с туманности и кончая человеком, то нам остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии (vulgo)—механическая теория теплоты. Но

сама эта теория превращается, если последовательно применять ее ко всем явлениям природы, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения,—и, таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь движение»[1]. Это значит, что абсолютно вечным законом материи является движение, как атрибут, как основная форма ее существования. Поскольку **основные** законы материалистической диалектики характеризуют **главнейшие** стороны движения, они имеют абсолютное значение для объективного мира. Но эти законы, как уже было доказано, осуществляются в объективном мире в конкретно-исторических формах, ибо само движение доступно нам как механическое перемещение тел, молекулярное изменение, производственные отношения и т. д.

От рассуждений об абсолютно вечных законах без раскрытия их связи с конкретно-историческими законами, без выяснения вопроса о том, как они осуществляются в реальном мире, пахнет дюрингианством. Как известно, «Дюринг направо, налево, по сложнейшим вопросам науки вообще и исторической науки в частности, бросался словами: последняя, окончательная, вечная истина. Энгельс его высмеял: конечно,—отвечал он, —вечные истины есть, но неумно употреблять большие слова (qewaltige Worte) отноительно простых вещей. Чтобы двинуть материализм вперед, надо бросить пошлую игру со словом вечная истина, надо уметь диалектически поставить и решить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины»[2]. Это значит, что с точки зрения марксизма можно и нужно говорить не о вечных законах вообще, а об объективных общих и основных законах природы и общества, об их связи с конкретными и неосновными законами, об овладении этими законами и об изменении этих законов в связи с изменениями исторических условий и явлений мира.

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т .20, стр. 553—554.

2 *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 14, стр. 120.

Историчность закона вытекает из историчности сущностей, отношение которых даст нам закон. Мы уже знаем, что в результате обострения и разрешения внутренних противоречий одна сущность переходит в другую. Этот переход является появлением нового закона, ибо в результате указанного перехода возникают новые отношения между новыми сущностями. Новый закон генетически связан со старым, потому, что только действия старого закона создали предпосылки для возникновения нового. Но из этой генетической связи не следует, что новый закон является лишь усовершенствованием старого. Нет, он качественно новый закон. В самом деле, законы, например, растительного мира генетически связаны с законами неорганического мира, с физико-химическими процессами, но они качественно отличаются от своих предшественников тем, что являются формами отношений живых сущностей.

Историчность закона подтверждается и тем, что в начале любой закон выступает только в форме общей тенденции, которая пробивает себе дорогу через массу случайностей. Разве не так возникли законы буржуазного общества? Маркс это прекрасно показывает на примере анализа переходов форм стоимостей.

Познание законов тоже имеет исторический характер. Оно начинается с раскрытия отношения между отдельными качествами и только в дальнейшем переходит к установлению количественных соотношений, что дает возможность глубже познать характер процессов объективной действительности. Установление качественных соотношений дает возможность фиксировать факт однородности определенной группы явлений, а анализ их структуры и взаимоотношений остается вне поля нашего зрения. Но ведь сущность закона состоит как раз в этих взаимоотношениях, и познается при количественном подходе к вопросу, конечно, не абсолютизируя и не отрывая его от изучения качественных связей.

Познавая закон, мы овладеваем явлением. Движение познания в своем возникновении не было отстранением или же уничтожением чувственно-предметного мира. Наоборот, практика показала, что оно, будучи познанием реального, возникает лишь благодаря известному отношению субъекта к окру-

жающему вещественному миру и является формой такого отношения. Но это отношение—не тавтологическое повторение одного и того же. Чувство показало нам предмет в его абсолютно единичной форме. Восприятие, делая шаг вперед, обнаружило, что вещь многогранна, а явление выяснило, что эта многогранность не субъективное восприятие а сама действительность.

ГЛАВА III

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

1. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ

В первом акте познания дана вещь со своими качествами, которыми она обособляется от другой вещи. Обособление —это установление границы, в пределах которой данная вещь выступает с определенным качеством, как конкретно единичная вещь. Качество осуществляется во многих свойствах, что свидетельствует о сложности вещи. Вещь же состоит из многих элементов, внутренняя связь которых дает нам ее структуру. Сущность вещи дана в явлениях. Вещь осуществляется в явлениях, имея свое основание и условия. Она является как целостность и в частях, имеет свое содержание, которое дается нам через форму. Все это говорит о том, что вещь обладает внутренними противоречиями, развертывание и разрешение которых совершается по определенным законам и приводит к переходу от одной сущности к другой. Познание всего этого является познанием действительности, так как оно показывает вещь в своем движении или деятельности. Гегель был прав, считая деятельность особенностью действительности. Вещь есть действительность в процессе осуществления. Поскольку вне этого процесса нет вещи, последняя всегда есть действительность.

Действительность—это совокупность вещей и явлений объективного мира в процессе их осуществления. Нечто действительно, поскольку оно составляет частицу или форму проявления общей системы этого изменяющегося мира, к которо-

му относится не только природа, но и общество со своим духовным миром. Основными признаками действительности являются: реальность и историчность. А таковые суть не только вещи, но и духовное производство человека. Поэтому можно сказать, что действительность—это все то, что реально существует и развивается.

Желая показать реальность действительности, Л. Фейербах уверял, что она есть только чувственно-наглядный мир или совокупность чувственных вещей. Он писал: «Действительное в **действительности** или в **качестве действительности** есть действительное в виде **чувственного объекта**, есть **чувственное. Истинность** есть то же самое, что действительность. Только чувственное вещество есть чувственное, **действительное** существо»[1]. Данное положение было направлено против Гегеля, объявлявшего разум абсолютно деятельным мировым принципом и отождествлявшего действительность с разумом. Утверждать, что действительность—это чувственно-наглядная вещь, значит, по мнению Гегеля, становиться на точку зрения вульгарного представления[2]. И, конечно, Фейербах был прав, критикуя в этом пункте Гегеля. Но подойдя к вопросу созерцательно, он не сумел показать диалектики действительности, ее исторического процесса непрерывного изменения, а, кроме того, сам впал в другую крайность, исключив из действительности духовный мир. Ведь общество не находится вне действительности. Общество—это совокупность людей, которые обладают разумом и занимаются не только материальным, но и духовным производством. Кроме того, не все, что дано в ощущениях истинно, действительно. По данным ощущения, опущенная в воду палка кажется сломанной, между тем в действительности это не так. Поэтому сводить все к чувственно-воспринимаемому, неверно.

Гегель говорит, что «действительность есть единство сущности и осуществления»[3]. Это верно. Сущность есть погруженная внутри себя вещь. Осуществление сущности есть обнару-

---

[1] *Л. Фейербах,* Избранные философские сочинения, 1955, т. I, стр. 182—183.

[2] *Гегель,* Соч., т. I, стр. 239.

[3] *Гегель,* Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 115.

жение того, что есть в самой вещи, поэтому действительность является единством этих двух моментов. Сущность указывает на материю, осуществление—на процесс, в котором находится эта сущность. Прав К. Фишер, говоря, что «действительность следует понимать как деятельность, не как мертвую, а как **деятельную** действительность, как действие в том же смысле, в каком древние говорили об истинно действительном или истинно сущем»[1].

Что такое, например, действительность буржуазного общества, если не непрерывное осуществление сущности этого общества или же, выражаясь языком политической экономии, непрерывное воспроизводство капиталистических отношений.

Действительность—это окружающий нас мир вещей и явлений в бесконечном движении, в пространстве и времени. Мы часто говорим, что «это есть действительный факт». Это значит, что явление, о котором идет речь, когда-то не было действительным, но пришло время и оно снова стало таковым, что действительность есть движение, непрерывное воспроизведение в новых формах. Ставшая новой действительность имеет свои предпосылки в предыдущей действительности. Существовавшая прежде действительность отрицается новой более жизнеспособной действительностью. И в этом процессе чередования раскрывается как многообразность, так и историчность действительности.

Действительность—это вся многообразность как материального, так и духовного мира. Но многообразность не дана с самого начала в готовом виде, она является результатом исторического развития. Поэтому действительность всегда исторически конкретна. Нет действительности вообще, есть исторически возникшая та или иная действительность. Вещь на ступени действительности конкретизируется, поскольку она осуществляется, т. е. обнаруживает свое внутреннее богатство, показывает свою сущность во многих явлениях. Следовательно, действительность всегда развивается, она с одной стороны совершенствуется, а с другой—обогащается. Так, например, социалистическое общество, как реальная действительность, в своем поступательном движении, во-первых, пре-

---

[1] *К. Фишер,* История новой философии, т. VIII, 1902, стр. 531.

одолевает остатки буржуазного строя, укрепляя позиции социалистических отношений, и, во-вторых, умножает общественное богатство путем всемерного развертывания производства всех видов благ. В этом процессе развития происходит смена старой действительности новой; то, что было действительным становится недействительным, а то, что не было действительным становится действительным.

Но можно ли считать действительным все, что существует? Ведь в таком случае не будет никакой разницы между действительностью и явлением. А между тем они существенно отличаются друг от друга. Всякое обнаружение сущности есть явление, но не всякое осуществление сущности есть действительность. Явление может быть и не необходимым, тогда как действительность обязательно есть необходимость. Еще Гегель справедливо говорил: «Действительность, в отличие от одного лишь явления, и, прежде всего, действительность как единство внутреннего и внешнего, так мало противостоит разуму, что она, наоборот, всецело разумна, и то, что неразумно, именно поэтому не должно рассматриваться как действительность». В этом положении Гегеля представители реакции видели «философское благословение» своей деятельности. Но это не так, ибо Гегель оправдывает тех, которые «не решают признать действительным поэтом или действительным государственным человеком такого поэта или такого государственного человека, которые не умеют создать ничего разумного и деятельного»[1]. Следовательно, по Гегелю действительно то, что оправдывает свое существование, т. е. является необходимым. Без атрибута разумности, т. е. необходимости, не все, что существует, является действительностью. А этот атрибут сугубо историчен. Немало фактов в истории, когда имеющееся разумное положение вещей переходило в неразумное, т. е. то, что раньше было действительным, потом уже переставало быть таковым, ибо «действительность не представляет собой атрибута, свойственного данному общественному или политическому порядку при всяких обстоятельствах и во все времена»[2]. Нечто может быть действи-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. 1, стр. 239.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, стр. 274.

тельным, если оно разумно, т. е. необходимо, если оно представляет поступательное движение вещей и явлений объективного мира, если оно жизнеспособно. Конечно, есть и действительность, у которой нет перспективы. Энгельс считает ее умирающей действительностью, по существу недействительностью. Истинная действительность жизнеспособна, она возникает закономерно и по необходимости. В этом процессе вечного движения новая действительность появляется в результате перехода возможности в действительность.

2. ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

«Возможность есть то, что существенно для действительности, но существенно таким образом, что она вместе с тем есть только возможность»[1]. И это верно. Возможность не существует где-то вдали от действительности, поскольку она —один из ее элементов, то внутреннее, которое обнаруживается в процессе развертывания действительности. Но поскольку она еще не осуществлена, она есть возможность. Ведь действительность—это единство возможности и ее осуществления, или же единство внутреннего и внешнего.

Внутреннее—это не противостоящая своему осуществлению возможность. Отношение между внутренним и внешним таково, что они, в конечном счете, покрывают друг друга. Маркс, например, доказал, что товар не стоит больше, чем он стоит, ибо в процессе обращения он обнаруживает лишь то, что действительно содержится в нем, внешний результат равен внутренней причине. Различие между внутренним и внешним состоит в том, что они суть отдельные моменты единства—действительности.

Первое указывает на возможность, а второе—на осуществление сущности, на действительность. Путать их нельзя. Возможность—это не действительность, как и наоборот. Возможность—это действительность только в потенции, это нечто, которое еще не осуществлено и требует многих условий для того, чтобы превратиться в действительность.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 240.

Возможность—это будущее объективного мира в его настоящей форме. Принять будущее за настоящее, означает перестать бороться за превращение первого во второе. Победа коммунизма во всех странах мира есть возможность. Для осуществления этой победы необходимо усилить позиции социалистических стран, организовать и вести по правильному пути мировое рабочее движение и добиться полной победы национально-освободительной революции, которой охвачены Азия, Африка и Латинская Америка. При отождествлении возможности с действительностью мы создаем ложное представление о положении вещей, тем самым лишая себя активной деятельности.

Всякая возможность содержит два момента: 1. положительный, когда нечто хотя и нет, но оно **должно быть,** ибо для этого существуют некоторые предпосылки, и, **2. отрицательный,** поскольку предполагаемого или желаемого нечто еще **нет,** а оно только **должно** быть. Эти два момента едины. О возможности нельзя говорить, если нет положительного момента, если нет уверенности, что нормальный ход событий обязательно приведет к осуществлению предполагаемого **нечто.** То же самое можно сказать относительно отрицательного момента. Если то, что должно стать результатом известного движения вещей уже существует, тогда о возможности речи быть не может, ибо она уже перешла в действительность. Таким образом, положительный и отрицательный моменты в возможности суть те, единство которых определяет ее существование.

Возможность—такая же объективная реальность как действительность, потому что она, во-первых, имеет свои корни в действительности и, во-вторых, в процессе собственного движения переходит в действительность. Если возможность не была бы объективной реальностью, тогда вещи и явления мира не имели бы никакой будущности, никакой перспективы развития, поскольку возможность—это их будущее в потенции.

Точка зрения идеализма о том, что возможность—это пустая абстракция мысли или же категория, принадлежащая только субъективному мышлению, неверна. Как логическая категория она является углублением познания в предмет, ибо она показывает реальную тенденцию развития объекта поз-

нания, то, к чему это развитие приведет. Когда мы говорим о возможности, например, полета человека в ближайшем будущем на Луну, этим мы высказываем не какое-нибудь субъективное желание, а определяем тенденцию развития современной науки и техники. Следовательно, возможность содержится в самих вещах и явлениях мира, она не привносится в них извне и наше суждение о ней является лишь отражением того, что есть. Конечно, мы можем высказывать и такие мысли, которые субъективны. Например, я могу сказать: возможно, что завтра утром солнце перестанет существовать, так как оно является конкретной формой существования материи, которая в процессе движения отрицается, переходя в свою противоположность. Это—пустая возможность или просто невозможность, хотя, как суждение, имеет формальное основание. Нечто возможно, когда оно имеет не только формальное, а первым долгом **реальное** основание, прочную материальную базу и элементы которого находятся в процессе становления. Примеров лишь с формальным основанием, можно привести бесконечно много, но они были и останутся только примерами. Строить науку на основе этих примеров нельзя. Наука имеет дело с закономерностями объективного мира. Возможность—это закономерное явление действительности, поэтому она является предметом научного познания.

«Возможно ли что-то или невозможно, это зависит от содержания, т. е. от целостности моментов действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя необходимостью»[1]. Гегель был прав. Только на основе конкретного анализа реальных соотношений сил можно говорить о возможности или невозможности того или иного явления. Этот анализ доказывает, что возможность нигде не дана в готовом виде, она является продуктом исторического развития.

Вначале возможность является в форме отдельных тенденций: то, что потенциально содержится в действительности постепенно начинает проявлять себя, затем происходит группировка этих отдельных тенденций в определенную систему движения или в возможность в качестве единства всех своих элементов. Так, возможность полета человека на Луну появи-

---

[1] *Гегель,* Соч., т. I, стр. 242.

лась в результате развития науки и техники, изобретения летающего аппарата, испытания полета в космосе животного, а потом уже человека, наконец, мягкой посадки летающего аппарата на Луне и т. д. Следовательно, возможность—это процесс, который имеет разные ступени своего формирования и созревания. Когда возможность в достаточной мере созрела, она переходит в действительность. Этот переход есть диалектическое превращение возможности в действительность.

Действительность содержит в себе не одну, а много возможностей, ибо она является единством многих противоречивых сил, каждая из которых находится в многочисленных отношениях с другими и осуществляется в разных формах. Если действительность не была бы многогранной, если бы в ней не действовали противоположные силы, мы имели бы одну возможность. Но по своей природе действительность многообразна и противоречива, поэтому она содержит в себе многие противоположные возможности. Каждая сила действительности, стремясь к осуществлению, вступает в борьбу с противоположными силами, преследует цель своей победы, которой она должна положить конец осуществлению возможности противоположных сил. Поэтому можно сказать, что хотя в одной и той же действительности есть многие возможности, но осуществляется лишь одна из них. Окончательная победа принадлежит той возможности, которая представляет передовую силу данного процесса. Конечно, иногда может одержать верх и консервативная сторона процесса, но эта победа имеет временный характер, ибо консервативная сила—это умирающая сторона процесса, которая рано или поздно должна сойти со сцены, уступая место передовой силе.

Но достаточно ли наличие одного только передового характера силы для того, чтобы представляемая ею возможность перешла в действительность? Нет, недостаточно. Для этого необходимы также соответствующие условия. Общеизвестно, что возможности перехода, например, неорганической материи в органическую существуют на многих планетах, но не на всех эти возможности переходят в действительность, потому что не везде есть подходящие условия для этого. Условия реализации любой возможности—это все внутренние и внешние

связи вещи или явления в их отношениях к данной возможности, это те предпосылки, без которых никакая возможность не способна переходить в действительность. А условия бывают объективными и субъективными. В природе для реализации возможности действуют объективные условия, существующие вне и независимо от сознания человека. А в обществе кроме объективных действуют и субъективные условия, как например, общественно-политическая зрелость трудящихся масс, их организованность, правильное руководство и т. д. как формы субъективных условий для победы национально-освободительной или социалистической революции.

Та возможность, для осуществления которой все условия уже созрели является реальной возможностью. Реальна та возможность, которая согласуется с объективными законами той действительности, которая породила ее, это та возможность, которая реализуется при наличии всех других возможностей, поэтому она одновременно конкретна в отличие от абстрактной. Это отличие проявляется в различных степенях вероятности их перехода в действительность.

Хотя возможность показывает тенденцию развития действительности, но не всякая тенденция может быть осуществлена. Для этого она должна созревать, иными словами, развитие противоречий должно привести к окончательному оформлению этой тенденции, к усилению ее позиции в действительности; она должна иметь требуемые условия для своего перехода в действительность, одним словом, должна стать реальной, конкретной возможностью. Пока все эти предпосылки отсутствуют, упомянутая возможность будет существовать как абстрактная возможность. Следовательно, абстрактная возможность не тождественна с невозможностью. Невозможность—это такое формальное высказывание, которое не имеет никаких оснований в действительности, чего нельзя сказать относительно абстрактной возможности; она возникает на основе определенных предпосылок, но недостаточных для того, чтобы переходить в действительность.

Реальная и абстрактная возможности не существуют в навечно данной форме и абсолютно оторванно друг от друга. Они являются продуктами исторического развития и способны к взаимопревращению. С изменением ступени развития дей-

ствительности и существующих условий абстрактная возможность может стать реальной, а реальная—абстрактной. Так например, в XIX веке победа пролетарской революции в одной отдельно взятой стране была абстрактной возможностью, реальной возможностью была ее победа одновременно во всех передовых странах мира. В XX веке положение вещей изменилось таким образом, что прежняя абстрактная возможность стала реальностью, а реальная возможность превратилась в абстрактную.

Переход возможности в действительность порождает новые возможности, ибо появляется новая действительность или же новая ступень развития старой действительности. Без соответствующего изменения действительности появление новых возможностей исключено и наоборот; без перехода возможности в действительность нет развития самой действительности. Таким образом, действительность и возможность взаимно обусловлены, связаны между собой так, что без первой нет второй и наоборот. Однако в этом процессе взаимного обусловливания, действительность является определяющей, ибо процесс начинается с нее. Кроме того, действительность богаче возможности. В то время как одна и та же действительность содержит в себе многие возможности, одна и та же возможность не может одновременно быть источником многих действительностей, так как она не способна осуществляться одновременно во многих формах. Несмотря на это, действительность вначале простое непосредственное единство внутреннего и внешнего, она рассматривается нами как результат перехода лишь одной возможности, как нечто, которое имеет свое основание в другом и показывает нам только свою внешность, т. е. выступает в форме случайности.

Возможность и случайность являются моментами действительности (Гегель), они показывают ее внутренние и внешние стороны. Если возможность представляет внутреннюю тенденцию действительности, то случайность—внешность этой действительности в единичной форме. Так как познание начинается с чувственной наглядности, вполне закономерно, что оно воспринимает действительность вначале в форме случайности, или, иначе, единичности.

3. СЛУЧАЙНОСТЬ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Действительность—это конкретно развитая совокупность вещей и явлений, отношение которых имеет не только внутренний, но и внешний характер. В процессе внешних отношений вещи и явления мира выступают как единичные бытия. Так как связь между ними не имеет внутреннего характера, отношение их не подчиняется определенным законам, оно случайно и возникает как внешнее столкновение обстоятельств. Случайность не подчиняется всеобщему закону данного процесса, иначе она не была бы случайностью. Случайность характерна тем, что она, во-первых, не имеет основания или причины в самой себе, в сущности вещей и явлений, а в чем-то другом; во-вторых, она вытекает не из внутренних связей вещей, а из внешних или побочных отношений; в-третьих, форма ее осуществления неопределенна, она может произойти и так и иначе, в зависимости от того какие обстоятельства существуют для этого; в-четвертых, она имеет характер единичного факта, поэтому говорить о законах случайности нельзя; в-пятых, она исторически конкретна. Абсолютной случайности нет. Нечто в одном отношении может быть случайным, а в другом—неслучайным, необходимым; в-шестых, она не мистична. Ошибочно считать ее чем-то сверхъестественным, она—момент действительности. Вне действительности нет случайности. Следовательно, она объективна, является формой осуществления объективной действительности и, наконец, в-седьмых она не оторвана от необходимости, не противостоит ей как ее полное отрицание, ибо сама необходимость есть цепь случайностей.

Случайность есть та же самая действительность, но только в форме единичности. Дело в том, что действительность, как уже осуществленная необходимость, является продуктом исторического процесса, который включает в себя разные единичные события, каждая из которых, взятая отдельно, может быть случайной. Исторически необходимый процесс, в известном смысле, есть цепь случайностей, поэтому случайные события часто оказывают довольно серьезное влияние на ход истории. Но это не значит, что случайность—это особый род

закономерности. Уже было показано, что законов случайности нет и для установления закономерности данного явления она не имеет определяющего значения.

Однако из сказанного не следует, что случайность лишена своей основы и ничем не связана с необходимым процессом исторического развития. Так представляли себе соотношение случайности и необходимости Кант и все кантианцы. По их мнению, то, что случайно, не необходимо, ибо случайно то, что якобы полностью противостоит необходимости и является ее коренным отрицанием. Его причины нам неизвестны и никогда не могут быть известны, а то, что необходимо, уже не случайно, ибо мы якобы все о нем уже знаем. Такое понимание вопроса приводит к полному отрицанию всякой науки. И на самом деле: если данное явление случайно, ибо оно противостоит необходимости так, что никогда не может перейти в нее и быть познанным нами, а другое явление необходимо, ибо причины его существования нам известны, тогда нет никакой нужды в науке, поскольку при такой постановке вопроса мы заранее признаем, что нам все известно, а то, что неизвестно, никогда не станет известным.

Материалисты XVIII века выступили против субъективизма и формализма Канта, утверждая, что случайность—это непознанная необходимость. По их мнению, явление случайно потому, что мы еще не смогли проникнуть в тайны его существования; как только мы получаем возможность познать его, оно уже перестает быть случайным. Но такая постановка вопроса, освобождая нас от субъективизма, развивает фатализм, который ничем не лучше субъективизма. Поэтому наука избрала другой путь. Она занимается изучением причинной цепи, установлением этой цепи для того, чтобы дать возможность человеку овладеть силами внешнего мира. Для осуществления поставленной цели наука рассматривает случайность как объективный момент необходимости, а необходимость как своеобразную цепь случайностей. Маркс был первым материалистом, который на примере изучения экономических отношений буржуазного общества сумел поставить на научной почве вопрос о случайности и ее отношении к необходимости.

Анализируя формы стоимости, Маркс назвал первую ее

форму «единичной или случайной формой стоимости». Простая форма стоимости, будучи совершенно реальной, одновременно не является всей реальностью, т. е. не исчерпывает всю действительность в форме стоимости, а представляет собой лишь первую элементарную и поэтому случайную форму ее существования.

Но почему же Маркс начинает свой анализ капиталистических отношений с анализа случайной формы стоимости? Он поступает так потому, что в этой случайной форме стоимости дана уже первая клетка, из которой возникла общая, а потом уже денежная форма стоимости, столь характерная для капитализма. «Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости»[1],—писал Маркс, тем самым не только признавая объективность случайности, но и доказывая, что необходимость как-то возникает из нее, является цепью случайностей.

Имея дело со случайными формами стоимости, мы говорим, что, например, 20 аршин холста=1 сюртуку; но мы не можем сказать, что 20 аршин холста одновременно=1 сюртуку или 10 ф. чаю, или 40 ф. кофе и т. д., потому, что «Выражение стоимости товара А в каком-либо товаре В отличает стоимость товара А только от его собственной потребительной стоимости и ставит его потому лишь в меновое отношение к какому-либо единичному, отличному от него самого товару; но оно не выражает его качественной тождественности и количественной противоположности со всеми другими товарами. Простой стоимостной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара. Так, например, сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обменности, только по отношению к этому единичному товару холсту»[2].

Из сказанного следует, что упомянутая форма стоимости случайна потому, что она совсем не характерна для той стадии развития общественных отношений, с которой связано ее существование. Когда в результате недостаточного развития

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 57.

[2] Там же, стр. 71—72.

общественного производства в первобытно-общинном обществе продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена, простая форма стоимости имеет случайный характер. Но наряду с этим эта случайная форма стоимости содержит в себе известные зачатки денежной формы стоимости эпохи капитализма. Это вполне понятно; во-первых, сюртук, как форма стоимости, содержит в себе известное количество человеческого труда, благодаря чему он сравнивается с другими товарами; во-вторых, в этих отношениях сюртук уже играет роль эквивалента. Денежная форма стоимости является наиболее развитой формой выражения этих основных особенностей товара, ибо золото или серебро, прежде чем выполнить роль денег были товарами и обладали теми же качествами, что холост или сюртук. Поэтому мы можем сказать, что необходимая, или, выражаясь языком политической экономии, денежная форма стоимости представляет собой закономерно развивающуюся цепь случайных форм стоимостей.

Случайное или индивидуальное явление не находится вне цепи исторического развития, поэтому научное познание сущности индивидуальности или случайности дает нам возможность заняться более конкретным исследованием явлений, а следовательно, является необходимым условием для создания науки. Ведь задача науки состоит в том, чтобы познать закономерности объективного мира, скрытые под видимостью случайностей. А это значит: познать необходимость, показать каким образом цепь случайностей переходит в необходимость.

4. НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ. ПЕРЕХОД К СУБСТАНЦИИ

Если случайность—это существование действительности в форме единичных фактов, то необходимость—это цепь случайностей, их взаимосвязь и взаимопереход, тем самым—это единство возможности и действительности. Взаимосвязь случайностей в цепи порождает разные возможности, которые осуществляются как действительность через взаимопереход случайностей. Необходимость возникает как целостная систе-

ма этих связей и переходов, поэтому она выше всех остальных форм отношений. Как логическая категория и будучи генетически связанной со случайностью, необходимость преодолевает все ее ограниченности.

Необходимость всегда—закономерность, она содержит ее в себе, как условие собственного существования. Когда говорят, что нечто необходимо, этим высказывают ту мысль, что оно должно осуществляться в силу закономерного развития действительности. Сила необходимости состоит в том, что она закономерна и основание или причину собственного существования содержит в самом себе. Необходимость вытекает не из внешних сил побочных отношений вещей, а из внутренних связей, и формы ее осуществления. Так, например, Маркс доказал, что для перехода от капитализма к социализму диктатура пролетариата является необходимостью. Исторический процесс развития общества подтвердил истинность этого положения. Ни одна страна до сих пор не пришла и не придет к социализму без диктатуры пролетариата. Следовательно, необходимость—эта установленное направление движения вещей и явлений объективного мира на основе закономерного развития действительности.

Необходимость—это то, что с неизбежностью вытекает из сущности вещей, из хода и характера их движения. А это значит, что необходимость не результат субъективного желания людей, а объективная реальность, независимо от того признают ее существование или нет. Является фактом, например, что обмен веществ необходим для существования живого организма. Игнорировать эту необходимость или считать ее несуществующей, значит отрицать то, без чего нет живого организма. Иначе говоря, необходимость—это та основа, над которой возвышается здание действительности. Но из этого не следует, что можно все свести к необходимости, недооценивая значения случайности. Это будет неправильно, во-первых, потому, что сама необходимость не существует независимо от случайностей, поскольку она есть цепь случайностей; во-вторых, признание одной только необходимости ведет к фатализму, к отрицанию активности сил, действующих в действительности, к допущению мысли о том, что судьба всех вещей и явлений заранее предопределена; в-третьих, что сама необходимость

в конце концов превращается в случайность. Критикуя такой подход к вопросу, Энгельс писал: «Если тот факт, что определенный стручок заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь, представляет собой явление того же порядка, как закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то на деле не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость снижается до уровня случайности»[1]. В-четвертых, одностороннее раздувание значения необходимости приводит к признанию того, что она существует в раз навсегда готовой форме, следовательно, в реальном мире нет движения, развития, нет переходов случайности в необходимость, так как существование случайности этим самым отрицается. Метафизический подход к вопросу о необходимости лишает нас возможности познать сущность этой системы отношений объективного мира.

В мире вещей и явлений необходимость и случайность не исключают друг друга, потому что в действительности есть такие явления, которые необходимы, но есть и такие, которые случайны. Например, для образования молекулы воды соединение двух атомов водорода и одного атома кислорода является необходимостью, а месторождения того или иного животного совершенно случайны, потому что оно с таким же успехом могло родиться не в этом, а в другом месте. Но из этого не следует, что необходимость и случайность существуют абсолютно раздельно и между ними нет связи. В действительности необходимое случайно, во-первых, потому что оно, как уже было сказано, есть цепь случайностей и, во-вторых, потому что оно осуществляется в единичных, случайных действиях. Но из этого вытекает, что случайное в свою очередь необходимо. Если нечто, не имея своего основания в данном процессе слачайно, то по отношению к другому процессу оно уже необходимо, ибо имеет в нем свое основание. Например, открытие материалистического понимания истории Марксом и Энгельсом было случайностью по отношению к исторической необходимости, но оно было необходимостью по отношению к жизни и деятельности, этих вождей рабочего класса. Следовательно, соотношение необходимости и случайности имеет диалектический характер.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 534.

Необходимость в природе не тождественна с необходимостью в обществе, так как природа и общество качественно различны. Природа не содержит в себе цели и не имеет носителя этой цели, дабы соответствующим образом направлять процесс необходимости. Этот процесс там совершается стихийно,— но не в смысле отсутствия закономерностей, а в смысле отсутствия **сознательной** направленности. Другое дело в обществе. Здесь ничего не происходит без участия сознания, ведь общество—это совокупность людей, обладающих сознанием. В своей деятельности человек ставит себе определенную цель и стремится к ее осуществлению. В силу этого необходимость в обществе целенаправленна; осуществляя ее, человек осуществляет свою свободу.

По мнению волюнтаристов, свобода и необходимость исключают друг друга. Это неверно. Ведь необходимость не только в природе, но и в обществе является закономерным процессом. Противопоставить необходимость свободе, значит признать, что в своей деятельности человек может не считаться с законами объективного мира. А это невозможно. Нельзя быть свободным от законов, потому что они составляют сущность действительности, в пределах которой действует человек. Можно быть свободным только от того или иного последствия законов. Для этого нужно знать их и действовать согласно им. Поэтому можно сказать, что свобода—это осознанная необходимость, которая осуществляется свободными действиями людей; свобода и необходимость едины и их отношение имеет диалектический характер.

Так как необходимость—это единство возможности и действительности, то она содержит в себе не только то, что уже есть, а также то, что еще должно появиться. Это значит, что все необходимо: и то, что есть, и то, что будет. Но такая постановка вопроса, может показаться, приведет к оправданию не только разумного, но и неразумного. Однако подобная опасность была бы реальной, если необходимость исключала случайность. Но этого нет. Неразумное—это вообще отклонение от общего поступательного процесса и в этом смысле — оно случайно, а необходимость не является подобным отклонением, наоборот, она вытекает из общего закономерного развития действительности, выражает поступательное движение

этой действительности или вообще основную тенденцию ее изменения. В этом смысле она разумна. Таким образом, не все необходимо. Необходимо то, основание чего содержится в нем самом, что абсолютно безусловно. А то, что безусловно, есть субстанция. Ведь нечто реально необходимо, когда есть как основание, так и условие для его осуществления. А наличие этих двух моментов делают его безусловным, т. е. независимым от чего-то другого, оно выступает как самопричина и в то же время основание для других. А эти особенности суть особенности субстанции. Нечто, имея эти качества есть субстанция.

ГЛАВА IV

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ МАТЕРИИ КАК СУБСТАНЦИИ

Мы уже знаем, что, вступая в отношения с внешним миром, субъект сталкивается с многообразностью этого мира и с необходимостью обнаружения единого основания этой многообразности. Это стремление имеет такую же давность, как и само познание. Но это не исходит из чисто субъективного намерения познающего, а диктуется самой действительностью, самим предметным миром, самой практикой. В процессе осуществления предметный мир обнаруживает единое основание своих форм. Является ли оно единичным это или же вещью со многими свойствами, воспринимается ли оно как постоянство или изменчивость,— во всех случаях основание всех форм есть нечто независимое от субъекта, т. е. объективная реальность, которая, тем самым, является всеобщим свойством всех вещей. Все вещи материальны, и основа их единства состоит в материальности. Таким образом, нечто, как вещь, есть материя.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

а) Первый период

Первые древние мыслители полагали, что материя—вода, воздух или огонь. Совершая переход от чувственного восприятия этого к познанию всеобщего, люди вначале могли представить всеобщее только в форме конкретного вида материи.

Познание здесь остается еще в пределах чувственного восприятия, поскольку милетцы или Гераклит возвели на ступень вечно сохраняющегося один из видов материи и объявили его основанием всего существующего. В такой постановке вопроса положительным было то, что в лице упомянутых мыслителей человечество одержало победу над религиозным миром, снова восстанавливая принцип объективного восприятия материального мира.

В своей колыбели познание материалистично, оно возникает в результате определенных соотношений субъекта с внешним миром и постоянно имеет дело с ним. Однако на ступени отсутствия более или менее развитой науки и техники, отсутствия достаточной практики, познание довольно легко сбивалось со своей дороги. Ведь познание всегда предполагает известную абстракцию, а абстракция содержит в себе возможность идеализма, которая в упомянутых условиях превратилась в действительность и довольно длительное время господствовала над умами людей.

Первая научная попытка познания мира была направлена против этого идеализма. «Из тех, кто **первые занялись философией,** большинство считало началом всех вещей одно лишь начало в виде материи: то, из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что в конечном счете разрушаются... Фалес родоначальник такого рода философии»[1], —отмечает Аристотель. Это значит, что в учениях Фалеса, Анаксимена, Гераклита и других мыслителей этого периода мы имеем не простой возврат к первоначальному чувственному восприятию, а к восприятию чувственного **это,** как **всеобщего,** как основания всего существующего. Это первая попытка преодоления идеалистическо-религиозной абстракции, первая попытка стать на путь материалистического обобщения многогранности мира. Еще до Фалеса высказывали мысль о том, что первоисточник всего существующего—это хаос. Даже боги возникли из хаоса. «Океан и Тетида—отец и мать богов».—писал Гомер. Океан—это вода. Зенон из Кития назвал воду словом хаос. А Гесиод писал, что «хаос был прежде всех вещей». По существу это было материализмом, ибо словом хаос

[1] *Аристотель,* Метафизика, 1934, стр. 23.

обозначается равномерно распределенная движущаяся материя.

Но этот материализм был лишь попыткой приблизиться к науке и поэтому остался материализмом наивным. Основной недостаток этого материализма состоял в том, что, не сумев раскрыть главное в конкретных формах вещей, он возвел один из видов материи в абсолют. Но эта односторонность в то же время содержала в себе зачатки своего преодоления.

Хотя вода—определенно телесное **это**, но одновременно она образует начало, всеобщее основание всего существующего. Это последнее определение выводит ее из пределов обыкновенного чувственного **это** и заставляет нас смотреть на нее как на сущее вообще, носящее название «вода» и присущее всем вещам. Это обстоятельство дало основание Анаксимандру определить всеобщее уже не как воду, а как неопределенную и безграничную материю-апейрон. Но апейрон Анаксимандра оказался слишком отвлеченным.

Сенсуализм, развитый Фалесом, был более жизненным. Анаксимен пошел по пути Фалеса, он отождествлял материю с воздухом, а Гераклит—с огнем. Это означало, что правильный путь решения вопроса мог указать материалистический сенсуализм, что абстрагирование от непосредственно чувственного не должно привести к созданию мертвой всеобщности.

Парменид и его последователи старались найти новое, более приемлемое определение бытия. Но из этого мало что вышло. «Бытие—есть, небытия—нет»,—говорили они. Вторая часть этой формулировки была направлена против пифагорийцев. Но в данном случае нас интересует не это, важно только отметить, что, по мнению Парменида, бытие начало всего существующего, оно материально, имеет протяженность и форму «совершенно правильного шара». Эмпедокл снова вернулся к Фалесу и Анаксимену, но на новой основе, с более высокой теоретической позиции. Он полагал, что многообразие материальной действительности сводится к четырем «корням». Все бесконечное многообразие вещей—результат смешения этих корней, т. е. земли, воздуха, воды и огня. Таким образом, для Эмпедокла, с одной стороны материя есть материя вообще, корень или элемент, а с другой—сводится к че-

тырем стихиям природы, т. е. имеет конкретно-чувственный вид.

Еще до Эмпедокла Анаксагор проповедовал идею, согласно которой многогранность вещей—результат соединения качественно-разнородных частиц. По сравнению с милетскими материалистами это решение вопроса о строении материи было значительно глубже, поскольку исходило из признания разнородности материи. Однако это признание относилось к чувственно-переходящим свойствам. Отвергая абсолютизирование одной формы материи, Анаксагор абсолютизировал все встреченные качества. Убеждение Фалеса в том, что семена всего существующего содержат в себе влажность, в силу чего вода становится основой всего существующего, для Анаксагора оказалось неприемлемым, так как он не смог найти в нем ответа на вопрос о происхождении многообразия мира. Решение вопроса Анаксагором сводится к тому, что основа есть материя, а многогранность мира—следствие того, что материя, с самого начала качественно разнородная состоит из «семян—вещей» или гомеомеров. По его мнению, разнообразные вещи—результаты сочетания разных количеств гомеомеров. Белый снег, например, по утверждению Анаксагора, отличается от мутной воды, полученной в результате его таяния тем, что гомеомеры снега количественно преобладают над гомеомерами воды, содержащимися в снеге. Таким образом, Анаксагор сделал попытку объяснения сложной структуры материи. Будучи сама по себе огромным шагом вперед, попытка эта, однако, не могла завершиться успехом, поскольку она была основана на поверхностном понимании сложности материи, на сведении структуры материи к ее наглядным свойствам и их осуществлению. Но осуществление есть обнаружение сущности, поэтому познание качества Анаксагором дало возможность совершить переход к познанию более существенных основ многогранности материи. Открытие атома Левкиппом-Демокритом явилось осуществлением этого перехода.

б) Второй период

Атом материален, он не бел, не черен, не сух, не влажен, сам по себе прост и не обладает ни одним из анаксагоровских качеств. Один атом отличается от другого фигурой, порядком,

положением и величиной. Это было сведение анаксагоровской субстанциональной многогранности к формальным различиям, к различиям внешних форм, к отрицанию качества, что создавало затруднение для правильного разрешения поставленного вопроса. Но в то же время благодаря теории атома мысль еще более приблизилась к глубокому признанию материальности мира, его объективности, его существования вне и независимо от субъекта. С открытием атома, абстрагируясь от отдельных видов материи, научная мысль достигла, наконец, ее понимания, как реальности, как атома вообще. Основу существующих многогранных вещей стали искать после этого не в изменении воды или огня, не в движении воздуха или земли, а в разнообразии сочетаний атомов, единиц материи вообще. А это было гигантским продвижением человеческого познания, колоссальным приближением мысли к точному пониманию природы первичного, т. е. материи.

Материя не одна лишь вода или огонь, она не исчерпывается тем или иным свойством, и ее нельзя свести только к одной форме вещества или же к сумме многих качеств, она —атом, существующая вне нас реальность. Таким образом, многогранность сведена к одному основанию, которое по всей природе есть всеобщее. По мнению атомистов, все конкретные виды материи, являясь результатами разных комбинаций, состоят из атомов. Но сам атом не результат чего-нибудь другого; основа его существования находится в нем самом, его объективная сущность—его же реальность, почему и устраняется необходимость в третьей первопричине.

Как первопричина атом не сводим к своему объему или весу, тяжести, или величине, ибо все они—суть физические свойства материи. Древние атомисты пошли значительно дальше физического определения материи. Атом Левкиппа-Демокрита—это вообще единицы материи неконкретного определенного качества. Все определения этой единицы столь же всеобщи, как и она сама. Квадрат является фигурой также, как и нечто круглое, АР есть такой же порядок, как РА, и, наконец, вертикальность—такое же положение, как горизонтальность. Поэтому фигура, порядок и положение всеобщи, и древние атомисты в них видели не основу существования атома, а лишь причину разнообразия вещей.

Атом есть не то или это свойство, а истинная сущность вещей, предметов вообще, он, следовательно, всеобщ. Но атом в то же время конкретен, установлен как определенная единица. Вещь состоит из множества таких единиц, которые своими первоначальными отличиями образуют ее особенность, ее отличительную черту, придают вещи ее облик.

Таким образом, в атоме природа имеет основание своего многообразия внутри себя. Однако это основание является конечной формой материи и, хотя по отношению к конкретным индивидуальным фигурам, порядкам или положениям его свойства всеобщи, все-таки сами атомы лишь отдельные осуществления материи, абстрагированные от единичных форм, почему и не могут быть истинным основанием многогранности мира. Кроме того, если материя состоит из совершенно простых единиц атомов, тогда все ее формы тождественны, в результате чего названные различия исключаются, и тем самым снимается возможность объяснения многогранности мира. Для атомистов атом есть мертвая, бесцветная всеобщность, ибо по существу всеобщность у них является не охватыванием основного непреходящего в многогранности материи, а уничтожением этой многогранности ради единства, обнаружением лишь количественной стороны материи, а не единства количества и качества. Такое понимание материи долгое время оставалось господствующим среди материалистов.

Аристотель внес новый момент в понятие материи, выдвигая вопрос о соотношении формы и материи. Он говорил, что форма отнесена к материи, неотделима от нее и в известном смысле имеется тождество материи и формы. Их различие состоит в том, говорил Аристотель, что материя—**возможность**, а форма—**действительность**. Материя как возможность—нечто, у которого нет еще известной определенности, это, например, кусок мрамора, из которого еще не сделали какую-нибудь художественную вещь, иначе говоря, это, нечто, которое, как возможность, еще не перешло в действительность.

Действительность—это уже известным образом оформленная материя. В чувственном мире материя и форма неотделимы. Попытку отделить их друг от друга даже в мысли Аристотель считал «напрасным трудом». Он утверждал, что соотношение формы и материи есть такое соотношение сторон,

в котором материя не исчезает в форме, а сохраняется как содержание формы. Однако материя сама по себе инертна, активность проявляет форма. Форма, по мнению Аристотеля, есть то, благодаря чему материя приобретает свою индивидуальность, свою жизнь, энергию и целостность, она есть сама действительность. В этом движении примат принадлежит форме, говорил он. Такая постановка вопроса была уже возвратом к тому платоновскому идеализму, против которого он выступал, ибо, отрывая форму от материи и приписывая ей самостоятельное существование, Аристотель тем самым по сути дела уже отрицал собственное положение о первичности единичных вещей.

Эпикур в основном воспроизвел атомизм Левкиппа-Демокрита. Он также считал, что «ничто не возникает из небытия». А бытие—определенная система сочетания атомов. Атомы—вечны, неразрушимы и неделимы, они простые единицы. Их различают не только по форме, порядку и положению, но и по весу и объему. Таким образом, Эпикур делает шаг в сторону конкретизации определения атома, но лишь в направлении его физической структуры. В этом смысле Эпикур был родоначальником современных атомистов, сумев угадать и по-своему сформулировать то, что научно было доказано спустя уже более чем две тысячи лет.

Следуя примеру Эпикура, Лукреций Кар выступил с утверждением. что материя составляет субстанциональную основу вещей, их материальный субстрат. Этот субстрат никогда не может превратиться в ничто, а из ничто ничего не возникает. Лукреций полагает, что основная ошибка ионских материалистов состояла в том, что они, говоря о первоначале, не принимали во внимание пустоту, конечные пределы в делимости тела, не допускали и не ставили границы дроблению. Они полагали, что первичные тела мягкие, и поэтому не могли объяснить, как же возникли твердый камень и железо? Выход из всех этих затруднений находится в признании в качестве последней основы неизменного и неразрушимого атома. По его мнению, вещи, состоящие из атомов, не бесцветны, но обладают свойствами, которые образуют их имманентную структуру. Свойство—это то, чего никак нельзя отделить или отнять у атома, не разрушая того, чему оно принадлежит.

Анаксагор говорил, что все свойства материи изначальны, частицы веса и влажность—субстанциональные свойства. Лукреций объявил их результатами разных сочетаний различных атомов. Считая свойства имманентно-структурной особенностью вещей, Лукреций приблизился к более правильному объяснению характера многообразностей мира, чем его предшественники.

Атомистикой или механическим материализмом, признавшей реальность внешнего мира, раскрыта лишь количественная определенность материи. Однако сама природа или материя вообще не исчерпывается одним количеством. Главное в ней—его реальность. Под реальностью атомисты подразумевали атом, т. е. известную единицу материи. Но единица была и остается математическим началом той или иной вещи. Вещь есть сочетание множества единиц, и чувственному восприятию даны именно эти вещи. Поэтому прав был Эпикур, когда говорил, что «вселенная есть тела». Это было новым обобщением, но долгое время никто не развивал его дальше. Господство религии в средних веках не дало возможности заниматься проблемой материи.

В эпоху возрождения, выступая против средневековой схоластики, Джордано Бруно писал: «Вульгарная философия» не признает за материей ничего, «кроме способности быть субстратом форм и воспринимающей возможностью естественных форм... без какой-либо активности». Считая такой подход к вопросу антинаучным, он утверждал, что материя вовсе не инертна, наоборот, она «является той вещью, от которой происходят все естественные виды», она «находится в действии» и неизмеримо более реальна, чем «аристотелевские формы и энтелехии»[1].

Материалистический подход к вопросу дал возможность Бруно доказать, что форма является формой материи и не может находиться вне материи. Не форма привносит в материю активность, а материя приобретает новые формы в результате ее изменения по своим внутренним законам. В отличие от Аристотеля Бруно считал, что материя обладает внут-

---

[1] *Дж. Бруно,* О причине, начале и едином, 1934, стр. 177—181.

ренним движением. Но он был непоследовательным материалистом, когда говорил, что «имеется двойная субстанция: одна духовная, а другая телесная»[1]. Иными словами, форма у Бруно снова приобретает самостоятельность и противостоит своему содержанию.

В XVII веке английской философ Ф. Бэкон сделал новый, более решительный шаг в сторону преодоления идеализма в понимании вопроса о форме и содержании. Он считал ошибочным предположение, что материя, якобы, лишена всякого свойства, что у нее нет постоянной формы и она по возможности безразлично относится к форме. Так могут думать только люди, говорил Бэкон, которые «смотрят на материю, как на публичную женщину, а на формы, как на ее искателей». В действительности нельзя отделить форму от материи, утверждал он, поскольку материя всегда оформлена, а форма всегда имеет свою материю, свое конкретное содержание и необходимым образом присуща материи. Бэкон пошел дальше и поставил вопрос о соотношении формы и свойства материи.

Материя проявляется не только в форме, говорил Бэкон, но и в свойствах. Свойства в конечном счете определяются формой. Форма есть источник и основа свойств, их внутренняя и всеобщая причина, уверял Бэкон. Более того, он отождествлял форму с законом. Таким образом, в отличие от своих предшественников Бэкон всячески подчеркивал объективность формы, выступая против субъективизма. Кроме того, провозгласив Демокрита философом, слава которого превышала славу Платона и Аристотеля, он не только восстановил старую атомистику, но и сделал большой шаг вперед, заявляя, что атомы не однообразные частицы материи, а наоборот, с самого начала обладают некоторыми свойствами. Материя, по учению Бэкона, сама по себе многокачественна. Такое восстановление атомизма, когда материя еще сохраняет поэтически чувственный блеск и улыбается человеку, было своеобразным возвратом к Демокриту. В то же время изложенное в афористической форме учение Бэкона еще полно теологической непоследовательности[2]. Таким образом, хотя не бук-

---

[2] *Дж. Бруно*, О причине, начале и едином, 1934, стр. 155.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, стр. 141—142.

вально, в начале новой эры продолжали считать, что основа многогранности предметов внешнего мира—сочетание разных атомов.

в) Третий период

Об объективной реальности атома знали еще древние мыслители. Но ведь объективным органам ощущения доступны тела, а не атомы. Атом—материальный субстрат этих тел. Если атомы реальны, то тела, состоящие из разных сочетаний атомов, нереальными быть не могут. Последователь Эпикура Гассенди, возражая Декарту, заметил, что нельзя всерьез сомневаться в существовании земли, по которой мы ходим. Это было не просто остроумием, а доказательством объективной реальности внешнего мира, доказательством того, что независимо от субъекта материя была, есть и будет.

«Моисей современных вольнодумцев и материалистов», Спиноза говорил уже не об атоме, а о субстанции, о материи вообще. Через познание конкретных форм материи человеческая мысль пришла к познанию материи вообще, к тому, что важна не та или другая форма материи, а ее объективная реальность, ее первичность. Отдельные формы возникают и исчезают, а объективная реальность была, есть и будет. «Вода как вода, возникает и исчезает, а как субстанция—нет»,— писал Спиноза. Субстанция есть Causa sui, она «существует сама по себе и представляется сама через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться»[1]. Таким образом, познание вступало на более широкий путь отражения мира и с убедительными аргументами в пользу первичности этого мира.

Не вода, огонь, воздух, не частицы Анаксагора или же атом Демокрита есть Causa sui, а материя вообще. Конечно, атом тоже материя. Левкипп и все его последователи подразумевали под атомом материю. Но для них атом был единицей материи, и его абсолютизирование привело к ограничению

---

[1] *Б. Спиноза,* Избранные произведения, т. I, 1957, стр. 361.

познания материи, к сведению материи к голому количеству. Спиноза, и особенно французские материалисты, в основном уже отказывались от отождествления материи с какой-либо ее конкретной формой, решительно стараясь развить ее философское понимание.

«Элементов» вообще «мы не знаем», все, что мы знаем — это «их свойства», через которые мы достигаем различия вещества, познания материи. «Материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства»[1]. Вода или воздух, земля или огонь отлично действуют на наши органы чувства, стало быть, они — материя. Таким образом, Гольбах нашел то, что обще всем вещам, что непреходяще во всех предметах, а именно — их материальность, т. е. объективную реальность.

Материя, как таковая в отличие от воды или воздуха, не является чем-то **чувственно**-существующим. В то же время она не пустая абстракция, а обобщение конкретного, абстрагирование от реально-существующих форм. Материалисты до Маркса, конечно, не дошли до истинно конкретного. Стремление свести все к голому количеству осталось еще господствующим стремлением у них. Однако они поняли, что материя, как таковая, уже не голое количество, и что в ней качество не отменено, не отброшено, а лишь снято.

Теория чистого количества связана с тем, что единственную основу реальности предметов внешнего мира видят только в их обнаруживающих конечных свойствах и вместе с тем стараются найти всеобщее для всех вещей в пределах этих же конечных свойств. Количество, как мы увидим дальше, есть конечное, преходящее свойство материи, поэтому еще в количественной теории материи выдвигается на первый план вопрос о ее физической структуре. Когда Гоббс говорил, что существуют первичные элементы, из которых образованы вещи, это означало, что он оставался блуждать в пределах описания физической структуры материи. Хотя многие из мыслителей XVII и XVIII веков искали основу этих элементов в их материальности и определяли первичное как субстанцию, как

---

[1] *П. Гольбах,* Система природы, стр. 31.

материю вообще, им все-таки не удалось преодолеть ограниченность количественной теории.

Эта теория продолжала господствовать в естествознании. Ньютон, например, отождествлял материю с массой, с одним из ее физических свойств. Блек и другие физики занялись внешним описанием физических фактов.

В области биологических наук основным вопросом стало описание новых форм. Лишь к концу века были сделаны попытки к обнаружению определенной связи между видами растительного и животного мира. В этом духе действовал Линней, занявшись упорядочением органических форм и минералов.

Вернер же поставил себе задачу перейти от описания внешних форм к определению химического свойства минералов, но преодолеть пороки господствующей количественной теории не удалось и ему. Ученые полагали, что сущность химических процессов можно познать **только** путем количественных изменений. Один из приверженцев этой теории—Гельс стал усиленно рекомендовать ее для изучения «всех творений бога». Это обстоятельство усилило позиции механицизма. Поэтому материалисты XVIII века, строившие свою систему на этом естественно-научном материале, сумели гениально угадать философское определение материи, хотя, конечно, окончательно решить его они не смогли.

Дальнейшее уточнение понятия материи требовало знания ее основных форм существования. В свое время Фалес говорил, что все возникает из воды и опять возвращается в нее, иначе говоря, признавал существование движения, ибо возникновение и переход — формы движения. Но у милетцев движение только подразумевалось, и не являлось еще особым предметом изучения. Атомисты преодолели эту ограниченность милетцев.

В период новой философии вопрос был поставлен уже глубже, но в то же время в более общей форме, в форме атрибутов вообще. Спиноза говорил, что атрибуты «составляют сущность субстанции». Вне атрибутов существование субстанции немыслимо, а следовательно, немыслимо и ее познание. Древние греки знали об этом, но они поставили пространство наряду с атомом, придавая ему такое же значение, как и ато-

му. Мыслители нового времени доказали, что «пустота — не бытие», т. е. пространство есть лишь форма существования материи, ее всеобщая среда, но не субстанция. Материя сама по себе протяженна и без неё не было бы пространства, подчеркивали материалисты XVIII века. Такой же подход проявляли они и к проблеме времени и движения.

Время — бесконечность мира, бесконечность творения бога, говорил Робинэ. Движение — «необходимый реэультат существования материи, ее сущность и таких ее первоначальных свойств, как протяженность, вес, непроницаемость, фигура и т. д.»[1]. Иными словами, пространство, время и движение—основные свойства материи. Постигая эту истину, познание совершает своеобразный возврат к своему исходному пункту, т. е. опять к представлению материи в ее свойствах, но на этот раз уже не в чувственно-преходящих, случайных, а в главных, непреходящих свойствах, составляющих ее сущность. Поэтому указанный возврат знаменует огромное продвижение познания вперед в вопросе конкретизации знания материи. Оно совершает скачок **от абстрактного** всеобщего к **конкретному** всеобщему, к материи, как вне нас объективно-существующей реальности. Этим уже начинается эпоха марксизма в истории научного познания мира.

---

[1] *П. Гольбах,* Система природы, стр. 27.

ГЛАВА V

МАТЕРИЯ

1. СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ МАТЕРИИ

Краткое описание пути познания убедило нас в том, что материя существует вне нас, независимо от нас и нашего сознания. Этот факт говорит о том, что материя—первична, а сознание — вторично. Материя существует независимо и без сознания, а сознание не может существовать независимо и без материи, и это потому, во-первых, что без органов сознания нет сознания, а эти органы материальны, во-вторых, потому, что объект сознания — это вещи, предметы и явления внешнего мира, которые суть формы существования материи. А то, что первично является субстанцией. Материя первична, следовательно она—субстанция.

В отличие, скажем, от не субстанции, сознания, основу собственного существования субстанция содержит в себе, оно является само причиной. Еще Б. Спиноза, давая определение субстанции, писал: «Под **субстанцией** разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться»[1]. Это понятно. Если нечто представляется через другое, тогда оно не может быть субстанцией, ибо представляться через другое означает иметь свое основание не в себе, а в чем-то другом. Например, животное представляется через органическую материю, потому что оно является продуктом развития этой ма-

[1] *Б. Спиноза,* Избранные произведения, 1957, т. I, стр. 361.

терии. Из этого следует, что животное — не субстанция. По своей природе субстанция—это то, что является основанием не только собственного, но и существования всех вещей и явлений вселенной.

Субстанция—одна. Две субстанции одновременно существовать не могут, во-первых, потому, что если одна субстанция является единственным основанием существования всего того, что есть, тогда вторая субстанция перестает быть субстанцией, так как ничего не остается, чтобы по отношению к ним она выступала как субстанция, и, во-вторых, потому что одни и те же вещи не могут одновременно иметь две первопричины или определяющие основания. Исключая возможность существования больше одной субстанции Спиноза говорил: «Если бы существовало несколько различных субстанций, то они должны были бы различаться между собой или различием своих атрибутов, или различием своих модусов (...). Если предположить различие атрибутов, то тем самым будет допущено, что с одним и тем же атрибутом существует только одна субстанция. Если это будет различие состояний (модусов), то, оставив эти модусы в стороне, так как (...) субстанция по своей природе первичнее своих модусов, и рассматривая субстанцию в себе, т. е. сообразно с ее истинной природой (...), нельзя будет представлять, чтобы она была отлична от другой субстанции, т. е. (...) не может существовать нескольких субстанций, но только одна»[1]. И эта субстанция есть природа, т. е. материя.

Но материя как субстанция — это не чистая мысль, не пустая абстракция, а реальная действительность. В. И. Ленин писал: «Материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение психическое — вторично»[2]. Следовательно, субстанция—это объективная реальность. Она изменчива, поскольку конкретные формы ее существования имеют исторический характер, они возникают, развиваются и исчезают. Но она, одновременно, устойчива как объективная реальность. В изменчивости материя конкретизируется, проявляя свою многообразность, а в устойчивости она сохраняется как субстанция. Поэтому противопоставлять изменчивость устой-

---

[1] *Б. С. Спиноза,* Избранные произведения, т. I, 1957, стр. 364.

[2] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 150.

чивости неверно. Наличие этих особенностей у материи даёт основание рассматривать ее как единство многообразностей и многообразие в единстве.

2. ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗНОЙ МАТЕРИИ

Познание материи является достаточно сложным процессом. Начав с чувственной достоверности, познание оказалось способным вначале дать представление об индивидуальном характере предмета. Отрицание этой индивидуальности было переходом к абстракции. Поэтому отрицание снова было возвратом к индивидуальному, но не к поверхностному, случайному индивидуальному, а к его истинно научному познанию, к познанию материи в ее всеобщей конкретности. Формула: вода, земля, воздух, огонь, атом и т. д.— суть материя, означала, что все виды материи, все отдельные конкретные формы ее существования имеют одну-единую основу, вернёе, свойство: все они вне нас объективно существующие реальности. Вода существовала не только до появления субъекта, но и органического мира вообще. То же самое можно сказать о воздухе или же о других видах материи. Поэтому на вопрос: что такое материя?— можно ответить: **материя есть вне и независимо от нас объективно существующая реальность.** Она «есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». «Материя есть то, что действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»[1].

Как итог всей истории познания, это определение материи является полным и научным. Его полнота и научность состоит в том, что в нем схвачено главное в своей конкретности и что оно является всесторонним отображением материального мира, как объекта ощущения и мысли. Более того, в этом определении дано высшее единство многообразия. В предыдущих определениях многообразность просто была исклю-

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 131, 149.

чена и речь в них шла поэтому не о единстве, но об абстрактной всеобщности. В новом определении найдена та всеобщность, которая лежит в основе всего многообразия, сохранена и качественная связь и вообще дано истинное соотношение всеобщего и единичного. Говоря, что вода, воздух, атом и т. д. суть материя, я признаю многогранность материи и в то же время обнаруживаю их глубоко внутреннюю связь, показываю их существенную общность между собой. А утверждая, что материя—атом, я настаиваю на том, что в деле возникновения конкретных вещей форма, как количество, играет определяющую роль. А истинная реальность не одно лишь количество, а единство качества и количества, в котором каждая индивидуальная форма вещества находит свою вполне объективную субстанциональную основу. Субстанция—одна, общая для всех форм. Эта всеобщность не является результатом одностороннего отвлечения от многообразия, а выражением того, что все разнообразие имеет свою конечную основу в ней, является формой существования субстанции. Поэтому каждая конкретная форма материи, будучи единичной, индивидуальной, в то же время является всеобщей, так как любая данная форма выражает одну и ту же субстанциональную основу—материю. Например, что такое вода? Форма существования материи. А что такое воздух? То же самое. Имея свои основы в одной и той же субстанции, любая из этих форм существует одна в другой. Например, вода есть в воздухе и наоборот. Когда Фалес говорил, что вся материя состоит из воды, а Анаксимен, что она состоит из воздуха, в вышеуказанном смысле оба они были правы; и хотя в наивной форме, но все же достаточно отчетливо указали на связь и единство многообразных форм внешнего мира. Мыслители древнего мира об этом могли лишь догадываться или же в лучшем случае высказывать общие соображения, отдельные гениальные мысли. Современная наука же настолько продвинулась вперед, что все это доказывает экспериментально.

Еще в конце XVIII века Хландри, устанавливая космическое происхождение метеоров, одновременно выяснил, что все они содержат большое количество железа, а некоторые химические элементы, как сера, магнезия и т. д., существуют не только на нашей Земле, но и послужили материалом при об-

разовании Луны, звезд и т. д. Химические анализы доказали тождество земных и небесных веществ. Все планеты, Солнце и звезды состоят из пока что известных нам 104 химических элементов. Таким образом, единство неба и Земли—неопровержимый факт.

Раньше, например, думали, что электрические и магнитные явления имеют в качестве основы происхождения разные, так называемые невесомые вещества. Открытие единой причины возникновения магнитных и электрических явлений нанесло смертельный удар этой теории. Было доказано, что электрический ток способен производить и магнитные действия. Идя дальше по этому пути, наука вскоре доказала наличие связи также между электрической и механической силами. Электрическая сила была превращена в механическую силу, а затем произведены опыты по получению электричества за счет механической работы. Сейчас уже всем известно, что электрическая энергия превращается в механическую, химическую, тепловую и наоборот. Иначе говоря, единство физического мира больше не загадка, не теоретическое предположение, а доказанный факт.

Ранее полагали, что химические элементы непревращаемы; основанием для этой мысли служила гипотеза абсолютной однородности атомов химических элементов. Современная наука окончательно опрокинула эту гипотезу; атом—целый сложный мир, состоящий из множества позитронов и электронов, имеющий свое ядро. Ядро каждого атома состоит из ряда других частиц: из многих протонов и нейтронов, которые связаны между собою мезонами и т. д. Находясь на этой высоте, современная наука опровергает теорию непревращаемости химических элементов, их **абсолютную** индивидуальность. Это значит, что элементы периодической системы Менделеева вовсе не являются отдельными, ничем между собою не связанными формами материи. Периодизация элементов Менделеевым стала возможной именно благодаря наличию этой связи.

Из сказанного следует, что все разнообразные формы материи имеют между собой нечто общее, благодаря чему они и переходят друг в друга. Современная наука уже вступила на путь практического осуществления этих опытов, доказывая,

что нет ни одного химического элемента, который мы не могли бы превратить в другой.

Всякое превращение есть в то же время обнаружение связи между превращаемыми веществами. Работая в этом направлении, квантовая механика доказала, что единство мира является не результатом механического сочетания его частиц, а внутренне-закономерным явлением.

В микромире мы имеем дело с квантовым и волновым поведением частиц, с веществом и полем и т. д. Какая же существует связь между ними? Вопреки идеалистам, желающим отделить их друг от друга и даже противопоставить друг другу, физика доказывает, что разные поведения частицы имеют объективные основы, что частица сама, по своей природе, имеет как волновой, так и квантовый характер и является единством этих свойств. То же самое можно сказать о веществе и поле. Конечно, как объекты исследования, они различны. «В настоящее время во всех наших существенных теоретических построениях мы должны допускать две реальности: поле и вещество»[1]. Однако эти реальности не самостоятельны, не отдельны друг от друга, а существуют только в единстве, ибо «всякое поле порождается совокупностью частиц или тел, взаимодействия между которыми оно переносит»[2]. Следовательно, многообразные формы материи едины. Современная наука доказывает это в каждой области.

Длительное время не только отделяли, но и противопоставляли органический мир неорганическому. Однако в начале прошлого столетия Вёлеру удалось получить органическое вещество—мочевину—из неорганических веществ. Это было уже окончательным разрушением до того существующих искусственных преград между органическим и неорганическим мирами. Вскоре после Вёлера Франкланд и Кольбе получили искусную кислоту, а французский ученый Бертело сумел синтезировать вещества, относящиеся к классу жиров, т. е. к одному из классов, играющих самую важную роль в процессах жизнедеятельности организмов. После этих открытий отпала

---

[1] *А. Эйнштейн* и *Л. Инфельд*, Эволюция физики, 1948, стр. 223.

[2] Диалектический материализм и современное естествознание. Сборник, 1957, стр. 110.

необходимость в особой жизненной силе для объяснения явлений органического мира, отпало также основание противопоставления живого мира неживому. Утверждение Дриша, что энтелехия и материя совершенно чужды друг другу, остается голым и ничем необоснованным утверждением. В начале нашего столетия Фишер получил новое белкообразное вещество, которое играет существенную роль в образовании жизни. Сегодня ученым уже удалось осуществить синтез простейшего белкового вещества; из девяти аминокислот они получили простой белок окистоцин. Установлена молекулярная структура инсулина—белкового гормона. Однако современная наука практически еще не дошла до **диалектического сочетания** разнородных белков, углеводов, ферментов, воды, солей и т. д., чтобы получить живую клетку. Но это вопрос лишь времени, ибо уже добытые результаты дают основание предполагать, что осуществление подобного сочетания не является невозможным.

Обнаружение единства материи ни в коем случае не снимает вопроса о качественной ее разнородности, не отрицает индивидуальности веществ, их бесконечного многообразия. Наоборот, научное познание связи возможно лишь в том случае, если нам хорошо известны особенности отдельных предметов, ибо один из существенных моментов упомянутой особенности—связь многообразных веществ, их близкое или отдаленное родство. Поэтому познание может прийти к установлению истинных связей между конкретными формами материи только путем точного выяснения их индивидуальности и к правильному пониманию этой индивидуальности путем раскрытия единства всех форм.

3. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ЕДИНОЙ МАТЕРИИ

Формула: материя есть вне и независимо от нас объективно существующая реальность, является научно-диалектической формулой, поэтому она показывает не только единство, но также индивидуальность, разнообразность, многогранность мира. В период своего младенчества познание было еще довольно далеко от обнаружения истинной индивидуальности,

многообразия предметов внешнего мира. Правда, чувственно-достоверный предмет был индивидуальным предметом, но его индивидуальность была настолько бедной и абстрактной, что равнялась отсутствию индивидуальности, вернее, индивидуальный предмет был абстрактным, случайно-единичным предметом. Восприятие, как отражение известного единства многообразия предмета, дало нам некоторую индивидуальность. Но настоящий процесс индивидуализации начинается с момента отвлечения от случайных качеств и попыток обнаружения постоянного во всех преходящих формах. Древняя атомистика, как мы видели, и была такой попыткой, но успехом она не увенчалась, потому что абстрагировалась от разнообразия вообще, от всякого качества. Единственная связь, обнаруженная благодаря этому отвлечению, устанавливалась в чисто количественном плане соотношения вещей или предметов внешнего мира.

Эпикур и его последователи попытались стать на путь конкретизации определения атома, обратив внимание на описание его физических свойств. Но они недалеко ушли в этом направлении, потому что для выяснения индивидуальности надо было от всеобщих определений и описаний внешних признаков перейти к раскрытию внутренних закономерностей, к рассмотрению атома в своих конкретных отношениях. Состояние древней науки лишало ученых этой возможности. Только со времени Возрождения эти предпосылки возникают. Николай Кузанский объявил атом такой частицей материи, бесконечное деление которой мысленно допустимо.

Развивая мысль Кузанского, Бруно утверждал, что достижение абсолютной границы вообще невозможно, ибо к любому числу можно прибавить еще новое число, к любой мысли можно присоединить новую мысль, а, следовательно, любую границу можно перешагнуть, допуская существование новых границ. По его мнению, всякое определение имеет смысл только в своей конкретной форме, только тогда, когда определяемый предмет или свойство сопоставляется с другим предметом или свойством. Предметы тяжелы или легки только по отношению к отдельным мировым телам. Так, например, частицы Солнца являются легкими по отношению к Солнцу, частицы Земли—по отношению к Земле. То же самое можно ска-

зать о форме вообще. Формы материи преходящи. Неорганические формы материи, например, переходят в органические и наоборот, а сама материя вообще сохраняется при всех этих изменениях. Бруно пошел дальше, отрицая абсолютное существование времени, пространства и даже материи. Абсолютная материя, убеждает он, была бы абсолютно пассивной вещью, которая может быть сформирована и развита только воздействием извне. В смысле отрицания существования сверхъестественного бытия, конечно, Бруно был прав. Нет какой-то абсолютной материи, подобно тому как нет плода, человека или же животного вообще. Все они—результаты известной абстракции, определенного обобщения чувственно-качественных видов плодов, единичных людей и животных. «Материя, как таковая, это чистое создание мысли и абстракции. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим»[1].

Положительным у Бруно является то, что он понял вред абсолютизирования форм. Познание от абстрактного представления постепенно переходило к конкретным вещам, ибо предметом физики, химии или биологии могла быть не материя и ее формы движения вообще, а ее конкретные формы существования, как например, атомы, молекулы, ионы, конкретные формы движения атомов, молекул, ионов, биологические, физиологические процессы, происходящие в организме собаки, человека, морского ежа и т. д. Но это была конкретизация в пределах описания внешних сношений особенностей. Для познания вещи эти особенности играют определенную роль, поскольку они отражают внутренность, но истинное познание не может остановиться на описании внешности, ибо научная конкретность требует обнаружения внутренних закономерностей.

Чем же отличается эта вещь от другой, какие у нее особенности? Древние мыслители искали ответ на эти вопросы в разнородных сочетаниях немногих первичных элементов. Так

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 570.

поступал, например, Эмпедокл, сведший все к различным комбинациям воздуха, земли, огня и воды. Так поступали Левкипп и Демокрит, видя во всем разные сочетания по существу тождественных единиц материи. И, наконец, так поступили алхимики, видя во всем серу, ртуть и соль. Основная ошибка этих мыслителей заключалась в том, что они либо отождествляли элемент с видом материи, либо же останавливались на его формальном определении. Так, например, эмпедокловский элемент по существу не был элементом, а видом материи, состоящим из множества элементов. Атом Левкиппа и Демокрита имел формальную особенность элемента, так как он был лишен всякого качества. Сера и ртуть алхимиков были элементами, а соль—уже сочетанием элементов, сложным веществом. Кроме того, нельзя сводить все к двум или трем элементам. Это было повторением эмпедоклизма в новой форме.

Для точного установления характера элемента современная химия в лице Бойля выдвинула новый принцип: элементом может быть названо лишь такое вещество, которое **обыкновенным химическим** путем не разлагается, не расчленяется на составные части. И это правильно. Водород, кислород, натрий, хлор и т. д. суть такие элементы. Количество известных нам подобных элементов доходит до 104. Все вещи состоят из разнообразных сочетаний этих элементов. Так, например, вода состоит из H_2O, а поваренная соль—из Nacl. Корни свойства любого вещества следует искать в особенностях тех элементов, сочетание которых дает данное вещество. Дойдя до этого, познание сделало новый шаг в сторону проникновения во внутренность своего объекта, раскрытия структуры и законов его существования, иначе говоря больше приблизилось к основам индивидуальности, конкретности материи. Конечно, отличие воды от соли также является обнаружением индивидуальности. Однако выявление жидкого состояния, отсутствие запаха, цвета, вкуса и т. д., по которым вода отличается от соли, лишь внешние **признаки** индивидуальности. А познание хочет добраться до **основ** этих признаков, до **структуры, до содержания** этих форм для того, чтобы выяснить истину их внешних особенностей. Оказывается, что эти основы—элементы атома. Таким образом, познание вновь воз-

вращается к атому; старая атомистика как будто снова восстанавливается. Но такой вывод, конечно, поспешен. К атому познание, несомненно, возвращается, но старая атомистика, как пройденный путь, остается позади, ибо, в отличие от старой теории, основной вопрос нового времени это—выяснение содержания конкретных форм существования атома—его свойств, структуры, отношения с другими атомами, особенности его движения и изменения, одним словом, его объективной реальности и проявления этой реальности.

Усердно занимаясь исследованием этих вопросов, новая атомистика стихийно вышла из своих отрицательных рамок, разрушила ту форму, которую ей дали или хотели дать ее представители. Когда Бойль доказал, что вещество сложно тем, что состоит более чем из одного элемента, и дал общее определение элемента, он открыл путь к проникновению в структуру материи, дал ключ для материалистического объяснения многообразия внешнего мира.

Каждая вещь состоит больше чем из одних разнородных атомов. Разнородность их в том, что они, как известные нам простейшие частицы, по-разному выражают общие свойства материи. Ньютон доказал, что материя обладает силой притяжения. Атом есть единица материи. Следовательно, он тоже обладает силой притяжения.

В конце XVIII века ирландский химик Вильям Хигинс сделал попытку вычислить относительную силу притяжения атома одного начала атомом другого начала. Последующие открытия, доказывающие сродство элементов, строение атомов и наличие электронов, передвигающихся на внешних оболочках атомов, этому притяжению дали более конкретный и вполне определенный характер.

Атомы притягивают друг друга. Это происходит в силу их химического сродства. Ньюлендс доказал, что через каждые семь мест встречаются весьма сходные по своим химическим и физическим особенностям элементы. Спустя пять лет Менделеев создал свою периодическую систему элементов, которая точно определяет сродство элементов и является показателем силы притяжения атомов.

Атом есть некоторая единица материи. Он обладает известным весом. По мнению Дальтона, атом каждого элемента

имеет свой особый вес, и это его характерная особенность. Дальнейшие опыты экспериментально доказали правильность мнения Дальтона. А вес неразрывно связан с массой атома. Последние открытия показали, что масса атома имеет свое ядро. Вокруг ядра вращаются электроны или отрицательные заряды, количество которых равно атомному номеру. Таким образом, оказалось, что атом—целый сложный мир.

Если старая атомистика, оставаясь в пределах абстрактных определений, не смогла проникнуть внутрь атома и показать его сложную природу, новая атомистика, наоборот, своими исследованиями пришла к расчленению атома, к отрицанию традиционной атомистики, к установлению сложности той единицы, которую больше чем две с половиной тысячи лет считали последним пределом деления материи. Поэтому она уже стихийно перестала быть атомистикой в обычном смысле этого слова и своими открытиями объективно доказала, что возможность делимости материи связана со структурой вещества.

Простое вещество или элемент неделим, он всегда равен себе самому, и отрицание этого равенства равнозначно отрицанию самого элемента, т. е. материи. Убеждение атомистов в том, что расщепление атома есть уничтожение вещества—элемента, в известном смысле правильно. Действительно, с делением того или иного элемента, последний уже перестает быть тем же химическим элементом. Деление, например, атома водорода означает отделение его электронов от ядра. А электронная оболочка и ее изменение определяет все основные физические и химические свойства атома, его сцепление, упругость, капиллярность и т. д. Кроме того, расщепление атома означает расщепление ядра атома, что со своей стороны есть прекращение существования **данного** атома, как атома данного элемента. Расщепление, например, ядра лития означает его превращение в бериллий, т. е. новый элемент. Но именно этот результат одновременно свидетельствует о том, что вышеназванные атомисты одновременно были и неправы, ибо прекращение существования **данного** элемента они отождествляли с прекращением существования материи вообще. Поэтому можно сказать, что полученный результат доказывает, что атом вовсе не простая единица. Он неделим и прост

по отношению к тем веществам, основой которых он является, а внутри себя и по отношению к своим составным элементам он делим, ибо сложен так же, как и любое другое вещество. Следовательно, сложность есть основание делимости. Корень ошибок атомистов в том, что они считали атом абсолютно простой частицей. Наука эту теорию опрокинула.

Атом—сложное тело, и как таковое, он тоже индивидуален, имеет свои основные особенности, благодаря которым атом одного элемента отличается от атома другого элемента. Основой этой индивидуализации служит ядро атома; именно оно определяет главную природу атома. Отличие, например, натрия от хлора, водорода от кислорода следует искать именно в их атомных ядрах. Таким образом, ядро приобретает для атома такое же значение, какое имеет атом для любого вещества.

По отношению к тому или другому телу внешнего мира атом есть частица, а по отношению к своим составным элементам—целостность. То же самое можно сказать о ядре, которое по отношению к атому есть отдельный элемент, ибо, кроме ядра, атом состоит из электронов, а по отношению к своим составным частицам—к нейтрону и протону оно есть законченная, завершенная единица и не является простым телом.

Нечто—просто, поскольку основания его определений содержатся в нем самом. Таким абсолютно простым бытием является материя и ее атрибуты в качестве философских категорий. А материя в форме атома, вещества, микрочастицы или поля уже сложна, поскольку физический мир не исчерпывается перечисленными формами, и каждая из них, показывая определенную физическую структуру материи, находится в известных отношениях с другими видами материи. Так, например, говоря об атоме, мы указываем на его физическое строение, которым он отличается от молекулы или же микрочастицы, отличаем в нем его ядро от электронов, короче говоря, мы составляем представление о нем путем раскрытия его структуры и закономерностей изменения этой структуры. Все это говорит о том, что атом—сложная форма материи. А то, что сложно—делимо.

Атом делится на ядро и электроны. Как конкретные виды

материи, последние также делимы, поскольку сложны. Современная наука доказывает, что ядро любого атома любой вещи содержит в себе ядро водорода, количество которого определяется порядковым номером элемента. Ядро водорода в ядре атома—заряженная частица атома и на языке современной науки называется **протоном.**

Кроме того, ядро состоит также из **нейтронов.** Таким образом, в каждом ядре атома мы можем различить пока что два элемента: протон и нейтрон, которые, как свидетельствует даже их название, суть качественно разные частицы материи. Единство этих разнородных частиц дает нам новую частицу—ядро атома с новыми особенностями. Ядро—не протон или нейтрон, а их единство. Познание этого единства раскрывает нам природу индивидуальности атома и в то же время характер индивидуальности самих ядер, ибо ядро атома каждого элемента есть единство разных количеств протонов и нейтронов. Изменение количества дает нам новое качество. Прибавляя, например, к ядру азота по одному протону и нейтрону, мы получаем ядро кислорода, т. е. ядро вещества, которое отлично от первого по своим физическим и химическим особенностям. Таким образом, вследствие раскрытия структуры ядра познание поднимается на новую, более высокую степень научного объяснения индивидуальности предметов внешнего мира, обнаруживает, что наряду со всеобщностью, внутренней связью видов или форм существования материи они в то же время индивидуальны, разнообразны, что материя бесконечно многогранна.

Но можно ли сказать, что на этой ступени своего развития познание уже добралось до последних корней индивидуальности и в то же время общности материи? Нет, ибо делимость всех форм материи, как было доказано, бесконечна. Практически уже сейчас говорят о сложности протонов и нейтронов. Протон определяют как нейтрон, соединенный с положительным мезоном, а нейтрон—как протон, соединенный с отрицательным мезоном. Попытка остановиться на каком-нибудь пункте, объявить какую-нибудь частицу материи пределом деления, а следовательно, и конечным основанием многогранности мира всегда неизбежно приводит к кризису поз-

нания. Многогранность, как и ее формы связи и единства, неисчерпаемы.

А как понять делимость материи? В древнем мире ее понимали в смысле механического дробления вещества. Исходя из этого, они считали атом последним пределом дробления материи. Эта точка зрения долго господствовала в науке и, пока речь шла о макромире, она имела известное основание, ибо в макромире закон дробления действительно дает нам возможность познавать некоторые особенности материи. Но и в этом случае упомянутая точка зрения была поверхностной, ибо многообразность материи состоит не в том, что она поддается дроблению, а в сложности ее структуры и в бесконечности ее свойств, которые не только существуют, но и возникают при установлении новых отношений между частицами материи.

Говоря о бесконечной делимости материи, мы имеем в виду неисчерпаемость ее внутренних и внешних связей и форм ее существования. Не только нейтрон и позитрон, но и все пока известные нам «элементарные» частицы материи обладают бесконечно многими свойствами в силу их разнообразных связей и сложности структуры. Поэтому можно сказать, что единая материя внутри себя многогранна, а многогранные формы материи связаны между собой, едины. Это относится не только к материи вообще, но и к каждой ее элементарной частице.

4. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЕДИНОЙ МАТЕРИИ

Отвергая попытку сведения всей материи к одной из ее форм, нельзя в то же время вовсе отрицать наличие единства между ее конкретными видами существования. Современная физика, доказывая неисчерпаемость многогранности материи, одновременно находит между ними внутреннюю связь и единство. На данном этапе развития научной мысли все физические тела сводятся к веществу и к полю. Химия подобное единство видит в химических элементах—атомах, а биологические науки—в клеточном строении организмов и т. д. Ко-

нечно, эти обобщения имеют разные основания, но все-таки они показывают единство во многообразности. В этом отношении обобщение физики имеет особое значение, поскольку оно раскрывает более глубокие основы единства, оно показывает, к чему сводятся в конце концов все виды материи при отвлечении от их качественных особенностей.

Однако, теория, построенная на основе учений о веществе или поле, не может показать нам всю живую, исторически конкретную картину мира и его закономерностей, поскольку она отражает свойства и законы только определенных физических форм материи, а между тем, в целом материя более сложна. Если ее неорганическая форма поддается объяснению физики, то для познания органической, а тем более общественной формы материи физические законы далеко не достаточны и уже совсем не нужны при познании, например, хода и характера развития производительных сил общества. Для того, чтобы иметь более правильное представление о материальном мире, современные науки определенно различают три вида материи: неорганическую, органическую и общественную материю, каждая из которых имеет свои качественно особые формы движения и законы изменения.

а) Неорганическая материя

Вступая в отношение с внешним миром, мы сначала отличаем бесконечные тела, различающиеся пока только по своей внешней форме. Мы видим дом, дерево, человека и т. д. Дом, который построен из камней, железа и т. д., такой же предмет внешнего мира как человек со своей сложной системой кровообращения, психическим миром. На этой ступени развития познание достигает констатирования только наличия тела, без обнаружения внутренних основ его дифференциации.

Но ведь индивидуальность вещей не формальна. Камень отличается от железа не только по своему внешнему виду; в этом они могут быть даже однородными, а по своей внутренней структуре различными. Переходя от определения внешних форм к выяснению строения вещества, познание обнаруживает их сущность. Оно устанавливает, что в природе су-

ществуют совершенно разные тела: в одних происходят такие процессы, которые ведут к образованию молекул со сложной структурой, в других этого нет; одни удивительно многообразны и подчиняются закону обмена веществ, и особенно закону регенеративных явлений, другие—наоборот; одни обладают химической энергией, необходимой для расщепления самых разнообразных пищевых продуктов, для образования новых сложных тел, составляющих живую материю, чего не скажешь о других, и, наконец, у одних нет какого-либо признака или основания для психической жизни, которые имеются у других. Следовательно, в природе существуют два царства: царство органического и неорганического миров. Неорганическая материя—это та **первая** основная форма индивидуальности материи, которую констатирует субъект, вступая в отношения с внешним миром. Неорганическая материя подчиняется только физико-химическим законам, и сложность форм ее движения не выходит за пределы физико-химических изменений. Своей структурой и своими законами изменения неорганическая материя качественно отличается от органической, особенно от живой материи.

б) Органическая материя

В отличие от неорганической материи, в которой превалирует отсутствие **определенной** формы, в органическом мире, наоборот, четкость, конкретность, поражающая разнородность форм, их беспрерывное повторение является характерным фактом. По сравнению с неорганическим миром, процессы здесь происходят значительно быстрее. Для образования, например, новых горных пород потребовались целые геологические периоды. Кроме того, ни одна порода со своими особенностями больше не повторяется, ее повторение заключается в факте ее существования. Не так обстоит дело с растительным миром. Здесь все формы непрерывно повторяются. Каждая весна есть повторение одних и тех же форм растений. Если в неорганическом мире, скажем, у кристаллов, законообразная форма есть результат направленного сродства атомов, в органическом мире она зиждется на особой форме ультрамикро-

нов, которые, будучи различными у разных видов организмов, в своей сумме образуют характерные структуры каждого из них.

Органические формы **растут, развиваются и размножаются.** В неорганической природе эти изменения имеют место как химическое разложение существующих форм и образование новых физико-химических систем, а в органическом мире оно имеет целью самообновление собственных составных частей, т. е. компонентов протоплазмы, как простейшей единицы живой материи. В отличие от неживой, живая материя приспособляется к окружающей среде, чтобы этим, сохраняя биологическую целостность, иметь возможность продолжать свое поступательное движение. Это значит, что в живой материи мы имеем своеобразное единство движения и равновесия. Энгельс говорит, что «в живом организме мы наблюдаем непрерывное движение как всех мельчайших частиц его, так и более крупных органов, которое имеет своим результатом, во время нормального периода жизни, постоянное равновесие всего организма и тем не менее никогда не прекращается,— живое единство движения и равновесия»[1].

Живая материя активна, как целостность она является системой самоуправляемой, т. е. обладает внутренним свойством автоматически перестраиваться под воздействием внешней среды. Это значит, что она способна получить определенный вид информации и использовать ее для собственного развития. Н. Винер считает, что «Всякий организм скрепляется обладанием средствами приобретения, использования, хранения и передачи информации»[2]. Самым простейшим таким организмом является протоплазма. Устанавливая эти коренные особенности органических веществ, познание идет дальше, оно ищет и обнаруживает внутренние основы образования этих особенностей. Оно их раскрывает в специфической субстанции живых организмов. Для объяснения свойств неорганических предметов нам надо найти химический состав этих предметов, узнать особенности сочетания атомов всех тех эле-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 562.

[2] *Н. Винер,* Кибернетика или управление и связь в животном и машине, 1968, стр. 198.

ментов, которые входят в данный предмет. Стало быть, субстанция неорганических веществ, в конечном счете, это атомы химических элементов. Живые существа тоже в конце концов являются результатом сочетания разнородных химических элементов, но субстанция этих веществ не сводится к ним, ибо она не химическое, а **морфологическое** существо; эта субстанция есть **протоплазма.**

Белок, о котором говорили раньше как о субстанции живых организмов, является лишь одним из элементов протоплазмы, поэтому получение белка еще не приводит к получению живого вещества, а является лишь путем к нему. Жизнь появляется только там, где есть сочетание разнородных белков, углеводов, ферментов, солей и т. д. А такое сочетание имеет место только на довольно высокой ступени развития материи, на ступени появления качественно нового рода синтеза. Такой синтез есть протоплазма. «Протоплазма не есть химическое тело какой бы то ни было сложности, а смесь многочисленных химических веществ, которые мы можем себе представить соединенными в удивительно сложном строении клетки. Химические тела в различных стадиях агрегата.... обнаруживают сходные свойства; протоплазма же не может быть переведена в другую форму агрегата, не перестав быть протоплазмой»[1].

Самые простые тела в органическом мире в то же время очень сложны, потому что состоят из многих химических элементов, и это их специфическая особенность. Попытка игнорировать эту специфичность, т. е. отождествлять биологическую единицу с химической или физической, бесполезна, ибо биологическая единица должна содержать в себе не потенциальные возможности зарождения жизни, а самую жизнь в своей первоначальной стадии, т. е. она должна быть уже живым веществом. Современная биология признает такой единицей протоплазму, соединение которой с ядром образует первый наиболее оформленный организм, клетку живого тела. Дальнейшее развитие индивидуальных форм в органическом мире происходит на основе разнородных сочетаний этих клеток. Но клетки, как составные части организма, уже в высших

[1] *О. Гертвиг,* Клетки ткани, стр. 17.

формах перестают проявлять свою самостоятельность, ибо высшие формы возникают на основе диалектического отрицания низших. Поэтому невозможно и ошибочно сводить возникшие новые формы к клеткам или механическому сочетанию их.

Индивидуальность высших форм органического мира на высшем уровне своего развития проявляется в новых качествах, появляется субъект и его психическая жизнь, действия этого субъекта и его отношения с окружающим миром. Человек как высший представитель органического мира уже не обособляется от других одними только своими биологическими и физиологическими качествами, а первым долгом своими отношениями к внешнему миру, своей сознательной, планомерной производственной деятельностью. Но эта индивидуальность уже является выходом из пределов биологического мира и началом образования нового мира—общества с новой общественной формой материи.

в) Общественная материя

Эта форма материи является столь же древней, как и сам человек. Конечно, по сравнению с историей органической материи, история этой формы очень непродолжительна. Однако для ее окончательного оформления и полного развертывания внутреннего богатства, она более, чем достаточна. Точное обособление первых двух форм также не имеет большой давности, хотя люди были знакомы с ними с древних времен.

Не так обстояло дело с общественной материей. Сотни и тысячи веков люди имели дело с этой формой материи, она определяла форму и характер их деятельности, была источником их жизни, но они не догадывались о ее существовании. Конечно, они знали, что вступая в отношения с внешним миром, они приобретали в нем средства для своего существования, но характера и содержания этих отношений они еще не знали.

Маркс был первым ученым, открывшим нам общественную, т. е. третью основную форму материи. Он впервые показал людям, что́ они творят и к чему способны. Поэтому можно

смело сказать, что истинное самосознание людей начинается со времени выступления Маркса. Галилей, Коперник, Ньютон, Дарвин, Менделеев и другие открыли лишь те или иные законы природы, те или иные формы движения материи. А Маркс открыл целый мир со всеми своими формами движения. Этот новый мир называется — общественная **материя.**

Общественная материя — диалектическое единство предыдущих двух форм. Она есть неорганическая материя: железо, земля, воздух, вода и т. д. и органическая материя— первым долгом в лице человека. В своей натуральной форме эти виды материи— предметы внешнего мира. Чтобы стать общественной материей, они должны пройти через процесс общественного производства, т. е. должны быть обработаны, переделаны человеком, должны содержать в себе искусство производителя-человека. Один лишь факт их существования недостаточен для того, чтобы они были формами общественной материи. Общественная материя это тот фундамент, на котором базируется человеческое общество, это производительные силы. «Производительная сила есть приобретенная сила... Производительные силы — это результат практической энергии людей»,— писал Маркс Анненкову. Дело в том, что «природа не строит машин, паровозов, железных дорог, электрических телеграфов, сельфакторов и т. д. Все это продукты человеческой деятельности; природный материал, превращенный в органы власти человеческой воли над природой или в органы исполнения этой воли в природе. Все это **создание человеческой рукой органа человеческого мозга;** овеществленная сила знания»[1].

Машина, например, это «овеществленная сила знания». От того что дано природой, от куска железа, она отличается не только своей внешней формой, но и тем, что «в том, что дано природой он (человек—Г. Г.) осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель»[2].

«Цель», «идеал», «представление» и т. д.— особенности высшего представителя органического мира, человека. Чело-

---

[1] *К. Маркс,* Из неопубликованных рукописей, журн. «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 63.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 189.

век — сознательно производящее общественное животное, он действует продуманно, планомерно, и в основе его действий лежит сознательное выполнение цели. В процессе его действий кристаллизуются эти его особенности, и он передает их продуктам своего творчества, создавая новый **специфический,** обособленный, а именно **общественный** предметный мир в лице производительных сил общества.

Производительные силы лежат в основе действия субъекта, они являются вне и независимо от нас объективными реальностями, которые стали результатами определенной деятельности, тем самым вышли за пределы отвлеченной реальности. В этой конкретизации прежняя разнообразность внешнего мира не восстанавливается. Производительная сила как орудие есть отрицание железа как железа. Она есть качественно новая форма, которая возникла не из механического слияния прежних форм, а на базе диалектического отрицания их в процессе деятельности, или же, говоря экономическим языком Маркса, в процессе общественного производства. Следовательно, производительные силы суть **таковые** только в процессе производства. Вне его железо не орудие и не предмет производства. А это значит, что богатство общественной материи неотделимо от производственных отношений общества. Мы тут имеем истинное диалектическое единство. В этом единстве и благодаря этому единству предметный мир беспрерывно переходит в общественный предметный мир, а упомянутые отношения совершаются как материальные отношения. Творцом и носителем этих отношений является человек.

Человек — продукт эволюции органического мира и собственной деятельности — труда. «Труд создал самого человека»,— говорит Энгельс. Пассивное приспособление в труде заменяется активным воздействием на мир, его переделкой путем активного вмешательства; стихийное движение уступает свое место сознательному действию, и тем самым появляется нечто новое, чего раньше не было. Это новое — материальные производственные отношения, в процессе которых предметный мир становится общественным предметным миром, т. е. появляется общественная материя.

Но человек является носителем и субъективного, носителем знания, искусства, опыта и т. д.

В процессе труда эти знания или искусства осуществляются в результатах материального производства, т. е. материализуются. Знание в действии есть сила, которая служит орудием изменения действительности, а следовательно, переходит в материальную силу, активно влияет на собственный базис. Общественная материя и соотношение ее частей и форм является самой сложной и самой высшей формой материи. Но она лишь одна из имеющихся форм, а не вся материя, не материя вообще. Материя вообще есть единство всех своих форм, есть диалектическое отвлечение от индивидуальности, есть философская категория.

5. МАТЕРИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Материя как философская категория не обладает теми же свойствами, которые характерны для отдельных ее форм, ибо она есть результат абстракции как раз от этих разнородных свойств. «Единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания»[1]. В этом определении познание поднимается до обнаружения высшей основы единства многообразности мира, до знания главного, которое связывает между собой все конкретные формы и является непереходящим во всех переходящих, изменчивых формах.

Объективная реальность как свойство материи является самым простым, единственно массовым, всеобщим свойством, поэтому исходным пунктом познания сложности и разнообразности мира. Указание Декарта, что научное познание следует начинать с нахождения самого простого, методологически было правильным.

Метод восхождения от простого к сложному является «правильным в научном отношении»[2]. Но это простое вовсе не то, о котором говорил Декарт; оно, это простое, всеобщее свойство материи — ее объективная реальность, в которой

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 131, 275.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 191.

множество не уничтожено и не отброшено, а диалектически преодолено, т. е. снято, благодаря чему указанное свойство и понимается нами как основа многогранности мира.

Объективная реальность как свойство материи в корне противостоит богословскому пониманию реальности или гегелевской абсолютной идее. Согласно последним объективная реальность **не является свойством,** ибо иметь свойство—означает обладать материальным бытием и находиться в пространстве, существовать во времени и воспроизводить свою определенность в процессе движения. Бог или абсолютная идея пространственными быть не могут, поскольку пространство есть форма материи. Попытка поместить их в пространство означает попытку материализовать их, стать фактически на путь материализма, как это делал Спиноза.

Бог Спинозы есть материя, так как он имеет протяженность как атрибут, и нет ничего общего между бесформенной материей Дунса Скотта или Рабана Мавра и материей последовательных материалистов. Материя Рабана Мавра и ее формы сотворены богом, следовательно, об их реальности речи быть не может. Чтобы иметь объективно-реальную форму, надо существовать. Бог или абсолютная идея не имеют формы, потому что они не существуют. Материя же как субстанция обладает своими формами, которые отличны от конкретных форм ее существования; поэтому думать, что как субстанция она имеет формы в виде куба или цилиндра, и стараться мысленно подогнать ее под эти формы—неправильно; у материи, как субстанции, нет подобных форм, подводить ее под ту или иную конкретную форму совершенно невозможно. Кроме того, ведь материя как философская категория есть отвлечение от этих конкретных форм, поэтому ни одна из них для нее непригодна. Но она имеет свои основные формы бытия, и ее единственное свойство — объективная реальность — проявляется в этих формах: в пространстве, времени и движении.

Кант ошибался, когда, признавая существование вещи в себе, объявлял формы ее бытия априорными формами созерцания. Материя и ее формы едины, ее объективная реальность может проявляться только через ее формы. А эти формы, в свою очередь, могут быть основными формами существования

объективной реальности лишь в том случае, если они суть таковы. Реально то, что существует. Существовать может то, что подтверждает свою реальность путем непрерывного самовоспроизводства. Существование материи является как раз подобным процессом. Закон сохранения материи — лучшее доказательство сказанного.

Существование всегда имеет свое основание. Основание и существование неразделимы, они суть моменты одного и того же единства. Особенность этого единства заключается в том, что в движении основание переходит в существование, а существование в основание, благодаря чему они, воспроизводясь, продолжают существовать независимо от чего-нибудь другого.

Существование субстанции ничем другим не определяется, она есть вне и независимо от нас объективная реальность. Причиной или целью ее существования является сам факт ее существования, поэтому наука интересуется не целью, а способами и формами существования материи, пространством, временем, движением и законами движения. Дело в том, что у познания нет другого пути проникновения в сущность материи, раскрытия ее законов изменения и развития, кроме тех форм, в которых она (материя) существует и обнаруживает свою сущность.

ГЛАВА VI

АТРИБУТЫ МАТЕРИИ

а). ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ АТРИБУТАХ

Основными атрибутами материи считали пространство, время и движение. Но ограничивается ли материя вышеуказанными и нет ли у неё других атрибутов. Б. Спиноза считал, что «Бог, или субстанция, состоящая из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность, необходимо существует»[1]. Иначе говоря, в вечности и бесконечности сущности субстанции мы убеждаемся благодаря тому, что она выражает или отражает бесконечные атрибуты. Если количество атрибутов было бы ограниченным, то невозможно было бы говорить о вечном выражении бесконечной сущности субстанции, ибо у нее нет другой возможности для выражения собственной сущности. Атрибуты субстанции неограничены, так как сама субстанция безгранична во всех отношениях. Ограничение количества атрибутов неизбежно приводит к ограничению субстанции, к признанию того, что субстанция ограничена в формах своего существования. А это ведет к механицизму, к сведению богатства субстанции к ограниченному количеству форм. Так поступал Ф. Бэкон, уверявший, что любая сложная субстанция сводится к определенному количеству простых свойств. Для наглядности он сравнивал эти свойства с буквами, говоря, что подобно тому как знание букв дает нам возможность разобраться в словах, точно так же знание простых свойств мате-

[1] *Б. Спиноза,* Избранные произведения, т. I, стр. 368.

рии приведет нас к познанию сложных тел. Более того, он уверял, что поскольку упомянутые свойства суть первичные элементы материи, то их познанием исчерпывается познание всех эмпирических явлений природы. Положение Спинозы о бесконечности атрибутов по существу было направлено против упомянутой метафизики. Познание материи неисчерпаемо, ибо в процессе движения она способна приобрести бесконечно много новых форм и свойств, которые становятся новыми объектами познания. По характеру все эти свойства либо постоянны либо переходящи. Сознание, например, является исторически переходящим свойством материи, поскольку не все ее формы обладают сознанием. Пространство, время и движение наоборот, суть постоянные атрибуты материи. Для современной науки — это неоспоримая истина. Но неоспоримо также то, что наличие движения указывает на наличие взаимной связи и взаимодействия тел как всеобщих форм их отношений. Поэтому они тоже суть атрибуты материи. То же самое можно сказать о способности материи к саморазвитию. Нет материи, которая не имела бы этой способности. А характерная особенность атрибута — его всеобщность, несотворимость и неуничтожаемость.

Подходя к вопросу с этой позиции Ленин самым основным свойством материи считал ее объективную реальность, существование вне и независимо от нас. Почему же нельзя считать ее атрибутом субстанции? Ведь только благодаря последней материя есть материя. Если отказываться от признания объективного существования материи независимо от нас, тогда исчезнет разница между материей и сознанием. Следовательно, она является атрибутом материи, причем одним из основных. Существовать вне и независимо от субъекта, значит быть несотворимым и основы своего существования иметь в самом себе. На эту особенность,т . е. на этот атрибут материи указывал еще Гераклит, говоря, что материя не создана никем из богов и никем из людей, она существовала и будет существовать вечно. Идеалисты, выступая против материализма, старались доказать сотворимость материи. Но, не имея ни одного факта для доказательства, они пришли к отрицанию науки и научного мышления. Вспомним хотя бы

махистов, которые, сводя материю к комплексу ощущений, стали на путь агностицизма, т. е. отказа от науки.

Наука и ежедневная практика людей на каждом шагу опровергали (и опровергают) теорию сотворимости материи. Это обстоятельство дало основание Энгельсу сказать: ...«мы знаем из опыта и теории, что материя и ее способ существования — движение—несотворимы и, следовательно, являются своими собственными конечными причинами...»[1] А из этого следует, что несотворимость является атрибутом материи. Нечто сотворено, если его изменение, в конечном счете, зависит от его творца. Относительно материи этого сказать нельзя. Причины изменения материи находятся в самой материи, ибо она — субстанция. Свойством или атрибутом субстанции является также ее неуничтожаемость. Если материи была бы сотворена каким-нибудь субъектом, тогда она могла быть уничтожена своим творцом. Так как она никем не создана, поэтому—неуничтожима. То что подвергается уничтожению реально только во время своего существования, поэтому она не субстанция и нельзя говорить о ее субстанциональной реальности. Отлично сознавая это, мыслители древнего мира старались найти неуничтожаемые, непреходящие основы постоянно изменяющейся многообразности природы. Фалес принимал за эту основу воду, Анаксимен — воздух, а Анаксимандр—апейрон. Гераклит выступил с новым тезисом о том, что все течет, все изменяется, следовательно ничего не сохраняется, нет ничего вечного. В одну и ту же реку нельзя войти дважды, добавил он. Из этого положения Гераклита Кратил сделал далеко идущие релятивистские выводы, отрицая возможность даже относительной устойчивости, неуничтожимости материи. В одну и ту же реку нельзя войти даже один раз, заявил он. Таким образом, возникло противоречие между признанием неуничтожимости и изменчивости материи. Стараясь разрешить это противоречие, Демокрит и его последователи распространили принцип изменчивости на все формы существования материи за исключением атома, считая, что его неуничтожимость реализуется через сохранение его атрибутов: формы, объема и веса. Основные положения этого уче-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 569.

ния стали руководящими принципами, как для естествознания, так и для материалистической философии до открытия закона сохранения и превращения энергии и создания диалектического материализма. Эти открытия окончательно доказали, что неуничтожимость является одним из важнейших атрибутов материи.

Атрибут материи должен показать отличие материи от сознания, причем такое отличие, которое является существенным для решения основного вопроса философии. Идеалисты, уже с древних времен, противопоставляя дух или абсолютную идею материальной субстанции, указывали на **телесность** материи, считая ее веским аргументом против субстанциональности материи. Материалисты, отвергая идеализм, наоборот, рассматривали телесность, как общее свойство, без которой нет материи. Продолжая эту линию, Энгельс писал: «Мы отвлекаемся от качественных отличий вещей, когда объединяем их, как **телесно** существующие, под понятием материи»[1]. Иными словами, телесность — это атрибут материи.

Не устарело ли это положение Энгельса? Нет, не устарело. С точки зрения современной науки, материя — это вещество и поле. Вещество — это форма материи, состоящая из частиц, имеющих собственную массу (массу покоя). Вещество — это электрон и позитрон, протон и нейтрон, атом и молекула, макроскопические тела, состоящие в различных агрегатных состояниях и т. д. В телесности этих форм материи сомневаться нельзя, ибо все они суть **физические тела**, являющиеся или могущие стать объектами нашего ощущения. А признаки телесности проявляются первым долгом, именно в этих особенностях материи.

Высказывают некоторую неуверенность в телесности поля. Конечно, отождествлять поле с веществом ошибочно, но противопоставлять их друг другу, как нетелесное телесному тоже нельзя. Дело в том, что все виды полей суть формы материи, осуществляющие взаимодействие частиц вещества и связывающие частицы вещества друг с другом в системы. Более того, релятивистская теория тяготения установила, что электромагнитное поле обладает весомой (гравитационной)

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 570.

массой, энергией и количеством движения (импульсом), т. е. всеми теми свойствами, в которых проявляется телесность. Имея ввиду эти факты А. Эйнштейн говорит, что «для современного физика электромагнитное поле столь же реально, как и стул, на котором он сидит»[1]. Поэтому у нас нет основания утверждать, что приведенное положение Энгельса устарело. Что телесность является атрибутом материи, вытекает так же из ленинского определения материи. Если материя — это то, что «дано человеку в ощущениях его», что так или иначе, «действуя на наши органы чувств, производит ощущение»[2], то из этого уже следует, что материя телесна, ибо только телесность способна к упомянутым воздействиям. Не случайно, что отвергая идеализм, Ленин неоднократно подчеркивает, что «материя есть физическое»[3] и что это «физическое есть первичное»[4], тем самым считая телесность атрибутом материи.

Как неуничтожимость, так и объективная реальность, несотворимость и телесность в известной мере отличаются от других атрибутов материи. Их отличительная черта состоит в том, что они, будучи атрибутами материи, являются также атрибутами самих атрибутов, они показывают основные особенности не только субстанции, но и свойств. Так, например, если движение указывает на способ существования материи, то объективная реальность показывает как на субстанциональность материи, так и на объективность движения. Если пространство и время являются формами существования материи, то несотворимость и неуничтожимость—суть атрибуты, как материи, так и пространства и времени. Ведь материализм—это не только признание субстанциональности материи, но утверждение несотворимости и неуничтожимости ее атрибутов. Как известно, старые и новые кантианцы, выступая против материализма, настаивают на субъективности пространства, времени и движения. Энгельс, опровергая идеализм, писал: «Движение... также, несотворимо и неразрушимо, как

---

1 *А. Эйнштейн и Л. Инфельд,* Эволюция физики, 1948, стр. 144.

2 *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 131 и 149.

3 Там же, стр. 148.

4 Там же, стр. 150.

и сама материя,...»[1], иначе атрибуты материи имеют ее субстанциональные особенности, на что указывают атрибуты атрибутов. Таким образом, мы имеем две группы атрибутов материи. Одна из них является раскрытием также сущности самих атрибутов, а вторая относится только к материи. К первой группе принадлежат также **дискретность и непрерывность.** Конечно, могут сказать, что они непосредственно связаны с движением и осуществляются благодаря движению, поэтому нет основания считать их атрибутами материи. А разве пространство и время не связаны с движением? Разве можно без последнего иметь представление о первых? Почему же никто не сомневается в том, что они суть атрибуты? Если нечто является атрибутом в силу того, что оно относится ко всем формам материи, к материи, как таковой, то дискретность и непрерывность характерны как раз тем, что относятся как к неорганической, так и к органической и общественной материи. Нет ни одной формы материи, которая не была бы и дискретной и непрерывной. «Новая атомистика отличается от всех прежних тем, что она (...) не утверждает, будто материя только дискретна, а признает, что дискретные части различных ступеней (...) являются различными **узловыми точками,** которые обуславливают различные качественные формы существования всеобщей материи...»[2]. Иными словами, дискретность и непрерывность—суть всеобщие особенности, т. е. атрибуты материи. Но они показывают также общий характер пространства и времени, тем самым выступая, как атрибуты атрибутов.

Кроме пространства, времени, взаимосвязи, взаимодействия, способности к саморазвитию и движению ко второй группе атрибутов материи относится также **отражение.** Критикуя идеалиста Пирсона, который считал, что «нелогично утверждать, что вся материя сознательна», Ленин заметил: «но логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»[3].

Конечно, отражение является формой движения и как та-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 59.

[2] Там же, стр. 608—609.

[3] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 90—91.

ковое атрибутом материи. Но не всякая форма движения свойственна всей материи, поэтому не все они суть атрибуты материи. Так, например, ассимиляция и диссимиляция—формы движения материи, но они свойственны только живой материи. В этом отношении отражение имеет ту особенность, что является всеобщим свойством как органической, так и неорганической материи.

В отличие от всех форм движения, отражение есть то, что сходно с ощущением, то, развитие чего приводит к появлению мышления. Ленин писал, что «в фундаменте самого здания материи» можно... предполагать существование способности, сходной с ощущением»[1]. Эта способность и есть отражение.

Характер отражения зависит от вида и уровня развития материи. Отражение в неорганическом мире не то, что в органическом в лице царства растений и животных. В первом случае оно выступает как потенциональная возможность ощущения, а во втором имеет уже форму ощущения. Высшая форма отражения—это познание.

Атрибут—это то, что «представляется сам через себя», а то, что представляется через другое уже не атрибут, а переходящее свойство, имеющее начало и конец. Выражая природу субстанции, атрибут не имеет ни начала, ни конца. Он существует совместно с субстанцией, отражая ее ту или иную «вечную и бесконечную сущность»[2]. Таковыми являются не только уже названные атрибуты, но также качество, количество и структура. Конечно, каждая конкретная вещь имеет свое качество, количество и структуру, которые исторически возникают и исчезают с возникновением и исчезновением их носителя—вещи. В этом случае они являются атрибутами этой вещи, которая не может существовать не имея своей качественной, количественной и структурной определенности. Но это относится не только к той или иной вещи, а ко всем вещам. Любая вещь или единица материи имеет свое качество, количество и структуру, которые с разных сторон выражают реальность или бытие субстанции, и поэтому являются ее атрибутами. Физики считают, что энергия и импульс тоже являют-

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 90—91.

[2] *Б. Спиноза,* Избр. произведения, т. I, стр. 368.

ся «универсальными атрибутами материи, без которых существование материи невозможно»[1]. Дело в том, что энергия—это общая мера движения материи, а движение—атрибут материи. Поэтому нет материи, без энергии. То же самое можно сказать об импульсе, поскольку он показывает количество движения. Следовательно, правы физики, что энергия и импульс суть атрибуты материи.

Таким образом, на данном уровне развития научной мысли возможно говорить уже не о трех, а—более полторадесятка атрибутов материи, которые существуют не отдельно, не абсолютно самостоятельно, а в тесной связи друг с другом, причем в такой связи, когда один атрибут определяет существование другого. Так, например, без движения нельзя говорить о пространстве и времени и наоборот. А в чем же сущность этих атрибутов, в частности пространства, времени и движения, учитывая их особую роль в процессе познания материи и ее как основных, так и не основных атрибутов?

2. ПРОСТРАНСТВО

а) Возникновение категории пространства

Весь процесс познания материи убедил нас в том, что «в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и времени»[2]. Таким образом, познание открывает существование пространства через рассмотрение изменения материи во времени, а в объективности движущейся материи мы убеждаемся благодаря ее проявлению в пространстве и времени. Уже в восприятиях вещи даны, с одной стороны, отдельно, вне друг друга, а с другой—совместно, т. е. как сосуществующие вещи. Этот первоначальный акт познания является также действием оформления понятия пространства, поскольку установление соотношения вещей возможно только в пространстве, вначале в эмпирической, а потом уже в общей форме.

---

[1] «Вопросы философии», № 4, 1968 г., стр. 91.

[2] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 18, стр. 180—181.

Когда мы наблюдаем конкретные предметы внешнего мира, из поля нашего зрения не ускользает тот факт, что здесь например, есть дерево, а там—дом, что дом находится вне дерева и наоборот, что они отдельны друг от друга, но в то же время связаны между собой поскольку отграничение дома от дерева является условием установления их самостоятельного существования. Конечно, сама по себе эта форма связи имеет отрицательный характер, но она необходима именно для положительного утверждения, что это есть дерево, а то—дом. Отражение внеположности вещей дает возможность определить местонахождение каждой из них и убедиться в том, что, существуя, они занимают разные места. Является фактом, что место, занятое деревом не то же самое, что место, занятое домом; они различны в первую очередь по размеру. Первое занимает меньше места, чем второй. Кроме того, они отделены друг от друга определенным расстоянием. Место, размер, расстояние—все это формы существования пространства.

В процессе общения с внешним миром, человек убеждается в том, что вне упомянутых и других пространственных отношений нет вещей. Первым основным средством для этого убеждения является ощущение, восприятие человека. Зрение, например, дает возможность узнать, что дерево находится в лесу, а дом—в городе, что Арарат выше Арагаца, что река Раздан берет свое начало из Севана и т. д. Но все это лишь первые шаги к познанию пространства. Для установления хотя бы расстояния между Араратом и Арагацом пассивное отображение расположения этих гор уже недостаточно. Оно требует их сопоставления, измерения расстояния и тем самым установления связи между ними, одним словом, для познания даже простейших пространственных отношений необходима также синтетическая работа мозга.

Совместное действие ощущения и разума дало человеку возможность иметь представление сначала об отдельных свойствах, признаках и формах существования пространства: ему приходилось каждый день проходить определенное расстояние, чтобы заниматься охотой, рыть землю, строить дома, устанавливать границы своих полей после наводнения и т. д. В процессе подобных практических действий были раскрыты общность свойств или признаков пространства. Так, напри-

мер, измерение расстояния привело к обнаружению единицы измерения, выступающей как нечто общее по отношению к единичным объектам. Обобщение всех этих знаний привело к возникновению понятия пространства как атрибута материи.

б) Пространство—атрибут материи

Как в философии, так и в естествознании долгое время считалось, что пространство является самостоятельной субстанцией. Определяя его как место, Аристотель говорил, что оно существует наряду с телами, и представляет собой неподвижную границу, объемлющую тела. Иначе говоря, определение пространства как места привело Аристотеля к отрицанию существования как абсолютной пустоты, так и бесконечности мирового пространства. Конечно, Аристотель верно отмечал, что пустого пространства нет, но это не по той причине, что пространство является границей для существования тела; ведь даже простое созерцание начинается не с пространства, в котором находится тело, а с тела, которое занимает известное место, поэтому мы вправе говорить, что оно является формой бытия материи.

В классической физике место представлялось как вместилище. Это было результатом неправильного понимания сущности места, ибо в действительности место—это частный случай тех взаимосвязей и взаимодействий вещей и предметов объективного мира, которые образуют пространство. Пространство само по себе существовать не может, его структура определяется законами движения материи. Если нет вещи и ее отношения с другими вещами, нет взаимоотношения между вещами, а следовательно, воздействия одной вещи на другую, то нельзя определить местонахождение вещи, нельзя иметь представление о пространстве, ибо структура пространства зависит от системы взаимодействия вещей. Таким образом, из факта существования вытекает форма существования. А мы уже знаем, что материя есть; следовательно, она имеет и свою форму в лице пространства как атрибут.

Атрибут не может быть приведенным извне, он присущ субстанции и составляет ее основное свойство. Поскольку ма-

терия является субстанцией, пространство как атрибут есть ее сущность, вернее один из моментов ее сущности. Вступая в отношения с внешним миром, субъект с самого начала устанавливает местонахождение предмета познания. **Здесь** стоит, например, стол, а **там** книжный шкаф. Эта первая форма проявления объективной реальности внешнего предмета и в то же время первое условие дальнейшего углубления в его познании. Поэтому прав Фейербах, когда говорит, что «**определение места есть первое определение** разума, которым держится всякое дальнейшее определение»[1].

Познание невозможно без различия предметов познания, без разграничения бесконечно многих вещей, а само разграничение вещей возможно на том основании, что каждая из них находится в определенных отношениях со своей средой, т. е. занимает особое место в пространстве, имеет его в себе в качестве формы собственного бытия. Само познание также совершается в пространстве. Поэтому пространство есть форма бытия не только вещей и предметов, а вообще всякого сущего. Все, что является и что происходит, является и происходит в определенном месте и на известной территории. А место, территория и т. д. суть конкретные формы пространства, его единицы.

Пространство иначе не может существовать как в форме мест, т. е. в форме конкретных видов взаимодействий вещей, в которых они обособляются. Отвечая агностику Негели, утверждавшему, что мы знаем, что такое метр, но не знаем, что такое пространство, Энгельс писал: «Как будто пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров»[2]. Пространство вообще есть диалектическая совокупность всех мест подобно тому, как материя вообще есть отвлечение от конкретных форм бесконечных вещей. Поэтому не совсем грешат против истины те мыслители, которые определяют пространство как протяженность. Когда Фейербах писал: «я же не могу отделить место от пространства, если я хочу понять пространство в его **действительности**»[3], он был прав. Но только из

---

[1] *Л. Фейербах,* Избранные произведения, т. I, стр. 192.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 550.

[3] *Л. Фейербах,* Избранные произведения, т. I, стр. 193.

этого не вытекает, что пространство не выражает также отношений предметов и явлений объективного мира. Поскольку оно является формой бытия материи, оно передает и отношения, ибо последние тоже показывают форму как закон и как распорядок. Соглашаясь с Дидро, мы можем сказать, что «в природе пространство—сосуществование одновременных действий»[1]. Как место, так и порядок суть свойства предмета, поэтому они не внешне по отношению к нему, а являются его атрибутом. Но атрибут—это не то же самое, что субстанция, хотя он так же не сотворен никем, как и субстанция, но как свойство он, одновременно, отличается от нее. Пространство как атрибут самостоятельно существовать не может, оно целиком относится к материи, является формой ее бытия.

Атомисты древнего мира полагали, что пространство существует наряду с материей. Это означает, что есть не одна, а две субстанции. Но это невозможно, ибо две субстанции одновременно существовать не могут. Ведь понятие места возникает у человека только тогда, когда он наблюдает вещи. Следовательно, о самостоятельном существовании места речи быть не может. На каждом шагу познание убеждает нас в том, что пространство—это форма, а материя—основание формы. Уничтожение основания является уничтожением и формы.

Декарт говорил: если нам удалось бы из сосуда совершенно удалить материю, то внутри сосуда больше не существовало бы пространства. И он был прав. Ведь нельзя удалить материю, сохраняя форму, ибо, совершая первый акт, мы лишаемся объекта оформления. Следовательно, форма бытия вечно присуща бытию, но из этого не вытекает, что сущность бытия может быть сведена к какой-либо ее форме. Всякая форма, как бы она ни была богата и полна, отражает лишь одну сторону бытия, лишь одну из его бесконечно многих особенностей. Считая единственным атрибутом материи протяженность, Декарт отождествлял материальность субстанции с протяженностью, что было, разумеется, принципиально неверно. Материальность субстанции состоит в ее объективном существовании вне и независимо от субъекта, а

---

[1] *Д. Дидро,* Избранные сочинения, т. II, 1926, стр. 210.

протяженность, как пространство, есть форма проявления этой материальности, форма, в которой субстанция отражает свою объективную реальность.

в) О некоторых особенностях пространства

Как атрибут материи пространство имеет свои особенности или свойства. Первым таким свойством является его абсолютность. Оно—абсолютное условие существования материи. Еще Л. Фейербах говорил, что «только существование в пространстве и времени есть существование»[1]. Когда говорят: вне пространства нет материи,—тем самым признают, что пространство является общеобязательным для материи и, что существование материи в пространстве—это непреложный закон, т. е. невозможность иного существования. Иногда отождествляют объективность с абсолютностью. Это, конечно, неверно. Нечто объективно, поскольку оно существует как форма бытия. Например, дом, дерево или животное объективны, но они не абсолютны, ибо они суть конкретно-исторические формы существования материи, которые могут исчезать также как и возникли, без какого-либо ущерба для материи. Но того же самого говорить относительно пространства нельзя. Оно абсолютно в силу того, что без него нет материи. Следовательно, нечто абсолютно, если оно является условием или основной формой существования субстанции.

По мнению Ньютона, пространство—это особая физическая сущность, главная характеристика которой протяженность. Возражая Ньютону, Лейбниц говорил, что пространство —это не самостоятельная физическая сущность, а порядок сосуществования. Развитие научной мысли доказало, что как Ньютон, так и Лейбниц подходили к вопросу односторонне. В действительности пространство представляет собой как протяженность, так и порядок сосуществования, т. е. определенное структурное соотношение вещей объективного мира. Протяженность указывает на устойчивое соотношение двух явлений, а структурная связь протяженностей сосуществую-

[1] *Л. Фейербах,* Избранные сочинения, т. I, стр. 122.

щих вещей—на изменчивость. Для построения геометрических фигур одна только протяженность недостаточна, ибо она дает нам лишь ту или иную величину, меньшую или большую протяженность. Следующим условием осуществления этой цели является установление структурной связи между этими «кусками» протяженности или отношения между сторонами треугольника, окружности диаметра и т. д. А из этого вытекает, что пространство—это не только устойчивость, но и изменчивость, что оно является единством устойчивости и изменчивости, иначе говоря, внутренне противоречиво. Ведь как атрибут пространство теснейшим образом связано с другими атрибутами материи. Факт, что оно открывается человеку только через рассмотрение изменения материи во времени, ибо ни к чему-нибудь другому оно не сводится. А эта связь обязывает к тому, что пространство отражает в себе противоречивую природу движения материи, в силу чего оно тоже является противоречивым.

Особенностью пространства является и то, что с точки зрения наглядности и специфичности проявления материальности оно во многом отличается от остальных форм бытия материи. Ширина, глубина, длина как свойства пространства и как способы определения конечных форм материи более чем наглядны и специфичны.

Пространство, в конечном счете, есть проявление количественной стороны материи. Ширина, глубина, длина, как свойства, как меры пространства суть элементы величины. А величина есть количество. Количество—отвлечение от качественных многообразностей, и в этом смысле пространство внешне для качественных многогранностей материи, как-то безразлично к ним, хотя и не безразлично вообще к самой материи. Пространство как коренная форма бытия материи не может быть по отношению к ней чем-то внешним, ибо внешний вид есть один из элементов формы, а пространство как форма есть закон построения своего содержания, что гораздо больше, чем внешний вид. Поэтому нельзя согласиться с Гегелем, утверждавшим, что «пространство есть вообще чистое количество и является таковым чистым количеством уже не

только как логическое определение, а как сущее непосредственно и внешне»[1]. Во-первых, чистого количества вообще нет; в природе количество не только не отделимо от качества, но обладает потенциальной возможностью переходить в качество. Во-вторых, если все существующее существует в пространстве,—а иначе их существование вообще невозможно, тогда пространство не только не внешне для материи, но абсолютно нераздельно от нее и как форма ее бытия входит в нее, тем самым подтверждая свою объективную реальность, которая уже является не количеством, а качеством.

Кроме того, пространство само по себе качественно многообразно, поскольку оно является формой многообразных вещей. Нельзя, например, отождествлять пространство живых организмов с пространством неорганической материи. Любой биологический организм обладает определенной симметрией, чего нельзя сказать относительно камня или железа. И вся эта многогранность осуществляется в рамках объективной реальности пространства.

г) Измерение пространства

Измерение—это действие, с целью установления количественного соотношения объектов внешнего мира. В той или иной форме оно применяется во всех областях человеческой практики и даже теории. Если в области науки и техники оно осуществляется сознательно, по определенному плану и при помощи заранее разработанных методов и единиц измерения, то в области чувственного познания оно имеет стихийный характер; совпадение с действительностью тут весьма приблизительно. Так, например, определение расстояния на глаз или же определение размера какого-нибудь предмета путем ощупывания может быть правильным только в общей форме, а измерение морской глубины соответствующими приборами является ее точным определением. Однако это различие не уменьшает значения ощущения как средства измерения. Дело в том, что хотя чувственное измерение приблизительно, но все

[1] *Гегель,* Соч., т. II, 1934, стр. 42.

таки оно дает нам представление об измеряемом объекте, имеет объективную основу и является условием ориентировки в нашей практической деятельности.

Как способ выявления количественного соотношения вещей и явлений природы, измерение пространства имеет особое значение для науки. Только при его помощи мы можем достичь пространственного определения тела и тем самым приобрести соответствующие предпосылки для всякого познания. Ведь познание начинается с установления места объекта познания. А это невозможно без пространственного измерения.

Пространство имеет три измерения, ибо через каждую его точку можно провести только три взаимно перпендикулярные прямые линии: влево и вправо, вверх, вниз, вперед и назад. Для установления местонахождения вещей эти три измерения обязательны, поэтому говорят, что пространство трехмерно. Идеалисты выступали и выступают против трехмерности пространства. Мах полагал, что трехмерность обязательна не для всех видов тел, например, для химических элементов. «Мы не должны представлять себе химические элементы в пространстве трехмерными»[1],—писал Мах. А почему? Разве химические элементы способны двигаться только влево и вправо, вперед и назад? Разве они неспособны перемещаться также вверх и вниз? Ясно, цель отрицания трехмерности пространства—опровержение материализма.

С развитием математики усилилось наступление сторонников многомерности пространства на его трехмерность. Они рассуждают приблизительно так: за пределами трехмерного пространства существует такое же четырехмерное пространство. То обстоятельство, что мы об этом ничего не знаем является результатом несовершенства наших познавательных способностей. Но есть такие существа, которые знают об этом. Они суть те, которые живут в высшем четырехмерном мире. Но кто, когда и на основе каких естественных законов доказал существование этих людей? Вместо разумного ответа идеалисты заявляют, что они сверхъестественны и способны попасть в дом, минуя двери и окна. Но подобный ответ не имеет уже никакого отношения к науке.

---

1 *Э. Мах,* Принцип сохранения работы, 1909, стр. 64.

Современная наука доказывает, что четырехмерное пространство—это математическая абстракция. При создании теории относительности А. Эйнштейн пользовался четырехмерным пространством, но в качестве четвертого изверения он брал время. Великий ученый строго различал физическую трехмерность от математической абстракции, при помощи которой можно строить не четыре, а больше измерений, используя для этого многообразные свойства пространства. В то время как представление пространства трехмерным является вполне наглядным, того же самого сказать о представлении четырехмерного пространства нельзя, ибо оно является абстракцией мысли.

Однако из этого не следует, что эта абстракция не имеет реального основания. А. Эйнштейн говорил: четырехмерный «мир» Минковского «складывается из отдельных событий, каждое из которых описывается четырьмя числами, а именно: тремя пространственными координатами X, V, Z и временной координатой»[1]. Следовательно, четырехмерная абстракция создается путем соединения трех измерений пространства со временем. Такого соединения в наглядном мире, конечно, нет, но в теории оно возможно и даже необходимо для более обстоятельного изучения всевозможных свойств пространства.

Из сказанного следует, что требуется различать пространство как форму бытия материи от наших представлений о нем и его свойствах. Измерение является средством познания пространства и его многогранные способы лежат в основе различных геометрических систем и не затрагивают объективную реальность пространства.

д) Объективная реальность пространства

Приступая к познанию вещей, мы обособляем их друг от друга благодаря пространству. Таким образом, пространство не создается нами, оно не является формой нашего созерцания; оно есть условие существования как созерцаемых вещей, так и самого созерцания. Это значит, что первый же акт

[1] *А. Эйнштейн,* Физика и реальность, 1965, стр. 194.

познания подтверждает объективную реальность пространства, ибо его бытие связано с бытием материи. Как географическая точка, Северный полюс, например, существует благодаря тому, что есть земной шар с его обращением одной стороны к северу. После каждого разлива Нила древние египтяне имели возможность восстанавливать границы своих полей, потому что наводнение уничтожало не землю, а границы, разделявшие ее по участкам. Уничтожение земли было бы уничтожением всякой возможности восстановления каких-либо границ. Вообще первым и необходимым условием для создания геометрии является существование предметов, которые, как говорит Борель, кажутся неподвижными нашему глазу.

Чтобы иметь длину, ширину и глубину, необходимо существование объекта измерения. А если объект существует, то он обязательно имеет свою длину, ширину и глубину, т. е. находится в пространстве. Мы, конечно, можем не знать о длине предмета, но от этого он не перестает занимать определенное пространство. В системе бесконечных вещей каждая вещь имеет свое место, занимает известное пространство.

Материя в пространстве обнаруживает свою объективную реальность, свое бытие, а благодаря материи пространство приобретает эту реальность, т. е. бытие вообще. Поэтому объективная реальность материи есть в то же время объективная реальность пространства и наоборот.

Кант полагал, что «вещь в себе» и пространство ничем не связаны между собою: если первая есть вещь вне и независимо от моих чувств или ноумен, второе, наоборот, уже является формой моего созерцания, априорной формой, существующей до всякого опыта. Он прав, конечно, что пространство существовало до всякого опыта, поскольку опыт есть известное отношение субъекта к объекту. Пространство существовало и существует до всякого отношения субъекта к внешнему миру, без этих отношений. А из этого следует, что пространство не может быть формой созерцания, ибо последнее является результатом указанного отношения. Но Кант впадал в противоречие, когда утверждал, что пространство существует само по себе, а материя—сама по себе. Он писал: «Пространство не представляет свойства каких-либо вещей

в себе или в их отношении друг к другу, т. е. какого-нибудь определения их, которое присуще самим предметам и которое осталось бы, если бы мы видели все объективные условия созерцания»[1]. Кант не понял, что, отрывая пространство как форму от своего содержания, мы уничтожаем тем самым пространство, ибо отказываемся от признания основы его существования. В действительности пустой формы нет, она всегда есть форма чего-нибудь реального. Это относится и к формам созерцания, которые суть формы своеобразного отражения вещей. Поэтому нет и не может быть никакой априорной формы, не связанной ни с чем. Допущение существования такой формы наряду с материей является попыткой превращения ее в самостоятельную субстанцию, противопоставления её материи, является переходом к дуализму, а через него к идеализму.

Уже материалисты древнего мира, выступая против идеализма, утверждали реальность пространства. Есть и материя и пространство, говорили они. Демокрит считал, что реальное пространство есть условие дискретного определения материи. Но в то же время он признавал за пространством субстанциональное существование. Это, конечно, неверно. Существуют не материя и пространство, а существует одна материя, которая имеет реальную форму бытия—пространство. Декарт и Спиноза пришли к этому убеждению.

Протяженность есть свойство материи, писал Декарт. Там, где материя, там и пространство. А материя везде, поэтому нет пустого пространства, оно является атрибутом материи.

Однако материю, а тем самым и пространство, Декарт ставил в зависимость от бога. Спиноза преодолел это препятствие на пути доказательства реальности пространства.

Субстанция есть Causa sui, а материя есть субстанция. Следовательно, материя первична, она протяженна, протяженность—ее основной атрибут, писал Спиноза.

Вслед за Спинозой французские материалисты говорили, что пространство— это основное свойство материи. Углубляя эту же точку зрения, Фейербах писал, что пространство не только форма, но и основное условие и закон как бытия, так и мышления. Можно сказать, что все, что есть и происходит,

[1] *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 55.

существует и совершается в пространстве. К такому заключению пришла современная наука.

С точки зрения теории относительности пространственные отношения обуславливаются распределением масс. Они зависят от относительного движения тел. Согласно теории тяготения Эйнштейна, общие законы пространства зависят от концентрации и движения материальных масс. В. И. Свиридский считает, что «эта теория исходит из того, что... геометрические свойства пространства определяются как распределением тяготеющих масс, так и их движением». «Наличие тяготеющих масс вызывает отклонение геометрии от эвклидовой, а это отклонение определяет характер движения масс, вызывает их движение в поле тяготения. Иначе говоря, геометрические свойства пространства определяются массами, а движение масс определяется геометрическими свойствами пространства. Это обстоятельство находит свое выражение в том, что уравнения тяготения Эйнштейна представляют собой одновременно и уравнения поля и уравнения движения»[1]. Можно ли сказать, что масса материи, тяготение и т. д. субъективны? А между тем как раз они определяют характер пространства. Таким образом, пространство не просто объективно, оно реально именно как форма бытия материи, оно от нее неотделимо, оно едино с материей и выражает особенности материи. Материя и едина, и многогранна. Эта особенность материи является также особенностью пространства.

е) Непрерывность и дискретность пространства

Вопрос о непрерывности и прерывности пространства и времени является предметом дискуссии с древних времен. Еще Зенон в апории «дихотомия» уверял, что движущийся к цели предмет должен сначала пройти половину пути к ней, а для этого ему необходимо пройти половину этой половины и так до бесконечности, поэтому движение невозможно. Иными словами, отрицание движения выводилось из непрерывности

---

[1] *В. И. Свиридский,* Пространство и время, Госполитиздат, 1958, стр. 33.

пространства. Последующие мыслители—Аристотель, схоластики средних веков, Кант и другие уже прямо говорили о непрерывности пространства и времени. Аргументируя эту идею, Кант утверждал, что она истинна, ибо пространство и время суть не объективные реальности.

Материалисты и многие из естествоиспытателей, наоборот, настаивали на дискретности пространства и времени. Демокрит и его последователи выступали против Зенона и Аристотеля и при этом исходили из атомистического представления субстанции. Галилей, Бэкон, Гассенди и другие ученые продолжали развивать дальше идею дискретности пространства и времени. Риман, обосновывая ее, утверждал, что «метрические отношения пространства в бесконечно малое не отвечают геометрическим допущениям»[1]. Развивая мысль о прерывности электрического поля в микромире, в 1925 г. Томсон поставил вопрос о прерывности и времени. Советские ученые В. Амбарцумян и Д. Иваненко говорят о прерывном пространстве и времени как о четырехмерной кубической решетке точек.

Таким образом, естествознание доказывает как прерывность, так и непрерывность пространства и времени. Ценное здесь в том, что естествознание выводит их свойства из свойства материи и ее движения. Теория относительности руководствуется именно этим принципом. Материя как дискретна, так и непрерывна, поэтому пространство и время, как коренные формы ее бытия, не могут обладать противоположными свойствами. Пространство вообще бесконечно в том смысле, что его количественное изменение неотделимо от качества. Количественное изменение бесконечно в том смысле, что известное количество всегда дает качество, которое имеет уже свое количество и накопление которого дает новое качество. И так без конца.

Бесконечность пространства в смысле бесконечного продолжения, скажем, прямой линии в оба конца или же в смысле безграничного движения числа через прибавление единиц является математической бесконечностью. В естествознании

---

[1] *Б. Риман,* Соч., 1948. стр. 280.

сейчас говорят также о метрической, топологической и других формах бесконечности. С точки зрения философии бесконечность пространства состоит в том, что каждое количественное изменение материи, приводя к новому качеству, порождает новую форму пространства. Поэтому можно сказать, что бесконечность пространства есть форма проявления бесконечности материи. Однако сущность материи не в бесконечности, а в ее объективной реальности, поэтому конечность и бесконечность —это еще формальное определение бытия.

Для классического естествознания такое определение пространства было достаточным, поскольку оно рассматривало его как объективно существующее вместилище тел. Многие философы, Гегель, например, не соглашались с этим определением пространства, но все-таки никто из мыслителей до Маркса не сумел окончательно преодолеть его порок. Впервые марксизмом было доказано, что основной гносеологический вопрос о пространстве—это вопрос о его реальности. Определение пространства как всеобщей формы бытия материи является уже принципиальным разрешением этого вопроса.

Но из этого определения вытекает единство пространства, единство, которое осуществляется на базе внутренней связи и объективной реальности всех его форм. Таким образом, бесконечность есть форма проявления единства пространства, есть конкретная бесконечность, бесконечность реальных форм предметов внешнего мира.

Мы уже знаем, что материя не только едина, но и дискретна. Пространство тоже, как бесконечная форма бытия материи, одновременно дискретно, является единством бесконечных дискретных форм. Так что и дискретность есть внутренняя особенность пространства наподобие бесконечности.

Бесконечность и дискретность пространства не противостоят друг другу; будучи различными сторонами одного и того же единства, они лишь дополняют друг друга. Бесконечность благодаря дискретности более конкретизируется, а дискретность благодаря бесконечности выступает как звено в цепи. Поэтому можно сказать, что если основной вопрос для бесконечности—это обнаружение связи, то для дискретности, наоборот, важно обособление моментов единства.

Бесконечность обычно связывают с непрерывностью. Еще

Аристотель говорил, что «бесконечное проявляется прежде всего в непрерывном». Однако отождествлять их нельзя. Если бесконечность есть бесконечность переходов количественных изменений в качественные и наоборот, то непрерывность является сохранением данного качества в процессе накопления известного количества. Непрерывность, например, линии означает сохранение этого качества пространственной формы, отрицанием которой будет ее переход в поверхность. Таким образом, непрерывность связана с прерывностью, которая уже является изменением качества, переходом в новое качество.

Непрерывность и прерывность существуют только в единстве, так как непрерывность есть цепь прерывностей, скопление бесконечных количественных накоплений в пределах данной сущности, а прерывность является нарушением границы непрерывности, ее своеобразным отрицанием. Например, выражение: **здесь дерево** — есть форма проявления дискретности пространства. Дерево есть конкретная форма материи; обособляя его от других форм материи, мы тем самым обособляем и пространство, место, занимаемое деревом, отделяем от пространства вообще, определяя его как **здесь. Здесь** есть обособленное пространство, мельчайшая точка в бесконечном пространстве. Пространство может быть делимо на бесконечно много таких точек, ибо дерево, которое имеет в качестве формы своего бытия **здесь,** бесконечно делимо. Таким образом, дискретность пространства понятна только в единстве с дискретностью материи. Но это не значит, что дискретность пространства целиком сводится к дискретности материи.

Одно то обстоятельство, что пространство есть форма, уже говорит о том, что оно в своем делении подчиняется некоторым особенностям. Нельзя, например, подвергать его такой же бомбардировке, как ядро атома, по той простой причине, что оно не обладает свойствами, присущими ядру. Кроме того, оно—есть форма материи, его деление неизбежно следует за делением материи, поэтому нет надобности производить на нем такие же опыты, как на материи.

Деление пространства приводит нас к установлению известной единицы пространства. Эта единица есть точка. Современная геометрия начинается с точки. Точка—это обособленное пространство вообще. Но в то же время она не тож-

дественна с ним, ибо она есть его **определенная единица,** отрицание всеобщности, переход к единично-конкретной определенности. Она сложна, как пространство, поскольку нет предела взаимоперехода количества и качества. Каждая точка состоит из бесконечного множества других точек, а цепь таких точек дает нам линию, т. е. отрицает то, что было результатом отрицания. Точка была отрицанием всеобщности пространства, а линия—единичности точки. Однако линия есть отрицание единичности, а не одновременно особенности, ибо такое отрицание есть восстановление всеобщности, а линия далеко не всеобщность, она есть особенность.

Линия есть единство точек в форме той специфичности, которая превращает их в линию. Следовательно, линия это не одни точки, а переход их во что-то другое. Но и линия в своем движении отрицается, вступая в соотношения с точками, она образует новое единство, единство линии и точек. Это уже является отрицанием линии, переходом ее в свою противоположность, в поверхность.

Поверхность в снятом виде имеет в себе как точку, так и линию, она может быть разделена и на ту и на другую, но сама единицей чего-нибудь другого быть не может, поэтому она есть всеобщность. Поверхность есть пространство вообще, но как всеобщая форма бытия материи она имеет свою определенность.

Все предметы внешнего мира, которые могут быть измерены, превращены в объекты исследования, имеют свою поверхность. Таким образом, ближайшее рассмотрение точки обнаруживает, что она действительно целая сложность. Она есть единство других точек, и следовательно, имеет в себе линию, она есть единство линии и точек, стало быть, она в то же время—поверхность, одним словом,— пространство, но обособленное определение пространства, деление которого никогда не может привести к выводу из его пределов, ибо пространство бесконечно. Вообще единицы, все геометрические фигуры пространства имеют лишь относительную устойчивость, являются относительными единицами или фигурами пространства.

Еще представителям классического естествознания было известно, что нет абсолютно неизменных границ, что постоян-

ными являются не геометрические фигуры, а их отношения. Фигуры меняются с каждым делением пространства: шарообразность переходит в треугольник, треугольник — в четырехугольник и т. д. Но отношение этих фигур остается как отношение. Через отношение тел мы определяем их место и положение. Это допущение правильно и сейчас. Однако классическое естествознание отделяло пространство от материи, а материю представляло в форме единичных тел, находящихся во внешнем для них пространстве. Изменение геометрических фигур оно считало результатом движения или перемещения тел в абсолютно неподвижном пространстве, поэтому оно имело полную возможность установить **точное** место и положение тел. Таким образом, классическое естествознание допускало три **ошибки:**

Во-первых, оно полагало, что существует якобы какое-то пространство без отношения к чему-нибудь, пространство как таковое, пустое пространство.

Во-вторых, оно считало, что можно свести всю материю к телам, не зная, что поле не тождественно с обыкновенными телами.

В-третьих, оно утверждало, что якобы есть нечто неподвижное, по отношению к которому можно установить место и положение тел с абсолютной точностью. Однако в реальном мире нет ничего неизменного, неподвижного. Тела находятся в движении. Движение есть атрибут материи, поэтому об абсолютно неизменном пространстве речи быть не может. Пространство изменчиво так же, как сама материя, значит, всякое определение места или положения предметов относительно, т. е. отношения, присутствие которых дает нам основание заключить о положении предмета, относительны. Все пространственные отношения суть формы выражения отношений предметов, которые непрерывно двигаются, тем самым меняя и свои отношения, а следовательно, и выражения этих отношений, т. е. пространственные отношения. Приступая к изучению природы, мы познаем эти относительные отношения, относительное положение предметов в пространстве, поскольку все изменчиво. Но то, что мы приобретаем на основе фактов, является истиной. Хотя эта истина относительна, но она **точна,** является адекватным отображением действительности.

Действительность, как мир вещей, изменчива как по содержанию, так и по форме. Изменение формы есть, первым долгом, изменение пространства. Всякое движение начинается с перемещения мест. Это старая истина. Точка есть место. Но точка, как мы видели, переходит в линию, вернее вырастает в линию. Это вырастание есть целый процесс, который происходит не мгновенно, а по прошествии известного промежутка времени. Поэтому от точки до линии есть движение не только в пространстве, но и во времени. Моменты возникновения точки и завершения линии отделены друг от друга другими моментами точно так, как начальная и конечная точки разделены целым рядом точек. Вот эти моменты возникновения точки и завершения линии есть время. Таким образом, предмет, который существует в пространстве, имеет форму бытия в пространстве, существует и во времени, имея в качестве формы собственного бытия и время.

Согласно теории относительности, пространство неотделимо от времени; о них, как об отдельных свойствах материи, мы можем говорить только тогда, когда имеем дело с небольшими скоростями, а при рассмотрении движения тела со скоростью света пространство и время едины, их отделение друг от друга становится немыслимым, поэтому можно говорить о пространстве — времени как о едином атрибуте материи.

3. ВРЕМЯ

а) Возникновение категории времени

Возникновение категории времени связано с наблюдением движения тел в пространстве. Но и время, подобно пространству, определяется взаимодействиями вещей и его структура зависит от этих взаимодействий. Поэтому, чтобы составить понятие о времени необходимо было накопить определенное знание о порядке и характере этих взаимодействий. Это накопление началось с того, что, следя за событиями в природе и обществе, человек обнаружил, что все они находятся в **определенной периодичности:** зимою выпадает снег, весною он тает, летом созревает пшеница, осенью ее убирают и молотят,

Эта периодичность никогда не нарушается, она осуществляется как закон природы. Человек не может менять последовательности времен года или приостановить их последствия. Но он способен узнать, что все упомянутые события суть временные действия, т. е. происходят в известное время и всегда обращены к будущему, существуя как таковые в настоящем. А подобные знания — уже первые проблески мысли о времени.

Вначале человек не отделял время от пространства. Такие формы существования времени, как **теперь, раньше, позже** и т. д., он представлял пространственно как **здесь, там** и т. д. Это понятно. Ведь на ступени чувственной наглядности у познания еще нет в достаточной степени как опыта, так и материала для абстрагирования от пространства. Человек в то время мыслил одними только наглядными образами, которые характерны тем, что всегда связаны с определенным местом, т. е. пространством. Ясно, что на этом уровне развития он не имел представления ни о далеком прошлом, ни о будущем. Время представлялось ему в форме **теперь** и в лучшем случае, в форме **тогда**, имея в виду самые ближайшие примечательные события, происшедшие при жизни главы семьи или вождя племени. «По мере расширения хозяйственной жизни первобытного человека и развития его мышления осознаваемые рамки времени непрерывно раздвигались от дня к неделе, от недели к месяцу, от месяца к году, от года к нескольким годам и т. д., до осознания того, что время не имеет ни начала, ни конца»[1]. Таким образом, категория времени возникла у человека как обобщение его практики и отражение реальных взаимодействий вещей и явлений объективного мира.

Представители идеалистической философии уверяли и уверяют, что категория времени не является продуктом исторического развития и ничем не связана с практической деятельностью человека. Кант и все кантианцы полагают, что категория времени дана человеку до всякого опыта и имеет чисто априорный характер. Время — это форма априорного созерцания, говорил Кант. Если это верно, если форма действительно «заранее лежит в душе», и время является именно **такой формой или же «формой** созерцания нас самих», тогда

[1] *А. Спиркин,* Происхождение сознания, 1960, стр. 418.

надо признать существование времени, когда не было никакого времени. А это нелепо, поскольку противоречит опыту. Опыт показывает, что время не имело и не имеет начала. Каждая дата во времени есть лишь перерыв непрерывности, есть начало определенной конкретной формы времени, начало какой-то эпохи, крупного события и т. д, но не времени вообще. Кроме того, если бы было время, когда не было времени, тогда следовало признать, что наступит время, когда не будет времени. Кант может согласиться с этим. Но будет ли это отрицанием времени? Конечно нет, ибо отрицание времени во времени является подтверждением его реальности в отрицательной форме. Вот почему геологи имеют полную возможность читать книгу времени в глубоких пластах земли, устанавливать его отпечаток на окружающих вещах, никогда и никем до этого не созерцаемых. А из этого следует, что время есть атрибут материи.

б) Время—атрибут материи

Из предыдущего параграфа стало известно, что познание материи необходимым образом приводит к познанию пространства, поскольку последнее является условием и формой существования материи. А пространство меняется, из одной формы переходит в другую во времени. Следовательно, время также является атрибутом материи, так как «бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства»[1]. Время тоже определяется взаимодействиями вещей и его структура зависит от системы этих взаимодействий.

Взаимодействующие тела пространственны во времени. Ширина, глубина и длина, в которых проявляется пространство, зависят от времени. Поэтому **«Здесь** есть дерево», как определение пространства через его обособление, верно лишь с прибавлением слова **теперь: «Теперь здесь** дерево». Это верно, ибо когда-то **здесь** стоял дом и нет основания утверждать, что завтра это дерево не будет изрублено по причинам новой

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 51.

распланировки города. Так что всякое здесь связано с определенным временем, как обособление пространства оно зависит от времени. Время не только определяет его характер, через время оно не только конкретизируется, но и вообще существует. В этом смысле время входит в пространство. Например, линия, как цепь точек, есть в то же время цепь моментов, то есть, времени, ибо каждая точка является обособлением пространства только в определенном отрезке времени. Поэтому пространство зависит от времени в том смысле, что его нельзя представить без времени. То же самое следует сказать о времени. Когда мы говорим, что время есть момент возникновения точки и завершения линии, мы тем самым утверждаем, что время есть там, где есть изменение материи в пространстве.

Единицы времени можно установить, исходя из скорости движения тел в пространстве. Секунда, как единица времени, равна тому промежутку, который необходим для пробега света на расстояние 300 000 километров. Не будь пространства и движения материи, мы не могли бы иметь никакого представления о времени.

Время не тождественно с потоком своих единиц или же с потоком длительности, в котором развертываются события. Такой взгляд на время имел Ньютон. Отделяя время как от пространства, так и от движущейся материи, он пришел к неправильному, метафизическому пониманию сущности времени. По этому же пути пошел Бергсон. Он не только отождествлял время с длительностью, но и объявил ее субстанцией. В действительности поток длительности или единиц это только форма осуществления времени, но не его сущность. Сущность времени состоит в том, что она является формой движущейся материи, последняя есть его истинное содержание, ибо его формы зависят от концентрации и движения материальных масс.

Время, как форма бытия материи, является средством измерения пространства. Минуты, часы, дни, годы и т. д. как единицы времени являются немаловажными измерителями пространства. Через эту свою роль время конкретизируется, проявляется как вполне объективно—реальное время. Поэто-

му как пространство зависит от времени, так и время зависит от пространства, их взаимность основана на их единстве.

Но единство не есть полное тождество, время не то же самое, что пространство, или же наоборот. И то и другое суть всеобщие формы бытия материи. В этом отношении они тождественны. Но как формы они по-разному отражают одно и то же содержание, вернее, с разных сторон. Для пространства характерно отражение закономерностей сосуществования вещей, отражение движущейся материи в определенном состоянии, т. е. в относительном покое. Для времени характерно то, что оно является условием изменения предметов и явлений объективного мира, оно отражает закономерности смены состояний движущейся материи. Но это не значит, что сосуществование является абсолютной сущностью пространства, а изменение — времени.

В истории философии существовали два противоположных мнения о сущности времени. Одни отождествляли его с длительностью, другие считали его лишь течением, не подозревая, что оно по существу является единством этих двух противоречивых особенностей. Дело в том, что если длительность указывает на относительную устойчивость, то течение уже показывает изменение, движение явления, поэтому время не сводится лишь к одной из указанных особенностей. Оно является необходимым условием любой формы существования материи.

Как пространство, так и время по существу имеют количественную природу и определяют материю со стороны количества. Но пространство, как указание на протяженность и структурность материи, сохраняет в себе момент качества сравнительно больше времени, благодаря чему оно способно составлять специфические фигуры и быть предметом особой науки — геометрии. В этом отношении время является доведением отвлечения от качественных различий сравнительно до конца.

В часах, днях и т. д. как в единицах времени качество снято. Но из этого не следует, что время лишено качественной определенности. Говоря об индивидуальном времени, Ю. А. Румянцев и Ю. П. Трусов доказывают, что оно имеет свой состав, определяемый числом и характером его элементов, и

строение, т. е. взаимоположение элементов времени относительно друг друга[1]. А состав и строение суть качественные определения. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что время, якобы, является «вершиной внешности». Здесь, собственно говоря, мы имеем то же самое, что и в пространстве. Количество, конечно, есть абстрактное определение, но оно не внешность и относится к сути предмета так же, как качество; и с точки зрения проявления природы предмета оно не менее существенно, чем качество.

Время и пространство, как количественные определения материи, являются формами бытия материи, а следовательно, они не внешни ей. Здесь между ними нет разницы. Их различие проявляется в степени абстрагирования от качества. Но эта разница есть разница в пределах единства, в пределах того, что эти две формы бытия материи в своем движении не только принципиально не исключают друг друга, но одна определяет другую, одна зависит от другой, одна является как бы условием для развертывания другой. Основа этого единства состоит в том, что как пространство, так и время суть формы бытия материи.

Как форма бытия время активно. Материя подчинена его активному воздействию. В общественной материи эта активность обнаруживается более наглядно. Маркс говорит, что «чем больше необходимого рабочего времени приходится во время операции прядения на данное количество хлопка, тем больше новая стоимость присоединяется к хлопку»[2]. Следовательно, время, как форма бытия материи, не пассивно по отношению к своему содержанию.

Прошедшее, настоящее и будущее — вот основные формы времени, с которыми мы вообще имеем дело. Мы не можем выходить из пределов этих трех форм времени, поскольку нам даны конкретные формы существования материи. Место вещей во времени точно определено, а следовательно, основные формы времени отграничены друг от друга. Мы не можем смешивать их между собой, ибо существование вещей не зависит от нас.

---

[1] См. журнал «Вопросы философии», № 5, 1951 г.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 212.

Но эти конкретные формы времени одновременно связаны между собой. **Во-первых,** все они суть формы бытия, и, **во-вторых,** все они объективно реальны.

Мы можем абстрагироваться от конкретных форм времени, например, от прошедшего или настоящего, но от времени, которое есть форма бытия материи, от времени, которое есть объективная реальность, отвлекаться невозможно. Поэтому мы должны уточнить данную выше формулировку, отметив, что нет времени вообще как пустой формы созерцания или как пустого ящика, а есть время в качестве объективно-реальной формы бытия материи. Как материя вообще не противостоит единичным предметам внешнего мира, точно также время вообще есть отвлечение от чувственно-переходящих форм, но не от времени, как объективной реальности. Я могу мысленно уничтожить часы, дни или же настоящее и будущее, но уничтожить само время не могу, хотя бы потому, что, когда я совершаю со временем эту операцию, я сам нахожусь во времени, мои действия совершаются во времени, и я подчиняюсь законам времени. Следовательно, время есть **объективно-реальная** форма всякого бытия.

в) Объективная реальность времени

Что время есть форма, это известно многим, если не сказать, почти всем идеалистам. В этом определении философы мало расходятся между собой. Основное—это установление характера указанной формы, ее отношение к материи. Современная наука доказывает, что **во-первых,** время относится к материи как к своему содержанию, которое мы можем так или иначе ощущать и через него убедиться также в объективной реальности времени.

Родоначальник современного идеализма Платон говорил, что время есть признак вещей, т. е. свойство материи. Но он отрицал реальность самих вещей, поэтому для него время было признаком призрачности, следовательно, не имело объективного бытия. Он не понял, что, считая время признаком материи, он вступал в противоречие со своим основным тезисом идеализма, ибо всякий признак есть признак объективно

существующей вещи или предмета. Нереальность не имеет признака, ибо она есть нереальность.

Определить через реальность нереальность или же реальность принимать за признак нереальности невозможно, а выявление особенности предмета реального мира через объективное свойство есть обычное явление, которое повторяется ежеминутно. Однако, считая материю изменчивой, Платон из этого заключил, что она нереальна, а следовательно, нереальна и ее форма—время. Он не понял, что изменчивость является не уничтожением предмета, а переходом лишь его исторической формы, следовательно, подтверждением **исторической** реальности предмета. Время как форма отражает этот процесс, следовательно, оно есть признак реальности материального мира. Конечно, время, подобно другим свойствам вещей, например жидкости воды, не является объектом наглядного чувства. Но оно, как всякое другое свойство, отделимо от своего предмета определения, что и подтверждает его реальность.

В отличие от Платона, древнегреческие материалисты видели основание реальности времени как раз в его связи с материей. И это совершенно верно. Тот факт, что нельзя отделить время от движущейся материи, является достаточным основанием для утверждения, что оно есть атрибут материи.

Во-вторых, в процессе изменения и развития вещей время овеществляется в них, тем самым подтверждая свою реальность. Беркли говорил, что время—ничто, если отвлечься от последовательности представлений в нашем сознании. Однако как известно, сама последовательность представлений есть отражение последовательности предметов и событий внешнего мира. Когда, например, на основе тщательного изучения количества и особенностей кругов внутри дерева специалист устанавливает его возраст или когда историк пишет, что французская буржуазная революция имела место в 1789 году, а Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась в 1917 г., он отражает реальные факты, т. е. реальную последовательность времени, существующую вне субъекта.

В-третьих, время является также бесконечным рядом следующих друг за другом мгновений, к каждому из которых мы можем отнести число. Это есть обычное представление

времени, что довольно широко распространено, особенно среди естествоиспытателей. Первое, что бросается в глаза в этом определении, это обнаружение числовой природы времени, проявление его единиц при помощи чисел, т. е. величины.

Величина всегда есть средство измерения объективно существующего. Того, чего нет, измерить нельзя. Нельзя, например, измерить величину абсолютной идеи или подчинить закону чисел бога по той простой причине, что их нет. Не так обстоит дело со временем, мы можем выразить его через числовые единицы: один час, два дня, три года и т. д., ибо оно есть реальность. Час, день, год и т. д. суть единицы времени, единицы формы бытия материи.

Мы уже знаем, что первое определение бытия—это установление его места. **«Я здесь**—вот первый признак **действительного животного** существа»,—писал Фейербах. Но «я здесь» —это не только определение местонахождения моего я, но одновременно, установление времени. Я **здесь**—это настоящее время, определение моего места в некотором промежутке времени. Только благодаря пространству и времени каждый предмет находит свое место, может существовать вне другого, не вредя один другому. Если свои мысли я излагаю одну **после** другой, это потому, что вне и независимо от меня существует **время**, которое я не могу игнорировать и которое, помимо моей воли, объективно координирует порядок моих мыслей, определяет ход их осуществления. Я не могу все мои мысли высказывать одновременно, ибо ни мои мысли, ни само время не терпят одновременности.

В-четвертых, время как всеобщая форма бытия материи есть абстракция. Всякая абстракция есть акт мышления. Не следует ли из этого, что своим происхождением время коренится не в объективном мире, а в субъекте, в мышлении субъекта? Все идеалисты думают именно так, а в действительности вопрос решается совершенно иначе.

Во-первых, абстракция есть абстракция не от пустой мысли, а от конкретно-чувственных форм бытия, иначе говоря, она является актом освобождения реальности от своих чувственно-переходящих, а следовательно, несущественных форм в пользу непереходящих, более существенных. Поэтому абст-

ракция является не уничтожением, а подтверждением объективной реальности времени.

Во-вторых, абстракция, конечно, как акт познания принадлежит субъекту, совершается субъектом, но при наличии объективных основ. Дело в том, что всякая абстракция есть абстракция от **чего-нибудь** для обнаружения того, что скрыто за явлениями, для глубокого, более всестороннего и цельного познания. Не будь материального мира и человека, не было бы никакой абстракции, т. е. никакого субъективного акта или формы мышления вообще. Таким образом, всякое мышление субъективно лишь по форме, а по содержанию оно объективно как отражение действительности, как результат воздействия внешнего мира на субъект. Поэтому неправ Кант, когда говорит: «Так как то, в чем ощущения получают порядок и могут быть представлены в известной форме, в свою очередь не может быть **ощущением,** то, хотя материя всех явлений дается только apostriori, форма для них заранее должна лежать в душе и потому может быть рассматриваема отдельно от всех ощущений»[1]. Но возможно ли отделить то, «в чем ощущения получают порядок», от ощущений? Если форма есть «то, в чем ощущения получают порядок», тогда она не может существовать без ощущения, без материи ощущения. Кант уверяет, что время является априорной формой созерцания. Что же такое созерцание, если не форма отношения субъекта к внешнему миру? Кроме того, разве можно говорить о формах ощущений без самого ощущения ощущаемого?

У Канта есть еще один аргумент. Он считает, что форма «не может быть ощущением», следовательно, она существует до всякого ощущения. Если ощущение есть образ или отображение вещей, то оно не может не быть формой, ибо образ есть форма, а если речь идет о форме мысли, тогда она может быть только результатом отображения вещей. Конечно, нельзя ощущать форму как таковую. Но следует ли из этого, что форма существует без собственного содержания, скажем, форма стола без стола? Чтобы допустить такую мысль, необходимо признать существование нечто такого, что, не являясь формой, служит все-таки условием, законом строения мате-

[1] *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 50.

рии, или же признать наличие такого источника познания, который противостоит ощущению и не связан с ним вообще, иначе, абсолютизировать роль разума.

Провозглашение разума **самостоятельным** источником познания было бы уместным, если бы содержание разума принципиально отличалось от содержания чувства. Но весь вопрос в том, что по существу разум не содержит в себе больше того, что содержит чувство и наоборот. Чувство отображает разные свойства предметов, а разум **раскрывает** связь между этими свойствами, представляя нам тот же самый предмет чувства не в виде самостоятельных свойств, а как единый, целостный предмет. Кант полагал, что эта связь целиком принадлежит разуму. Но это глубоко ошибочно. Если бы свойства, например, сахара органически не были связаны между собою, никакой разум не объединил бы их в одну целостность, и мы никогда не имели бы сахара.

Таким образом, разум новых связей не создает, он раскрывает то, что уже существует до всякого акта разума. Своим разумом мы разделяем то, что разделила природа, связываем то, что связала она, соподчиняем явления и вещи природы друг другу в отношениях основания и следствия, причины и действия только потому, что вещи фактически чувственно, объективно, действительно стоят точно в таком же отношении друг к другу[1]. Следовательно, формы не даны заранее, и в душе имеется не больше того, что есть в природе, проистекает из природы, является прямым или косвенным результатом ощущения предметов природы. Вывод ясен: время—это всеобщая форма бытия материи.

г) Формы времени и их соотношение

Время осуществляется во многих формах. Основные из них суть прошедшее, настоящее и будущее.

Выступая в отношениях с внешним миром мы обнаруживаем движение вещей в пространстве и во времени. Описание

[1] См. *Л. Фейербах,* Избранные произведения, т. I, стр. 143.

пути этого движения есть история. В истории же время представляется нам в прошедшей форме, когда оно уже реализовано в вещах или событиях природы и общества. Реализованное время есть время, принимающее своеобразный наглядный вид. Например, в предложении: «Ленин умер 21 января 1924 года» время в лице 21 января 1924 г. вступает в единство с определенным содержанием, со смертью Ленина и принимает наглядную форму, тем самым подтверждая свою объективную реальность.

Время в форме будущего не может быть наглядным для меня, поскольку оно еще не наступило. Что касается времени в форме настоящего, то оно наглядно поскольку оно осуществляется. А осуществление является переходом к прошедшему, процессом овеществления в предметах или же событиях реального мира. Поэтому прошедшая форма времени является существенным звеном для понимания настоящего и научного предвидения будущего.

Прошедшее есть та историческая база, над которой поднимается настоящее, оно служит настоящему и подчиняется его интересам. Хотя прошедшее уже овеществлено, но оно свое истинное определение получает благодаря настоящему. Настоящее дает нам точку опоры для оценки прошедшего. Так, например, одни и те же геологические явления в разные времена получают разные оценки, разное освещение, ибо любое время, любое настоящее имеет свои особые возможности углубления в прошлое и свои отдельные интересы.

В свете новых интересов настоящего прошедшее рисуется нам иначе. Абстрагироваться от них мы не можем, ибо настоящее таково именно благодаря своим интересам. Интересы бывают разными, и это потому, что общий процесс направляют различные общественные силы. Если ведущие силы регрессивны, основной интерес настоящего будет тормозить общее движение развития, не даст научных предпосылок для познания прошедшего и закроет пути продвижения к будущему. Наоборот, если ведущая сила прогрессивна, она создает условия для научного осмысления прошедшего и настоящего, связывает их с будущим, рассматривает их с точки зрения будущего и тем самым создает основание для непрерывного движения вперед.

Исходя из интересов прогресса, мы раскрываем истинную природу настоящего, которое всегда конкретно. Прошедшее есть то, что уже **было**. Но оно, прежде чем быть прошедшим, когда-то **было** настоящим, а следовательно, таким же конкретным, как настоящее. Поэтому можно сказать: прошедшее есть прошедшее конкретного бытия своего настоящего, оно конкретно, определенно по своему содержанию и тем самым реально. Поэтому реальность прошедшего времени это не предположение, а неопровержимый факт, поскольку оно как форма бытия материи овеществлено в предметах и в явлениях внешнего мира.

Каждый предмет является живым памятником своего прошедшего времени, и его существование не отменяет его прошедшего времени, а базируется на нем, является результатом его закономерного развития. Поэтому выражение: «прошедшего не существует», не совсем верно. Прошедшего нет, поскольку оно прошедшее. Но оно овеществлено в предметах, в глубоких пластах земного шара, в событиях общественной жизни, в явлениях природы и т. д., оно породило настоящее, следовательно, не совсем прошедшее. В форме порождающего своего результата оно существует и в настоящем.

Настоящее—это не прошедшее и не будущее, оно есть то, что **есть**. Но оно является результатом прошедшего и в то же время чревато будущим, следовательно, оно есть такое настоящее, которое своими корнями идет в далекое прошлое, а благодаря существующему положению имеет перспективу в будущем. Настоящее как движение есть непрерывное приближение к своему будущему, а будущее в такой же мере удаляется от настоящего. В результате этого движения времени то, что было будущим, становится настоящим, будущее осуществляется тем, что превращается в настоящее, настоящее как-то покоряет его, благодаря чему оно непрерывно восстанавливается из самого себя и сохраняется как будущее. Таким образом, мы имеем своеобразный двуединый процесс: пожирание является основанием вечного **подвижного** сохранения не только пожирающего, но и пожираемого.

Если бы будущее не осуществлялось, не превращалось

в настоящее, мы не имели бы никакой жизни, ибо не было бы движения. Но приостановить движение времени нельзя, поэтому непрерывный переход будущего в настоящее есть особенность времени. Существенным в этом процессе является не прошедшее, не настоящее, а **движение** настоящего к будущему. Во всяком движении перспектива имеет определяющее значение, ибо она влияет на весь его ход, как-то освещает путь движения и делает его целеустремленным. Конечно, настоящее, по сравнению с будущим, более конкретно, оно наглядно, но без будущего, без перспективы всякое настоящее превращается в ползучую эмпирию, а без прошедшего теряет свою опору. Таким образом, истинно реальное время есть диалектическое единство своих моментов, есть форма бытия материи.

д) Направление времени

Из того, что было сказано о соотношениях прошедшего, настоящего и будущего, как о формах осуществления времени, вытекает, что время течет лишь в одном направлении—от прошлого к настоящему, поэтому, в отличие от пространства, оно имеет одно измерение—продолжительность. Меры глубины и ширины, свойственные пространству, к нему неприменимы, и нельзя представить его в виде геометрических фигур. Как форма бытия материи, время выражает длительность существования и последовательность в процессе существования. Обе эти особенности говорят о том, что оно течет только в одном направлении. Ведь длительность складывается из смены последовательно следующих друг за другом в процессе существования событий. А следовать друг за другом означает двигаться в одном направлении.

Чередования событий в природе по характеру не однородны. Они могут проявляться в форме причины и следствия, закона и его действия, смены дня ночью и т. д. Все эти события показывают переход времени прошлого через настоящее в будущее. Дело в том, что прежде чем осуществиться, всякое явление проходит определенный период созревания, а потом уже совершает скачок к новому, По отношению к моменту скачка, период созревания есть прошедшее время, момент

скачка—настоящее время, а то, к чему идет настоящее—будущее время. Начать этот процесс с будущего нельзя, потому что его еще нет. Здесь мы имеем такое же соотношение, какое существует между причиной и ее следствием. Никогда процесс изменения мира вещей не начинается со следствия. Конечно, имея известное следствие, мы можем судить о причине. Так, например, имея остатки древней культуры, мы можем определить уровень развития, даже способ производства, но повернуть ход истории от следствия к причине мы не можем. В этом случае движение необратимо.

Особенность времени состоит в том, что оно вообще **необратимо,** поэтому переставить события в нем невозможно, в то время, как перестановка предметов в пространстве вполне осуществима. Течение времени не подчиняется нам, ибо мы не способны ни изменить его хода, ни установить контроля над ним. Но из этого не следует, что оно не поддается познанию и мы не в силах использовать это знание для ориентировки в событиях мира вещей. Бесспорно, например, что для определения направления причинного отношения, мы пользуемся нашим знанием о направлении времени, говоря, что причина существует **раньше чем** следствие.

Направление времени — это свойство причинной связи, в котором отражается цепь этой связи, а его необратимость— это выражение необратимости развития процессов материального мира во времени. Всякая попытка оторвать упомянутые два направления и процессы необратимости друг от друга ведет к идеализму. Ведь нет времени независимо от материи и ее движения. Поэтому мы можем сказать, что необратимость, направленность и другие свойства времени являются формами отражения различных особенностей или сторон движения материи. Однако ни одна особенность движения не может быть абсолютной, поэтому необратимость не отрицает наличия в природе и обратимости известных процессов, например, ассимиляции и диссимиляции в живом организме. Соотношение обратимости и необратимости имеет характер диалектического единства, в котором определяющей является необратимость процессов. Обратимость—относительна, а необратимость—абсолютна, поскольку спираль развития ведет вверх.

е) Конечность и бесконечность времени

Мы уже знаем, что материя существует в конкретных формах бесконечных вещей. Каждая вещь находится в определенном пространстве и времени, отношение которых имеет характер диалектической взаимосвязи, взаимоперехода. Форма этих связей не абстрактна, не поверхностна, а всецело конкретна. Каждая единица пространства, каждое место на земной поверхности имеет собственное время в зависимости от своего положения по долготе. Время для Москвы и Еревана не одинаково, поскольку они находятся на разных долготах. Следовательно, время конкретно.

Основной признак конкретности времени — это его длительность. Каждая вещь возникает и переходит в другую, т. е. имеет свое начало и конец во времени. Начало и конец как формы времени не тождественны. Каждое из этих времен отличается от своего другого тем, что одно есть начало, а другое — конец, и этим своим обособлением они устанавливают свои границы, а следовательно свою конечность. Формы времени конечны, ибо конечны сами предметы, к которым они относятся.

Говорят, что все на земле временно, преходяще. Это верно. Но т. к. всякий переход есть первым долгом отрицание формы преходящего, поэтому является становлением времени. Но из этого не вытекает, что время тождественно со становлением. Время — лишь форма.

Для становления решающим является не форма, а содержание. Ход и характер становления в конечном счете определяет предмет, а не форма, которая сама зависит от собственного содержания. Следовательно, говоря, что на земле все временно, тем самым утверждают, что конечны как предметы, так и их формы — время и пространство.

Конечность предмета проявляется в конечности времени, становится понятной благодаря конечности последнего. Конечность времени осуществима, ибо конечен сам предмет. Таким образом, мы тут имеем диалектическое единство двух конечностей и диалектическое различие моментов или сторон одного и того же единства. Нельзя отделять и тем более противопоставлять конечность времени конечности предметов и на-

оборот. Нечто конечно, поскольку оно, во-первых, **устойчиво**, выражающееся в целостности, самостоятельности, определенности и обособленности от других и, во-вторых, изменчиво, что выражается в зависимости от других, в мере собственного существования и переходности. Это значит, что конечное внутренне противоречиво, поскольку оно не только устойчиво, но и изменчиво, не только обособляется от других, но и зависит от них, тем самым находится в отношениях взаимосвязи и взаимодействия, т. е. в движении, благодаря чему переходит в бесконечное.

В отличие от конечного, бесконечное характерно своей непрерывностью движения, неисчерпаемостью многообразия, неизмеряемостью и вообще внутренней противоречивостью. Нечто бесконечно по отношению к данному конечному.

Конечность есть ограничение бесконечности. Время потому и конечно, что оно одновременно бесконечно, является ограничением бесконечности качественной многообразности мира. Отсутствие бесконечности было бы отсутствием и конечности, ибо определение вообще есть сопоставление двух разнородных предметов, в ходе которого субъект получает возможность обнаружить наличие некоторых свойств у одного предмета и отсутствие их у другого. По сравнению, например, с днями год есть бесконечность. Отсутствие дней означало бы отсутствие и года, ибо год есть переход в него дней. Таким образом, из того, что время конечно, логически вытекает, что оно одновременно бесконечно и наоборот.

Время бесконечно в своих ограничениях, как дискретность или многообразность материи, оно бесконечно и в своем единстве как единство материи. Самая последняя единица времени всегда состоит из бесконечно многих других, более конкретных единиц; она качественно многогранна, ибо скорости движения, как средства измерения продолжительности прохождения телом того или иного пространства, бесконечно многогранны, как само пространство. Сегодня мы знаем секунды и разные доли секунды, мы знаем дни, годы нашей планеты, световые, звездные и прочие годы, завтра могут быть открыты совершенно новые единицы времени, так как открытие новых звездных и солнечных систем, новых пространств и новых форм скоростей движения беспредельно. Поэтому можно ска-

зать, что понятие бесконечности исторически конкретно; оно постоянно развивается и обогащается. Сегодня математики говорят об актуальной бесконечности, т. е. о бесконечности реализованной, отличая ее от потенциальной бесконечности. Бесконечность и актуальна, и потенциальна, она есть их своеобразное единство. Чем же отличается бесконечность от вечности? Принципиально ничем. В современной науке вечность понимается как бесконечная длительность, как процесс, в котором мир непрерывно обновляясь, сохраняется, продолжает существовать. Следовательно, вечность не противостоит времени, не является отрицанием изменения, развития[1]. Только идеалисты под вечностью подразумевают «абстрактную вневременность». Гегель, с одной стороны, не согласен с такой постановкой вопроса и утверждает, что вечность не имеет отрицательного значения и не является отвлечением от времени, а с другой — безуспешно старается выйти из пределов времени с целью создать царство вневременности для своего абсолютного духа. Он пишет: «Лишь предметы природы подчинены времени», а «идея, дух стоят выше времени»[2]. Возможно ли это? «Стоять выше времени»—означает находиться вне времени, а то, что вне времени, не имеет бытия, т. е. не существует.

Гегель уверяет, что есть вечность, «которой непричастно время природы», и является формой, в которой существует абсолютный дух. Но это нелепо. Если время вообще не имеет никакого отношения с «каким-нибудь определенным временем», то оно не может быть вечным, ибо вечность—это бесконечность, а бесконечность есть единство конкретных времен, имеющих объективное бытие в настоящем. Когда говорят, что вечность существует, тем самым признают, что она имеет бытие, и ее определенность есть то, что она обладает бытием, т. е. существует.

«Народ, исключающий время из своей метафизики, обожествляющий вечное, то есть **абстрактное**, бытие, отрешенное от времени, последовательно исключает время из своей политики, обожествляет принцип неподвижности, противный

---

[1] См. *Я. Ф. Аскин*, Проблема времени, 1966.

[2] *Гегель*, Соч., т. 11, стр. 50, 52.

праву и уму...»[1]. Но то обстоятельство, что какой-нибудь народ, или вернее какой-нибудь класс, отживающий свой век, отрицает объективную реальность времени, вовсе не означает, что время уже перестает существовать. Народы приходили и уходили, реакционные классы этих народов тысячи раз хоронили время, сотни и тысячи раз отрицали его современные идеалисты, носители антинаучных идей, но время тем не менее было и продолжает существовать как всеобщая форма бытия материи, как единство своих конечных и бесконечных форм.

Единство есть живое единство, оно есть непрерывный взаимопереход своих моментов, иначе говоря, оно возможно лишь в движении. Время немыслимо без движения. Мы же называли временем ту продолжительность, которая необходима для преодоления известного пространства. Тело движется от точки до точки, оно меняет свое место в течение известного времени. Если отвлечься от этого перемещения, тогда у нас не будет никакого представления о времени. Время **есть**, потому что **есть** тело и движение, **есть** движущееся тело, которое иначе не может перемещаться, как во времени.

Кроме того, перемещение есть перемещение мест, преодоление пространства. А разве существование пространства возможно без движения? Ведь пространство — это не кучка ничем не связанных между собой единиц, а единство своих частей или моментов, т. е. непрерывный процесс; оно, как и время, истинно благодаря движению и действительно в движении. Поэтому можно сказать, что всеобщие формы бытия материи суть не только пространство и время, но и движение.

4. ДВИЖЕНИЕ

а) Познание движения как атрибута материи

Познание многообразности вещей возможно только через движение, ибо качественная бесконечность материи осуществима только в движении. Кроме того, любой акт познания есть

[1] *Л. Фейербах,* Избранные произведения, т. I, стр. 123.

или ведет к определению своего объекта, которое необходимым образом предполагает их сравнение. Сравнение является сопоставлением тел с целью выявления их сходства или различия, т. е. формой связи. А связь одновременно означает воздействие связанных между собой тел. Связь, например, Луны с Землей является также их взаимодействием. Можно сказать, что взаимодействие является формой существования всех вещей, в процессе которого последние постоянно меняются местами. Поэтому взаимодействие есть движение.

Говоря о движении, Аристотель утверждал: «Все движущиеся тела приводятся в движение чем-нибудь»[1], т. е. движение не является атрибутом материи. Хотя после Аристотеля наука и сделала гигантский шаг вперед, однако и сейчас немало защитников упомянутого взгляда на природу движения. И в настоящее время метафизики, игнорируя конкретную природу материи и взаимодействие ее множественных форм, ищут в качестве движения какую-то абсолютную причину движения. Развитие, в частности, естествознания, доказало, что причина понятна только в единстве с действием. Еще Гегель говорил, что нельзя, например, свет считать абсолютно положительным, а темноту—абсолютно отрицательным явлением природы. Это ходячее объяснение вопроса. Научное познание раскрывает истину в их взаимоотношениях, в том, что одно явление содержит в себе другое. Множество форм материи содержит в себе движение, является результатом движения, а само движение порождает множество форм материи. Материя разновидна только в движении. Таким образом, перед нами не обычное соотношение причины и действия или же их взаимодействие, а единство противоречивых моментов, которые опираются на одну и ту же основу, на объективную реальность материи. Поэтому прав Энгельс, говоря, что «вместе с данной массой материи дано и движение»[2].

Но взаимодействие **данной** массы, которое существует на **данном** месте и в **данное** время, не может быть тем же самым, что взаимодействие **другой** массы, на **другом** месте и в **другое** время. Каждая конкретная форма материи имеет свою спе-

---

[1] *Аристотель,* Физика, 1936, стр. 148.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIV, стр. 532.

цифическую форму взаимодействия. Взаимодействие, например, на Луне не того рода, что взаимодействие на Земле. Одно только то обстоятельство, что на Луне нет воздуха и нет воды, вносит огромное изменение во взаимодействие вещей. Там нет условий для кипячения воды, т. е. для возникновения известной формы движения.

Спустившись с неба на землю и познакомившись с взаимодействиями в природе и обществе, мы обнаружим, что они также качественно разные. Общество состоит из людей, и взаимодействие вещей в обществе в конечном счете подчинено сознательному действию людей, в природе же всего этого нет, в результате чего здесь имеют место разные формы движения.

Таким образом, движение многогранно. Нет движения вообще. Существуют конкретные формы движения: движение газов, движение жидкостей, движение твердых тел, движение солнечной системы, движение классов и т. д. Дойдя до открытия этого факта, познание стремится к раскрытию внутренней связи между упомянутыми конкретными формами движения, к познанию их единства.

Путь познания единства бесконечных форм движения материи лежит через абстракцию от многообразностей этих форм. Путем абстракции мы освобождаемся от чувственно-конкретных форм, от того, что составляет преходящую особенность движения, и обнаруживаем их общность: все они — формы бытия материи и существуют вполне реально, т. е. составляют атрибут материи.

Давно уже Спиноза доказал, что основное свойство субстанции постоянно. Оно составляет сущность субстанции и не может быть привнесено извне, ибо то, что привносится, надлежит отнятию, а отнять атрибут у субстанции нельзя. Субстанция без атрибута все равно, что скажем, сахар без тех свойств, которые составляют его особенность. Как сахар проявляется в своих свойствах, так и субстанция осуществляется в своих атрибутах.

Движение, как атрибут, не переходит в недвижение, иначе говоря, оно не прекращается. Преходящими являются конкретные формы движения, а само движение не отрицается. Например, механическое движение может переходить в физическое, но не отрицание движения, ибо в этом случае отри-

цается лишь конкретная форма проявления атрибута и полученная новая форма такая же форма движения, как и первая.

Конкретные формы могут быть отрицаемы, потому что они суть формы осуществления, формы, в которых бесконечное ограничивается и выступает, как обособленная единица. Как ограничение или обособление постоянно пребывающего, конкретные формы суть отрицания форм всеобщих. Но они в то же время не могут быть их абсолютным отрицанием, потому что в них **конкретизируются** всеобщие формы материи.

Всеобщие формы необходимы, ибо без них никакое бытие немыслимо. Не так обстоит дело с единичными формами, они не коренные, не определяющие, а суть случайные формы. Материя не может не находиться в движении, однако та или другая конкретная форма движения не всегда обязательна для нее.

Движение, как всеобщая необходимая форма бытия, есть диалектическое единство всех конкретных форм движения, оно есть атрибут. Таким образом, атрибут, это не пустая абстракция, а реальное свойство материи. Является фактом, что никто не приводит материю в движение, никто ее не толкает. Основа ее перемещения или изменения вообще находится в ней самой. Закон притяжения и отталкивания действует везде. Взаимодействие имеет место не только между солнечными системами, но также между мельчайшими частицами материи. Взаимодействие как таковое вечно, оно никогда не возникало и никогда не прекращается.

В начале нынешнего столетия Томсон утверждал, что атом не может вести себя, как «перпетуум мобиле», следовательно движение вовсе не атрибут. Вывод, конечно, поспешен и ничем не обоснован. Электроны и протоны могут сливаться, атомы могут терять свою ту или иную форму движения, но само движение никогда не прекращается. Ведь согласно закону сохранения и превращения энергии, количество последней во всех процессах природы не уничтожается, а отдельные ее формы способны к вечному взаимопереходу. А это значит, что движение сохраняется как количественно, так и качественно. Поэтому, если по какой-либо причине электрон и протон упадут друг на друга, то это вовсе не будет уничтожением дви-

жения, поскольку это падение приведет к новой форме взаимодействия и тем самым к движению. Нельзя механически применять законы конечных форм материи ко всей материи. А электрон, протон или атом — конечные формы материи. Поэтому потеря или приобретение ими той или иной формы движения не может быть основанием отрицания его атрибутивности. Движение является коренной формой материи, следовательно, оно существует совместно с материей так же реально, как сама материя.

Но тем не менее никто не видел движения как такового. Это обстоятельство вызвало принципиальное возражение против реальности движения. Если я вижу, например, полет птицы, а не движение вообще, из этого следует, что последнего нет и нашему познанию доступны лишь конечные формы движения, говорят сторонники субъективности движения. Конечно, движение **вообще** есть абстракция. В реальном мире существует падение камня, вращение планет, полет мысли и т. д., но не движение вообще. Однако движение вообще не является чистым созданием мысли, а отвлечением от его качественно конкретных форм. Поэтому формулу: нет движения вообще—следует исправить, указав, что оно есть «совокупность всех чувственно-воспринимаемых форм движения»[1]. Общие свойства указанных форм движения: 1) являются свойствами материи и не отдельны от нее; 2) все они существуют объективно, независимо от субъекта. Это значит, что движение вообще как абстракция имеет свое реальное основание, оно отражает объективную реальность, есть всеобщее свойство конкретных форм. Все формы движения внутренне связаны, между ними есть нечто общее, поэтому познание есть в то же время познание бесконечного. В действительности истинно-научное познание заключается в том, что путем раскрытия упомянутых связей мы «в мыслях извлекаем» единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем и тем самым выходим из рамок ползучего эмпиризма. Все эти операции мысли оказались бы невозможными, если всеобщие

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 550.

формы не имели бы объективного основания в мире, если можно было бы оторвать их от своих конкретно-единичных форм и, что главное, от материи. Основной порок идеалистической философии состоял и состоит в том, что она отрывает движение от материи, развивая метафизику. Уже в философии пифагорейцев число как отвлечение от чувственного вечно неизменно. Но у них число есть в то же время множество, т. е. одно из свойств материи, ее количественное определение. А это уже является нарушением принципа вечной неизменности, ибо число определяется, с точки зрения своего состава, как четное число, которое не ставит границы делению, и как нечетное, которое ограничивает деление, ставит его в определенные рамки. Иначе говоря, неизменчивость переходит в изменчивость, появляются разные противоположности, и существующее рассматривается как ряд противоположностей. Конечно, эти противоположности еще метафизические, но в них уже зачатки постановки вопроса о движении.

Представители элеатской школы отрицают движение. Нет никакого движения, говорит Парменид. Существование бытия есть отрицание небытия, а следовательно, и движения. Движение есть там, где есть переход бытия в небытие, и наоборот. А поскольку небытия нет, то ясно, что не может быть и движения, говорили элеаты. Таким образом, отрицание движения опирается на отрицание небытия и утверждение существования бытия, иначе говоря, на противоположение бытия и небытия. Однако всякое отрицание или противопоставление есть движение. Поэтому и своим отрицанием существования движения Парменид фактически доказывал обратное заключение.

Свои возражения против существования движения Зенон начинал с того, что отрицал множественность материи, ее качественную разнообразность. По Зенону, единство бытия есть отрицание его множества. Он рассуждал так: допущение существования множества привело бы нас к признанию реальности как конечного, так и бесконечного. Быть множественным значит состоять из единиц. Единица вообще неделима, она есть такая точка, которая от прибавления или же отнятия не увеличивается и не уменьшается, ибо не имеет ника-

кого бытия, есть ничто. Сумма нулей вновь дает нуль. А если признать за ней некоторое бытие, считать, что единица имеет величину, тогда придется признать и то, что каждая вещь бесконечно велика, ибо велика каждая ее часть, каждая из них имеет свою величину, плотность и т. д. до бесконечности. Таким образом, метафизическую противоположность элеатов Зенон довел до конца и на основании этого пытался отрицать существование движения.

Если предмет движется, ему следует преодолеть известное пространство, говорил Зенон. По его мнению, это возможно только в течение времени и по частям. Например, для того, чтобы человек прошел метр расстояния, ему следует сначала пройти половину этого расстояния, а до этого—половину этой половины и так до бесконечности, вследствие чего человек не может достичь своей цели и остается неподвижным. Но Зенон не понял, что непрерывность пространства есть единство дискретных единиц, что непрерывность и дискретность едины и не исключают друг друга, поэтому движение тела могло быть бесконечным восстановлением непрерывности лишь путем его нарушения, т. е. приближения к своей цели.

Зенон полагал, что абсолютизированием противоположности он уже отрицает движение. Но это ошибочно. Доведение крайности до предела есть подготовка нарушения этой крайности, т. е. возвращение к отрицаемому движению. В этом отношении Зенон является классическим представителем древнегреческой метафизики и тем самым одним из тех, кто подготовлял ее крушение. Истинным результатом аргументации Зенона о невозможности движения стало признание невозможности отрицания движения.

Платон пошел по другому пути. Истина не бытие, не материя, а небытие, идея, говорил он. Он считал, что бытие самостоятельного существования не имеет, оно всецело зависит от идей. Таким образом, парменидовский абстрактный материализм Платон заменил объективным идеализмом, и тем самым конечным источником движения он считал не материю, а идею или бога. Движение, говорил Платон, есть соединение бытия и небытия, оно есть особенность бытия благодаря соединению небытия с ним. Это, конечно, отрицание объектив-

ности движения, но тем не менее интересная постановка вопроса.

Элеаты создали метафизическую противоположность крайностей, а Платон объединил их на базе идеализма и признал необходимость движения для конечных вещей, для природы. Но идеализм не мог быть основой для преодоления метафизики, ибо, признавая взаимодействие идеи и материи, Платон отказывался считать это взаимодействие формой соотношения моментов одного и того же единства. Идея, по его мнению, это субстанция, а материя отделена от нее, но в то же время имеет источник своего движения в ней. Вообще метафизическое отделение конечного источника движения от движущейся материи является особенностью идеализма.

Аристотель заявлял, что материя инертна, форма же активна. Движение возникает в результате воздействия формы на материю. Платоновская идея, которая, объединяясь с материей, порождала движение, была пассивной, поэтому, по правильному замечанию Аристотеля, оставалось непонятным откуда же возникло движение, если обе стороны единства пассивны? Сам Аристотель разрешал это противоречие тем, что одну из сторон—форму—объявлял носителем активности. Но тут же он добавлял, что последним основанием движения может быть только **неподвижность,** ибо то, что движется, не в состоянии быть причиной собственного существования. Форма активна, но недвижима, в противном случае она не была бы первичной, уверял он. Таким образом, Аристотель считал, что активность, которая по существу есть форма движения, является лишь потенциальной возможностью движения. Но как же может эта возможность переходить в действительность, если материя абсолютно инертна, а активность формы тоже не является нарушением ее неподвижности? Ведь для того, чтобы форма вступала в отношение с материей, требуется нарушение покоя. Аристотель не сумел разрешить это противоречие.

Идеализм нового времени не пошел дальше Платона и Аристотеля. Декарт полагал, что конечная причина движения находится вне материи. Фактически это было признанием существования двух субстанций. Лейбниц старался преодолеть этот дуализм. Материя и сила едины, говорил он, они

образуют монаду. В этом единстве определяющей является сила, которая неотделима от материи.

Стремление к монизму дало возможность Лейбницу найти связь между отдельными формами материи и ее движения. Низшие монады всегда стремятся к высшим,—говорил он. Бог—это наивысшая монада, потому все стремятся к богу, уверял он, развивая теорию религиозно-иерархического порядка связи и соподчинения монад с элементами идеи развития. Но отрицание объективности движения не дало ему возможности пойти дальше отдельных гениальных высказываний, и его монизм не был истинным монизмом, так как каждая монада есть самостоятельное, замкнутое внутри себя начало, и связь между ними имеет механический характер.

После Лейбница идеалистическая философия в лице Канта сделала попытку поставить вопрос о противоречиях, т. е. подойти к проблеме о движении более конкретно. С точки зрения Канта мышление по своей природе таково, что при желании познать бесконечное впадает в противоречие. Так, например, стремясь быть бесконечным, мышление сталкивается с явлениями, которые ставят конец этому стремлению путем установления твердой границы для него. Таким образом, антиномии суть необходимые, неизбежные состояния разума. Но эта неизбежность, по мнению Канта, не покоится на содержании разума, не коренится в его движении и развитии, а в природе нашего стремления к познанию того, что не в наших силах, иначе говоря, оно принадлежит разуму, а не вещам в себе, не объективному миру. Но Кант все-таки сумел образовать брешь в догматическом отрицании противоречий, доказав, что они существуют и избежать их невозможно. Нельзя сказать, что это было преодолением метафизики, ибо, во-первых, он считал, что антиномий разума всего четыре, в то время, как любое понятие, будучи отражением действительности, является единством противоречий. Во-вторых, хотя он и признавал, что разуму присущи противоречия, но отрицал единство противоположных определений в самом разуме. В-третьих, он говорил о конечности и бесконечности, о сложности и простоте мира, но все это считал лишь определениями разума, не видя в действительности никакого противоречия. Кроме того, он полагал, что все определения вполне самостоятель-

ны: бесконечность, например, ничем не связана с конечностью и наоборот, и каждое из этих определений в одинаковой мере истинно.

Гегель взялся за преодоление этой субъективно-идеалистической метафизики Канта. Антиномии разума объективны, говорил он. Объект есть единство противоречий и противоречие единства. Метафизики полагали, что говоря А=А тем самым высказывают тождество, в котором нет противоречий. В действительности это не так. А есть А потому, что А не есть не А, т. е. «тождественность различна, ибо . . . тождество различается от различия, тождество не внешним образом, а в нем самом, по своей природе таково, что оно различно»[1]. Различие в своем развитии переходит в противоположность. Две вещи различны, поскольку они своими основными свойствами противостоят друг другу, стало быть, они противоположны. Свет и тьма суть различные виды света, которые именно как таковые противоположны, говорил Гегель. Он справедливо считал, что познание этим не ограничивается, оно переходит от противоположностей к противоречиям, раскрывает внутреннюю противоречивость каждого единства. Противоречие есть процесс непрерывного отрицания и восстановления единства на новых основах, оно есть движение, изменение единства.

Противоречие включает в себя и различие и противоположность, но в то же время служит основанием для этих форм, поэтому оно есть наиточное определение движения, говорил Гегель. Но, будучи идеалистом, он признавал существование какого-то абстрактного начала, которое «не имеет жизненности», т. е. лишено противоречий, а следовательно, движения.

В отличие от идеализма первые представители науки в лице Фалеса и его единомышленников исходили из абсолютно объективной реальности материи и ее движения. Основой всего существующего является вода. Многообразные формы природы возникли из воды, говорил Фалес. Возникновение и переход являются формами движения. Следовательно, по Фалесу, движение присуще материи. По свидетельству Аристо-

[1] *Гегель,* Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 20.

теля, Анаксимандр, Эмпедокл и Анаксагор утверждали, что «из единого выделяются существующие в нем противоположности», иначе говоря, движение есть выделение противоположностей из единства. По их мнению, абсолютного тождества нет. С самого начала материя содержит в себе свое движение, ее формы противоположны и друг друга отрицают, т. е. переходят в противоречия. Таким образом, Анаксимандр и его современники делают первые попытки перейти от абстрактного определения движения к его конкретному пониманию.

Движение есть двоякое изменение воздуха, говорил Анаксимен. Понятия о разряжении и уплотнении содержали в себе мысль, указывающую на взаимодействие вещей. Поэтому мы можем сказать, что уже Анаксимен делает первые намеки на понимание движения как взаимодействия. Гераклит сделал новый шаг вперед, связав вопрос об атрибутивности движения с признанием материи в качестве субстанции. Он писал: «Мир был всегда, и есть и будет вечно живущий огонь, то загорающийся, то угасающий по известному закону».

Мысль о движении как о двуедином процессе была высказана еще до Гераклита Анаксимандром, Анаксименом и другими. Но эта мысль у Гераклита получает новое подтверждение. Движение есть вечный обмен между формами материи. «Все обменивается на огонь и огонь—на все, как товары—на золото, а золото—на товары»,— говорил Гераклит. В процессе этого обмена одни формы возникают, а другие уничтожаются. Благодаря этому взаимопереходу форм, движение сохраняется, оно никогда не прекращается. Таким образом, Гераклит стал на более широкий—диалектический путь познания сущности движения.

В то время как пифагорейцы говорили об абслютной полярности противоположностей в лице конечного и бесконечного, четного и нечетного и т. д., Гераклит, наоборот, доказывал, что нет абсолютно раздельных форм, все они связаны между собой, и эта связь проявляется также в том, что одна форма рождается от другой, образуя таким путем процесс бесконечного развития. «Психеям смерть стать водою, воде же смерть стать землею; из земли же вода рождается, а из воды психея». Это было гениальным предвосхищением теории раз-

вития. Конкретизируя свою мысль, Гераклит говорил, что изменение и развитие мира не является мирной сменой старого новым, наоборот, «все происходит через борьбу и по необходимости».

После Гераклита древний мир не дал нового мыслителя, способного, как и он, к всесторонней разработке вопроса о движении с позиции материализма. Атомисты, развивая механический взгляд на мир, во многом отступили от диалектики Гераклита. По Демокриту, движение — это перемещение мест атомов в пространстве. Существуют атомы и пространство. В силу тяжести атомы падают вниз. Во время этого падения тяжелые атомы, сталкиваясь с легкими, создают круговорот, в процессе которого возникают новые миры. Это механическое представление движения, но в нем есть зерно истины: движение рассматривается как взаимодействие тел, атомов. Зачатки этой мысли мы нашли еще у Анаксимена. Атомисты же пошли значительно дальше, более четко сформулировав положение о том, что движение возникает вследствие падения и взаимодействия атомов.

Понимание движения как взаимодействия основано на допущении объективной реальности материи, признании имманентного изменения места и положения единиц материи, т. е. на изгнании божества из природы. Нет ни одной частицы материи, лишенной внутренней энергии или самодвижения, говорил Толанд. Благодаря этому самодвижению «земля, воздух, огонь и вода, железо и дерево, мрамор, растения и животные разрежаются и уплотняются, плавятся и затвердевают, рассеиваются и сгущаются или еще каким-нибудь способом превращаются друг в друга»[1]. Движение есть объективно существующий атрибут материи, заключает Толанд. Но как механист он отделил пространственное движение от самодвижения и противопоставил первое последнему как модус[2]. Это было возвратом к спинозизму с другого конца.

В отличие от Спинозы и других, французские материалисты XVIII века настаивали на том положении, что движение является атрибутом материи. «Без нагромождения цитат

---

[1] *Дж. Толанд,* Избранные сочинения, 1927, стр. 108.

[2] Там же, стр. 83.

достаточно очевидно, что материя содержит в себе оживляющую ее движущую силу, которая является непосредственной причиной всех законов движения»[1]. Продолжая эту линию Ламетри, Дидро определил движение как единство беспредельной подвижности и относительного покоя. Относительный покой — это не инертность материи, поэтому движение абсолютно, говорил он[2]. Но преодолеть метафизику им не удалось. Эту задачу впервые выполнил марксизм.

Для марксиста движение есть вполне объективно реальный атрибут материи. Материя существует в бесконечно многих формах, которые связаны между собой, относятся друг к другу как причина в следствии, как основание и результаты и т. д. Причинная связь есть вполне определенное чередование форм движения. Быть причиной — значит относиться к чему-нибудь активно, т. е. проявлять действие. Проявление действия вызывает противодействие. Действующий предмет, нарушая известный покой и форму движения, преодолевает известное сопротивление. Когда, например, один биллиардный шар, ударяясь о другой, нарушает его покой или направление движения, то сам он не остается без воздействия, в результате чего возникает единство действия и противодействия, т. е. взаимодействие. Взаимодействие есть активное отношение двух предметов друг к другу, оно есть движение. Там, где есть больше одного тела, там есть их отношение, следовательно—взаимодействие, т. е. движение. А мы знаем, что мир состоит из бесконечно многих тел, которые связаны между собою, относятся друг к другу, действуют друг на друга и тем самым уже находятся в движении. Формы отношения тел, формы их взаимодействия бесконечно множественны. Характер этих отношений зависит от ступени развития относящихся тел, от конкретных условий этих отношений и от степени переплетения обстоятельств, необходимых для возникновения данной формы отношения. Приступая к изучению движения, Энгельс отметил следующие его основные формы: механическую, физическую, химическую, биологическую и общественную.

---

1 *Ламетри,* Избранные сочинения, 1925, стр. 53.

2 *Д. Дидро,* Избранные сочинения, т. I, стр. 130.

б) Основные формы движения

К познанию основных форм движения человек пришел не сразу. Прежде чем определить, какие формы движения являются основными, необходимо было изучить каждую из них в отдельности, выявляя как их специфические особенности, так и сходство между ними. При решении этой задачи выяснилось, что «всякое движение связано с каким-нибудь перемещением», т. е. что перемещение является всеобщей и наиболее простой формой движения. «Само собой разумеется, что изучение природы движения должно было исходить от низших, простейших форм его и должно было научиться понять их прежде, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его. И, действительно, мы видим, что в историческом развитии естествознания раньше всего разрабатывается теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика и тотчас же вслед за последней, почти наряду с ней, а иногда и опережая ее, наука о движении атомов, химия. Лишь после того, как эти различные отрасли познания форм движения, господствующих в области неживой природы, достигли высокой степени развития, можно было с успехом приняться за объяснение явлений движения, представляющих процесс жизни...»[1].

После этого можно было перейти к изучению общества, с его наиболее сложными формами движения. Таким образом, путь выделения и познания основных форм движения был длинным и довольно мучительным. Заслуга Энгельса состоит в том, что обобщив весь этот исторический материал, он сумел в общем правильно определить основные этапы развития научной мысли и те формы движения, которые стали главными объектами ее познания.

После Энгельса естествознание сделало гигантские успехи, дающие нам возможность точнее определять общий характер движения и его отдельных форм, расширять наши знания об этих формах и открывать новые закономерности, о которых мы ничего не знали раньше. Сейчас уже известно, что, кроме

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 391.

макромира, существует еще микромир, мир протонов, нейтронов, мезонов и т. д. с их сложными формами движения.

Общий характер той или иной формы движения в конечном счете определяется степенью развития материи, атрибутом которой оно является. Кроме неорганической, органической и общественной, современные науки определенно различают еще три вида материи: туманности, звезды и планеты. Исходя из этого, некоторые ученые предлагают рассматривать движение этих видов материи как основные формы. Но ведь их отличие от механического, физического и химического движения не в появлении принципиально новой формы, а в своеобразности сочетания и взаимоперехода последних. То, что происходит, например, на солнце,— это физико-химический процесс, т. е. это движение свойственно неорганической материи, там нет такого качественного перехода, какой имеет место, скажем, при возникновении биологического движения. Объясняется это тем, что туманности, звезды и планеты, хотя и являются разными степенями развития материи, но остаются в пределах ее неорганической формы. Для того, чтобы данная форма движения считалась основной, необходимо, чтобы она имела либо всеобщий характер, независимо от уровня развития материи, либо стала следствием возникновения совершенно нового качества материи. Механические, физические и химические изменения свойственны всем формам материи. Биологическое и общественное движение — формы бытия новых качеств материи, а туманности или планеты являются разными формами существования неорганической материи. А т. к. природа предстает нам в формах неорганической и органической материи, поэтому первыми всеобщими формами ее движения являются: движение неорганической и движение органической материи. Если первое—это физико-химический процесс и характерная для его типа связи — энергия, то определяющим для второго является обмен веществ. Но физико-химический процесс — это очень широкое понятие, оно показывает лишь общий характер изменения неорганического мира. Кроме того, физико-химический процесс — это качественное изменение, а в природе происходит и количественное изменение, т. е. механическое движение. Учитывая эти факты, можно сказать, что основными формами движения природы

являются: механическая, физическая, химическая и биологическая, каждая из которых бесконечно многогранна.

Говоря о формах изменения, в частности, физического мира, современная наука определенно отличает движение макромира, ядерные процессы от электромагнитных и гравитационных, квантовое движение от теплового и т. д. Оно доказывает, что каждая из этих форм имеет свой особый генезис, т. е. свою причинную связь с другими формами, свою структуру, в которой раскрывается ее своеобразность, свою ступень сложности, соотношение целого и частей, степень развития и т. д. Но дают ли эти открытия науки основание для отказа от классификации основных форм движения материи, данной Энгельсом? По-видимому, нет.

Руководствуясь принципом исторического развития как движения так и науки, Энгельс первой «простейшей формой» движения считает механическую, второй — физическую, третьей — химическую, четвертой — биологическую[1]. Высмеивая Дюринга за то, что тот объявил «механическую силу», т. е. частную форму движения «основной» Энгельс пишет: «Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных мировых телах, колебание молекул теплоты или в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь, вот те формы движения в которых—одной или в нескольких сразу—находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент»[2].

Общество, конечно, имеет свою особую форму движения и, как мы увидим дальше, подчиняется качественно другим закономерностям. Так что к перечисленным формам движения следует прибавить пятую — общественную форму.

Б. Кедров не согласен с этой классификацией, он считает ее не совсем точной, мотивируя это тем, что в «ряд основных форм движения материи Энгельс не включил геологическое движение»[3]. Однако прав здесь Энгельс. Гегель, например, отдел «органической физики» начинает с «геологической при-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 391.

[2] Там же, стр. 59.

[3] «Вопросы философии», № 4, 1959 г., стр. 48.

роды»[1], рассматривая ее как **переходную** форму, которая подготавливает возникновение движения живой материи. А у Энгельса речь идет об основных формах движения материи. Геологическое движение — это физико-химический процесс, а не самостоятельная форма движения, что и давало Энгельсу основание не включать ее в основные формы движения природы.

Дж. Бернал того мнения, что современная наука сделала огромный шаг вперед в области установления единства разных форм материи и движения. Однако из этого он не делает вывода о том, что качественное различие между ними исчезло, ибо единство не только не исключает, а необходимым образом предполагает различие. Исходя из этого, Дж. Бернал пишет: «Не следует, однако представлять дело так, что будто бы в результате всех этих достижений химия превратилась в простую отрасль физики. Произошло другое: физическая теория и физические экспериментальные методы все больше проникали в старые качественные идеи и в кустарную практику ранних химиков и рационализировали их. Оперируя все более запутанными и неустойчивыми соединениями, химия возрастала в своей сложности столь же быстро, если не быстрее, чем шел процесс преобразования ее основных теорий под влиянием. Это относится и только к физическим и химическим, но и к другим основным формам движения материи. Следовательно, развитие науки не отменяет классификацию Энгельса, наоборот, оно доказывает, что дальнейшее уточнение вопроса идет по линии раскрытия качественно новых форм внутри уже установленных пяти основных форм движения материи. Сегодня мы различаем две качественно новые формы в физическом движении. Нет основания отрицать, что завтра нельзя будет сделать того же и в отношении форм химического, биологического или же общественного движения. Но будет ли это означать, что в известном нам мире больше нет механического, физического, химического, биологического и общественного движения в качестве его основных форм? Ведь из того, что внутриядерные процессы микрочастиц ка-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. II, стр. 341, 349.

[2] *Дж. Бернал*, Наука в истории общества, 1956, стр. 428.

ественно отличны от обычных тепловых процессов, вовсе не следует, что они не суть формы физического движения. Поэтому задача состоит не в том, чтобы доказать устарелость классификации Энгельса о формах движения, а в том, чтобы, исходя из основного принципа этой классификации, в полной мере учитывать новые достижения современных наук. А развитие этих наук привело, с одной стороны, к их дифференциации, к их раздроблению и разветвлению, благодаря открытию новых форм движения и их закономерностей, а с другой — к интеграции существующих наук, т. е. к объединению их в более общие научные системы вследствие открытия внутренней связи между отдельными формами движения материи. В результате этих противоположных тенденций в науке возникли как ядерная физика, так и геохимия или кибернетика, доказывающие, что сложные формы материи суть диалектические синтезы более простых. Но из этого следует также, что каждый новый синтез является новым качеством и не сводится к механической сумме своих составных частей. Раскрытие этого единства и различия общего и единичного дает нам возможность иметь правильное представление об основных формах движения материи.

А. МЕХАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ИХ ПОЗНАНИЕ

Мы установили, что движение «как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»[1]. Приступая к познанию этой многогранности, мы замечаем вначале вещь и ее простое перемещение, ибо чувственное восприятие способно давать нам то, что наиболее наглядно. Перемещение — это такое изменение, когда тела, сохраняя свою самостоятельность, меняются местами. Первоначальное на-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 391.

блюдение обнаруживает эти и подобные изменения, которые составляют сущность механической формы движения.

Механическая форма движения по своему характеру количественна, ибо движущиеся тела по отношению друг к другу индифферентны, они не проявляют тенденции образования нового качества, вернее, эта тенденция для них не является определяющей. Отношения, в которых выступают тела механического движения, не вытекают из необходимости перехода в новое качество, а следовательно, изменения своего содержания или сущности, а вытекают из необходимости прибавления или убавления самого количества. Поэтому можно сказать, что отношение механических тел — это отношение безразличных единиц. Когда говорят, что какой-то человек имеет механическую память, тем самым утверждают, что к высказанным при нем мыслям он относится безразлично, пассивно, не усваивает их. Пастер, например, обладавший феноменальной памятью в области науки, до конца своей жизни так и не выучил молитвы и лишь механически каждый день повторял ее за женою. В этом смысле отношение механических тел друг к другу как-то внешне, хотя в то же время и не внешне, потому что оно есть необходимый момент во всех других формах движения, т. е. оно связано с последними, вследствие чего не является нам в своей чистой форме. А это обстоятельство создает необходимые предпосылки для ее перехода в новую форму движения — в тепловую, электрическую и т. д.

Механическое движение — это «низшая, простейшая форма» движения[1]. Оно—низшее, потому что всякое изменение начинается с него. Оно — простое, потому что, возникая как пространственное перемещение и обычное отношение тел, не является качественным превращением, во всяком случае это не главное для него. Б. Кедров считает, что «если во времена Энгельса в качестве... начального члена общего ряда форм движения материи», т. е. «самого простого, элементарного из всех доныне изученных» «выступало механическое движение (простое перемещение) макротел, то теперь эта функция перешла, прежде всего к квантомеханическому движению так называемых элементарных физических частиц и их качествен-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 391.

ным перемещениям»[1]. Но почему же? Разве квантомеханическое движение качественно проще механического движения макротел? Конечно, нет. Ведь характерная особенность первого—это единство корпускулярных и волновых свойств, т. е. то что оно является сложным сочетанием разных форм движения. Относительно второго этого сказать нельзя. Поэтому прав Энгельс, говоря, что «первая. наипростейшая форма движения—это механическая, простое перемещение»[2].

Механическое движение — это непрерывный процесс постепенности, процесс без скачков или же революционных переходов. Источником этого движения является внешнее воздействие, и оно возникает как отрицание покоя. Поэтому покой и движение в механическом процессе противоположны, но не абсолютны. Покой переходит в движение и наоборот. Это говорит об относительном характере механического движения, который проявляется также в том, что каждая форма этого движения ограничена.

Механическое движение знает последовательный детерминизм, и для него характерна динамическая закономерность с ее строгой однозначностью.

Из сказанного следует, что как «простейшая форма» механическое движение вовсе не «серо», оно имеет многие свойства, и отождествлять его с каким-либо отдельным признаком нельзя. Но ошибочна и та крайность, когда из многогранности механического движения заключают, что, оно, якобы, вовсе не простое. Абсолютной простоты вообще не существует, а по сравнению с другими формами движения механическое наиболее простое, поскольку таковы и те тела, атрибутом которых оно является.

2. ТЕЛА МЕХАНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Первое, что можно сказать о телах механического движения это то, что они суть формы существования материи, взятые как целостности, как самостоятельные единицы, без дальнейших определений. Нарушение целостности есть про-

---

[1] *Б. М. Кедров,* Предмет и взаимосвязь естественных наук, стр. 289, 1967.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 563.

явление тенденции превращения тела в качественно новое тело, а следовательно, является выходом из пределов механического движения. Поэтому, когда речь идет о механическом движении, следует помнить, что мы отвлекаемся от переходов материи или материальных единиц, участвующих в движении. Эти единицы самостоятельны, их взаимосвязь есть количественное соотношение, соотношение самостоятельных единиц.

На основании этого некоторыми учеными тела механического движения отождествлялись с монадами Лейбница. Это было бы верно, если бы монады имели реальное бытие. Но ведь они выдуманы, они—категории чистой мысли, тела же, наоборот, вне нас объективно существующие формы материи. Целостность монад Лейбница состоит в их абсолютной замкнутости, а целостность материальных единиц механического движения приобретается лишь в процессе этого движения, поэтому она является нарушением, снятием искусственной замкнутости, целостности и самостоятельности тела. Соотношение указанных тел — это не соотношение известных нам метафизических противоположностей, а соотношение единиц, ставших качественно безразличными, в котором (в соотношении) осуществляется их количественная связь. Следовательно, здесь главное—количество.

3. КОЛИЧЕСТВО И ФОРМЫ ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Количество—то же что и качество (вернёе тот же самый качественно-определенный предмет), ставшее, однако, безразличным к другим предметам. Качество, как было установлено, есть чувственное **это**. Каждый предмет в таком виде противостоит другому. Но этот другой также качественно определенное **это**, которое имеет по отношению к первому свое другое, иначе он не мог бы противостоять ему. Таким образом, мы имеем не одно, а множество **это** со многими другими. Каждый качественно конкретный предмет, исключая **другое**, подтверждает свое собственное бытие, и обратно. Это значит, что отношение между разными качествами является отношением взаимоисключающим, благодаря чему они продолжают существовать как самостоятельные единицы. Существование, например, кислорода, как одного из химических элементов,

подтверждается тем, что он тождественен с самим собой и его нельзя спутать с другими элементами, скажем, с водородом. Так что отношение взаимоисключения возможно только при наличии взаимоотношения. Для того, чтобы кислород исключал из себя водород, оба они должны относиться друг к другу, быть во взаимных отношениях. Но это отношение является утверждением самостоятельности относящихся, их единичностью. Каждый член отношения есть то, что он есть и не переходит в другое, его сочетание с другим является подтверждением его существования как единицы вообще. Такое безразличное отношение качества есть количественное отношение.

Таким образом, количество является тем же самым предметом, но только без его качественных определенностей.

Атомы Демокрита, например, суть количественные единицы, и их отношение есть количественное отношение. Процесс изменения вещи есть прибавление или убавление ее атомов, ибо атомы как абсолютные единицы способны лишь на увеличение и уменьшение, а не на переход в другое. Это значит, что количество выражается через величину.

Величина есть определение количества. Математические науки, имеющие дело с величинами, определяют их подчиняющимися закону увеличения и уменьшения. И это верно: единицы величины — это такие безразличные единицы, которые в другие отношения вступать не могут. Но возможно ли одними только этими отношениями объяснить многообразность мира? Это уже другой вопрос и на него может быть дан только отрицательный ответ. Однако из этого не следует, что величина не является определением количества и что уменьшение или увеличение, как дальнейшее уточнение определения, не выражают общего характера количества.

Количество подобно качеству, оно изменчиво. Как постоянного качества, так и количества не существует без всякого изменения.

Количественному изменению подвергаются не только вещи или тела внешнего мира, но и духовная культура. Без количественного увеличения или уменьшения нет никакого качественного перехода ни в том, ни в другом царстве. Но это не значит, что количественный процесс духовного мира тож-

дественен с количественным процессом мира вещей; разумеется, они качественно различны, но оба эти мира подчинены закону количественного изменения. Гегель с этим не согласен. Он уверяет, что развитие духа возможно только во времени, но не в пространстве. Ведь количественное изменение является сокращением или же расширением пространства, занимаемого вещами в результате их количественного увеличения или же уменьшения. Подчинить дух или бога этому закону—значит превратить их в материальные субстанции, с чем идеалисты не могут согласиться.

Количество есть форма осуществления материи, а осуществление есть изменение, движение материи. Количество возникает в результате этого движения. Последнее есть в то же время притяжение и отталкивание. В этом смысле можно сказать, что изменение количества есть также притяжение и отталкивание. Притяжение есть соединение или собирание множества, иначе говоря, оно есть процесс увеличения или непрерывности количества. Отталкивание, наоборот, есть вытеснение, исключение единиц, одним словом оно есть процесс уменьшения или дискретности.

Притяжение или непрерывность, отталкивание или дискретность возможны как процессы количества и как определяющие друг друга моменты одного и того же единства. Но единство не есть тождество. Непрерывность это не дискретность хотя бы тем, что она есть обнаружение связи в ее положительной форме, а не выделение единиц. Дискретность, правда, также указывает на связь, но только в ее отрицательной форме, поскольку она является обособлением единицы путем перерыва непрерывностей. В этих процессах количество достигает своей определенности. Дискретная величина определена тем, что имеет границу, отделяет одну величину от другой.

Величина—есть известная сумма единиц, и разные величины отличаются друг от друга охваченным количеством единиц. Способы установления суммы единиц зависят от характера величины и преследуемой цели. Применение, например, способа уменьшения или вычитания всегда определяется конкретным содержанием величины и той задачей, которую ставит себе исследователь. А характер величины зависит от соотношения единиц.

Величина экстенсивна, если входящие в нее единицы, составляющие одну величину, проявляют себя как частицы этой величины, не самостоятельны, не отделены друг от друга, а слиты в одну целостность. Экстенсивная величина состоит из множества частиц, но не равна множеству. Движение экстенсивной величины есть ее количественное увеличение, расширение существующей. Например, экстенсивное ведение скотоводства является формой ведения хозяйства путем увеличения поголовья скота. Интенсивная же величина, в отличие от экстенсивной, указывает на напряженность, усилие известного количества. В скотоводстве это будет увеличением продуктивности без увеличения поголовья скота.

Экстенсивная величина способна переходить в интенсивную, а последняя, в свою очередь, в первую.

Величина имеет свою **степень**, которая указывает на состояние величины. Состояния величины могут быть разными в зависимости от скопления количества. Следовательно, каждое состояние является результатом определенного изменения количества, целым процессом постепенного количественного движения. Постепенность есть непрерывность. Последняя же, как уже было доказано, не противостоит дискретности, а составляет единство с ней. Непрерывность внутри себя бесконечно дискретна, как и наоборот. Но эта бесконечность не является «дурной» бесконечностью, а имеет определенное конкретное содержание, она является процессом непрерывных переходов количества в качество, поэтому в пределах одного качества бесконечности нет.

4. ХАРАКТЕР КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА

Связь между качественно безразличными, самостоятельными телами осуществляется тем, что одно тело действует на другое, иначе говоря, происходит взаимодействие тел. В природе все тела действуют друг на друга, почему мы и говорим, что в ней имеет место всеобщее взаимодействие. Оно выражается тем, что все тела притягивают друг друга и отталкивают. Всякое движение, по Энгельсу, предполагает взаимодействие притяжения и отталкивания.

Не является ли это возвратом к картезианству? Если последнее заключалось в констатировании факта взаимодействия тел,— тогда мы картезианцы. Но весь вопрос в том, что факт взаимного отталкивания и притяжения тел является в руках Декарта средством для отыскания первого толкателя вне материи, для возврата к богу, а для нас закон притяжения и отталкивания является имманентным законом материи.

Особенность материи такова, что каждая ее частица в то же время отталкиваясь, притягивает другую. Этот закон взаимного отталкивания и притяжения есть постоянный процесс, благодаря чему израсходованная сила в одном месте компенсируется ее восстановлением в другом—закон отталкивания и притяжения остается вечным законом материи.

Результатом взаимодействия тел является перемещение, передвижение взаимодействующих тел. Всякое движение начинается с перемещения мест движущихся тел. Имеем ли мы дело с движением поезда или же с абстрактным мышлением, все равно ничего не совершается без перемещения. Для поездов перемещение есть основная и наглядная форма, для мышления же оно играет роль побочной формы, здесь берет верх единство химико-биологических и общественных процессов.

Как форма движения перемещение внутренне противоречиво, оно осуществляется в силу того, что один и тот же предмет в одно и то же время находится и не находится на одном и том же месте. Еще Гегель писал: «Нечто движется не постольку, что оно в этом «теперь» находится «здесь», а в другом «теперь» там, а лишь поскольку оно в одном и том же «теперь» находится здесь и не здесь, поскольку оно в этом «здесь» одновременно и находится и не находится. Надлежит согласиться с древними диалектиками, что противоречия, которые они нашли в движении, действительно существуют; но из этого не следует, что движения нет, а наоборот, что движение есть само существующее противоречие»[1].

Представители формальной логики в такой постановке вопроса видели нарушение закона непротиворечия. Но они ошибались, во-первых, потому что в ходе мышления предмет

[1] *Гегель*, Соч., т. V, стр. 521.

суждения сохраняется, он не подменяется другим предметом (это является главным моментом закона непротиворечия) и, во-вторых, потому что закон непротиворечия исходит из формы отражения относительно устойчивости объекта познания, а диалектическая логика имеет дело с процессами и их отражениями. Иначе говоря, объекты их исследования разные, поэтому нельзя рассматривать утверждение законов диалектической логики как нарушение законов формальной логики.

Диалектика имеет дело с процессами, с движением, которые внутренне противоречивы. Это в равной мере относится к механической форме движения. Это и понятно. Ведь перемещение как типичный вид механического движения, возможно только при перерыве непрерывности и неперерыве прерывности пространства и времени. А это есть противоречие, постоянный взаимопереход разных моментов единства.

Переход вообще есть отрицание преходящего, его снятие. Снятие, противоположное неснятому, есть поляризация крайностей, т. е. переход к противоречиям. Нечто противоположно другому, поскольку они взаимно друг друга отрицают. Это взаимное отрицание приводит к снятию противоречия. То, что однажды отрицалось, снова отрицается, и тем самым первоначальные крайности восстанавливаются на новой основе, т. е. происходит качественное изменение.

Механическое движение оперирует скоростями, массами и в лучшем случае — объемами, говорит Энгельс, т. е. количествами, количественными соотношениями.

Но из количественных соотношений возникают новые качества, из простого толчка или перемещения возникают целые процессы, являющиеся качественно новыми формами движения.

Коль скоро движение составляет увеличение или уменьшение количества, мы имеем дело с механическим движением. Но как только оно проявляется как переход, перед нами уже не механическое, а качественно другое движение. В трех основных законах Ньютона классически сформулированы соотношения качественных переходов в механическом движении.

5. КАЧЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕХОДЫ В МЕХАНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Мы уже знаем, что механическое движение есть всякое количественное изменение, происходящее в результате взаимодействия тел. Первый закон Ньютона выражает сущность возникновения этого движения. Всякому телу надлежит **пребывать в своем состоянии покоя или равномерного движения по прямой линии, пока внешние силы не заставят его изменить это состояние.** Если обратиться к опыту, то он целиком подтверждает этот закон. Для того, чтобы какое-нибудь тело. скажем, биллиардный шар, передвигалось, необходимо его толкнуть; чтобы капитализм «упал», следует его «уронить» (Ленин), т. е. применить насилие. Процесс движения есть непрерывное применение насилия, есть нарушение существующего положения, чего не бывает без преодоления сопротивления. Одна из заслуг Ньютона заключалась в том, что он не только понял эту истинную природу движения, но и возвел ее в закон. И странно, что, отвлекаясь от конкретной природы движения, многие философы стали говорить о движении вообще, о движении и его законах, как о чисто логических категориях, считая закон Ньютона лишь чем-то частным, относящимся к грубому веществу.

Естествоиспытатели же впали в другую ошибку; отделив силу от материи, они стали трактовать их отдельно, открывая путь идеализму и всякой поповщине. Но материя едина и есть полнота всех своих определений, она ничего не имеет вне себя и ничего не принимает извне. Сила изменения состояния тел—это причина изменения движения тела. А причиной изменения движения является действие одного тела на другое, т. е. воздействие тел. Нет силы, обособленной от тела, от материи. Существуют тела и их взаимодействие, иначе—движение, все остальное является результатом материи и ее движения. Ошибка Ньютона заключалась в отрицании атрибутивности движения, а не в признании взаимодействия тел как формы движения. Взаимодействие тел является фактом, и оно всегда и повсюду однородным быть не может. Соотношение многообразных форм материи может быть только разнородным.

Второй закон Ньютона является теоретическим обобще-

нием количественной стороны этой разнородности. **Изменение количества движения пропорционально приложенной силе и происходит в том направлении, в котором действует сила.** Если первый закон показывает путь возникновения механического движения, то второй является установлением того, каким образом и вследствие чего мы имеем многочисленные формы механического движения. Надавливание пальцами на стекло есть такое же механическое движение, как удар летящей пули, а по результатам они совершенно разные. Первый случай приводит к преодолению сопротивления стекла, его выскакиванию из рамы, второй—к пробиванию в стекле круглого отверстия. Таких разнообразных форм механического движения в природе много, и основание их разности имеет количественный характер. Пробивание отверстия в стекле может быть результатом только большой скорости по сравнению с его выдавливанием. Иначе говоря, в этих результатах мы имеем проявление разных количеств механического движения.

Неодинаковые количества движения имеют неодинаковые формы и приводят к неодинаковым последствиям в рамках количественных изменений. Открытие и разработка количественной стороны процессов были основными условиями преодоления попыток мистификации качества. Третий закон Ньютона является завершением этого открытия для своего времени.

Всякому качественному процессу свойственно известное количество. Покой и движение—разные состояния материи, и они непрерывно переходят друг в друга. Ударяя одним шаром по другому, мы этим первый останавливаем, а второй приводим в движение, т. е. добиваемся обмена количеством движения, ибо один шар приобретает то, что теряет другой. Мы, конечно, можем изменить скорость как первого, так и второго шара, иначе говоря, выразить их в количествах, что в то же время явится раскрытием их противоположности. Третий закон довольно четко формулирует эту мысль: **Противодействие всегда равно и противоположно действию, т. е. действия двух тел друг на друга всегда равны и имеют противоположные направления.**

Законы Ньютона—суть законы механического движения,

поэтому они неприменимы ко всем формам движения. Кроме того, сам Ньютон как механист-метафизик при формулировке своих законов допустил две основные ошибки.

Во-первых, движение, как известно, есть атрибут материи, вследствие чего нет абсолютного покоя и совершенно ошибочно считать конечным источником движения какой-то внешний толчок. Если под толчком подразумевать форму проявления взаимодействия, тогда Ньютон был одним из первых, кто не только поставил этот вопрос, но и разработал его для своего времени вполне достаточно. Однако все дело в том, что Ньютон, как и все механисты, односторонне истолковывая взаимодействие, отделил причину или основание действия (или же взаимодействия) от действующего предмета, от материи. Иначе говоря, взаимодействие понималось ими не как бесконечный диалектический процесс взаимодействующих предметов, а как процесс, имеющий свое начало, а следовательно, и конец, могущий когда-либо быть прекращенным.

Во-вторых, третий закон, будучи правильным как выражение количественного состояния разных качеств, в то же время абсолютизирует это соотношение и тем самым уже перестает быть правильным. «Противодействие **всегда** равно и противоположно действию»,—писал Ньютон. Еще Максвелл к этому месту сделал следующее добавление: «Если на тела, между которыми происходит взаимодействие, не действует никакая другая сила, то изменения их относительных количеств движения, произведенных взаимодействием, равны и имеют противоположные направления. Изменение скоростей обоих тел происходит также в противоположных направлениях, но не равных, за исключением случаев равных масс. В других случаях изменения скорости обратно пропорциональны массам»[1]. Это значит, что закон Ньютона абсолютен только для известной формы движения и в известных условиях, т. е. его действие ограничено. Эта ограниченность есть ограниченность самого механического движения, и ее преодоление есть выход за пределы механики.

Механическое движение носит в себе потенциальные возможности преодоления своей ограниченности. Как известно,

---

[1] *Максвелл*, Материя и движение, стр. 35—36.

удар молота, как форма механического движения, переходит в тепловую энергию. Достигнув поверхности железа, молот передает свое движение молекулам этой поверхности, нагревая её. Нагревание, как тепловое движение не имело бы места, если механическое движение не содержало в себе потенциальных возможностей перехода в нее. Благодаря переходу, механическое движение связывается с другими формами движения, и в процессе перехода оно уже перестает быть тем, чем было: механическим движением. Но это обстоятельство указывает еще на то, что нельзя сводить механическое движение к голому количеству, оно является особой формой единства количества и качества.

6. ЕДИНСТВО КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА. МЕРА

Мы уже знаем, что качество—это определенная материальная система со своей структурой. Особенность этой системы состоит в том, что она динамичная, обладает единством устойчивости и изменчивости. Как определенность предмета, качество указывает на его устойчивость, но имея свое количество, которое в результате развития объекта либо прибавляется, либо убавляется, оно (качество) является нам в процессе изменения. То же самое можно сказать о количестве. Как данное качество, оно относительно постоянно, а как единица, которая подготовляет новое качество, оно уже обнаруживает свою изменчивость. Таким образом, не только соотношение качества и количества, но и они сами внутри себя противоречивы, благодаря чему происходит непрерывное взаимопревращение, т. е. в природе, обществе и мышлении действует закон взаимоперехода качества и количества.

Если закон единства и борьбы противоположностей утверждает, что вещи и явления объективного мира внутренне противоречивы и между противоположностями идет борьба, то закон взаимоперехода качества и количества показывает процесс развертывания этой борьбы и осуществления связи между противоположностями. Нарастание количества существующего качества приводит к усилению противоречий, к отрицанию старого качества, а обратный переход количества

в новое качество показывает связь противоположностей, без которой нет никакого взаимодействия и вообще соотношения качества и количества.

Соотношение качества как существенного определения предмета и количества в форме числа, величины, степени, объема, темпа, ширины, длины и т. д. многообразно. Оно может иметь форму совпадения или же различия качеств и количеств. Так, например, когда два тела **двигаются равномерно** и прямолинейно, их движение качественно тождественно. Но движение одного тела может иметь скорость звука, а другого—скорость света. Когда они количественно различны, их отношение включает качественно одинаковые, а количественно разные явления. Допустимо и обратное, а также такие соотношения явлений, когда последние совпадают и количественно и качественно. Однако последняя форма не характерна телам или явлениям, находящимся в развитии, так как она является непрерывным нарушением как количественного, так и качественного совпадения соотносящихся объектов с целью восстановления этого нарушения на новых основах. Энгельс справедливо заметил, что «изменение формы движения является всегда процессом, происходящим по меньшей мере между двумя телами, из которых одно теряет определенное количество движения какого-то качества (например, теплоту), а другое приобретает соответствующее количество движения какого-то другого качества (механическое движение, электричество, химическое разложение)»[1]. Благодаря этой потере и приобретению, с одной стороны сохраняется соответствие качества и количества, а с другой—становится возможным движение и происходит изменение явления.

Развитие всегда начинается с изменения количества старого качества. Это объясняется тем, что для перехода в свою противоположность явление должно, во-первых, исчерпать свои потенциальные возможности всестороннего развертывания сущности, во-вторых, должно подготовить свою смену в собственных недрах. Все это осуществимо посредством количественных изменений. Как известно, все экономические формации общества возникли именно этим путем. Но из сказан-

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 385.

ного следует, что количественное изменение не беспредельно, оно ограничено хотя бы кругом выполнения указанных двух основных задач. Когда старое качество исчерпывается, а новое начинает зарождаться, тогда процесс количественного изменения старого качества прекращается, совершается скачкообразный переход к новому качеству, и начинается количественное изменение уже нового качества.

Количество всегда существует как количество какого-нибудь качества: количество людей, количество войск, количество звезд и т. д. Количество вообще—это абстракция мысли, а в действительности оно неотделимо от конкретных форм вещей, обладающих определенными качествами. Поэтому можно сказать, что нет чистого количества, оно всегда дано совместно с качеством и отношение между ними является отношением не только различия, но и единства. А единство количества и качества есть мера. Мера—это предел количественного изменения известного качества. Например, мерой сохранения воды как определенной жидкости, является наличие температуры от 0 до 100° по Цельсию, вне пределов которой она превращается либо в твердое тело — лед, либо в пар. Это значит, что количественное изменение, как механическое движение, всегда конкретно, оно имеет свои конкретные формы, т. е. качественно определенно. Мера представляет собою эту определенность.

«Мера есть качественно определенное количество, прежде всего, как **непосредственное;** она есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество»[1]. Иначе говоря, в мере дана как количественная, так и качественная определенность объекта познания; его упомянутые стороны в ней объединены, в известном смысле даже слиты в единое целое. Поэтому можно сказать, что в лице меры мы имеем завершение бытия, т. е. вещь является нам как известная целостность. Когда говорят, что все имеет свою меру, тем самым признают, что любое явление имеет определенный предел своего количественного изменения, дальше которого оно перестает быть тем, чем было до этого.

Мера может быть **простой** или **непосредственной,** если яв-

---

[1] *Гегель,* Соч., т. I, стр. 184.

ление взято само по себе, как единичное явление и вне связи с общей системой, если познание, абстрагируясь от системы явления, ограничивается его количественной характеристикой и не вникает в закономерности его развития. Например, для установления меры знания отдельных людей нет надобности вдаваться в подробный анализ господствующей системы общественных отношений. Для этого вполне достаточно показать индивидуальный путь развития этих людей, или, вернее, выяснить условия их индивидуальной жизни. Здесь познание имеет эмпирический характер, для него важно обнаружение единичного факта и описание его, при абстрагировании от конкретно-исторических условий, породивших его.

Находясь на начальной стадии своего развития познание обращает главное внимание на внешнюю сторону предмета, не вникая в его сущность. Мера здесь **внешня,** она чувственно-конкретна. Так, например, когда при помощи какого-нибудь предмета, выступающего в качестве единицы измерения, мы устанавливаем вес, длину или ширину другого предмета, мы имеем дело с внешней мерой. В этом случае главное— это обнаружение количественной определенности предмета. Но познание не застывает на этом, оно переходит к раскрытию внутренних особенностей предмета, к выявлению субстанциональной основы единичных предметов, тем самым совершая переход от внешней меры к **внутренней.** К. Маркс это показывает на примере анализа товарных отношений буржуазного общества. Он доказывает, что все виды товара имеют одну общую субстанцию—абстрактный труд, внутренней имманентной мерой которого является рабочее время. «Рабочее время,—пишет он,—суть живое бытие труда, безразличное по отношению к форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилом этого бытия»[1].

Внешняя или простая мера является подготовкой для перехода к внутренней мере. Например, для того, чтобы найти общую субстанцию всех товаров в лице абстрактного труда, требовалось иметь представление о конкретной форме труда,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 13, стр. 16.

как об источнике данного конкретного вида товара. Вообще раскрытие субстанции возможно только при помощи абстрагирования от единичных особенностей предметов, их систематизации и обнаружения общности между ними и, наконец, установления зависимости предмета от общей системы.

В отличие от простой, субстанциональная мера дает нам возможность рассматривать любое явление или любую вещь как представителя своего вида или рода, и тем самым показать процесс развития. Она, как момент системы и ее законов, раскрывает общую основу качественной особенности явления.

Но возможно ли всестороннее познание явления при помощи только такой меры, которая дает нам представление лишь об одной его структурно-генетической линии развития? Если что-либо находится только в одной какой-нибудь системе связи, тогда установление субстанциональной меры было бы завершением его познания. Но дело в том, что любой предмет (или явление) природы находится в бесконечных отношениях с другими предметами и явлениями объективного мира, имеет бесчисленное множество качеств или свойств, которые могут быть выявлены только при рассмотрении его как одного из компонентов в ряду других целостных систем. Это обстоятельство делает его **многомерным.** Так, например, предмет как товар, как меновая стоимость, имеет одну меру, а как средство удовлетворения потребностей человека, как потребительная стоимость—другую меру. В первом случае мы имеем дело с количеством овеществленного труда в нем, а во втором случае на первый план выступает его физико-химическое или другое подобное свойство. Вполне очевидно, что мера вещей зависит от совокупности всех трех отношений, в которых формируется и осуществляется ее истинная сущность. Это есть **реальная** мера, и ее познанием завершается познание данного предмета, поскольку она дает возможность выявить как индивидуальные, так и субстанциональные его особенности, а также те, которые связаны с его отношениями с другими системами. Реальная мера не дана в неизменном виде, она является продуктом исторического развития и проявляется в разных формах. Анализируя формы стоимости, К. Маркс показал, что ее случайная форма является первой ступенью реальной меры. Здесь отношение между вещами имеет случайный

характер, и одна из них выступает как мера только для той конкретной вещи, с которой она находится в непосредственных отношениях. Дальнейшее развитие приводит к развернутой форме стоимости, в результате чего случайное отношение перерастает в повторяющуюся систему отношений, и вещь, играющая роль меры стоимости, соотносится уже не с одним, а со всеми видами товара. Это вторая ступень развития реальной меры. Третьей ее ступенью является всеобщая форма стоимости, когда все товары выражают свою стоимость в одном товаре, выделившимся из всех товаров. Реальная мера завершается в денежной форме стоимости, когда количественное отношение наполняется качественным содержанием и всеобщий эквивалент срастается с качественной определенностью одного из видов товаров—с золотом. При переходе от одной меры к другой возникает новое качество с новой количественной определенностью.

На определенном этапе развития мера выходит из пределов своей качественной определенности, в результате чего возникает **безмерность.** Но это не значит, что мера вообще исчезает. И безмерность является своего рода мерой, ибо новое количественное отношение безмерно только по отношению к предыдущему, а само имеет свое качество. Безмерность и есть это качество. Говоря о роли денег в буржуазном обществе в связи с интересующим нас вопросом, К. Маркс писал: «**Количество** денег становится во все большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. **Безмерность и неумеренность** становится их истинной мерой»[1]. Иначе говоря, качественная определенность безмерности состоит в том, что ее количественная сущность выступает на первый план, тем самым сигнализируя, что отрицание существующего качества стало необходимостью.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 599.

7. ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЧЕСТВА И КОЛИЧЕСТВА. ПРИЧИННОСТЬ

Мера как единство качества и количества свидетельствует о том, что ее компоненты не могут существовать отдельно и самостоятельно, что наличие известного качества необходимым образом предполагает соответствующее количество, и наоборот. Единство есть форма связи, в процессе которой происходит взаимодействие компонентов, в данном случае взаимодействие качества и количества. Развитие меры происходит в результате этого взаимодействия. Безмерность, например, возникает вследствие преобладания количества над качеством. Закономерность, которая возникает в процессе этих взаимодействий, заключается в том, что один из упомянутых взаимодействующих компонентов выступает как ведущая, определяющая сила в процессе, а другой следует за ним, изменяется в результате развития первого компонента. Например, из химии известно, что характерным для кислорода является наличие в молекуле двух атомов (O_2). Если к этому числу атомов прибавить еще один атом, получится озон (O_3). Таким образом, изменение количества приводит к изменению качества.

Но можно ли из сказанного заключить, что отношение качества и количества вещей или явлений природы одновременно имеет характер причинной связи? Да, оно так и есть. В упомянутом примере из области химии количество элементов выступает как причина, а качество нового вещества—как следствие. Вполне возможно и обратное, когда качество выступает в роли причины, а ее количество в роли следствия. К. Маркс доказал, что развитие буржуазного способа производства приводит к концентрации богатства в руках немногих, увеличивая число неимущих, лишенных собственности. Как видим, отношение качества и количества вещей—это не только отношение единства и различия или же формы простой взаимосвязи, но отношение причины и следствия.

Всякий переход количества в качество и возникновение нового количества, соответственно с новым качеством,—является также переходом причины в следствие и следствия в причину. Однако количественное изменение имеет ту особен-

ность, что оно вначале кажется совершенно «невинным» и создает впечатление, что причина появления нового качества не связана с изменением количества. Дело в том, что к внешней определенности вещей количество в известном смысле как-то безразлично, поэтому не каждое его изменение приводит к резко заметному изменению качества. Ввиду этой особенности количества, еще в древнем мире спорили о том, станет ли хвост лошади голым, если вырвать из него один волос? При этом сами древние мыслители доказывали, что вырывание волосков имеет определенный предел, дальше которого, если из хвоста вырвать хоть один волос, он действительно оголится. Так что в появлении нового качества изменение количества играет роль причины, как и наоборот.

Причинность—это такая форма взаимодействия вещей и явлений объективного мира, когда нечто вызывает возникновение чего-то другого, притом, конечно, если существуют для этого подходящие условия. Например, электрическая сила способна привести в движение поезд, если есть соответствующий аппарат для превращения ее в механическую энергию.

Причина предшествует своему следствию в том смысле, что без причины нет следствия. В нашем примере электрическая сила предшествует движению поезда. Но неверно утверждение, что без следствия нет причины, можно сказать, что, как таковые, они существуют одновременно. Следовательно, соотношение причины и действия имеет определенный порядок, нарушение которого приводит к нарушению причинной связи. В то же время не должно полагать, что всякое чередование явлений может иметь характер причинной связи. Общеизвестно, что день и ночь, чередуя друг друга, соблюдают упомянутый порядок, но их отношение не является формой причинной связи, поскольку не ночь порождает день и не день порождает ночь.

Причинная связь является формой движения, и одновременно—основой появления ряда конкретных форм движения. Например, каждая конкретная форма перемещения имеет свою причину, является результатом действия определенной причины. Что-либо есть причина, поскольку оно есть полное единство всего необходимого для порождения данного действия. Будучи неполным, оно не может быть причиной или суб-

станцией по отношению к своему действию. Субстанция есть полнота своих свойств, она существует не через другое, а через себя, поэтому она есть причина. А причина и есть субстанция.

Субстанция как причина в высшей степени деятельна, следовательно, причина всегда есть нечто такое, что производит деятельность. Деятельность есть осуществление причины, а причина—осуществляющаяся деятельность. Поэтому причина переходит в деятельность, а деятельность—в причину.

Механическая энергия приводит трамвай в движение, движение же создает новую механическую энергию, используемую на преодоление сопротивления воздуха, создание тепловой энергии в форме нагрева колес и т. д. Благодаря этому, цепь движения никогда не прерывается. Если бы причина и следствие были разделены и не переходили непрерывно друг в друга, мы не имели бы процесса движения.

Гегель полагал, что отношение причины и действия—это взаимодействие. Это верно. Причина не только производит или, выражаясь по Гегелю, «поставляет» действие, но и предполагает его. В своем процессе осуществления причина направляет свое действие на другой предмет, который, хотя в этот момент и является «страдательной субстанцией», но поскольку он в свою очередь является субстанцией, то деятелен и производит действие. Подвергаясь действию другой субстанции, деятельная субстанция проявляет противодействие, вследствие чего возникает взаимодействие.

Но взаимодействие тел есть подготовка к их взаимопереходу, в процессе чего оно становится истиной, а стало быть нам открывается всеобщая основа их взаимодействия.

Основная ошибка метафизиков заключалась в искусственном противопоставлении взаимопереходящих форм материи. Между тем истинным является взгляд на них, как на единство; благодаря единству причина, как и ее действие, все время воспроизводится и тем самым сохраняется вечно в новой форме.

Воспроизводящая причина не является повторением старой, как и воспроизведенные действия не являются повторением прежних действий. Это объясняется тем, что соотноше-

ние причины и действия не слепая необходимость; всякая причина является продуктом определенных исторических условий и действует в этих условиях. А они не только влияют на причину, но и определяют ход и характер ее осуществления. Поэтому можно утверждать, что причинная связь не только необходима, но и случайна, она зависит и от многих случайностей, образующих ее среду. Например, причинная связь теплоты с расширением тела зависит от количества теплоты, качества тела, от температуры воздуха и от многих других обстоятельств, которые всегда меняются соответствующим образом, влияя на процесс осуществления закона расширения тела от теплоты. Следовательно, любая причина условна, поскольку ее применение и полученный результат зависят от многих других факторов, непосредственно не входящих в данную причину.

Говорят, что одна и та же причина всегда имеет одно и то же действие. Это верно, если только отвлечься от времени, исторических условий и характера объектов причины и действия. Но это можно сделать лишь мысленно, а в реальном мире все они различны. Поэтому соотношение причины и действия условно, исторически конкретно.

Кроме того, причина не может всегда оставаться одной и той же, ибо она вечно переходит в действие, а действие переходит в причину и этот взаимопереход есть их сущность. Мнение о том, что причина всегда остается причиной и не переходит в действие и обратно, ошибочно, ибо без этого взаимоперехода нет развития, нет движения вообще.

Из сказанного следует, что любая форма причинности необходимым образом предполагает: во-первых, то, что нечто всегда обусловлено чем-то, следовательно появление В всегда является результатом А, иначе говоря, В всегда находится вне А. То обстоятельство, что в реальном мире нечто выступает как причина, а другое как следствие, свидетельствует о том, что они пространственно отделены друг от друга, в противном случае мы не имели бы основания говорить, что А является причиной В... Но, наряду с этим, можно сказать, что причина любого явления в известной мере находится в нем самом, поскольку следствие имеет в себе нечто от своей причины. Таким образом, нельзя абсолютизировать как нахож-

дение, так и ненахождение причины в самом явлении. Причины изменения материи, как субстанции, находятся в самой материи, а причины изменения конкретных форм материи или же явлений природы и общества находятся вне их. Во-вторых, причина обладает приоритетом над действием, являясь решающей силой в общем процессе причинной связи, и, в-третьих, она универсальна. Но из этого не следует, что она является единственной формой связи. В природе есть и такие формы связи, которые не имеют характера причинности. Например, отношение между самостоятельными или почти самостоятельными сущностями—при установлении статистических закономерностей,— или же функциональные отношения, при формах связи между объектами; отождествлять с причинной связью их нельзя, ибо они не указывают на субстанциональную зависимость компонентов друг от друга.

8. ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПРИЧИННОСТИ И КРИТИКА ИДЕАЛИЗМА

Причинность—это не форма чистой мысли, не априорная категория, данная человеку раз и навсегда, а реальная форма связи действительности. Лейбниц и его сторонники полагали, что принцип причинности—это априорный регулирующий принцип мышления, а не результат развития науки. В объективном мире нет причинной связи, дабы мышление открыло ее и превратило в предмет исследования. Есть только принцип причинности, который дан нам априори. Дж. Локк уверял, что принцип причинности является «истинным принципом рассудка». Но тут возникла неувязка: каким образом мог появиться этот принцип в рассудке человека, если согласно тому же Локку, все наши понятия имеют опытный характер? Действительно, для утверждения, например, того, что тела расширяются от теплоты, необходимы были вековые наблюдения, и только после этого стало возможным выразить его в форме определенного принципа. Всякий принцип, в том числе принцип причинности, является отражением объективной действительности, обобщением и выражением наблюдений опыта в форме логической категории.

Выступая против рационализма Д. Юм писал: «Идея причины и действия имеет своим источником опыт, который учит нас, что такие-то определенные объекты во всех предыдущих случаях постоянно были соединены друг с другом»[1]. Но этот опыт имеет единичный характер, поэтому на вопрос: «всякий ли объект, начиная существовать, обязан своим существованием какой-нибудь причине», Юм отвечает: «Я утверждаю, что это недостоверно, ни интуитивно, ни демонстративно»[2].

Он допускает возможность судить о «сходстве между теми объектами, которые мы узнали из опыта, и теми, которые лежат вне сферы нашего наблюдения», но считает, что мы «никогда не в состоянии доказать это»[3]. Юм, исключая возможность доказательства, заменяет научную индукцию верой и привычкой при решении вопроса о соотношении причины и действия.

Современные последователи Юма—представители эмпиризма, говоря о причинных отношениях, понимают их не как внутренние, а как механические соединения различных явлений, существующих раздельно. В результате такой постановки вопроса, причина лишается действенности и ее отношение к своему результату превращается в пассивное сосуществование. Для оправдания своего тезиса, они говорят, что якобы нельзя эмпирически проверить, производит ли причина действие, а можно установить только то, что событие, называемое **причиной,** неизменно ассоциируется с событием, называемым **действием,** поэтому причина субъективна, она является привычной формой ощущений. Но это неверно, ибо проверить соотношение причины и действия вполне возможно. Так, например, для проверки соотношения солнечных лучей и теплоты, как соотношения причины и действия, мы имеем возможность концентрировать эти лучи в фокусе зажигательного зеркала и получить теплоту, тем самым, опытным путем доказать, что, **как причина, так и действие** суть не формы связи ощущений, а вещей, существующих вне и независимо от ощущений.

---

1 *Д. Юм,* Соч., т. I, 1966, стр. 187.

2 Там же, стр. 178.

3 *Д. Юм,* Соч., т. I. 1966, стр. 190.

Свою теорию отрицания причинности эмпирики аргументируют тем, что все наши знания объективного мира якобы ограничиваются одними только чувственными впечатлениями, которые имеют лишь **моментальный** характер, т. е. не связаны ни с прошлым, ни с будущим. Исходя из этого, они считают, что каждый предмет и каждое событие является нам как нечто абсолютно новое и мы не в силах установить между ними связи, одним словом, здесь нет никакой объективной причинности. Ошибочность положений эмпириков состоит в том, что они не знают, что чувственное впечатление является лишь одним из средств познания, что кроме него есть разум, есть практика. Что касается практики, то она является не **только** средством проверки истинности наших знаний, она—также и средство познания. В своей практической деятельности человек изменяет природу овладевая её законами. А это, собственно, и есть познание. Само изменение тоже есть познание, ибо изменить предмет—значит приспособить его к потребностям человека. А цель познания—овладение предметом ради его употребления. Поэтому исключить практику из арсенала средств познания нельзя. А практика и опирающийся на практику разум опровергают эмпиризм, доказывая объективную реальность причинности.

Неверно, вне всякого сомнения, и эмпирическое истолкование характера чувственного впечатления. Нельзя считать его таким моментальным актом, который не связан ни с прошлым, ни с будущим. При помощи чувств человек отличает, например, хлеб от камня, что является основанием его отношения к ним. А это значит, что чувство, как акт познания, связано как с прошлым, так и с настоящим, ибо для установления различения требуется обобщение определенного опыта. Любой акт чувственного восприятия опирается на прошедший опыт и имеет его в снятом виде, без этого оно превратилось бы в однообразное тавтологическое повторение самого себя (без всякого усовершенствования или развития). А между тем чувственное впечатление современного человека не одинаково в сравнении с чувственным впечатлением первобытного человека или ребенка. Если к сказанному прибавить и то, что оно у человека имеет социальный характер, станет более ясным, почему нельзя использовать его в качестве аргумента

против причинности. В действительности чувственное восприятие открывает известную связь между вещами и тем самым доказывает наличие причинности в природе и обществе. Конечно, это доказательство имеет еще эмпирический, поверхностный характер, но все-таки оно является аргументом в пользу объективности причинности.

Причинная связь имеет характер необходимости и осуществляется как закономерный процесс. В этом процессе нет места для какой-либо сверхъестественной силы, ибо по своей природе он является формой субстанциональной связи, и события в нем сцеплены друг с другом так, что не остается места для посредника. Поэтому можно сказать, что причинность, как закономерный процесс, как необходимость, не только отличается, но и является коренным отрицанием еще одного идеалистического учения — фатализма.

Сторонники фатализма уверяют, что они не против наличия связи между событиями, что они считают ее даже необходимостью, поэтому их учение является вполне обоснованным. Однако история науки доказывает, что критериум научности любой теории, это ее совпадение с действительностью. Отрицая первичность материи и атрибутивность ее движения, фатализм признает только косвенную связь между причиной и следствием, такую связь, которая осуществляется благодаря силе, внешней по отношению к событиям. Кроме того, он считает, что необходимость этой связи незакономерна, **независима от обстоятельств и необусловлена ничем, а имеет чисто случайный характер, совершается как рок.** А это противоречит фактам. С точки зрения современной науки, материя первична, а движение является атрибутом материи, поэтому изменение или взаимопереход ее форм происходит не в результате вмешательства посторонней силы, а необходимым образом, по законам, присущим ей и всегда в определенных конкретно-исторических условиях. Является фактом, что для появления и существования молекулы воды нет необходимости в какой-то сверхъестественной силе. Для этого достаточны один атом кислорода и два атома водорода, соединение которых происходит в силу их внутренних особенностей. Важно отметить еще и то, что отношение между этими атомами не косвенное,

а имеет характер непосредственного сцепления, что, кстати, и является отличительной чертой объективно существующей причинной связи.

9. ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИЧИННОСТИ

Причинность — это форма взаимосвязи и взаимодействия между различными как материальными, так и нематериальными — духовными явлениями или сторонами одного и того же явления, вызывающие определенные изменения. Полагать, что духовный мир находится вне причинности, ошибочно. Изменение, например, сознания человека является результатом не только материальных, но и духовных факторов. Следовательно, причинность универсальна, но в каждой области она действует своеобразно. В материальном мире она осуществляется не так, как в духовном мире, поскольку последний сложнее первого. Для познания явления материального мира обнаружение материальных причин вполне достаточно, а для познания духовных явлений требуется выявление как материальных, так и духовных причин. Не подлежит сомнению, что уровень развития искусства в какой-либо стране невозможно объяснить одними только материальными факторами. Как духовный, так и материальный мир по структуре сложны. Даже самые простые явления находятся в бесконечно многих отношениях с окружающей средой, поэтому каждое из них имеет не одну, а многие причины, которые в жизни явления играют неодинаковую роль.

Приступая к изучению любого явления мы сначала замечаем те внешние силы, которые оказывают влияние на него, вызывая то или иное изменение в нем. Так, например, наблюдая рост растения, мы сейчас же сталкиваемся с географической средой, ибо вне этой среды нет растения. Таким образом, внешняя та сила, которая во-первых, попадает в поле нашего зрения первой, и, во-вторых, находится в непосредственных отношениях с объектом нашего познания, поэтому легко считается нами основной причиной его изменений. Однако это заключение поспешно. Внешняя сила — это внешняя причина. Она оказывает влияние на явление извне, приводя

либо к ускорению, либо к замедлению темпа, иногда даже к изменению направления развития зависимости от конкретных обстоятельств, но не решает судьбу явления, ибо она внешня. Причина внешня, когда она является формой взаимодействия между различными, в известном смысле, самостоятельными материальными или духовными образованиями, когда она не вытекает из их внутренних противоречий. Понятно, что роль такой причины в процессе возникновения нового или вообще коренного изменения старого определяющей быть не может. Но это не значит, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не может превратиться в решающую силу. Внешняя причина начинает играть определяющую роль в процессе развития явления, когда в силу обстоятельств она приобретает значение внутренней силы или же внутренние силы слабеют настолько, что перестают вести процесс.

Внешняя причина вообще исторически конкретна. В определенных отношениях нечто может быть внешней причиной, а в других отношениях она превращается во внутреннюю причину. Если взять соотношение США и Доминиканской республики, роль первых в подавлении демократического движения доминиканцев будет внешней причиной, но если взять капиталистический мир в целом, тогда та же самая роль американского империализма приобретает значение внутренней причины.

В отличие от внешней, внутренняя причина — это взаимосвязь и взаимодействие между сторонами или элементами одного и того же явления. Взаимодействие между одним атомом кислорода и двумя атомами водорода, обуславливающее существование молекулы воды, является внутренней причиной, так как оно имеет место между элементами одного и того же материального образования—воды.

Коренные изменения являются результатом действия внутренних причин. Не внешние, а внутренние причины в конечном счете определяют ход и характер развития явления. Исторически доказано, например, что для совершения социалистической революции, необходимо иметь соответствующую степень зрелости внутренних сил, внутренних противоречий; импортировать ее извне нельзя, она потерпит поражение. Реальной силой коренного изменения сущности является

внутренняя причина. Но полагать, что внутренняя причина переходов даже отдельно взятого материального или духовного явления лишь одна, ошибочно. В действительности их много. Причинами победы, например, Октябрьской социалистической революции стали: противоречия между производительными силами и существующими тогда производственными отношениями, между пролетариатом и буржуазией, между трудовым крестьянством и землевладельцами и т. д. Все эти причины суть формы осуществления внутренних причин. То, что их так много объясняется, во-первых, сложностью самого явления и, во-вторых, бесконечностью форм отношений, существующих между явлением и внешним миром.

Но можно ли говорить, что все эти причины играют одинаковую роль в жизни явления? Нет, нельзя. Дело в том, что каждая из них связана с определенной формой противоречия. А противоречия многогранны и многообразны, в разных явлениях они развертываются по-разному, относятся к их разным сторонам и по-разному оказывают влияние на общий процесс развития. Естественно, что причины, вызванные к жизни этими противоречиями, разнородны первым долгом по своей роли в развитии. При качественных переходах одни из них играют вспомогательную роль, а другие решают судьбу процесса, одних могло и не быть, а другие абсолютно необходимы для упомянутого перехода. Например, для социалистической революции обострение противоречия между производительными силами и производственными отношениями абсолютно необходимо, а наличие войны между государствами — нет. Следовательно, существуют основные или главные и второстепенные причины, которые в разных формах, с разной глубиной и силой подготовляют и осуществляют скачки в природе и обществе.

10. ПЕРЕХОД И ЗАКОН ПЕРЕХОДА

Всякий скачок является переходом от одного качества к другому через накопление определенного количества. О переходе можно сказать, во-первых, что он является реальной формой движения. Утверждение, что переход есть чисто субъ-

ективное представление, исходит из ошибочного понимания как природы движения, так и богатства его форм. Если движение реально, а переход — одна из его бесчисленных форм, то он уже не может быть субъективным. Переход, например, кинетической энергии в потенциальную не результат фантазии людей, а реальный процесс природы. Летящая пуля имеет кинетическую форму движения. Но достигая определенного пункта, она окончательно исчерпывает эту форму движения и падает вниз, приобретая тем самым новую, потенциальную форму движения; первая переходит во вторую в результате завершения количественного процесса первой.

Метафизическое мышление искусственно отделяет моменты непрерывного процесса, в нашем примере — количество от качества, превращая их в абсолютно самостоятельные сущности; переход ему представляется нереальным. Конечно, моменты процесса и стороны единства нетождественны, они имеют некоторую самостоятельность. Обычно мышление схватывает прежде всего эту самостоятельность и, надо сказать, поступает правильно, но оно уже ошибается, абсолютизируя эту относительную самостоятельность и приходя к отрицанию существующей связи между отдельными моментами одного и того же единства, между качествами и количествами или же отдельными качествами.

Переход есть осуществление реальной связи между упомянутыми категориями и в то же время обнаружение и установление этой связи. В своем движении переходящее обнаруживает непрерывное колебание, разрушение своего первоначального положения путем количественного увеличения или же уменьшения. Достигая известной ступени, это колебание переходит в свою противоположность, переходящее появляется нам в совершенно новом виде, с новыми особенностями и законами существования. Пункт превращения качества данного объекта в свою противоположность есть узловой пункт, связывающий прошедшее с будущим, он является движением и в этом смысле его действительность. Поскольку движение есть цепь непрерывных переходов, связь прошедшего с будущим осуществляется через настоящее.

Однако, благодаря узловому пункту, переход является не только установлением, но и нарушением связи, ибо связь

предполагает реальное существование связывающихся моментов или сторон, т. е. не тождество, а реальное различие, не сплошное одно, а множество.

Переход есть переход одного в другое, качества в количество и обратно. В лице узлового пункта он является прекращением одного, начинанием другого, одним словом, он является нарушением границы, а следовательно, и ее допущением, так как нельзя нарушать того, чего нет.

Граница первым долгом есть ограничение предмета, установление для него известных рамок и его отделение от остального мира. В этой четкой разделенности мир есть не сплошное бесцветное **одно**, а многогранная индивидуальность. Через свою границу каждый индивид отделен от другого индивида и тем самым является качественной и количественной особой единицы. Поэтому границы имеют не только отрицательное, но и положительное значение, ибо через них мы достигаем истинного содержания каждой единицы и тем самым получаем возможность раскрытия имеющейся между ними связи. Таким образом, отделяющая граница есть в то же время связывающее звено.

Переход как нарушение границы тоже имеет двойственный характер; связывание двух разных ступеней или форм движения имеет положительное значение, а отделение их друг от друга или же выявление их разности является отрицательной формой связи. Однако поскольку эта разность не является абсолютной разностью, а лишь формой связи — неполным тождеством, постольку переход есть продолжение движения, но качественно в другом виде.

Главная особенность перехода как формы движения заключается в том, что он есть **скачок, прыжок** из одного состояния в другое, перерыв постепенности. Эта особенность является законом перехода.

Переход является необходимым условием всякого развития. Ошибочна точка зрения, согласно которой развитие не допускает перерыва постепенности, ибо в результате такого перерыва бесконечный процесс перешел бы, якобы, в конечный. Но конечность и бесконечность не исключают друг друга. Более того, сама бесконечность есть диалектическое единство бесконечно конечных единиц. Поэтому непрерывное развитие

осуществляется благодаря выходу развивающегося явления из своих прежних границ. Ведь развитие есть появление нового. А если цепь старого процесса не прерывалась бы вообще, не было бы возможности выхода из пределов старого явления, а движение превратилось в топтание на месте. Когда вульгарные эволюционисты под предлогом защиты бесконечности развития выступают против перерыва постепенности они по существу совершают подмену понятия бесконечного движения понятием конечного движения. В самом деле, если мы считаем, что развитие, например, органического мира сводится к постепенному воспроизведению уже существующих форм, то тем самым мы признаем, что бесконечного процесса вообще не бывает. Нельзя, таким образом, ограничивать многогранность природы известными нам формами, и в то же время говорить о бесконечности ее прогресса. Истинно бесконечным является только тот процесс, который прерывается появлением нового качества и который совершает переход от старого к новому.

Для перехода от одного качества к другому необходим период количественного роста имеющегося качества, период расцвета его и в известном смысле «исчерпывания» самого себя, а следовательно, период появления и оформления зачатков или же предварительных элементов нового качества в пределах старого. Но нельзя думать, что этот период является периодом одного только количественного изменения, ибо любое новое количество является количеством определенного качества и наоборот. При превращении, например, воды в пар первоначальные изменения имеют количественный характер, они выражаются в постепенном повышении температуры и ослаблении силы сцепления между молекулами жидкости. Но в результате этих количественных изменений в известном смысле меняется и качество, в данном случае меняется физическое свойство воды. Но это изменение не является заменой жидкости паром, коренным отрицанием старой сущности, а происходит в рамках старой сущности и поэтому имеет количественный характер. Коренное качественное превращение начинается тогда, когда в результате высокой температуры давление насыщенного пара в сосуде равняется давлению температуры, которое сдерживало раньше внезапный переход

воды в пар. Но этим внезапным переходом количественный процесс не прекращается, он только меняет свой характер, превращается в количественный процесс нового качества, а именно: увеличение количества выделяемого пара в результате повышения температуры. Таким образом, качественный и количественный процессы едины, но переход нарушает это единство, создавая новое единство.

Переход — это закономерное явление, случайных переходов или скачков не существует, все совершается по объективным законам природы. Основным условием качественного перехода является его количественная подготовка, которая имеет свой предел и обязательно прерывается превращением старого в новое. Переход как коренное изменение старого не является голым отрицанием старого, а его диалектическим преодолением, благодаря чему движение продолжается. Это значит, что в новом сохраняется и старое, но только в снятом виде. Первый решающий переход механического количественного движения в свою противоположность есть его превращение в движение физическое, переход механики в физику.

Б. ФИЗИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. ПОЗНАНИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Выявление и познание особенности механического движения показало, что любая его форма способна переходить в новое качество. Так, например, трение как форма механического движения порождает молекулярное движение, что является формой физического движения. Поэтому, изучая процесс трения в механическом движении, познание открывает физическое движение.

Физика — это наука об общих свойствах и законах движения вещества и поля. Физическое движение отличается от механического тем, что оно есть качественное соотношение различных количеств.

Механическое движение было количественным соотношением качеств, а физическое есть его прямое отрицание. Кинетическая теория материи доказала, что качественные разли-

ния жидких, газообразных и твёрдых тел являются следствием количественных различий, следствием различных группировок молекул и их скоростей. «Агрегатные состояния тел, зависящие от различной группировки молекул, основываются на большем или меньшем количестве движения, сообщенного телу»[1]. Физическое движение есть качественный процесс этих разнородных количеств, оно есть обнаружение качественной особенности тех количественных изменений, которые как таковые суть механические. Поэтому физическое движение не является голым отбрасыванием механического движения, а его снятием и тем самым его сохранением в другой форме. Так, например, тепловое движение является не простым перемещением молекул в пространстве, а их хаотическим, беспорядочным перемещением. Физическое движение есть движение электронов, но не как простое перемещение частиц, а как движение качественно новых единиц материи; как явление магнетизма, света и т. д.

Перемещение вообще присутствует во всякой форме движения, но не все формы движения сводятся к перемещению. На определенной ступени своего количественного развития простые перемещения молекул приобретают новое качество. Например, нагретый газ — это вещество, обладающее температурой, упругостью, давлением и т. д., которые не свойственны веществу, являющемуся носителем простого механического перемещения.

Новое качество материи, явившееся результатом ее движения, становится основой качественно новой формы движения. Объект физического движения качественно отличен от объекта механического движения. Если механический объект был ставшей качественно безразличной единицей материи и отношение отдельных единиц имело чисто количественный характер, то физический объект, наоборот, есть такой качественно определенный объект процесса, отношение которого с другими объектами снимает безразличие механических объектов. Молекулы, например, суть качественные единицы определенных атомов. Для физики это качество не безразлично, ибо с ним связана та форма движения, которая является соб-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 385.

ственным предметом физики. В механическом движении качество определяющей роли не играет, ибо здесь важно перемещение.

Основной вопрос для физики — это изменение форм движения, взаимосвязь и взаимопереход, что в конечном счете определяется качеством материи. Движение молекул или атомов, электронов или протонов не одно и то же. Качественно различные единицы материи являются основанием разных форм движения и подчиняются разным закономерностям. Молекула или атом не могут быть основанием, например, световых колебаний хотя бы потому, что для таких колебаний требуется определенный размер величины материальных единиц. Протоны по размеру таковы, что в отличие от молекул легко могут колебаться так быстро, как это необходимо для света.

Протон и молекула—качественно разные единицы материи, являющиеся объектами физики и носителями физического движения. Особенность этого качества состоит в том, что оно является не индивидуальным свойством тела, а более общим качеством, не зависящим от химической природы вещества. Упругость, например, как качество проявляется во многих веществах независимо от их химической природы. Если химические свойства обособляют предметы внешнего мира, физические свойства, наоборот, объединяют, связывают их друг с другом. Через свойство упругости устанавливается связь между рядами тел, которые обыкновенно даже резко отличаются друг от друга. Резина и сталь сильно отличны, по химическому строению даже противоположны, а между тем оба они упруги, ибо обладают способностью возвращаться к первоначальной форме после удаления внешних сил, вызывающих деформацию. Упругость, конечно, тоже индивидуальность предмета, но уже другого порядка, физического, в основе которого лежит стремление объединения и образования индивидуальностей нового типа — всеобщих индивидуальностей.

Физическое движение как форма бытия этих индивидуальностей имеет свои особенности. Разнообразность механического движения была основана на количестве. Индивидуальность физических форм движения имеет уже своеобразную качественную природу. Движение, например, внутри атома как форма проявления внутренних противоречий электронов

является качественно особым движением. Если движение, скажем, Земли вокруг Солнца совершается по закону механики Ньютона, то движение электронов вокруг ядра, которое тоже есть вращательное движение, основано уже на другом законе. Хотя бы вследствие своего ничтожного размера по сравнению с Землею или Солнцем, атом не может подчиняться тем же законам или правилам, которые определяют движение планет солнечной системы. А это значит, что многогранность, качественная разновидность является особенностью физического движения.

2. КАЧЕСТВЕННАЯ МНОГООБРАЗНОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ФОРМ ДВИЖЕНИЯ И ИХ СВЯЗЬ

Качественно различные формы движения связаны с качественно различными видами материи. На данном этапе развития физики различают следующие формы материи: звезды и их совокупнось, или звездные системы, Солнце и солнечные системы, планеты, молекулы, атомы, макроскопические тела вообще; ядра атомов, нейтроны, мизотроны, электроны, позитроны, фотоны, одним словом, микроскопические тела. Природу качественно разнообразных форм движения можно познать, исходя из природы этих многогранных форм существования материи.

Поэтому физику делят на молекулярную, атомную, электронную, ядерную, а также на физику элементарных частиц и на учение о гравитационном поле. Закономерности, устанавливаемые каждой из перечисленных физических наук, качественно разные. Если молекулярная физика раскрывает физические свойства и агрегатные соотношения тел в зависимости от молекулярного строения, сил взаимодействия между молекулами и характера их теплового движения, то ядерная физика является обнаружением ядерных реакций и ядерных превращений. Но выходят ли эти качественные отличия за пределы физических свойств и законов движения тел, составляя совершенно новую область для других, нефизических наук? Нет, конечно. Разумеется, атомные и электронные формы движения, например, качественно разные, но они остаются в пре-

делах физических процессов, ибо все физические формы материи едины, поскольку каждая из них способна переходить в другое. Это относится и к физическим формам движения. Например, превращение электрической энергии в механическую, механической—в тепловую и т. д. есть явление, не нуждающееся в доказательстве. Способность превращения форм движения—есть энергия.

Иначе говоря, движение — это не одна лишь динамичность, оно есть также способность к изменению своих форм, способность из одной формы переходить в другую и тем самым сохранять свою многогранность. И эта способность есть энергия. Она есть выражение изменения качества движения. Благодаря динамизму, движение в лучшем случае может быть ускоренным или замедленным, оно может потерять или приобрести то или иное количество, а для того, чтобы быть способным к изменению формы, оно должно обладать энергией.

Энергия может появляться лишь там, где есть связь, а следовательно, взаимодействие тел. Только в процессе взаимодействия возможны передача и получение, а тем самым превращение движения.

Там, где есть движение, есть и взаимодействие тел, а поэтому есть и взаимопереход форм движения. Таким образом, существование движения есть в тоже время существование способности сохранения своей многообразности.

Качественная многообразность движения не является результатом действия какой-то сверхъестественной силы. Неуничтожаемость движения есть в то же время неуничтожимость способности качественных изменений, неуничтожимость бесконечных переходов и превращений форм. Вообще «неуничтожимость движения надо понимать не только в количественном, но и в качественном смысле»[1].

Раньше полагали, что формы движения не связаны между собой. Однако, благодаря закону сохранения и превращения материи и движения, выяснилась существующая связь между такими формами движения, как биологические, химические, общественные и т. д. Например, механическое движение текущей воды на гидростанциях переходит при помощи

---

1 *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 360.

турбин и динамомашин в энергию электромагнитного движения эфира. Используя эту энергию, мы производим продукты потребления, а последние, благодаря нам—людям, косвенным путем переходят в биологическое движение и т. д., и т. п. Основные теоретические выводы из этих превращений форм движения таковы:

1. Нет абсолютно изолированных форм движения, все они связаны между собой; механическая форма связана с теплотой, электрическая с магнитной и т. д. Абсолютным является их связь и взаимопереход.

2. Связанные между собой формы движения исторически конкретны, они изменяются с изменением соответствующих условий их возникновения и с изменением качества материи.

3. Взаимосвязь и взаимопереход форм движения есть бесконечный скачкообразный процесс, процесс перерыва непрерывности и непрерывности прерывностью.

4. Скачкообразный процесс есть процесс истинного развития: от простого перемещения или количественного движения к качественным изменениям—к тепловым и электромагнитным колебаниям, от обыкновенных физико-химических изменений — до мыслительных процессов.

5. Поскольку все физические объекты, носители физического движения, принадлежат либо к макромиру, либо к микромиру, постольку бесконечные формы физического движения являются формами изменения либо макромира, либо микромира, т. е. делятся на движение макромира и микромира.

А как же относится движение к покою?

Покой — это частный случай движения. Так писал еще Кирхгоф. Со времени же Кирхгофа наука достигла громадных успехов, она родила теорию относительности Эйнштейна, являющуюся научным опровержением всякого абсолюта. С точки зрения современной науки мы можем сказать, что чернильница, например, находится в покое лишь по отношению к столу и в данный момент, так как она вообще движется совместно с землей вокруг солнца и т. д. Однажды, наблюдая за звездой, Брадле заметил, что ее изображение в направлении линии зрения отклоняется; это объяснялось тем, что в то время, когда световые лучи проникли в зрительную трубу и пробежали по ее длине, труба переместилась вместе с землей. То

же самое происходит и с чернильницей, хотя заметить это невозможно, так как у нее нет характерных приспособлений—зрительной трубы.

По закону Фиджеральда и Коренца, движущийся предмет подвергается деформации, т. е. он и внутри себя не остается неподвижным. Молекула есть единство атомов, внутри каждого из которых происходит непрерывное движение электронов. Абсолютное прекращение этого движения означало бы разрушение атомов, а тем самым и молекул, их совокупности—чернильницы и т. д. Конечно, в природе имеет место и процесс разложения веществ и атомов, как например, разрушение урана. Но этот процесс является не односторонним актом уничтожения, в нем также имеет место и акт возникновения, переход в другое новое вещество с новыми системами движения, переход, например, урана I в уран II, в радий и т. д. Таким образом, природа и ее история не дают примеров абсолютного покоя или хотя бы тенденции к нему. Наоборот, они доказывают неразрушимость движения, которое невозможно без покоя и непрерывного нарушения этого покоя. Движение, например, небесных тел невозможно без известного равновесия между ними, иначе они упали бы друг на друга. Таким образом, равновесие или покой есть необходимый момент движения.

«В движении небесных тел **движение находится в равновесии и равновесие в движении...** Без относительного покоя нет развития. Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесий является существенным условием дифференцирования материи, а значит, и жизни... На Земле движение дифференцировалось в смене движения и равновесия: отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие. Скала пришла в покой, но процесс выветривания, работа морского прибоя, действие рек, глетчеров непрерывно уничтожают равновесие. Испарения и дождь, ветер, теплота, электрические и магнитные явления представляют ту же самую картину». Поэтому можно сказать, что «всякое равновесие лишь **относительно и временно**»[1].

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 562.

Равновесие, которое устанавливается в результате распространения тепловой энергии между частицами материи, может быть только относительным и временным, ибо движение является атрибутом материи и никогда не уничтожается.

3. ОБРАТИМОСТЬ И НЕОБРАТИМОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИХ ЕДИНСТВО

Некоторые физики полагают, что взаимопереходы форм движения, или, говоря языком физики, обратимость физических процессов есть лишь круговорот, вечное вращение вокруг собственной оси, а не одновременное движение вперед. Другое дело—необратимые процессы, говорят они, здесь нет возврата к исходному пункту, поэтому начинающееся движение есть движение вперед, есть непрерывное развитие. Но существуют ли в природе абсолютно необратимые процессы?

В свое время французский ученый Карно заметил, что для получения движения при помощи тепла следует иметь разность температур. Развивая этот тезис, Клаузис заключил, что теплота сама по себе не может перейти от более холодного к более теплому телу; наконец, Томсон указал, что невозможно получить работу от какой-либо части материи, охлажденной ниже температуры наиболее холодного из окружающих тел. Иначе говоря, они указывали на естественный путь перехода тепла, а именно: на его переход от более нагретых тел к менее нагретым, а не наоборот. Ученые нашего века в лице Толмана и других пошли дальше: с их точки зрения, эволюция мира—это необратимый и бесконечный процесс, и сам принцип необратимости вообще не ограничен. Более того, М. Планк уверяет, что только «при необратимом процессе мир делает шаг вперед». Конечно поступательное движение, строго говоря, необратимо. История как нашей планеты, так и всех небесных тел наглядное тому доказательство. Однако из этого не следует, что развитие, как появление нового, сводится только к поступательному движению, ибо, распад тяжелых элементов, например, и образование из них легких и наоборот является возникновением нового, но не

путем перехода низшего к высшему, а в порядке своеобразного круговорота. Когда речь идет о Вселенной в целом, ее развитие представляется нам в виде определенного круговорота; такие ее процессы, как превращение поля в вещество и вещества в поле в микромире, гибель одной звездной системы и возникновение другой в макромире, являются как раз формами круговорота. Энгельс говорит, что материя движется в вечном круговороте[1]. Поэтому ошибочно противопоставлять круговорот поступательному движению.

Для механиста нечто обратимо в смысле полного возврата к исходному пункту. В действительности этого не бывает. Теория относительности доказала это более чем убедительно. Однако ни эта и ни какая-либо другая теория отнюдь не отрицала и не может отрицать того факта, что поступательное движение в целом совершается в форме бесконечных малых и больших спиралей, являющихся формами возврата к исходному пункту, формами восстановления старого, но с новым содержанием. Еще Л. Больцман говорил о гигантских флуктуациях, нарушающих равновесие в сверхгалактических масштабах, т. е. о явлениях, которые нарушают монотонную односторонюю эволюцию мира, делая ее многогранной и многообразной. Если учесть и то обстоятельство, что ядерные, электромагнитные и гравитационные взаимодействия, лежащие в основе вечного изменения материи в космосе, представляют собой обратимые процессы, то можно сказать, что необратимость как поступательное движение, осуществляется через бесконечные обратимые процессы (а эти последние принципиально не отрицают необратимость, поскольку сами составляют звенья общего поступательного движения). Следовательно, обратимые и необратимые движения составляют диалектическое единство, и отрицательное отношение к обратимой форме движения является результатом неправильного понимания ее сущности. А между тем ее характерными особенностями являются:

1. Обнаружение связи всего со всем. Метафизическое мышление знало только обособление и абсолютизирование форм. Для него была непонятной связь разнородных явлений

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 362.

природы; отсюда вполне ясно, почему оно не сумело решить вопрос о развитии.

Развитие предполагает появление нового в результате изменения старого, оно является обнаружением и подтверждением связи между формами. Закон обратимости физических процессов раскрывает внутреннюю бедность метафизики, он доказывает наличие неразрывной связи между кажущимися противоположными формами. Он показывает путь истинного развития.

2. Установление качественной индивидуальности форм, появление нового качества. Не механическое повторение старого, а появление новой формы с новыми закономерностями—вот характерная черта закона обратимости. На первый взгляд это противоестественно. В действительности истинная связь показывает точные границы обособляющихся, а истинно научное обособление раскрывает настоящую связь вещей и форм в их движении.

3. Доказательство бесконечности диалектического процесса перерыва непрерывности и наоборот есть доказательство того, что развитие—это не вечное топтание на месте, а спиралевидное движение вперед. Так, например, согласно биогенетическому закону Мюллера-Геккеля, стадии форм, через которые проходит организм в течение всего времени своего развития от яйцевой клетки до завершения процесса, есть краткое повторение длинного ряда форм, через которые прошли все его предки до него. Таким образом, повторение или обратимость в природе не только не задерживает развитие, а является одной из важнейших форм его осуществления. Но в микромире не только она, но и движение вообще имеет свои особенности.

4. МИКРОМИР И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ДВИЖЕНИЯ

В отличие от макромира индивидуальность микрообъектов принимает новый характер и проявляется каждый раз в любой форме движения. При изучении макромира мы можем создать и создаем универсальные уравнения, пользуясь тем, что, отвлекаясь от структуры и внутренних связей объектов,

вполне возможно рассматривать их как материальные точки, имеющие ту или иную общую особенность. Но нельзя поступать также с элементарными частицами микромира, так как индивидуальность их структуры и внутренней изменчивости имеет решающее значение для правильного определения закономерностей их процессов.

Единицы или частицы микромира имеют сложную структуру. Нет абсолютно элементарных частиц. Каждая частица элементарна только для определенной формы материи. Так, например, атом—элементарная частица по отношению к молекулам, а протон—по отношению к атомам. В этих отношениях они—качественно неделимые единицы, их взаимодействие совершается как взаимодействие единых цельных объектов.

Элементарная частица связана с полем, она является квантом данного поля. Состояние поля меняется в зависимости от взаимодействия его квантов. Квант поля—это определенная единица, способная сохранять основную особенность данного поля. Поля неодинаковы; они различаются своими физическими свойствами, которые определяют физические различия квантов и доказывают, что нельзя сводить их к одному. Кроме того, сами кванты тоже не простые частицы. Они просты только по отношению к своему полю, но по структуре своей сложны, обладают многообразными свойствами и, будучи потенциально бесконечными, способны к бесконечным превращениям. Эта возможность доказывает, что бесконечность деления есть бесконечность форм взаимопереходов, бесконечность качественных превращений, а не механического дробления материи.

Взаимопревращаемость, как всеобщий закон, не отрицает, а необходимым образом предполагает определенную активность сторон, относительную самостоятельность их действий в общем процессе изменения. Д. Бом считает, что «существование взаимоотношений означает, что каждая «вещь», существующая в природе, вносит свой вклад во вселенную как целое, вклад, который не может быть сведен полностью, абсолютно и идеально, к действиям какой-либо совокупности или совокупностям других взаимосвязанных вещей. И, наоборот, это означает также, очевидно, что никакая данная вещь

не может иметь полной самостоятельности своего способа бытия, поскольку ее основные характеристики должны зависеть от ее взаимоотношений с другими вещами»[1]. Таким образом, микрообъект, с одной стороны, является самостоятельным, причем настолько, что оказывает свое индивидуальное влияние на общий процесс, но с другой—он сильно зависит от взаимоотношений с другими объектами, и его характер оформляется как раз в этих отношениях.

Самостоятельность объекта устанавливается в результате равновесия противоположно действующих сил. Но поскольку эти силы не удерживаются в определенных рамках, равновесие оказывается относительным, и самостоятельность объекта нарушается. Если, например, межмолекулярные силы жидкости стремятся сблизить молекулы, образуя определенную систему, то неупорядоченные тепловые движения, наоборот, ведут к разрушению всей системы. Из этого идеалисты делают вывод о нереальности микрообъектов. «Если мы скажем, что частицы реальны, то какой будет смысл говорить, что реальная частица в определенный момент времени имеет неопределенное положение?»[2],—спрашивает Ф. Франк. Факт непрерывной изменчивости микрочастицы он рассматривает как основание отрицания ее объективной реальности. Но это неверно, потому что изменчивость предмета—не абсолютная неопределенность. Наоборот, конкретное содержание предмета раскрывается в процессе его изменения. Это и понятно, поскольку любая вещь внутри себя противоречива и только в противоречиях обнаруживает свои свойства.

Движение микрообъектов качественно отличается от движения макрообъектов. По мнению Н. Бора, электроны внутри атома не обладают характерным для электромагнитного движения свойством непрерывного излучения энергии. Это излучение имеет дискретный характер. Дискретные микрочастицы одновременно обладают волновым свойством, их движение имеет и волновой характер, поэтому законы классической физики к ним неприменимы и относительно нахождения их в той

---

[1] *Д. Бом,* Причинность и случайность в современной физике, стр. 211.

[2] *Ф. Франк,* Философия науки, стр. 372.

или иной точке пространства позволительно иметь лишь вероятные суждения.

Источником движения микрообъекта, как и любого другого вещества, является внутреннее противоречие, т. е. связь взаимодействия структурных элементов. Однако из этого не следует, что внешняя связь или противоречие играют маловажную роль в жизни объекта. Во-первых, внешние связи представляют собой те условия, в которых существует данный объект со своей структурой. Во-вторых, своими особенностями и формами изменения внутренние связи во многом зависят от внешних, испытывая на каждом шагу их влияние. В-третьих, внутренние и внешние связи так тесно переплетаются между собой, что нельзя отрывать их друг от друга, а тем более устанавливать между ними какие-то непроходимые границы. Это относится особенно к микрочастицам, ибо если установление пространственной границы для упомянутых двух форм связей в макромире не сложно, то в микромире оно уже связано с большими трудностями, поскольку микрочастицы одновременно проявляются в виде корпускулов и волн. Корпускулярная особенность микроэлемента дает нам возможность говорить о его известных границах, а его волновая особенность непрерывно стирает границы отдельных частиц, превращая их в относительные границы микрообъектов.

Относительность чего-нибудь указывает на его изменчивость. Микрочастицы находятся в процессе непрерывного изменения хотя бы потому, что, как было указано, превращаемость является их характерной чертой. Находясь во взаимоотношениях с полем, они постепенно поглощают его соответствующие кванты, тем самым изменяясь как по структуре, так и по свойствам. А поскольку вне поля нет микрочастицы, то, следовательно, изменение является постоянным процессом, и любая микрочастица одновременно равна и не равна себе самой.

В классической физике соотношение частиц осуществлялось в форме объединения или же разъединения элементов с готовой структурой, а в ядерной физике этот процесс является также процессом возникновения качественно совершенно новых частиц, тем самым качественно новой формы движения (но в пределах действия закона сохранения и превраще-

ния материи и ее движения). Мнение идеалистов, что новая физика якобы отрицает вечность материи, неправильно, поскольку она, новая физика, доказывает, во-первых, что процесс превращения является не исчезновением материи, а лишь изменением ее формы существования и, во-вторых, что появление нового является не актом возникновения нечто из абсолютного ничто, а переходом старого в новое. Так, например, возникновение нейтрона в ядрах атома связано с постоянным превращением протонов в нейтроны и наоборот.

Всякий переход связан с взаимодействием. В микромире оно осуществляется как путем непосредственных столкновений микрочастиц, так и путем испускания и поглощения квантов разных полей. Это говорит о многообразности взаимодействий микрочастиц, приводящих к изменению их свойств. Но упомянутая разновидность связана также с тем, что одна и та же частица одновременно обладает и корпускулярными и волновыми особенностями, поскольку нельзя представить частицу вне движения. Движение микромира не подчиняется законам классической механики. Оно имеет сложный волновой характер и описывается квантовой механикой и электродинамикой.

В микромире соотношение движения и покоя выражается иначе, чем в макромире. В то время как локализация тела микромира в пространстве и времени дается нам сравнительно с большей точностью и мы имеем возможность говорить о его относительной устойчивости более определенно, волновой характер микрочастицы делает ее локализацию очень относительной, вследствие чего относительные границы покоя и движения сокращаются в этом мире до их незначительности.

Упомянутая локализация в макромире дала возможность объяснить состояние системы, исходя из действий внутренних сил и отвлекаясь от внешних причин. Она же способствовала тому, чтобы сравнительно точнее определить взаимодействие составных элементов системы и показать их причинную связь. В силу указанных особенностей нет возможности для точного определения координата и импульса микрообъекта, и мы не можем предсказать поведение частицы на будущее с такой же точностью, как это мы делаем в макромире. В мик-

ромире действует закон вероятности, ибо в силу двойной природы микрочастиц их движение не происходит по вполне определенным орбитам; во всяком случае достоверное установление этого исключено, поскольку мы можем наблюдать только их расплывающиеся следы. Некоторые физики-идеалисты из этого выводили, что изменения в микромире якобы не подчиняются закону причинности. Конечно, если считать вероятность голым субъективным предположением, тогда в микромире, действительно, господствует чистая случайность. Но так поступать нельзя, ибо вероятность является формой установления объективных отношений вещей, определенной мерой превращения возможности в действительность и даст нам полное основание утверждать, что в микромире так же, как в макромире, ничего не происходит без причин, основы которых следует искать во внутренних связях, в неисчерпаемой структуре микрочастиц. Подтверждением этого факта является раскрытие внутриядерных закономерностей микрочастиц и овладение ими для практического использования ядерной энергии в промышленности и других областях нашей жизни. Совершенно ясно, что при отсутствии объективной причинной связи в микромире и невозможности ее познания нельзя было бы создать ни атомной бомбы, ни ледокола, работающего на атомной энергии.

Таким образом, специфичность микромира в закономерности его движения является новым подтверждением истинности основных принципов диалектического материализма. Нельзя сказать, что особенности этого мира состоят в том, что он совершенно отличается от физического, как отличается, например, органический мир от неорганического. И макромир, и микромир принадлежат физическому миру, являясь лишь разными формами его существования. Основа их различия—это величина и множество материальных процессов, поэтому упомянутые миры едины. Оба они подчиняются законам физики, их движение является движением физического мира. А физическое движение в потенции содержит в себе основы своего отрицания, своего перехода в другое—химическое движение.

В. ХИМИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. ПОЗНАНИЕ СУТИ ХИМИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Совершая переход от механического к физическому движению, познание обнаружило, что в физическом движении отношения качеств в форме всеобщих индивидуальностей играют определяющую роль. А качественный процесс—это внутреннее противоречивое движение, в котором стороны переходят друг в друга через самообособление и преодоление этого самообособления. Так, например, доходя до определения электрического тока в качестве формы физического движения, мы устанавливаем, что нельзя мыслить его вне связи и соотношения с другими формами движения или материи. Но познавая этот факт, мы уже определяем электричество как обособленную и особую индивидуальность (в сопоставлении и сравнении с другими объектами познания).

Сравнение—это выделение особенностей, их подчеркивание и благодаря этому—отрицание прежней всеобщности и индифферентности соотносящихся объектов. Показывая это, познание раскрывает более резкое проявление внутренних противоречий, в результате чего совершается переход одного индивидуализированного объекта в другой и появляется новая форма движения. Так, например, соотношение электрического тока с его непрерывным течением в сосуде с поваренной солью есть уже химический процесс, разложение NaCl на Na и Cl.

Химическое движение—это такое взаимодействие между атомами и молекулами, которое приводит к возникновению новых молекул и к распаду старых; это—соотношение резко индивидуализированных качеств, взаимодействие атомов в их относительной целостности. Движущийся химический объект есть определенное **это,** но не простое различие. Обыкновенное различие проявляется еще в тождестве. Две вещи могут быть различными, поскольку они имеют некоторое самостоятельное бытие и отличаются от других. Например, кислород и водород вначале познаются нами как различные элементы. Однако ближайшее рассмотрение показывает, что они как самостоятельные химические вещества противоположны друг дру-

гу, одно вещество противостоит другому как его другое. Но это другое не является отсутствием вещества, а лишь его другой формой, поэтому они как вещества тождественны, и их различие есть различие форм.

Таким образом, оказывается, что противоположность есть единство тождества и различия. В процессе движения единая материя раздваивается на противоположные формы, каждая из которых противостоит первой как самостоятельная вещь с особыми внутренними закономерностями. Водород со своим количеством электронов и протонов и тем самым со своей структурой и внутренней связью не то, что кислород; он противостоит ему как его отрицание. Но это отрицание есть также утверждение собственного бытия. Нечто, отрицая свое тождество с другим, этим самым утверждает и свое равенство с самим собой. Вне этих отношений оно, как таковое, существовать не может, ибо если оно одновременно было бытием и другим, то оно не было бы **это.** Если, например, водород был бы одновременно и кислородом и азотом и т. д., то он не мог быть водородом. Поэтому эти противоположные отношения водорода к себе и к другим—есть лишь проявление его внутренней противоречивости. Это значит, что все вещи и явления природы имманентно противоречивы, содержат в себе свои противоречия, основания дальнейшего изменения и собственного отрицания.

В химическом движении, как в соотношении резко индивидуализированных качеств и их взаимопереходов, эти противоречия выступают более наглядно, принимают более резкую форму и, можно сказать, составляют его особенность. Из этого уже вытекает, что под химическим движением мы не подразумеваем процессов, составляющих предмет химии в обычном смысле этого слова. То же самое следует сказать о предыдущих: механических, физических, и последующих: биологических и общественных формах движения. Под химическими, как и под остальными формами движения, следует подразумевать известную ступень развития. Гегель был прав, говоря, что «под схему химизма попадают» еще многие другие отношения, как, например, отношение полов. Следовательно, химическое движение это качественно новый этап развития форм движения.

I. Химическое движение тоже является движением как молекул, так и атомов, но в отличие от физического «химическая форма движения материи есть та форма движения, при которой происходит изменение внутренней структуры молекулы в результате движения составляющих ее атомов, но при которой не происходит коренного изменения (разрешения или взаимопревращения) самих атомов»[1].

2. «В физике тела рассматриваются как химически неизменные или безразличные»,—говорит Энгельс. Не так обстоит дело с телом химического движения. Сущность этого движения заключается как раз в том, что тела здесь подвергаются химическому изменению, они переходят друг в друга и образуют качественно новые тела. Суть соединения водорода и кислорода состоит в том, что они в процессе этого соединения уже перестают быть тем, чем были раньше. В результате этого соединения возникает новое вещество,—не водород и не кислород, а их синтез.

3. В силу того, что химическое движение есть непрерывное превращение качеств, **время для него имеет особое значение.** В механическом движении, где мы имеем дело с изменением количества, время как-то безразлично для процессов, его темпов и характера. В физическом движении изменение качества является завершением процесса, поэтому здесь предыдущая история не оказывает решающего влияния на последующую. Следовательно, мера действия времени зависит от качественного характера движения. Академик Н. Семенов эту качественную особенность химического движения видит в том, что химическая реакция вызывает изменения в числе активных молекул: если в начале реакции число их увеличивается, вследствие чего «качество вещества, в смысле его реактивной скорости, меняется во времени», ибо, согласно теории Аррениуса, в реакции принимают участие лишь те молекулы, энергия которых превышает другие на некоторую величину; в химическом движении такие молекулы имеют тенденцию к увеличению, которое для движения бесследным остаться не может[2].

---

[1] *Б. М. Кедров,* Предметы и взаимосвязь естественных наук, стр. 346.

[2] Памяти К. Маркса. Сборник, 1933, стр. 266.

4. Химическое вещество, будучи некоторой целостностью, может обнаружить свою сущность лишь в процессе отрицания себя другим. Следовательно, химическое движение есть процесс непрерывного отрицания. Нельзя познать особенности кислорода вне химической реакции, ибо эти особенности кислорода таковы, что не появляются вне реализации. А реализация свойств химических элементов есть химический процесс.

5. В отличие от механической и физической химическая форма движения не универсальна, а появляется лишь на определенном уровне развития материи, на уровне образования молекул, ионов и вообще индивидуализирующей структуры. А это возможно только при наличии температуры не выше 10—12 тысяч градусов Цельсия, когда вещество выходит из состояния плазмы и возникает химическое взаимодействие.

2. ОСОБЕННОСТИ ХИМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ

Химический процесс вообще есть процесс непрерывного созревания и разрешения противоречий. Противоречие вообще свойственно вещам. Однако в химическом движении, в силу особенности химического объекта, эти противоречия обнаруживаются с особой силой и в особой форме.

Предмет, прежде чем стать химическим объектом, проходя длинный путь развития и разлагаясь на свои составные части, освобождается от всего того, что мешало ему быть однородным элементом. Раньше полагали, что однородные элементы качественно абсолютно тождественны, и существующие все различия сводили лишь к голым количествам. В начале прошлого века Дальтон доказал, что все химические элементы, в смысле их внутреннего содержания, не одинаковы и по отношению друг к другу каждый из них есть качественно своеобразный элемент, иначе говоря, полная индивидуальность. Но эта полнота особого характера: не нейтрализующая, а связывающая полнота. Водород, являясь целостным однородным элементом, не безразличен к кислороду или к другим

элементам, их отношение не является отношением безразличия, ибо обнаружение сущности химических элементов возможно лишь в процессе взаимоотрицания и взаимоперехода.

В силу того, что связь между химическими элементами возникает именно на базе их полной своеобразной индивидуализации, отношение их друг к другу в силу этого есть отношение крайнего напряжения, отношение двухстороннего отрицания. Каждая сторона в отдельности, заканчивая свой индивидуальный путь развития в химическом движении, находит новый простор для своего развития путем снятия себя в другом и наоборот. Например, кислород или водород как химические элементы больше индивидуализироваться не могут, путь их дальнейшего развития—это взаимосоединение, их переход в новое качество. Основанием перехода является полное развитие противоречий, развертывание борьбы непосредственно между сторонами, отпадение всякой возможности опосредования или сглаживания противоречий и появление необходимости их снятия. Если бы, например, водород был лишен свойства отдавать свой единственный электрон другим элементам и приобретать положительный заряд, он оставался бы нейтральным, обособленным и лишенным «химической жизни». Следовательно, индивидуализация не только нейтрализует, но одновременно связывает нейтрализующиеся стороны. Обособление порождает новые явления, новые моменты обособляющихся сторон, в силу чего процесс нейтрализации переходит в свою противоположность, стороны соединяются и превращаются в новое качество.

Превращение—это скачкообразное отрицание первоначального качества. Других способов разрешения противоречий природа не знает.

Количественное изменение и, следовательно, процесс постепенности были особенностью механического движения. Химизм представляет собой качественный процесс, непрерывное изменение качества. Это не значит, что при количественном изменении нет качественных переходов, или же при качественных скачках не происходит никакого количественного скопления или перемещения вообще. Количество и качество суть две стороны материи, проявление которых зависит от

ступени развития материи и ее форм движения, от цели и характера движения.

Механическая форма движения, как наипростейшая, выдвигает на первый план количественную сторону, а в химизме выдвигается качественная; процесс постепенности здесь прерывается скачкообразными переходами. Скачок или изменение качества требует известного развития. А количество— это начало развития. В химизме это начало уже пройденный этап, во всяком случае в своей определяющей форме. Несомненно CH_2O_2 и $C_2H_4O_2$ противостоят друг другу как разные количества, но определяющее в этом отношении—это качество, это то, что первое есть муравьиная, а второе — уксусная кислота.

Раньше полагали, что переход в новое качество не скачок, а непрерывный процесс, рассматривая скачок как перерыв процесса. Однако скачок не является прекращением процесса, а его продолжением на новой основе. Скачок—это перерыв старого процесса, прекращение существования имеющегося качества. Но он в то же время есть продолжение процесса, **во-первых,** тем, что сам скачок является своеобразным процессом, формой движения, а не его прекращением. **Во-вторых,** в результате скачка начинается новый процесс, вернее процесс развития продолжается уже в новой форме.

Изменение количества вещества дало нам химический объект, обособленный химический элемент. В химическом движении происходит изменение этого элемента, иначе говоря, имеет место процесс отрицания отрицания. Вообще отрицание отрицания есть «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления»[1], оно является нечистым негативным законом, а отрицанием старого новым, не прекращением процесса, а его переходом на новой, более широкой основе. В химии этот факт выступает в более наглядном образе. Все химические процессы суть процессы отрицания, снятия качества. Формы и их способы отрицания определяются природой самого процесса. В химическом движении есть две основные формы отрицания: 1) отрицание как разложение и 2) отрицание как соединение.

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 145.

а) Разложение

Химические объекты таковы, что, вступая в соотношение друг с другом, они либо разлагаются, либо соединяются, образуя новые синтезы. Когда объекты химического движения сложны, они могут быть предметами разложения.

В разложении обнаруживаются составные части данного единства. Разложение, например, углемедной соли есть выявление в ней окиси меди и воды. В начале процесса нам дано качественно одно вещество, а в конце мы получаем два или более двух веществ, каждое из которых является новой самостоятельной единицей, со своими характерными особенностями, т. е. новым качеством. Окись меди и вода суть качественно новые вещи. Следовательно, процесс разложения есть переход от одного качества ко многим другим качествам, есть скачкообразное отрицание имеющегося качества теми качествами, из единства которых оно состоит.

Химическое расщепление не является простым разъединением частей единства. Химическое или всякое другое вещество, как определенное единство с определенными особенностями, не может быть простым агрегатом своих частей. В единстве части перестают быть частями в смысле самостоятельных единиц. Объединяясь, они переходят друг в друга, образуют новые качества, теряя свои индивидуальные особенности. То же самое относится к понятиям, поскольку они отражения вещей или действительности вообще. Поэтому не только в материальных явлениях, но и в понятиях нельзя мыслить их составные элементы в кристаллизованном и чистом виде. В углемедной соли в готовом виде нет ни окиси меди и ни воды, в противном случае мы имели бы не углемедную соль со всеми своими свойствами, а механическую смесь воды с окисью меди. В углемедной соли есть лишь основание, потенциальные возможности получения окиси меди и воды. Суть процесса разложения заключается в том, что эту возможность он превращает в действительность.

Химический элемент — это такое вещество, которое химически не разлагается, хотя оно вовсе не является абсолют-

но простым веществом. Оно простое как химический элемент.

Древние атомисты считали, что деление материи имеет свой предел в лице атома. В новое время такой взгляд на природу материи стали проповедывать Бэкон, Гассенди, а из химиков Роберт Бойль, впервые сформулировавший мысль, что если вещество больше неделимо, оно есть элемент. В конце XVIII века Лавуазье ввел в химию новый метод, метод весового определения количества вещества, позволявший более конкретно определять сущность и характер элементов. Дальтон пошел по этой линии дальше. Путем установления количественных соотношений он впервые показал качественные различия атомов. Это было огромным шагом вперед, хотя еще на основе механической теории, но все-таки был нанесен серьезный удар чисто количественной теории материи. Открытие закона Авогадро о том, что при одинаковом давлении и температуре в равных объемах газов содержится одинаковое количество молекул и вытекающее из этого правило Гэ-Люссака, что элементы могут соединяться только в равных или кратных объемах, были усовершенствованиями теории Дальтона, ибо благодаря этим открытиям удалось более уточнить весовые соотношения частиц материи и тем самым показать их индивидуальность. С точки зрения указания общих правил или путей установления количества качественно разнородных элементов, открытие Менделеева было уже завершением атомной теории. Но Менделеев сумел установить индивидуальные свойства атомов в ходе раскрытия, в ходе обнаружения их внутренних связей.

Процесс разложения показал, что, индивидуализируя, мы в то же время раскрываем новые связи между единицами материи. Поэтому разложение должно было бы перейти и действительно переходит в свою противоположность, т. е. в соединение.

б) Соединение

Соединение — это новая форма движения. Если разложение — процесс от общего к частному, то соединение есть процесс от частного к общему. Если при разложении новое ве-

щество получалось путем **расщепления** данного единства на новые единицы, то при соединении это новое вещество получается уже благодаря взаимопревращению двух и более веществ. Соединение есть процесс возникновения нового качества. Соединение кислорода с водородом дает нам воду. Вода — это качественно новое вещество. Хотя она возникла из соединения водорода с кислородом, однако своими свойствами и закономерностями существования не похожа ни на один из своих элементов в отдельности. В новом качестве старые отрицаются.

Предполагали, что новое есть новое только по форме. Но это ошибочно. Например, вода от кислорода и водорода отличается не только по форме, но прежде всего по содержанию. Химическое соединение — есть отрицание как формы, так и содержания соединяющихся веществ и образование нового качества.

Соединительная реакция как одна из форм более развитого соотношения вещей есть в то же время процесс, показывающий единство между ними. Соединение, например, кислорода с водородом показывает, что их различие и противоположность суть не абсолютное взаимоисключение, а форма проявления противоречий конкретных форм материи. Как конкретные формы они могут исключать друг друга, а как материя, как объективная реальность они способны переходить друг в друга или во что-то другое, если для этого существуют соответствующие условия.

Еще в процессе разложения и обособления химических элементов обнаружилось, что эти элементы, с одной стороны, взаимно исключают, а с другой — показывают родство и связь между собой.

Изучая индивидуальность химических веществ, Менделеев заметил, что между массой и химическими особенностями элементов существует связь. Когда после тщательного изучения особенностей каждого элемента он привел их в систему, то заметил, что в горизонтальных рядах таблицы элементы следовали один за другим по возрастающему атомному весу, а в вертикальных рядах оказались элементы, сходные по своим химическим и физическим свойствам. Это сходство обнаружилось, например, в том, что элементы одной и

той же вертикальной колонки имели одинаковую валентность. Это означало, что любой член данной группы может соединиться с одним и тем же числом, скажем, атомом кислорода, что химические элементы не только различны, но одновременно и едины, не только раздельны, но и связаны между собой, не только противостоят друг другу, но и переходят друг в друга.

Однако, еще Энгельс указал, что нельзя все качественные различия элементов сводить к количественным различиям весовых соотношений атомов. Есть и другие основы, на что естествоиспытателям следует обратить больше внимания. Таблица Менделеева устанавливает связь и в то же время индивидуальность элементов. Методологически это верно. Это есть конкретное доказательство правильности принципа единства противоречий и противоречия единства. Однако та же самая таблица стремится установить окончательное количество элементов, т. е. замкнуть элементы в себе, показать их неделимость, непревращаемость. Это противоречит принципу связи, которая впервые более научно была поставлена именно в этой таблице. На выход из этого противоречия указала теория расщепления и превращения атомного ядра. Распад ядра атома есть в то же время выделение тепла, являющегося физическим движением. Таким образом, химическое движение выступает в единстве с физическим. А физико-химическое движение—уже новое явление, подготовка к переходу в биологическое движение.

Г. БИОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. СПЕЦИФИЧНОСТЬ БИОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО ПОЗНАНИЕ

Познание движения неорганической природы и всестороннее раскрытие особенностей его форм были подготовкой для перехода к изучению процессов жизни, к установлению закономерностей изменения биологического мира. В отличие от неживой, живая материя способна расти, размножаться, т. е. производить себе подобных; она обладает качеством возбуди-

мости и способна реагировать на изменение внешней среды и т. д. Эти и подобные свойства живой материи являются основой возникновения особой формы: биологического движения.

Если предыдущие формы движения в одинаковой мере относились ко всем видам материи, то биологическое движение, наоборот, появляется только при переходе материи от неорганической формы к живой. Этот переход не тождественен с переходом, например, от лития к бериллию в результате бомбардировки альфа-частицами его ядра, он не похож и на превращение водорода и кислорода в воду, ибо биологическое движение не сводится к физико-химическим изменениям, однако оно такой же объективный процесс, как и все процессы, происходящие в природе, и подчиняется закону сохранения количества и качества материи и ее движения.

Биологическое движение — это жизнь. Жизнь — это качественно особая форма движения материи. Энгельс считает, что жизнь—это единство определенного субстрата и процесса в форме обмена веществ. Конечно, обмен веществ имеет место не только в живой но и в неживой материи. Как известно, процесс ржавения железа под влиянием сырости или же превращения гранита в глину и песок под воздействием воды— суть формы обмена веществ. Однако все они существенным образом отличаются от обмена веществ в живой материи. В то время как обмен веществ в неорганическом мире есть процесс их разрушения, в живой материи, наоборот, он является необходимым условием существования организмов, их самовоспроизведения, их эволюции, возникающей на основе отбора.

Следовательно, обмен веществ — характерная форма движения живой материи, он является формой его творческой деятельности. Еще в химическом движении мы имели непрерывный переход и возникновение нового. В биологическом движении этот процесс бесконечного превращения становится процессом творчества, ибо живой организм—это уже некоторый субъект, в той или иной мере проявляющий свою «субъективность», своеобразную активность по отношению к своим контрагентам. Эта активность проявляется в форме ассимиляции условий среды и самоизменения, но приспособительно. А процесс приспособления играет огромную роль в деле инди-

видуализации биологических форм, характерная особенность которой в их быстром и непрерывном развитии.

Обмен веществ—это свойство живой материи, это развитие и размножение, это форма диалектического сочетания внутреннего и внешнего в организме. Внешнее—это необходимое условие существования внутреннего, а внутреннее — это аккумулированное и трансформированное внешнее. В этом единстве определяющая роль принадлежит внутреннему, которое создает предпосылки для направленного действия внешнего.

Биологическое движение есть качественно своеобразное движение, оно есть процесс отрицания и **одновременного** утверждения биологического бытия. В неорганической материи такой результат получается лишь в конце процесса вследствие воздействия внешних сил (Энгельс). В живой материи обмен веществ есть внутренний необходимый процесс, имеющий место «сам по себе». Его основа — физико-химическое движение, как основа воды—это водород и кислород. Но ни один химик не решится сказать, что вода есть водород и кислород. Химическое соединение двух веществ дает качественно новое вещество — воду. Так же обстоит дело и с биологическим движением. Для его возникновения требуется органическое сочетание физического и химического движений. Но после такого сочетания оно уже не равно им, а есть нечто новое.

1. Биологическое движение есть процесс образования новых сочетаний, веществ со сложной структурой. Гебер говорит, что это относится преимущественно к царству растений, у которых, под влиянием солнечной энергии, из элементов образуются углеводы, белковые тела, жиры, алколоиды, красящие вещества и многие другие. Пусть так, но все-таки по своей своеобразности процесс этот свойственен органическому, а не неорганическому миру. Только там, где самые простые вещества в то же время бесконечно сложны, появление таких процессов становится возможным.

2. Биологическое движение—это непрерывное установление **равновесия** и **его нарушение.** Некоторые ученые, например Дюбуа-Раймонд, склонны абсолютизировать значение равновесия. Но это неверно. Равновесие есть переход неравновесия в равновесие и наоборот. Иначе говоря, оно есть процесс не-

прерывного отрицания и восстановления самого себя в определенной форме.

3. Биологическое движение есть процесс бесконечной смены форм. На первый взгляд это вовсе не специфичность биологического мира, ибо смена формы в равной мере имеет место и в неорганическом мире. Переход качества в количество и наоборот является сменой формы, которая имеет место и в неорганическом мире. Однако разрушение гранита под влиянием внешних сил или же бепрерывное течение водопада только с внешней стороны могут быть сравнимы со сменой формы в органическом мире. В неорганическом мире «с прекращением потока материи исчезает также и форма, в то время как смерть организмов совершенно меняет обмен веществ, химизм его и частью совершенно останавливает его, однако, без последующего немедленного изменения форм»[1].

4. Биологическое движение есть развитие и размножение органической материи. В неорганическом мире также имеет место развитие, но оно есть либо распад, либо соединение разных веществ, подчиненных законам физики и химии. В органическом мире оно есть своеобразный процесс усовершенствования и обогащения формы и содержания развивающегося объекта на основе законов естественного отбора, борьбы за существование, наследственности и т. д., которые не свойственны мертвой материи.

5. Биологическое движение—это такое движение, в котором самые незначительные вещества оставляют огромные последствия, в то время как в других формах движения этого нет. Академик Иоффе говорит, что «лучи Гурвича, митогенетические лучи, или ультрафиолетовый свет, испускаемый при биологических процессах, обладают совершенно ничтожной интенсивностью, которая в 1000 миллиардов раз меньше интенсивности, даваемой ртутной дугой, и тем не менее, эти две неощутимые дозы света производят самое радикальное влияние на биологическую жизнь»[2].

6. Характерной чертой жизни является процесс управления. Это вытекает из определения живого организма как

---

[1] Философия науки, ч. II, Биология, Гебер, стр. 19.

[2] *А. Ф. Иоффе,* Атомное ядро сегодня, стр. 19.

некоторого субъекта, осуществляющего известную активность. Управление—это действие, определяющее направления движения вещества внутри организма, это упорядочение их изменений. С развитием кибернетики эта особенность живого организма выявляется более всесторонне. К чему приведет дальнейший прогресс науки, мы не знаем. Пока что важно констатировать:

1) Биологическое движение—это объективно реальный процесс, имеющий свои корни в физико-химическом движении. Точка зрения виталистов о существовании какой-то «жизненной силы» окончательно опровергнута наукой.

2) Биологическое движение характеризуется многими особенностями, важнейшими из которых являются: обмен веществ и управление.

3) Биологическое движение осуществляется во многих формах, но основные из них—это ассимиляция, диссимиляция и развитие.

2. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

а) Ассимиляция

Биологическое движение есть, во-первых, ассимиляция поступающего в организм вещества. Еще в химическом соединении, как мы видели, вещества подверглись качественному изменению. Однако там это изменение являлось взаимным превращением, в результате чего участвовавшие в процессе вещества переходили в нечто совершенно новое. В ассимиляции тоже происходит превращение вещества, но уже в форме усвоения одним веществом другого. Результатом ассимиляции бывает сохранение и воспроизведение процесса на основе сохранения его основного носителя. Если при химическом соединении обе крайности в основном были силами равнодействующими, то при ассимиляции одна сторона выступает в роли активного носителя процесса, ибо ассимиляция есть **создание веществ данной клетки** из веществ окружающей среды, т. е. усвоение нового вещества путем переработки старого.

Таким образом, ассимиляция как процесс соединения является по форме химическим процессом, однако по содержанию, т. е. по роли крайностей, по характеру их соотношения, по степени сложности движения и, наконец, по результату она отличается от химического соединения и представляет новую ступень развития движения.

Ассимиляция—это не простой переход к новому качеству, а превращение путем своеобразного усложнения вещества. В то время как изменение качества в химическом соединении является завершением процесса, в ассимиляции оно есть начало, и до завершения, т. е. до окончательной ассимиляции, вещество переходит через ряд ступеней отрицания качества. Первый этап ассимиляции—это разрушение молекул пищи, расщепление вещества благодаря действию ферментов. Второй этап ассимиляции—это активное всасывание расщепленного и переработанного вещества клетками и их переход в состав крови и лимфы.

Ассимиляция вообще очень сложный процесс создания нового качества; она не является односторонним процессом изменения одного только объекта ассимиляции. В процессе освоения продукта изменяется не только последний, но и осваивающий его субъект. Вступая в соотношение с внешним миром, иначе говоря, усваивая его предметы, субъект тем самым внутренне обогащается, становясь уже другим по сравнению с началом процесса ассимиляции. Когда ферменты ассимилируют пищевые вещества, они вызывают изменение и внутри себя, они употребляют известную энергию на расщепление, но в то же время накапливают новое количество энергии, полученное в результате расщепления пищи, следовательно, они подвергаются изменению. Таким образом, ассимиляция—это двухсторонний процесс: изменение, превращение в новое качество не только объекта, но и субъекта этого процесса. Однако в отличие от химического содержание каждой из ее сторон имеет своеобразный путь изменения, о котором говорилось выше.

Ассимиляция есть ассимиляция диссимилированных веществ. Нечто ассимилируется, когда оно существует отдельно, как единичное вещество, т. е. в известной диссимилированной форме. Поэтому можно сказать, что ассимиляция пред-

полагает процесс диссимиляции. Ассимиляция как процесс создания вещества данной клетки из веществ окружающей среды есть одновременно и затрата энергии той же самой клетки, т. е. процесс диссимиляции. Для того, чтобы протоплазма как единица живого организма могла продолжать существовать и в то же время вызывать рост и размножение организма, она должна, с одной стороны, путем усвоения веществ внешнего мира сохранять свою индивидуальность, а с другой—лишаться ее путем разрушения части своего вещества, производящего нужное для усвоения нового вещества соответствующее количество энергии. Следовательно, ассимиляция как форма движения необходимым образом вызывает свою противоположность—диссимиляцию.

б) Диссимиляция

Диссимиляция есть противостоящий ассимиляции процесс, она есть расщепление синтезов на новые единицы материи, получение нового качества путем разложения. Подобный процесс мы имели в химии в виде расщепления вещества. Однако диссимиляция и расщепление в химии не одно и то же. Если для химического расщепления процесс консолидации элементов единства не играет особой роли, то при диссимиляции начало и завершение движения являются сравнительно более длительным, а главное **более сложным** процессом, в течение которого происходит консолидация новых качеств.

Согласно современным данным биологии, диссимиляция есть единство двух форм движения, единство анаэробного и аэробного распада организма, т. е. единство расщепления сложных органических соединений на более простые, без участия и с участием кислорода. Эта сложность диссимиляции определяется сложностью биологической материи.

Диссимиляция не является чисто негативным процессом, ее основное содержание—это создание нечто нового, нечто такого, что крайне необходимо для поддержания и развертывания процесса жизни. Создание нечто нового путем диссимиляции является своеобразным процессом консолидации

создаваемого вещества, его индивидуализацией с помощью созревания и кристаллизации нового жизненного вещества. Поэтому можно сказать, что диссимиляция есть путь к ассимиляции, путь к слиянию обособленных единиц в силу своих же обособлений. Ассимиляция тоже ведет к диссимиляции, к разложению имеющегося вещества на качественно новые единицы. Поэтому ассимиляция и диссимиляция суть взаимно проникающие и взаимно переходящие процессы. Движение органической материи есть непрерывный процесс этой противоречивости взаимопроникающих противоположностей. Так, например, окисление одной части молочной кислоты имеет своим результатом обратное превращение трех других ее частей в гликоген, т. е. диссимиляция вызывает ассимиляцию и наоборот. Поступающее в организм вещество под влиянием ферментов диссимилируется. Дойдя до известной степени своего расщепления, вещество ассимилируется, окончательно сливается с организмом под влиянием других ферментов, вызывая развитие организма. Следовательно, единство ассимиляции и диссимиляции дает нам процесс развития.

в) Развитие

Развитие есть движение, приводящее к появлению нового качества в результате количественных изменений, следовательно, оно есть отрицание отрицания как следствия внутренних противоречий. Является фактом, например, что усвоение внешних веществ организмом в форме их расщепления и ассимиляции ведет к его качественному изменению. Организм с новым веществом отнюдь не то же самое, что организм без него. Присутствие нового вещества нарушает его прежнее состояние, вызывая в нем новые процессы: диссимиляции и ассимиляции диссимилированных продуктов. Таким образом, развитие объекта есть выход из своих пределов, перерыв непрерывности, в течение которого развивающийся объект постоянно отрицается и восстанавливается. Развитие объекта—это единство конечности, как отрицание бесконечности, как восстановление объекта постоянно на новых основах. Раз-

витие, например, капитализма было отрицанием феодализма, а потом уже и своих собственных границ: границы промышленного капитала, образования финансового и т. д. Это есть развитие, в течение которого крайности то совпадают, то расходятся, противоречия то разрешаются, то восстанавливаются, создавая тем самым условия для завершения объекта и его перехода в другой.

Развитие в органическом мире есть рост и размножение организма, процесс созревания и отрицания данного качества и возникновения нового. Но всякое качественное изменение есть результат количественного накопления. Этот период количественной подготовки нового качества есть период постепенного развития организма или его эволюция.

1. **Эволюция** есть развитие организма, его изменение, но в форме количества. Развитие, например, одноклеточного организма является вначале накоплением известного количества вещества, когда ассимиляция берет верх над диссимиляцией. В результате этого накопления клетка растет путем роста протоплазмы, роста поверхности тела и роста ядра до ступени нарушения равновесия частей клетки, т. е. до ее деления на две новые клетки. Развитие без количественного изменения немыслимо, ибо прежде чем совершить скачок от одного качества к другому, следует его подготовить, следует исчерпать данное качество путем развертывания внутреннего богатства и созревания нового качества. Следовательно, эволюция—это необходимая форма всякого развития, она не является однообразным повторением уже существующего качества. Накопление количества, как основное содержание эволюции, есть в то же время обогащение и тем самым нарушение однообразности развивающегося объекта.

В борьбе с метафизикой эволюции приписывали всякие грехи. Но в этом, она, как форма движения, не имеет никакой вины. Эволюция как развитие есть единство противоречий в пределах количественного изменения. Ошибочно предполагать, что при количественном движении нет противоречия. Во-первых, само движение без противоречий немыслимо. Движение есть противоречие. Во-вторых, всякое накопление нового количества вызывает новое противоречие и тем, что нарушает прежнее количество, и тем, что подготовляет, приближает мо-

мент наступления нового качества. Так что эволюция так же диалектична, как и всякая другая форма движения.

Но эволюция есть лишь момент в общем процессе развития, а не развитие в целом. Развитие не тождественно с одним количественным изменением. Оно есть изменение качества в результате количественной подготовки, поэтому оно богаче эволюции, эволюция относится к нему, как часть к целому.

Все ошибки, связанные с пониманием природы эволюции, коренятся в метафизическом абсолютизировании эволюционной формы движения. В действительности эволюция непонятна и немыслима вне отрицания революцией или скачком. Всякое количественное накопление являлось бы бессмысленным процессом вне связи с отрицанием этого количества и возникновения нечто нового. Количество переходит в новое качество, эволюция рождает революцию, завершается революцией, скачкообразным перерывом непрерывного движения. Производство молочной кислоты без обратного перехода в гликоген прекращает процесс дальнейшей диссимиляции продуктов и тем самым и движение мышц.

2. Скачок есть развитие как отрицание завершенного и обоснование качественно нового процесса. Следовательно, скачок есть перерыв непрерывности, есть качественное изменение, процесс, заменяющий одно качество другим. Но в то же время есть непрерывность прерывности, поскольку без скачка, без скачкообразного перехода из одного состояния в другое круг развития замыкается, и движение вообще останавливается, или, в лучшем случае, происходит лишь однообразное тавтологическое повторение одного и того же явления природы или же общества.

Развитие находит в скачке свой настоящий смысл, ибо истинное развитие есть появление нового качества. Однако это новое качество подготовляется предыдущим процессом количественного изменения. Поэтому скачок не противостоит эволюции, а выступает с ней как единый процесс. Эволюция и революция суть моменты одного и того же единства, и их нельзя разъединить и тем более противопоставить друг другу. Если эволюция без революции есть замыкание и прекращение движения, то революция без эволюции есть отрицание

связи между разными ступенями развития бытия. В природе эволюция приводит к скачку, а скачок создает условия для новой эволюции.

Одно время полагали, что природа не знает скачков. Современная биология, наоборот, не сомневается в наличии скачков и скачкообразности развития природы, приводящего к появлению нового. Так, например, синтез гриба и водоросли дает нам совершенно новый вид растения—лишайник, который не только сложнее, но и больше живуч, чем гриб и водоросль. Там, где не могут существовать даже водоросль и гриб, лишайник цветет. Переход гриба и водоросли в лишайник есть огромный скачок, свойственный, конечно, всем явлениям природы.

Скачок есть отрицание определенного содержания, а не отрицание вообще, так, например, скачок от гриба и водоросли к лишайнику есть отрицание содержания первых. Благодаря этой своей определенности, полученное новое содержание богаче первого. Выносливость лишайника по сравнению со своими предшественниками есть обогащение содержания, ибо в нем старое соединено с новым на базе нового. Следовательно, скачок это не только отрицание, но и порождение, диалектическое сочетание отрицания с порождением и порождения с отрицанием, в котором старое в снятом виде сохраняется в новом, переходит в новое, и благодаря этому устанавливается внутренняя связь между старым и новым содержанием.

Все ступени развития природы, все ее многогранные формы внутренне между собой связаны и представляют цепь развития, цепь перехода и превращения разнородных форм.

Дарвин считал, что всем живым существам свойственно беспредельное развитие и размножение форм. По законам изменчивости, наследственности и естественного отбора первоначальная живая форма, осложняясь, постепенно произвела из себя современный многогранный органический мир. Дарвин говорит, что многие из современных культурных растений: ряд сортов роз, и даже сирень, в диком виде неизвестны, они возникли вследствие развития другой общей формы. Лаусон описал 175 сортов картофеля в Англии, происшедших из одного общего сорта. Развитие органического мира бесконеч-

но многообразно. Связанные между собой разнообразные формы живой материи развиваются на основе закона внутренней противоречивости и взаимодействия со средой. Развитие организма вообще является результатом внутренней борьбы между клетками, являющимися единицами организма и находящимися во взаимодействии с внешним миром, и борьбы внутри самих клеток. Процесс ассимиляции и диссимиляции есть противоречие, происходящее внутри каждой клетки. Положение Майлота о том, что «старость обусловливается приростом и дифференцировкой протоплазмы», есть выражение этого противоречия. Прирост есть подготовка к дифференциации, а дифференциация является подготовкой к новому приросту. Следовательно, развитие протоплазмы противоречиво не только тем, что она то растет, то погибает, но также и тем, что каждый из этих ее процессов внутри себя тоже противоречив. Регресс, по данным Мильмана, при росте организма играет такую же существенную роль, как и прогресс. На каждом шагу и при каждом образовании новой структуры, говорит он, мы одновременно видим регрессивный метаморфоз, распад.

Таким образом, развитие есть процесс непрерывных противоречий, присущих самим организмам, существующим в определенной конкретной среде и испытывающим ее влияние. Оно есть то разрешение, то восстановление этих противоречий, есть отрицание отрицания. Благодаря действию этого закона, во-первых, сохраняется связь между поколениями, одно отрицание опирается на другое и непрерывно возвращается к своему исходному пункту, во-вторых, движение не замыкается в одном и том же кругу, оно в то же время есть выход за свои пределы; в результате мы имеем не однообразное повторение, а непрерывное возникновение нового.

Если во всех остальных формах движения отрицание имело место (главным образом) из-за равнозначащего взаимодействия сторон, то в биологическом движении это равнозначащее взаимодействие уступает свое место неравнозначащему взаимодействию. Пищеварительные клетки относятся к пищевым продуктам не так, как кислород к водороду. Некоторая активность, проявляемая субъектами органического мира по отношению к своим объектам, вносит наряду с другими различиями существенный момент в биологическое движение.

Благодаря этой активности в органическом мире возникает новая форма движения, неизвестная неорганическому миру—психическая жизнь. Но активность в животном мире проявлялась в рамках приспособления к среде и имела биологический характер. Дальнейший шаг развития заключался в том, что высший представитель животного мира—человек—от приспособления и биологической активности постепенно совершал переход к новым формам активности: к производству орудий воздействия, к производственному изменению природы и тем самым самого себя. На этой ступени развития отношения мы имеем скачок от формы биологического движения к общественной.

Д. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

I. ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Биологическое движение в конце своего развития было завершением процессов природы, завершением имеющихся форм движения внешнего мира.

Еще при переходе от неорганического мира к органическому возникли первые зачатки «планомерного» образа действия», т. е. такая форма движения, когда одна сторона из взаимодействующих объектов имеет определенную направленность, тенденцию **овладевать** другой, подчинять ее своим «планам». «Самые простые движения» живого белка, «как следствие определенных раздражений извне», уже суть первые зародыши «планомерного образа действий». С развитием живой материи «планомерный образ действия» становится более определенным, более характерным в органическом мире.

У животных способность к сознательным планомерным действиям развивается параллельно развитию мозговой системы и достигает у млекопитающих высокой ступени развития». «Развитое планомерное действие есть способность **изменять** природу. Развитое животное уже умеет «пользоваться»... внешней природой, в силу своего присутствия производить в ней изменения[1].

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 496.

Однако все это совершается бессознательно, в силу биологической необходимости. Клетки, как таковые, производят процессы диссимиляции и ассимиляции внешнего вещества, тут нет **сознательных** планов, все происходит стихийно, без особого намерения. Но тем не менее это уже некоторая активность, некоторый «план». Развитие простого пользования вещами природы приводит к производственному пользованию, а развитие бессознательного плана приводит к сознательному плану, к намерению, к постановке цели и ее выполнению. А это уже является общественным движением.

Общественное движение есть наивысший качественно-сложный процесс; оно возникает не из биологического движения вообще, а только из его известных форм—активности и планомерности. Оно является не результатом активности и планомерности всякого живого существа, а результатом активности и планомерности лишь наивысшего представителя органического мира—человека. Поэтому общественное движение является наивысшей формой движения. Оно есть соотношение людей друг к другу и к природе, это процесс целесообразного изменения внешнего мира и подчинения его человеку. Следовательно, общественное движение есть:

I. Отношения людей между собой и с внешним миром. В механическом движении мы имели отношение безразличных форм. В физическом движении эти формы индивидуализировались, но лишь как некоторые **всеобщие** формы теплоты, электричества и т. д. В химическом движении отношения атомов суть отношения взаимодействия и взаимопереходов по **необходимости без активности.** В биологическом движении характер необходимости меняется, появляется активность действующих индивидов, но только в пределах биологической необходимости.

Общественное движение—это уже соотношение сознательно действующих индивидов. Общественный индивид выделяется из всех остальных индивидов животного мира и в своих действиях противостоит ему. Правда, он является частью природы, так как принадлежит животному миру. Но он одновременно и противостоит ей, поскольку в своих действиях поднимается выше слепых действий природы, и основные закономерности собственного движения сам определяет свои-

ми объективными действиями. Он является общественным субъектом.

В биологическом мире субъективность еще находится в своем зародыше. Здесь же субъективность индивида выступает как развитая субъективность, как производственная активность. В отличие от всех других индивидов, общественный индивид производит орудия труда и при помощи их изменяет внешнюю, и тем самым свою собственную природу. Поэтому его активность—это не только развитая, но и качественно иная активность—**целесообразная общественно-производственная деятельность.**

2. Общественное движение есть отношение индивидов, возникающее только на ступени образования общества. Общество—это реальная совокупность людей, связанных между собой процессом труда. Связь биологических индивидов между собой или с внешним миром не была трудовой связью, она носила чисто биологический характер и вытекала из необходимости их биологического существования. Труд же—это социальная деятельность, это «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой». К такой деятельности способен только сознательный индивид, т. е. человек.

Чтобы трудиться, следует вступать в определенные отношения с внешним миром, т. е. следует организовывать целесообразную деятельность «для созидания потребительных стоимостей, присвоения данного природой для человеческих потребностей»[1]. К таким отношениям другие индивиды неспособны, вследствие чего только вышеназванные отношения являются социальными отношениями.

Социальные отношения не возникают сами по себе, их создают мыслящие люди с определенными намерениями, с известной целью. Ход и направление общественного движения в конечном счете зависят от уровня развития производительных сил, условиями для которых являются производственные отношения людей между собой. Творцами истории общества

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 188, 195.

являются люди, первым долгом производители материальных благ, необходимых для существования общества. Поэтому не прав был Гегель, утверждавший, что поскольку развитие нашей мысли совпадает с развитием предмета, т. е. общественного процесса, «нам остается следить за собственным движением предмета».

История не делается, ее **делают.** Но это творчество не является каким-то внешним актом. Ведь люди не только объекты, но и субъекты истории. Они создают не чужую, а собственную историю. В процессе истории изменяется, развивается и переходит в свою противоположность не какое-то сверхъестественное явление, а человек со своими отношениями.

История как общественное движение не зависит от субъективных желаний ее творцов. Хотел ли Наполеон или нет, революционная Франция все равно должна была бороться с современными ей консервативными силами, чтобы очистить путь для собственного капиталистического развития. Роль Наполеона заключалась в том, что он лучше всех своих современников понял интересы крупного капитала и, вступая в борьбу как с демократическими элементами революции, так и с силами феодальной реакции, обеспечил победу крупной буржуазии. Следовательно, субъективные стремления Наполеона имели значение лишь постольку, поскольку они совпадали с объективным ходом общественного движения. Поэтому общественное движение—это объективно существующая реальность.

3. Общественное движение **сугубо исторично,** оно является совокупностью исторически возникающих отношений социальных индивидов между собою. Вообще всякая конкретная форма движения исторична. Например, биологическая форма движения существовала **не везде и не всегда.**

Но историзм в обществе—это не то,что в природе. В природе изменение есть изменение химических и вообще органических и неорганических форм материи. В обществе дело обстоит иначе. Здесь развитие есть появление нового объекта, новой материи, как результат действия самого субъекта. Производственные отношения суть отношения людей между со-

бой в процессе производства. В этом особенность их историчности.

Кроме того, в общественной жизни время играет особую роль, оно непосредственно овеществляется в предметах труда, подчеркивая их историчность. Эта особенность «духа» была известна еще Гегелю, он считал, что всемирная история проявление духа во **времени.** Он понимал, что законы природы нельзя механически переносить в общество и наоборот. Однако Гегель довел это различие до метафизического противопоставления общества природе.

Но ведь общество находится в природе, является частью ее. Производительные силы общества суть силы природы, втянутые в процесс производства. Человек, основная производительная сила общества, тоже принадлежит природе: он один из многочисленных представителей животного мира. Следовательно, отличие природы и общества, качественная своеобразность общественного движения и движения природы не в их взаимном исключении, а в таком различии, которое есть различие единства.

Общественное движение является соотношением социальных индивидов между собой и природой, движением классов, их взаимоотношений, их борьбой, движением народов и т. д. Отношение людей и классов между собой отлично от отношения людей к окружающей среде. Отношения первого рода материальны, а отношение людей к своей среде—это их сознание, это стремление к познанию законов природы с целью подчинения ее своим интересам. На основе этого, многогранное общественное движение делится на две важнейшие формы: 1) общественно-производственные отношения и 2) отношения сознания.

2. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ—ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Производственные отношения—это отношения людей между собою в процессе производства. Для производства собственной жизни, независимо от своей воли, люди устанавливают между собой определенные связи, вступают в известные общественно-производственные отношения. Последние принадлежат материальной основе общества. Но эта их особен-

ность объясняется не тем, что они суть материя, а тем, что они являются материальными отношениями людей, их основная цель—производство материальных ценностей. Этими свойствами производственные отношения отличаются как формы общественного движения от всех остальных форм.

Производственные отношения—это формы связи, в процессе которых субъект противостоит своему объекту, активно на него действуя. Короче говоря, имеет место взаимодействие, приводящее к противоречиям, к борьбе противоположностей форма и характер которых определяются степенью развития производительных сил.

Рассматривая всю историю развития человеческого общества, можно различить пять основных систем производственных отношений: 1) первобытно-общинную, 2) рабовладельческую, 3) феодальную, 4) капиталистическую и, наконец, 5) социалистическую. Все эти системы производственных отношений отличаются друг от друга:

Во-первых, отношением людей к средствам производства, т. е. тем, кому принадлежат средства производства. Во-вторых, отношением производителей в процессе производства, т. е. характером организации процесса труда. Отношения людей между собой в первобытно-общинном обществе были отношениями равноправных индивидов. По своей внутренней организации они носили стихийный характер, так как низкая ступень развития производительных сил исключала возможность планирования или предварительного определения места и характера действия каждого индивида-производителя. Единственным основанием зачаточного разделения труда служили физические особенности людей: возраст, половая принадлежность и состояние здоровья. Отношения руководителя и руководимых появляются значительно позже—после некоторого накопления опыта приобретения продуктов питания и борьбы с природой. Все отношения в этом обществе были простыми и непосредственными. Но их развитие приводит в конце концов к их же отрицанию—к возникновению рабства. Рабовладельческие отношения уже сложнее—они классовы. Разделение труда в этом обществе совершает переход от своей естественной формы к сложной социальной форме—возникновению частной собственности.

Частная собственность и классы создают вначале весьма благоприятные условия для развития общества и обогащения общественного движения. Но наряду с этим, исходя из интересов господствующего класса, они ставят и известные пределы перед прогрессом общества. Таким образом, возникают новые противоречия—противоречия между объективным ходом развития и субъективными интересами класса. Обострение данных противоречий приводит к революционному переходу в новое феодальное общество с новой системой отношений.

Характерная особенность феодального общества—собственность феодала на средства производства и крепостная зависимость от него крестьян.

С феодальной собственностью возникает собственность крестьянина и ремесленника, создающаяся в основном на личном труде. В зачаточной форме уже намечаются новые тенденции в общественном движении—тенденции, ведущие к капитализму.

Капитализм—эта высшая форма частнособственнических отношений—характеризуется общественной организацией производства и частным присвоением, ускоряющим темпы его развития, но и одновременно обостряющим внутренние противоречия этого общества. Развитие капитализма привело к исчерпанию отношений, основанных на частной собственности, и тем самым к отрицанию вообще капитализма. На 1/3 части земного шара его уже не существует, и более миллиарда людей стали на путь социализма.

При социализме нет частной собственности; нет эксплуатации человека человеком; продукты распределяются по труду согласно принципу: «Кто не работает, тот не ест». Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Впервые человек совершает переход «из царства необходимости в царство свободы» и становится сознательным творцом собственной жизни.

Сознательность и планомерность вообще являются особенностью общественного движения, поскольку оно есть отношение мыслящих людей, но только при социализме эта осо-

бенность осуществляется в полной мере. Свободный человек ставит себе сознательную цель и планомерно идет к ее осуществлению.

3. ЦЕЛЬ

Цель—это великий момент в движении, с ее появлением коренным образом изменяется весь его характер. Если до сих пор все формы движения происходили сами по себе, по своей внутренней физической необходимости, то с появлением цели движение качественно изменяется, приобретает целесообразный характер. **Овладевая** при помощи орудий труда указанной физической необходимостью, субъект придает движению определенную направленность. Таким образом, цель—это преднамерение субъекта, определяющее ход и характер движения, как закон.

Первая целесообразная деятельность возникла с появлением человека. Следовательно, цель может иметь только человек. В природе нет цели, поскольку процессы природы совершаются без участия человека. Точка зрения теологов о том, что природа подчиняется каким-то целям, является результатом механического перенесения человеческой способности к целеустремленной деятельности на природу. Но природа не субъект с развитым сознанием. А цель—это идея, она выражает сознательное, практическое отношение субъекта к объекту, человека к материальному миру. Как общественное существо, человек планирует свое отношение к природе. А план предполагает определенную цель, исходит из нее и является формой ее осуществления. Например, наши пятилетние планы суть средства достижения определенной цели, т. е. создания материально-технической базы коммунизма.

Цель показывает будущее, но нетождественна с его предвидением и это, хотя бы потому, что не всякое предвидение есть цель. Предвидение, например, будущности нашей планеты не является целью, поскольку ее осуществление не будет результатом деятельности человека. Цель—это мысленное предвосхищение результата упомянутой деятельности, она выражает желания и интересы людей, которые борются за ее

осуществление. А это значит, что появление той или иной цели является признаком того, что люди недовольны существующим положением вещей, поэтому хотят изменить его. Цель в идеальной форме выражает то, чего нет в настоящее время,—идеал классов, народов, наций, отдельных людей: ученых, художников, и т. д. Она может быть как конечной, так и и ближайшей. Характер цели зависит от ее носителя. Если субъект реакционен, то его цель не может быть передовой, а если он представитель передового класса, тогда цель его является революционной и мобилизует массы для борьбы за прогресс общества.

Но из сказанного не следует, что цель только субъективна. Нет, она субъективна, поскольку творцом ее является субъект, поскольку она—форма деятельности последнего. Однако она в такой же мере объективна, ибо деятельность субъекта является объективной, точнее, объективной реальностью. Производственные отношения людей в виде их целесообразной деятельности существуют не в голове людей, а являются тем материальным базисом, который, в конечном счете, определяет и содержание головы. Кроме того, цель принадлежит субъекту только в том смысле, что она является формой его деятельности, но возникает лишь тогда, когда для этого имеется достаточное материальное и иное основание. Осуществление диктатуры пролетариата, как цель, не могло возникнуть в голове средневековых людей по той простой причине, что тогда еще не было современного пролетариата. Итак, имея объективные основы, цель не является актом произвола. Субъективная сторона цели не только не исключает, а предполагает необходимым образом и ее объективную реальность. Дело в том, что приступая к осуществлению своей цели, человек исходит из научного понимания объективных закономерностей природы и общества. А это говорит о том, что цель человека имеет объективные предпосылки вне субъекта. Более того, она «порождается объективным миром и предполагает его,—находит его, как данное, наличное» (Ленин), хотя человеку кажется, что он ее выбирает свободно. Является фактом, например, что идея коммунизма, как цель, порождена объективным ходом развития капитализма и люди стре-

мятся к ее осуществлению по необходимости, т. е. следуя объективным законам развития общества.

Объективные и субъективные основы цели не даны раз навсегда. Они являются продуктом истории, поэтому всякая цель исторически конкретна, она есть проявление определенной исторической закономерности, и в то же время она есть необходимость, т. е. цель и целесообразная деятельность в качестве процесса вполне закономерны, они совершаются по уже существующим законам, которые нельзя произвольно отбросить.

Необходимость есть процесс природы, целесообразность же, как форма общественного движения, это отрицание **слепой** необходимости, это деятельность субъекта, когда последний **сознательно** ставит и планомерно выполняет ту или иную цель. Следовательно, в цели, как целесообразной деятельности, субъект приобретает некоторую свободу, становится свободно действующим субъектом.

Цель вообще возможна там, где субъект, познавая законы объекта, подчиняет его себе и господствует над ним, т. е. там, где субъект приобретает некоторую свободу. Из этого видно, что свобода не противостоит необходимости, она есть познанная необходимость.

Цель есть опознанная необходимость, что означает, что она не дается в готовой форме, а берется силой. Но это взятие, не являясь актом произвола, определяется ходом исторического развития. Субъективные мечты отдельных индивидов могут быть осуществлены лишь постольку, поскольку они совпадают с общим ходом развития общества. Наполеон, к примеру, не смел бы помышлять, о мировом господстве, если бы его помыслы не совпадали со стремлением крупной французской буржуазии к мировому господству. Стало быть цель не падает с неба на землю, напротив, она «вырастает» из действительности и притом в процессе общественной деятельности человека. Возникнув же, она становится внутренней необходимостью и определяет способ и характер деятельности субъекта. Например, цель построения социалистического общества стала продуктом исторического развития рабочего движения. Но после того, как она появилась, весь ход этого

движения подчиняется ей, рабочее движение становится движением осуществления этой цели.

Цель вообще имеет какое-либо значение только в процессе осуществления. Фантазии же отдельных людей, которые не могут быть реализованы и у которых нет никакого основания суть пустые, бесплодные мечты. Цель всегда стремится к реализации, имея реальные основы, она ищет и находит средства для своего осуществления.

4. СРЕДСТВО

Средство есть нечто такое, благодаря чему субъект добивается осуществления своей цели. Вступая в отношения с внешним миром и стремясь к выполнению поставленной цели, субъект вступает в борьбу с ним и преодолевает известное сопротивление, одним словом, разрешает противоречия, возникающие между ним и объектом его действия. Средство—это то, что дает возможность разрешить подобные противоречия. Истинное же разрешение последних кроется в революционном отрицании старого. Через средство упомянутое отрицание физически приводится в исполнение. Исполнитель—это субъект. Средство—это орудие в руках субъекта для осуществления цели. Находясь в прямых отношениях с целью, средство целиком подчинено ей, но одновременно является одним из главных элементов реальных условий, определяющих возникновение и характер цели.

К. Маркс говорит, что средство—это «вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»[1]. Следовательно, нечто становится средством только в процессе действия, когда человек применяет его для осуществления своей цели. Вне этого процесса вещь—не средство.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 190.

Выступая как средство, вещь преобразуется согласно цели, она приобретает форму, которая способна успешно служить задачам цели. Поэтому можно сказать, что средство— это преобразованная вещь природы в определенной форме, это нечто, которое дополняет органы человека для переработки предметов труда. Степень преобразованности зависит от уровня развития эпохи, от специализации его функции, от поставленной цели и т. д. Чем ниже стоят эти предпосылки, тем ближе средство к своему естественному состоянию, и наоборот. Например, плуг и трактор, серп и комбайн суть разные ступени развития средств, для точного определения которых необходимо указать на их целевое назначение. Степень совершенности того или иного средства в этом вопросе роли не играет, ибо вообще обнаружение сущности любого инструмента возможно только при знании характера цели.

В качестве средства могут выступать не только предметы, но и физические и духовные силы человека. Ведь человек самая ценная и самая революционная производительная сила общества. Выполняя эту свою функцию, он выступает как средство изменения природы. Это значит, что человек превращает себя в орудие собственной деятельности и только этим путем получает возможность, преобразуя предметы природы, использовать их как средства достижения собственной цели. Но из сказанного следует также то, что предметы сами по себе не обладают качествами средства, т. е. средство не дано в готовом виде. Вещи имеют разные физико-химические и другие свойства, познавая которые, человек получает возможность соответствующим образом изменить их, создавая из них средства для переделывания мира.

Таким образом, средство—это не просто вещь, взятая в определенных отношениях, а переделанная, переработанная вещь согласно цели человека; это предмет природы, в котором овеществлено искусство человека, его думы и чаяния, короче, это новое качество, созданное человеком. Свою функцию средство начинает выполнять тем, что становится между субъектом и объектом действия субъекта. Субъект вступает в отношения с объектом через средство, он добивается его изменения при помощи средства.

Отношение средства к природе—это прямое, непосредственное отношение; отношение же общественного субъекта опосредствует через средство. Таким образом, средство—это опосредствующее звено между субъектом и внешним миром. Но так как это опосредствование является процессом изменения объекта субъектом, его овладеванием им, средство не только не удаляет, а напротив, более приближает их друг к другу. Согласно обычному взгляду на мир, животное, находящееся в прямых отношениях с природой, стоит ближе к ней, чем человек. Но это, конечно, поверхностное понимание близости. Быть близким к чему-нибудь—это значит суметь активно на него воздействовать, изменить и сделать его своим. А все эти возможности человеку дает средство. Поэтому последнее не притупляет, а усиливает противоречия между крайностями, а затем путем овладевания объекта субъектом приводит к революционному разрешению их.

Объект, которым овладели, в свою очередь, уже новое средство. В нем осуществлена некоторая цель, благодаря чему он уже не простой объект, а объект, прошедший через процесс осуществления цели; это видоизмененный объект, объект —средство. Следовательно, средство—это своеобразное единство цели с объектом и объекта с целью. Средства, как такового, нет. Есть объект, который в результате соединения с целью стал средством, или же есть цель, которая, осуществляясь, порождает для себя свое средство. Возникновение средства немыслимо, если нет цели и ее осуществления. А осуществление цели невозможно, если нет средства. Это значит, что средство есть средство только в процессе своего применения. А цель—есть цель лишь по мере своей способности соединяться со средством; превращаться в средство и наоборот. Значит, цель и средство едины. Конечно, они вместе с тем отличны, нельзя путать цель со средством, но их нераздельность—непреложный факт. В средстве цель находит возможность своего осуществления, а цель видит в средстве неизбежность своего применения. Благодаря такому взаимоотношению, цель и средство соединяются друг с другом, вследствие чего цель получает полную возможность проявлять свои потенциальные богатства, т. е. осуществляться.

5. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЦЕЛИ

Осуществление цели—это активное отношение субъекта к объекту через средство. При отсутствии одного из этих элементов, процесс осуществления цели становится невозможным. Это значит, что реализация цели является не обыкновенным отношением соотносящихся элементов, а процессом изменения объекта. Без объекта цель беспредметна, т. е. она лишена реального бытия (вследствие чего об ее осуществлении речи быть не может). Без субъекта нет цели, ибо цель есть сознательное стремление человека к овладению предметом. Без наличия средства все мечты человека останутся мечтами. Так, чтобы пахать, нужно иметь плуг или трактор, чтобы летать, —крылья или самолет.

Однако без цели действия средства слепы. Даже больше. Сами средства возникают в процессе целесообразного действия, т. е. в процессе выполнения цели. Цель обработки земли, использования ее богатства могла возникнуть при наличии некоторого средства выполнения этой цели. Но после того как эти предпосылки возникли, цель уже определяет ход и характер их действия. Поэтому ошибочно полагать, что «человек обладает силой над внешней природой» одним орудием, ибо «в своих целях он скорее подчинен ей»[1]. Это было бы именно так, если б в процессе осуществления цель не переходила в средство, а сами орудия не были бы продуктами целесообразного действия, цель же и средство противостояли друг другу. Однако этого нет. В целях человек подчинен природе, но как носитель цели он все-таки подчиняет себе природу, конечно учитывая ее законы, и становится над ней господином. А разве возможно игнорировать природу и ее законы в орудиях? Разве сами орудия не определены на основе учета этих законов? Разве применение орудий абсолютно и не согласуется ли оно с условиями их действия и объектом воздействия?

Одностороннее возвышение роли средства есть попытка оторвать ее от цели и абсолютизировать его значение путем принижения значения цели. Но недопустимо и прини-

[1] *Гегель,* Наука логики, 1929, кн. I, ч. II, стр. 137.

жение значения цели. Гегель прав, когда пишет: «...Средство есть нечто **высшее,** чем **конечные** цели внешней целесообразности; **плуг** почтеннее, чем те непосредственные наслаждения, которые подготовляются им и служат целями»[1]. Мимолетные наслаждения не способны определить ход и характер истории. Средство важнее такой цели. Однако, конечная цель как идеал уже важнее средства, ибо она придает определенный смысл средствам. Все наши жертвы, все наши усилия во имя бурного развития производительных сил оправдываются только нашей конечной целью—построением коммунизма. Конечная цель вдохновляет нас в нашей борьбе с трудностями в строительстве новых фабрик и заводов, в создании новых машин. Каждая машина, а следовательно, и плуг Гегеля, имеет почет только в своем служении благородной цели. Истинная цель— не мимолетное наслаждение, это «закон», который «определяет способ и характер действий людей» (Маркс), поэтому вне цели нет средства.

Возникшая на базе средства цель сама предлагает средство для своего выполнения. Поэтому не всякое средство приемлемо для честной, благородной и научно обоснованной цели. Цель производит выбор в средствах своего существования, она берет такие, которые соответствуют ей и исходят из нее и ее выполнение делают менее болезненным, а главное, являются такими же благородными, как она сама. Цель осуществления социализма—это освобождение человека от рабского подчинения, это процесс приобретения истинной свободы, вследствие чего она не может относиться безразлично к средствам и не может породить невозвышенные средства.

Но, конечно, не всякая цель бывает возвышенной, а поэтому и не всякое средство может быть благородным. Цель эксплуатации человека человеком и увековечение господства эксплуататорского класса — отнюдь не благородная цель, следовательно, и средства, которые призваны для ее осуществления, возвышенными быть не могут. Это значит, что цель и средство едины. Выполнение цели возможно лишь при наличии этого единства, т. е. соответствия средства и цели. Подобное соответствие является диалектическим совпадением цели

---

[1] *Гегель,* Наука логики, 1929, кн.: I, ч. II, стр. 137.

и средства, поэтому неверен принцип о том, что цель оправдывает средство. Принцип этот является выражением другой крайности—оправдыванием применения всякого средства,— и не случайно, что его выдвигают реакционные силы общества, которые ради удержания своего господства способны на все. Но передовые силы общества никогда не относятся так неразборчиво к средствам, для достижения своей цели они тщательно подбирают средства более достойные.

Итак, для выполнения цели необходимо ее совпадение со средством. В буржуазном обществе несоответствие между целью большинства людей и имеющимися у них средствами ее осуществления—обычное явление. Но данное несоответствие выражается не в том, что они противостоят друг другу как две несовпадающие крайности, а в недостаточности средств для достижения цели. Поэтому борьба при капитализме является борьбой приобретения этих средств во имя осуществления цели. Средства находятся в руках меньшинства. Это обстоятельство приводит к замедлению темпа общественного движения, часто даже к его искажению. В противоположность этому, в коммунистическом обществе все средства находятся в распоряжении всех людей, поэтому возникновение такого рода несоответствий, а следовательно, и искажение движения при коммунизме невозможно? Здесь цель и средства покрывают друг друга; постановка цели уже порождает свое средство, благодаря чему ее осуществление не вызывает болезненных явлений. Но осуществление цели одновременно означает превращение идеального в реальное. Цель—это мысленный образ будущего. Результат выполнения цели—это «опредмечивание» упомянутого образа, это прогресс общества.

6. ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА

Прогресс общества—это его поступательное движение, переход от низшего уровня развития к высшему, это изменение существующего положения вещей с целью его улучшения, короче, это осуществление цели человека. Со времени своего возникновения человек стремится к облегчению приобретения средств существования, следовательно, к развитию производительных сил общества, к обогащению своих знаний, к овла-

дению силами природы для удовлетворения собственных потребностей, тем самым к прогрессу.

Прогресс, таким образом, это появление нового и исчезновение старого, но такого нового, которое является шагом вперед по сравнению со старым. Конечно, не всякое возникновение нового есть прогресс. Появление фашизма было новым явлением в истории общества, но считать его прогрессом, недопустимо, так как он привел к разрушению человеческой культуры. Прогресс всегда предполагает преодоление старых границ ради поступательного движения к новому. Однако ни появление нового, ни исчезновение старого не совершается внезапно, является результатом длительной исторической подготовки. Это значит, что в процессе развития старое окончательно исчерпывает свои потенциальные возможности к прогрессу, а главное в недрах старого новое созревает настолько, что выступает как вполне способное к самостоятельной жизни. Названный период является как для старого, так и для нового, периодом количественных изменений.

Без количественных изменений нет никакого прогресса. Но нельзя сводить его к чистому количеству, ибо одно только количественное изменение не приводит к появлению нового. А без появления нового качества нет прогресса. Прогресс—это результат диалектического единства количественных и качественных изменений. Примером прогресса является переход от капитализма к социализму, который совершился и совершается закономерно. Это значит, что сначала имело место развитие капитализма, т. е. его производительных сил до определенного уровня, обострение противоречий между основными классами общества и накопление сил рабочим классом, а потом уже революционное разрушение старого и создание нового. Во всем этом процессе развития упомянутый революционный переход или качественный скачок является тем действием, в котором прогресс находит свой истинный смысл. Дело в том, что хотя количественное изменение является нарастанием нового, однако оно происходит в пределах и при господстве старого качества, которое, на определенном уровне своего развития, уже насильственно задерживает поступательное движение общества. Чтобы положить конец этому сопротивлению и обеспечить прогресс общества,

старое качество заменяется новым путем революционного скачка.

Имеет ли прогресс общества определенный предел? Если нет, то какой характер будут иметь скачки или вообще поступательное движение при коммунизме? Конечно, прогресс общества не имеет никакого предела. Если взглянуть на историю общества, то нам откроется следующая картина: первая экономическая форма человеческого общества—первобытный коммунизм—опиралась на низкую ступень развития производительных сил, которая исключала возможность как частной собственности, так и производства прибавочного продукта или прибавочной стоимости. Средства производства принадлежали всем. Развитие привело к тому, что человек получил возможность производить больше, чем было необходимо для удовлетворения его личных потребностей. Это создало условия для возникновения частной собственности, деления общества на классы и постепенного лишения собственности самих производителей, которое достигло своего кульминационного пункта при капитализме. Пока смена форм собственности не привела к возникновению современной индустрии, частная собственность играла положительную роль. Появление рабства, его замена феодализмом и утверждение буржуазных порядков привели к бурному подъему производительных сил общества и тем самым к исчерпыванию развития потенциальных возможностей частной собственности к прогрессу, что выразилось в лишении собственности абсолютного большинства человечества. Это обстоятельство привело к обострению противоречий, которые задерживают дальнейший прогресс общества. Выход из создавшегося положения в замене капитализма социализмом.

Социализм—это уничтожение «классовой собственности», которая была и является средством эксплуатации человека человеком, и «превращение личной собственности в истину» (Маркс), т. е. передача всего богатства общества в распоряжение трудового человека. При коммунизме этот принцип одержит окончательную победу, ликвидируя все остатки в быту и в психологии людей, связанные с частной собственностью. Практика строительства социализма на 1/3 части земного шара доказывает, что только передача всех средств про-

изводства производителям способна обеспечить беспрепятственное развитие общества. Поэтому возврат от коммунизма к частной собственности исключен. Ведь производительные силы коммунистического общества будут стоять значительно выше, чем производительные силы капитализма. Возврат к обществу, основанном на классовой собственности будет означать уничтожение высокоразвитых производительных сил ради победы сравнительно отсталых. А это невозможно, поскольку оно противоречит законам прогресса. Не приведет ли это к застою общества? Нет, ибо прогресс не означает **полное** уничтожение существующего, поскольку новое возникает в недрах старого и поднимается на его плечах (Маркс).

Прогресс—это замена старого новым, сохранение всего того, что ценно в старом. Кроме того, сама эта замена в разных областях действительности и на разных ступенях ее развития осуществляется по-разному. Так, например, возникновение человека из обезьяноподобного животного было отрицанием своего предка. Но после возникновения, около миллиона лет он существует и развивается, дойдя от варварства до современной цивилизации, и нет никакого признака, что когда-нибудь он может вновь превратиться в обезьяну. Это и понятно, ибо прогресс—это движение вперед, а не назад. О характере этого движения Маркс писал: «когда не будет больше классов и классового антагонизма, **социальные эволюции** перестанут быть **политическими революциями**»[1] Только в этом обществе цели отдельных индивидов совпадут, а их диалектический синтез даст нам всю цель общества. Осуществление такой цели есть осуществление также цели отдельного индивидуума и наоборот.

Осуществляясь в пределах природы, цель переходит в средство, а средство порождает новую цель и служит делу ее осуществления. Таким образом, мы имеем непрерывный процесс возникновения и выполнения цели через определенное средство; мы имеем умножение и совершенствование средства в процессе выполнения цели, одним словом, мы имеем истинный прогресс общества. Если в предыдущих социализму обществах, где вследствие недостаточности развития произ-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, стр. 185.

водительных сил и существования антагонистических отношений классов общественное движение и выполнение целей еще носило стихийный, неорганизованный характер, то при коммунизме, ввиду отсутствия этих отрицательных моментов, планомерность и целесообразная деятельность людей превращается в мощную силу общественного развития. Только тогда, пройдя длинный путь исторического развития, разум получает полную возможность развернуть все свое внутреннее богатство и стать вечно светящимся факелом на пути борьбы человека за новую радостную жизнь. А разум—это уже новый род отношений. Материальные отношения общества неизбежно порождают отношения сознания, они не существуют без него, поэтому общественное движение есть не только отношения производства, но и отношения общественного сознания.

КНИГА ВТОРАЯ

СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА

ГЛАВА I

СОЗНАНИЕ

1. СОЗНАНИЕ И ЕГО ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ

Сознание—продукт исторического развития; оно возникло с возникновением человека и определяется его общественным бытием. Сознание есть отношение человека к своей среде. Отношение есть форма движения, следовательно, и сознание, будучи отношением, есть движение. Но не всякое движение есть сознание. В качестве формы движения сознание имеет ту особенность, что способно воспроизводить в себе все остальные движения, оно может служить зеркалом для них, средством их объективного отображения и одновременно кристаллизацией бесконечной многогранности действительности. Если все формы движения вызывают перемену в составе, структуре и форме материи, а также в ее расположении и месте, то сознание раскрывает законы и закономерности всего перечисленного, вооружает нас в борьбе за овладение этими процессами и подчиняет их нашим заранее намеченным целям.

Таким образом, сознание, будучи свойственным только человеку, есть высшая форма движения. Отношение остальных животных к своей среде не есть сознание, ибо им не хватает **общественной,** производственной способности, способности **трудиться,** с которой только и связано появление сознания. Конечно, едва ли нужно доказывать, что без мозга, мозгового аппарата нет и не может быть никакого сознания. И поскольку все животные обладают этим органом, то все они разумеется, имеют биологическую предпосылку для возникновения сознания, но для его формирования необходимо социальное действие человека, особый род отношения субъекта к объекту. Естественно-научная сторона этого процесса пре-

красно была показана И. П. Павловым в его учении о переходе от первой сигнальной системы ко второй. Вторая сигнальная система уже связана с общественной деятельностью человека. Сознание возникает только на этом уровне его развития.

Как форма общественного движения сознание предполагает выделение человека из его окружения и тем самым установление нового вида отношения субъекта с объектом познания. Характерная особенность этого вида отношения состоит в том, что оно неразрывно связано с языком. Ведь сознание— это акт приобретения известного знания как при помощи органов чувств, так и разума, поэтому оно является актом также мышления. А мышление без языка невозможно, поскольку нет другого средства для его реализации.

Сознание—это способ отражения объективной действительности, а язык—это средство, при помощи которого человек придает определенную форму своему сознанию, или, вернее, выражает его в определенной форме. Поэтому язык и сознание неотделимы друг от друга, хотя не тождественны. Сознание, как сумма знаний, дает человеку возможность осознать свою среду и самого себя, т. е. оно является формой познавательной деятельности, которая предполагает появление образа в гносеологическом смысле. Следовательно, сознание—это сложная и одновременно довольно развитая форма движения, оно открывает такие качества в предметах познания, которые недоступны животным. Так, например, имея сознание, человек способен дойти до осознания цели любого действия и тем самым определить свое поведение.

Вначале сознание есть сознание собственного окружения и сознание тех первоначальных элементарных форм отношений, которые устанавливаются между субъектом и объектом сознания. Поскольку в своих действиях сознающий субъект еще всецело подчинен объекту, то его сознание, по выражению Маркса, есть «животное сознание», т. е. животный инстинкт, только с «характером сознательности». На этой ступени развития сознания между природой и человеком еще существует известное тождество. Но в нем уже одновременно заложено и различие, ибо всякое отношение предполагает известную самостоятельность относящихся сторон. Тот факт, что

человек **относится** к природе, свидетельствует о том, что он уже отделен от нее и противостоит ей, как ее **другое.** С дальнейшим развитием производительных сил общества и усилением влияния человека на природу это различие более углубляется, и сознание из формы «животного инстинкта» переходит в более высокую форму. Если вначале он еще не был способен локализировать свои впечатления и узнавать их источник (почему его сознание и было беспорядочной смесью различных образов), то впоследствии, с обогащением его социального опыта, ему удается преодолеть этот недостаток, и после этого его сознание становится уже сознанием собственного места и роли в окружающей среде, т. е. настоящим сознанием.

Сознание имеет общественный характер. Каждый социально-производственный акт человека содержит в себе элемент сознания, являясь заранее продуманным действием субъекта. А поскольку социальный индивид, как таковой, существует только в своей производственной деятельности, то сознание обладает общественным признаком; оно возникает с появлением человека,—с тем первым актом, благодаря которому первое человекоподобное животное противостоит природе и отделяется от всего остального животного мира. Но это значит, что оно одновременно есть и исторически конкретное сознание. Человек по своей социальной природе продукт истории, значит, и сознание его в историческом смысле конкретно. Человек вначале мало чем отличался от животного, ибо сознание его оказывало самое незначительное влияние на его отношение с природой. Но, благодаря развитию производительных сил, человек стал приобретать господство над природой и стал хозяином ее сил, рабом которых он когда-то был. Это приобретение или становление нового качества не происходит вопреки сознанию, поскольку последнее неотделимо от человеческой деятельности и является формой этой деятельности. Ставшее качественно более высокой формой деятельности, сознание уже оказывает чувствительное влияние на другие формы практики, организуя и направляя их в желательную для субъекта сторону. На этом уровне развития, сознание общественного человека выступает уже как общественное сознание, как сознание коллектива. От сознаний

самого себя и своего окружения, от определения собственного места в окружающей среде, человек переходит к познанию самого сознания. Возникают разные науки: философия, этика, эстетика и т. д., как формы общественного сознания. Сознание в форме знания и науки превращается в огромную производящую силу, а в форме новых передовых идей и теорий, а также политических взглядов, в революционную силу, изменяющую общество.

В социалистическом обществе роль сознания приобретает исключительно важное значение. Если вследствие господства частной собственности и анархии производства развитие прежних обществ шло неорганизованно и стихийно, то уже при социализме, где указанные причины больше не действуют, одним из решающих факторов его движения является план. Но означает ли это, что в результате упомянутых изменений сознание перестает определяться общественным бытием? Отнюдь нет,—в конечном счете общественное бытие всегда является определяющим.

Каждое общество имеет свою особую форму общественного сознания. В первобытно-общинном строе оно не было классовым, так как это общество не знало деления людей на классы. Но, начиная с рабовладельческого строя, общественное сознание уже классово, причем каждый класс обладает своим общественно-классовым сознанием. Следовательно, характер сознания людей всегда зависит от степени развития их общественного строя. Какое же соотношение существует между общественным и индивидуальным сознанием? В той или иной мере индивидуальным сознанием обладают все люди, но не всем им присуще истинное общественное сознание, то есть не все они способны правильно определять ход и характер общественного движения. Конечно, было бы неверно, если бы кто-либо стал утверждать, что есть люди, вовсе не обладающие общественным сознанием. Любое индивидуальное сознание является в той или иной мере также и общественным, однако, при этом оно еще не представляет собой необходимого качества, дающего право называть его общественным сознанием в подлинном смысле этого слова. Ведь не всякое представление об обществе и его силах является глу-

боким пониманием соотношений сил и определением своего места в движении этих сил.

Общественное сознание людей проявляется в различных формах: в форме политической идеологии, морали, искусства, науки, философии и т. д., которые находятся во взаимосвязях и взаимодействиях. В этой системе взаимодействия определяющую роль играет мировоззрение господствующего класса, оно и влияет на ход и характер развития остальных форм общественного сознания—на искусство, науку и т. д. Само это явление становится возможным благодаря тому, что формы общественного сознания, наряду со своей зависимостью от общественного бытия, обладают также относительной самостоятельностью.

Из сказанного явствует, что сознание, в любой своей форме проявления и независимо от своего характера, является формой соотношения субъекта с объективным миром. Только благодаря взаимоотношению этих двух реально существующих сторон, мы имеем сознание. Сознание вообще или сознание само по себе не существует, оно есть действие и взаимодействие своих элементов, поэтому оно есть конкретное сознание.

2. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ СОЗНАНИЯ И ИХ ОТНОШЕНИЯ

Сознание всегда есть сознание чего-нибудь или о чем-нибудь; оно имеет свой субъект и предмет сознания или, как говорят, содержание его.

Субъект—это человек как социальное существо; благодаря этому своему качеству он сознает свое отличие от предметов внешнего мира и тем самым превращает себя в объект собственного сознания. Но может ли субъект осознать и свое сознание? Несомненно, да, в противном случае оно имело бы чисто стихийный характер. Только сознание, например, сущности классового сознания, его роли в классовой борьбе, в победе передовых сил общества над реакционными силами дает возможность партии рабочего класса соответствующим образом организовать идеологическую работу, используя ее в качестве средства изменения мира. В этом случае сознание

тоже выступает как вполне реальный процесс,—и не только как физиологическое, но и как психическое явление. Поэтому объект сознания **всегда** находится вне субъекта, независимо от того, имеет ли он общественный или же психический характер. Конечно, познавательное отношение производно, оно определяется практическим отношением субъекта к объекту. Только при такой постановке вопроса возможно научное определение отношения между субъектом и объектом. Но из этого не следует, что сознание не имеет своего реального бытия.

Его реальность состоит в том, что оно является формой движения, и как таковое может стать объектом познания, не переставая быть определяемым общественным бытием.

Как общественное существо субъект продукт истории и не может существовать вне общества. Но в обществе он не теряет свою индивидуальность, не растворяется с обществом, не перестает быть самостоятельным субъектом. Наоборот, упомянутая особенность его дает возможность субъекту развивать свою индивидуальность и дальше, но только на новой общественной основе.

Как субъект, так и объект сознания суть таковые лишь в процессе сознания. Человек вне отношений к своей среде не является сознающим субъектом. То же самое можно сказать и об объекте как о содержании сознания. Но субъект и предмет его сознания суть таковые не в результате воздействия какой-то внешней силы, а в результате своей внутренней необходимости: между собою они вступают в отношения имманентно.

Субъект, как воздействующий и производящий, относится к внешнему миру, имея целью его изменение. В процессе этих отношений предметы внешнего мира вступают в круг его сознания. Субъект стремится к духовному овладению предметом ради его производственного изменения. Это овладение есть выявление истины. То, что дается субъекту в процессе его отношения к объекту, есть истинная реальность. Отрицать или же сомневаться в истинности предмета познания не допускает само познание, и его отношение к предмету сознания есть отношение обнаружения истины.

Но сознанию доступна не истина вообще, а ее относительная, исторически-конкретная форма. Рассматривая, на-

пример, картину Рембрандта, субъект сознает силу красоты и мужества запечатленных на ней героев. Перед ним исторически конкретная истина. Формы красоты и мужества, изображенные Рембрандтом, могли быть результатом только известного исторического развития и свойственны передовому классу этой эпохи; именно поэтому они исторически конкретны, но в тоже время отражают реальную жизнь, а следовательно, безусловно верны. Сознание есть сознание этой безусловной реальности или абсолютной истины в ее конкретной форме.

Отношение субъекта к предмету познания есть процесс непрерывного овладения предметом, процесс достижения абсолютной истины. Отношение же предмета к субъекту есть отношение воздействия, в результате чего от состояния неосознанности объект совершает для субъекта переход к состоянию осознанности. Но этот переход не является растворением предметного мира в субъекте или же «только в предмете наблюдения субъекта». Овладение есть познание форм движения и законов этих форм, благодаря чему предмет, физически оставаясь существовать вне субъекта, одновременно переходит к нему. Это значит, что осознанный объект остается, с одной стороны, тем, чем был раньше, т. е. продолжает сохранять и подтверждать свою объективную реальность, а с другой—подвергается изменению, перестает быть неосознанным, не относящимся к субъекту предметом, одним словом, теряет свою первоначальную «целомудренность». Формула: «Я обладаю предметом» означает: мне известны законы его существования, и я могу воздействовать на него.

Постепенное овладение законами природы привело к увеличению над ней господства человека. Это отношение субъекта и предмета сознания не есть пространственное или временное отношение близости, сосуществования, последовательности в обычном смысле этих слов, но, конечно, оно одновременно и не происходит вопреки им, ибо они—суть формы существования всякого бытия. Поэтому вышеназванные отношения, как формы движения, являются своеобразными отношениями и сочетаниями сторон, в которых, раскрывая свое внутреннее богатство и реальность собственного бытия, объект освобождается от случайностей, а субъект, овладевая этим богатством, внутренне обогащается и становится уже чем-то дру-

гим. Таким образом, отношение элементов сознания—это непрерывное в своей основе движение, движение отражения реальности.

3. ФОРМЫ ОТНОШЕНИЯ

а) Ощущение

Первая форма отношения со средой с целью ее познания—это ощущение. «Ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания»[1]. Оно не свойственно всякой форме материи, хотя и все они обладают движением. Короче говоря, не всякая форма движения есть ощущение. «В фундаменте самого здания материи можно лишь предположить существование способности, сходной с ощущением»[2]. Способность—это потенциальная возможность, которую ещё нужно превратить в действительность. Ощущение превращается в действительность только в высшей форме материи. Поэтому для появления ощущения недостаточно одного лишь движения. Конечно, без движения нет развития, нет появления высшей формы материи, тем самым и ощущения как свойства этой материи. Но именно потому, что материя достигает своей высшей формы через развитие, через изменение своего первоначального качества, одним словом, через движение, именно поэтому ощущение «не сводится к движению материи» а есть «одно из свойств движущейся материи».

Как свойство движущейся материи, оно есть процесс непрерывного восприятия объекта.

Погружение в предмет или его познание начинается с чувственного впечатления о качестве. Ощущение дает нам качество предмета. Фейербах говорит, что ощущение и качество одно и то же. Ощущение дает нам известное представление о реальном предмете, об отличии объекта ощущения от других предметов и в этом смысле— о качестве предмета.

---

1 *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 46.

2 Там же, стр. 40.

Оно не отражает сущность предмета, а способно фиксировать только общую отличительную черту объекта познания, вследствие чего наше знание о нем имеет абстрактный и поверхностный характер.

Ощущение—это функция определенных органов человека, их взаимосвязь и взаимодействие с раздражителями, это результат чувственной дифференцировки раздражителей и, наконец, это чувственное впечатление. Как таковое ощущение—с одной стороны, сигнал, а с другой—образ предмета (поскольку оно у человека является актом познания).

Как акт познания ощущение является известным воспроизведением объективной действительности. Но нельзя думать, что в этом воспроизведении **дано только одно** явление и то лишь в случайной форме. Во-первых, всякое явление, так или иначе, есть отражение известной сущности и, во-вторых, действительность, как объект отображения, не существует в чисто случайной или же в какой-либо другой **отдельной** форме, она является единством общего и единичного, случайного и необходимого, и вообще всех своих форм. Всякий акт познания берет действительность так как она есть, но каждый из них делает это с разной глубиной, с разным охватом, и, наконец, в разных взаимоотношениях, обращая при этом главное внимание на разные ее стороны или качества. Характерная особенность ощущения состоит в том, что оно строит образ предмета познания по тому его признаку, который является наиболее важным для непосредственного существования предмета, отвлекаясь при этом от взаимоотношений вещей друг с другом. Поэтому можно сказать, что ощущение—это не голое хаотическое чувственное восприятие внешнего мира. Ощущение есть познание, когда оно с головой, как говорит Фейербах, т. е. с разумом, поэтому оно внутри себя есть переход к разуму. Но этот переход совершается через восприятие и представление.

б) Восприятие

Восприятие как акт познания отличается от ощущения не резко, а генетически следует за последним. Подобно ощущению, оно является чувственным отображением реального

мира и опирается на чувственные материалы ощущения. Это доказывает наличие связи между ощущением и восприятием, но не тождество их. Если ощущение воспроизводит чувственный образ предмета, выделяя его наиболее общее качество, восприятие уже более сложный процесс, в который включаются обобщение и определенные связи между раздробленными элементами ощущения. Данные ощущения входят в восприятие как материал, ибо оно—качественно новый процесс познания, включающий в себя также опыт прошлого и мышление воспринимающего, вследствие чего сила отражения в восприятии значительно активнее по сравнению с ощущением. Благодаря этой активности восприятие от чувственного образа переходит к осознанию предмета внешнего мира. Осознание чувственного предмета является основным отличительным признаком восприятия, оно может быть определено как процесс овладения предмета субъектом, в чем и заключается, собственно, момент действия. Восприятие без активности со стороны субъекта немыслимо. Действие в восприятии сводится к подчинению себе материалов ощущения и раскрытию многообразных отношений между ними, т. е. приведению образа восприятия в соответствие с предметом отражения. Это значит, что образ или форма в восприятии не тождественны с содержанием. Содержание—сама действительность, существующая вне и независимо от нас, а форма—это отражение действительности. Поэтому в восприятии форма имеет относительную самостоятельность, отличается от своего содержания, хотя и не является еще вполне самостоятельной. Восприятие есть форма соединения материалов ощущения. Но одно лишь соединение еще не является отвлечением от чувственного материала. Первое элементарное слияние первичных данных чувств является первым шагом на пути представления предмета в своей целостности, на пути создания нового образа.

Образ восприятия—это уже не чувственное впечатление ощущения, а целостный объект познания с определенными пространственными свойствами и отношениями с другими объектами. Пространственная характеристика предмета восприятия, его пространственное обособление является одним из характерных моментов восприятия. Но мы знаем, что про-

странство неотделимо от времени, поэтому воспринимая предмет в пространстве мы воспринимаем его и во времени. Когда говорим, например, что Ереванский государственный университет находится в **центре** города, мы тем самым определяем и время. Вот почему можно сказать, что восприятие является и пространственно—временным обособлением предмета познания.

Обособленный предмет представляется нам с определенной величиной, в определенной форме и т. д., которые имеют некоторую устойчивость. Восприятие имеет дело с этими устойчивыми состояниями, оно не рассматривает предметов в процессе изменений, а лишь как объекты, имеющие **постоянную** величину, форму и т. д. Это и понятно. Для того, чтобы создать образ, необходимо не только обобщить чувственные впечатления, но и особенности предмета, отраженные этими впечатлениями, брать их как устойчивые особенности, иначе трудно будет создать какой-нибудь образ предмета. В лице образа восприятие дает нам представление о действительности и тем самым возможность действовать, учитывая объективные условия. Это значит, что восприятие является необходимой предпосылкой для действия людей; оно возникает в процессе этого действия, но после своего возникновения превращается и в условие для него. Это отношение взаимоопределения является характерной чертой как практической, так и теоретической деятельности человека и одновременно условием их развития.

в) Представление

Возникновение представления и мысли на основе чувственного восприятия есть новый шаг вперед по пути дальнейшего углубления сознания. Я увидел персик, и это стало причиной возникновения известного восприятия. Я сейчас его не вижу, но полученное от него восприятие осталось в форме обыкновенной памяти, что и есть представление. Если для возникновения чувства и восприятия требуется внешнее раздражение, то для появления представления это не обязательно. Физиологи считают, что представление, подобно чувст-

венному впечатлению, имеет свой участок мозговой коры, а именно: ассоциированный центр. Существование такого центра разрешает нам иметь представление о любом ранее воспринятом предмете без его **непосредственного** воздействия на нас. Это значит, что представление уже является некоторым выходом из пределов ощущения, известным абстрагированием от конкретного материала чувства. Однако в основе возникновения представления лежит всецело чувственный материал. То, что в той или иной форме прежде не дано в чувствах, не дано и в представлении. Когда представления уже существуют в разных сферах человеческой деятельности, мыслящий субъект соединяет их между собой, образуя понятие. Но не все наши представления и их соединения имеют одинаковое значение и могут быть действительной картиной мира. Рудянский говорит, что по одной сказке, молочница разбила кувшин в мечтах о цыплятах, поросенке, корове и теленке. Каждое звено этой цепи взято из действительности, однако цепь этих звеньев неспособна дать нам верное представление о мире.

Чтобы иметь реальную картину мира, следует произвести некоторый отбор представлений и соединить их в определенном порядке. Этот отбор производит **практика.** При помощи практики мы освобождаемся от таких представлений, которые не соответствуют действительности или искажают ее. Благодаря этим действиям, соединения наших представлений становятся реальными обобщениями. Проходя через процесс проверки практикой, представления и их соединения образуют, конечно, при помощи разума научные понятия.

г) Мышление и его виды

Возникновение понятия является актом мышления. Мышление—это высшая форма духовного отношения человека к среде, включающая в себя все те формы познания, которые не относятся к чувствам. Ощущение было «разделенным, раздробленным» представлением действительности, мышление—ее связанное отображение. Содержание как мышления, так и чувства по существу одинаково—объективная действитель-

ность. Мышление, как и чувство, имеет одну и ту же цель— изобразить реальный мир в своей многогранности. Но эту задачу они выполняют по-разному, в разных формах и с разной глубиной. Это не значит, что мышление и чувство совершенно раздельны, что можно ощущать, видеть или слышать и совсем не мыслить. Если я вижу что-нибудь, то я одновременно мыслю о нем. Видение, как физический процесс, есть некоторое раздражение, возбуждение в зрительных нервных клетках. Такой процесс у животных может иметь место без мышления, поскольку животное—**непознающий** субъект. Но ощущение, как процесс познания, носит иной характер. Здесь видеть означает в то же время и умение обособлять предметы, что является обнаружением связи между вещами. Я вижу бюст Ленина и стоящий рядом с ним бюст красноармейца. Мои чувственные впечатления ни в коем случае не смешивают их друг с другом, они показывают не тождественность этих предметов, а их различие, которое тоже есть известная форма связи. Таким образом, в действиях ощущений даны уже и действия разума, хотя и в зародыше, в отрицательной форме связи предметов ощущения. Однако факт состоит в том, что нет ощущения, как процесса познания, без мышления, без разума. А из этого следует также, что нет и мышления без материала ощущения. Ведь мышление вскрывает **существование** связи, различает, связывает предметы внешнего мира и их отражение, формы связи, которые **существуют** независимо от мышления и даются нам посредством чувств. Мышление само ничего не берет из природы и брать не может, его роль сводится к различению материала чувств, отысканию разнородных связей между ними и обнаружению законов их существования. Поэтому мышление возникает там, где есть объект мышления, точно так же, как объект мышления есть там, где есть само мышление.

Основная ошибка старой философии заключалась в том, что она метафизически разъединяла и противопоставляла друг другу мышление и ощущение как два ничем не связанных между собой источника познания. После того как они уже были разъединены, старая философия стала искать или, вернее, устанавливать произвольным образом связь между раздельными моментами одного и того же единства. Такая уста-

новка могла привести только к дуализму, как у Канта, или же к чистому субъективизму, как у Фихте, Беркли и других. В действительности мышление и чувство—разные моменты одного и того же единства, одного неделимого процесса познания.

Фейербах говорит, что «при помощи чувств мы читаем книгу природы, но понимаем мы ее не посредством чувств», а с помощью мышления. Сенсуалисты **останавливались на чтении,** думая, что этим и кончается процесс познания. Рационалисты же хотели **понимать** книгу, не желая ее читать. Истинное познание есть единство чтения и понимания и единство всех форм мышления.

Мышление осуществляется в разных видах, ибо способы связи и взаимопереходов его внутренних и внешних факторов качественно многообразны. Кроме того, на него одновременно воздействуют разные факторы, поэтому его виды не изолированы друг от друга и могут быть выделены только в абстракции. Для совершения такой операции мы исходим из практики, поскольку мышление является обобщением и осмыслением практики. А практика существует как действие отдельных людей и как общественная практика. Соответственно с этим есть индивидуальное и общественное мышление.

Индивидуальное мышление—это такой мыслительный процесс, который опирается на индивидуальную практику, тогда как общественное мышление—имеет свои основы в практике общественной. Это деление, конечно, является условным, ибо в действительности индивидуальное и общественное мышление едины, первое является моментом второго и самостоятельно существовать не может, поскольку существование индивидуума вне общества немыслимо.

По глубине проникновения в объективную действительность, мышление бывает эмпирическим и теоретическим. Эмпирик ставит себе задачей установить факты или истину фактов без сравнения их друг с другом и раскрытия внутренних связей между ними. Он опирается на практику, которая отнюдь не достаточна для глубокого и всестороннего познания объекта. Эмпирическое мышление неспособно к научному предвидению, оно может только констатировать факты и давать их поверхностное описание. В этом отношении не далеко

от него и рассудочное мышление. Но в отличие от эмпирического, рассудочное мышление все-таки старается выявить некоторые связи между объектами познания, тем самым создавая предпосылки для более развитого мышления. Прав был Гегель, когда писал, что «...раньше всего мы должны также признать право на заслугу чисто рассудочного мышления, состоящую вообще в том, что как в теоретической, так и в практической области нельзя достигнуть твердости и определенности без помощи рассудка»[1].

Развитие эмпирического и рассудочного мышления приводит к возникновению теоретического мышления. Это происходит в результате обогащения практики и развития самого познания, поэтому теоретическое мышление является не простым отбрасыванием предыдущих форм познания, а их диалектическим преодолением, их снятием—путем сохранения и развития того, что было положительного в них. Теоретическое мышление является обобщением всего фактического материала, его осмыслением и выявлением глубоких связей между объектами познания. Через посредство практики и при помощи существующей системы теоретических знаний, оно добивается таких обобщений, которые дают возможность установить закономерности развития действительности и тем самым не только предвидеть будущее, но и активно содействовать его осуществлению.

Теоретическое мышление отражает объективный мир так, как он есть, ему чужды эмоции, придающие субъективную окраску процессу познания и приводящие к субъективизму. В отличие от эмоционального, теоретическое мышление является рациональным, опирается на разум. В то время как первое, отождествляя свойства вещей с эмоциями человека, открывает дорогу идеализму, второе, наоборот, создает цельную систему для научного познания законов вещей и явлений природы и общества.

Таким образом, общественное сознание—это такое познание мира вещей, которое осуществляется через ощущение, восприятие, представление и мышление, это единство упомянутых актов познания, которое конкретизируется в искусстве, ре-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 132.

лигии, философии, науке и других формах. Но независимо от всего этого, общественное сознание к решению своих задач приходит с помощью понятий, суждений и умозаключений, которые суть основные формы мышления.

❋❋❋

Философы часто спорят о том, что должно считать исходным моментом познания: понятие или суждение? Нам спор этот представляется схоластическим, ибо нет понятия вне суждения и нет суждения без понятия. Познание — это единый процесс взаимопереходов форм мышления для адекватного отражения действительности. В этом процессе каждая форма мышления является как исходным моментом, так и результатом познания. Поэтому вопрос о том, с чего следует начинать изложение: с понятия или суждения, является вопросом методики. А с точки зрения методики, логичнее начинать его не с суждения, а с понятия.

ГЛАВА II

ПОНЯТИЕ

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Понятие—это форма мышления, но не как продукт свободного творчества субъекта или же духовной деятельности, независимой от материи, а как высший продукт мозга. В отличие от предыдущих форм отношения субъекта к действительности научное, диалектическое понятие является ее теоретическим воспроизведением, т. е. теоретическим осмыслением вещей, поэтому отображением не всяких их особенностей, а их сущности, которая не дана в формах чувственного познания. Понятие—это специфическая человеческая деятельность. Нельзя сводить эту деятельность к эмпирическому отражению вещей, потому что последние становятся объектами воспроизведения понятия только включаясь в орбиту общественной жизни. В понятии дана мысленно преобразованная вещь, служащая для удовлетворения потребности человека. Это значит, что понятие включается в акт труда (является моментом трудового процесса). Человек не может трудиться, не зная к чему приведет его труд. В отличие от воздействия животного на природу, труд человека является такой формой обмена веществ между его носителем и природой, которая приводит к осуществлению того, что было дано в голове человека идеально. А достичь этого вне понятия невозможно. Только имея его человек способен создать идеальный образ вещей.

Таким образом, как со стороны формы, так и со стороны содержания понятие—результат социальной деятельности человека. Но оно—отражение не эмпирической вещи, а ее идеальный образ. Для того, чтобы предмет природы приобрел

способность выступать идеально, он должен стать объектом общественного воздействия, т. е. приобрести общественный характер. Эта способность формы и содержания понятия одновременно является доказательством его объективности, доказательством того, что оно—результат общественно-исторической практики человека; следовательно, в нем обобщен опыт многих поколений людей.

Как акт познания понятие—это обобщенное отражение объективной реальности. Оно возникает в результате: 1) выделения объекта познания по признакам, отражающим его сущность; 2) действия разложения целого на составные части для обнаружения и выделения его наиболее характерных сторон и связей и 3) мысленного воспроизведения целого на основе полученных абстракций как богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями[1]. Понятие—это накопление и синтезирование опыта. Имея определенный опыт, мы обобщаем его так, чтобы обнаружить конкретную сущность предмета познания, обнаружить то, что является объективной основой возникновения и существования этого предмета и тем самым «воплощать в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного», как говорит В. И. Ленин. Таким образом, понятие—не простая абстракция от несущественных признаков ради обнаружения существенных или общих признаков. При этом абстрагировании от предметного мира остаются лишь голые схемы, пустые формы мышления или, в лучшем случае, только тени действительности, а не ее реальное отображение. Однако не следует забывать, что понятие всегда отнесено к объективно существующим вещам и явлениям, например, к дому, человеку, животному. Поэтому понятие—это не абстракция в обычном смысле слова, а синтез многообразного, синтез не как внешнее единство, а как слияние на основе выявления их внутренней всеобщности.

С точки зрения формальной логики, понятие лишь общее представление существенных признаков объекта, возникающее путем отвлечения от несущественных признаков и обнаружения того, что является общим для всех видов данного рода или же индивидов данного вида. Конечно, любое

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 12, стр. 726—727.

понятие имеет общий характер, но неверно ограничивать его определение одной этой чертой. В свое время Гегель заметил, что «всеобщее понятие не есть только нечто общее, которому противостоит особенное, обладающее своим собственным существованием, а скорее оно есть само себя обособляющее (само себя специфицирующее) и с незамутненной ясностью остающееся у самого себя в своем другом. В высшей степени важно, как для познания, так и для практического поведения, чтобы мы не смешивали лишь общее с истинно всеобщим, с универсальным»[1]. В отличие от «истинно всеобщего» «общее» понятие образуется на базе обнаружения внешнего сходства единичных объектов, поэтому оно научным быть не может. Когда Прудон в рабочем классе видел одну только нищету, Маркс заметил, что бедность, свойственная каждому рабочему буржуазного мира в отдельности, не составляет сущности этого класса. Его настоящая сущность состоит в том, что он является творцом материального богатства общества и самым революционным классом современности. Отдельные его члены могут быть даже контрреволюционерами, т. е. не обладать основным признаком класса, но от этого понятие не перестает быть научным, ибо для образования научного понятия необходимо открыть скрытую от нас сущность объекта, необходимо выявить не только внешние, но, в первую очередь, внутренние связи, показать не только отличие, но и связь свойств объекта познания, отказываясь от формально-логической теории общих признаков. Понятия, образованные по закону тождества, пригодны только для отображения статического состояния вещей и их отношений, но не процессов, не развития. Знания, приобретенные при помощи подобных понятий, поверхностны и крайне элементарны. Кроме того, если понятие—это отражение только общего признака предмета, то как же быть тогда с единичными понятиями, например, с понятиями Ереван, Арарат, Венера и т. д., признаки которых индивидуальны? Как образовать понятия о тех объектах, которые одновременно обладают двумя противоположными признака-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 268—269.

ми? Ведь это не согласуется с законом противоречия. А в действительности, например, микрочастицы имеют как корпускулярные, так и волновые свойства, которые противоположны. Ясно, что теория понятия формальной логики крайне ограничена.

В формальной логике одно понятие стоит рядом с другим как его противоположность. Так, например, единичное понятие стоит рядом с общим, отрицательное—рядом с положительным и т. д., единичное является отрицанием общего, положительное — отрицательного, конкретное — абстрактного и т. д. Это объясняется характером формальной логики, не имеющей дела с процессами и переходами и по этой причине ограниченной. Диалектическая логика преодолевает ограниченность логики формальной, рассматривая понятия как отражения объективной действительности во всей конкретности.

Понятие не чистая форма, а определенное отношение субъекта к внешнему миру. Следовательно, оно как субъективно, так и объективно, ибо без наличия объекта возникновение какого-либо отношения невозможно. Поэтому в основе понятия лежит отображение объекта субъектом через обобщение, через синтез всех его граней. Понятие—это **опосредованное знание.** Благодаря опосредованию понятие способно схватывать в предмете более существенную сторону или, другими словами, способно схватывать в предмете как раз его сущность и включать в себя не только объективную всеобщность, но также момент различия. Таким образом, понятие становится формой познания конкретного единства многообразного мира. А из этого следует, что понятие не может оставаться все время неизменным. С изменением предмета человеческой практики и самого познания людей меняется и понятие, оно обогащается, углубляется и становится чем-то другим: **во-первых,** расширяются рамки понятий путем перехода к более широким обобщениям, и, **во-вторых,** создаются новые понятия посредством перехода от частного к более общему—от индивида к виду, а потом к роду, или же посредством обнаружения в каком-нибудь виде новой разновидности. Функции понятия состоят, во-первых, в том, чтобы отображать объективный мир и тем самым дать возможность человеку организовать свою связь с окружающей средой, во-

вторых, в том, чтобы играть роль орудия мыслительного процесса, средства размышления, способа объяснения, в-третьих, в том, чтобы стать предметом духовной деятельности человека, предметом его размышления и, наконец, в-четвертых, в том, чтобы выступать как целесообразная деятельность. Выполняя эти функции понятие непрерывно развивается.

Движение понятия есть процесс проникновения в предмет понятия. Его развитие отображает развитие предмета, и законы его движения не могут принципиально противостоять законам развития объективно существующего мира. То обстоятельство, что понятие—не действительность, а ее воспроизведение, не ее непосредственное, а опосредованное знание, придает ему **относительную** самостоятельность, и в его законах отмечается специфика, не присущая законам материального мира.

2. ПОНЯТИЕ И СЛОВО

Понятие—это мысленное отображение действительности. Для осуществления этой задачи понятие пользуется словами. Слово—необходимое условие и в то же время средство для образования и существования понятия. Если нет слова, воспроизведение объективного мира субъектом не имеет своей формы выражения, что равносильно отрицанию самого мысленного отображения мира вещей. Дело в том, что возникновение понятия без абстракции невозможно. А абстракция нуждается в определенной материальной основе, которая образуется из комплекса звуков, составляющих слово. Не чувственно-зрительный, а звуковой материал слова дает возможность человеку создать ненаглядный образ вещей, выражая его понятием. Поэтому возникновение и существование понятия непосредственно связывается со словом. Противопоставление слова и понятия или же их отрыв друг от друга является формой противопоставления мышления языку, а тем самым и идеалистическим извращением процесса познания. Дело в том, что слово приобретает объективное содержание только через понятие, ибо оно не имеет **прямого** отношения к миру вещей.

Слово же суть сочетание определенных звуков, которые сами по себе взятые в отдельности не имеют особого значения. Как комплекс этих звуков, слово не есть копия предметов внешнего мира, и не связано органически с их качеством. Слово приобретает реальное содержание только благодаря понятию, поэтому его отрыв от понятия превращает его в пустую форму. Однако из этого не следует, что слово—это символ, содержание которого зависит от субъекта. Во-первых, если составляющие слово звуки в отдельности друг от друга бессмысленны, то во взаимосочетании они составляют тот необходимый материал, без которого нет слова, они образуют его фонетический облик, отношение которого к смысловому содержанию нельзя считать чисто внешним. Во-вторых, слово имеет смысловое содержание, оно включает в себя логико-категориальный элемент, поскольку в нем закреплено определенное понятие. Немало и таких слов, которые выражают также волевые и эмоциональные моменты, как, например, слова: **беспощадный, красивый** и т. д. Конечно, как первая, так и вторая особенности слова не дают нам основания говорить, что оно является **отражением** действительности, но они вполне достаточны для утверждения, что любое слово **обозначает** какую-нибудь вещь или явление природы и общества. Следовательно, слово не пустая форма.

Функция слова состоит в том, чтобы передать содержание понятия. С изменением упомянутого содержания изменяется и связь слов, их свободное сочетание превращается в фразеологическое и т. д. Выступая против народников, Ленин говорил, что с изменением исторических условий изменилось и содержание понятия «промысел», поэтому при оценке нового положения вещей старое словоупотребление является дикостью[1]. Ведь значение слова определяется первым долгом содержанием понятия, которое (понятие) будучи субъективным, как форма мышления, имеет свое объективное основание в действительности. Поэтому слово, в котором закреплено понятие, далеко не оторвано от мира вещей. Конечно, произношение слова, например, Арарат не означает, что мы имеем его в своей голове, но без его мысленного отражения воз-

[1] См. *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 3, стр. 85—86.

никновение этого слова невозможно. Как раз это обстоятельство и придает слову определенное значение, употребляя его, человек имеет в виду это значение. Если бы оно не имело никакого значения, люди не сумели бы передавать свои мысли друг другу, т. е. общаться между собой. Но этим не ограничивается значение слова, кроме лексического, оно имеет и грамматическое значение. Это и понятно, ибо и слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений[1].

Мы уже знаем, что слово и понятие не оторваны друг от друга, но из этого не следует, что они тождественны. Не будь между ними никакой разницы, каждое слово любого языка имело бы свое особое понятие, и были бы невозможными переводы с одного языка на другой. Понятие—это воспроизведение объективного мира и оно одинаково у всех наций, ибо все они имеют дело с одними и теми же объектами. Различие существует лишь в языке, в словах, в том, что является средством выражения понятий. Это обстоятельство дает возможность установить связь между различными нациями, овладевая средством выражения, понять мысли другой нации. Когда слово выступает как средство разговорного обращения людей между собою, тогда его значение уже содержания понятия, ибо люди придают ему одинаковое значение, чтобы понять друг друга. Так например, все люди употребляя слово «вода» имеют в виду известную жидкость, которая жизненно необходима для них; для химика же вода—это H_2O. Объем и содержание обычного слова и научного термина различны. Кроме того, значение слова содержится не только в понятии,—оно включает в себя и восприятие, представление, чувство, настроение, желание, устремление человека. Оно имеет свою эстетическую сторону и т. д. Конечно, для определения значения слова, понятие является главным, но нельзя игнорировать роль других моментов, особенно, когда имеют дело с художественным творчеством.

Ядро каждого из упомянутых значений слова составляет какое-нибудь понятие, поэтому каждое слово связано не с

---

[1] См. *В. В. Виноградов,* Русский язык. Грамматическое учение о слове, 1957, стр. 15.

одним, а со многими понятиями. Соотношение слова и понятия многогранно, оно доказывает что нет понятия без слова и слова без понятия, но из этого нельзя заключить, что каждому понятию соответствует какое-нибудь одно слово. В действительности есть такие понятия, для выражения которых нужна целая группа слов. Например, Октябрьская социалистическая революция одно понятие, выраженное при помощи трех слов. Есть и такие слова, которые в разных контекстах обладают различными понятиями. Например, слово кулак. Существуют также слова, которые выражают не только понятия, но и целые суждения. Например, слово **прошу** и т. д., следовательно, хотя понятие и слово едины, но они нетождественны. Основа их различия состоит в том, что они по-разному относятся к объективному миру. В отличие от слова, понятие является отражением действительности.

3. СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ

Как форма мышления понятие имеет конкретное содержание и объем. Содержание—это отражение сущности вещей, отражение объективной связи между вещами, а объем—это воспроизведение количественной определенности объектов внешнего мира. Отражая сущность и форму взаимосвязи вещей понятие отражает также их количественную определенность. Дело в том, что вещи проявляют свою сущность только в процессе взаимоотношений, поэтому воспроизводя их сущность, понятие не может отвлекаться от их количественной определенности. Кроме того, вещи, как объекты отражения, суть целостности своих сторон, свойств, элементов и т. д. в силу чего воспроизведение их сущности одновременно является воспроизведением определяющих моментов или сторон целостности. А исключить количественную определенность из этой целостности невозможно.

С точки зрения формальной логики содержание понятия—это совокупность существующих признаков, а объем—это количество предметов, данных в понятии. Как акт первоначального элементарного мышления, это определение понятия правомерно. Ведь только начиная мыслить человек имеет дело не

с процессами, а с вещами и явлениями, находящимися в относительном покое. Познать эти вещи означает установить факт их существования, определить их признаки и объем, сравнить их между собою с целью уяснения их наглядных особенностей: убедиться, например, в том, что дом высокий, а железо металл. На этом уровне развития понятие представляется как отражение суммы признаков, а не сущности, поскольку вещи обнаруживают свою сущность только в процессе развития и взаимоперехода, а формальная логика имеет дело с формами и законами такого мышления, которое является отражением форм и законов вещей, находящихся в относительном покое. Но познание на этом не останавливается. С развитием общества, с накоплением необходимого опыта, человек идет дальше констатации фактов, он старается узнать: как возникли и изменяются те вещи, с которыми он общается, т. е. познать закономерности развития объективного мира, и этим достичь выявления его глубокой сущности. Конечно, в признаках вещей тоже отражается сущность, но сущность как качество, т. е. то, что наглядно, что доступно чувственному познанию. А диалектическое познание стремится к тому, чтобы выявить скрытое за явлением. Для этого понятие от признаков переходит к отражению скрытой за внешними признаками сущности, что свидетельствует о переходе от формальной логики к диалектической.

В формальной логике соотношение содержания и объема понятия обратно пропорционально: чем больше объем понятия, тем беднее его содержание и наоборот. В понятии вида больше отражения признаков, чем в понятии рода, говорит представитель формальной логики. И он прав, поскольку речь идет об образовании элементарных общих понятий. Но достичь этого путем познания сущности, обнаруживаемой только в процессе, невозможно. Подобные абстракции способны давать нам представление лишь о внешних признаках объекта познания. Раскрытие сущности требует отражения структурных особенностей упомянутого объекта, важнейших закономерностей его существования и взаимосвязи с другими объектами. Для этого необходимо пользоваться понятиями, от увеличения объема которых их содержание не только не беднеет но, наоборот, обогащается, так как, охватывая больше

единиц, познание получает возможность переходить к более широким обобщениям и, тем самым, к постепенному углублению в сущность вещей. Является фактом, например, что объем неэвклидовой геометрии Лобачевского и Римана шире эвклидовой, вследствие чего она глубже отражает закономерности пространственных отношений и их изменений, чем эвклидовая геометрия.

В диалектической логике общее понятие всегда глубже отражает сущность объекта познания, чем частное или единичное, поэтому можно сказать, что в отличие от формально-логического закона обратного соотношения объема и содержания понятия, в диалектической логике действует закон их прямого пропорционального соотношения, согласно которому чем больше объем понятия, тем глубже раскрывается содержание объекта познания, и наоборот.

Но диалектическая логика не отвергает рациональное в упомянутом формально логическом законе. Во многих случаях то, что мыслится в понятии «вид», распространяется на все индивиды этого вида, которые имеют, к тому же, и свои специфические, выделяющиеся признаки. Например, общие признаки человека, как одного из видов животных, свойственны Ивану, как индивиду. Отказаться от признания подобных фактов нельзя, но абсолютизировать их также ошибочно. Дело в том, что науке известны и такие факты, когда общие признаки вида не распространяются на индивиды этого вида. Статистические законы доказывают, что общие признаки ансамбля не свойственны отдельным компонентам этого ансамбля. Вообще скопление известного количества может породить новое качество, основные признаки которого заранее не существовали ни в одной из единиц этого качества. Немало понятий, которые по объему совпадают, а по содержанию разны. Так, например, понятия «животные, обладающие сознанием», и «животные, способные трудиться», безусловно, отличны друг от друга, и тем не менее оба имеют одинаковый объем, относясь к классу существ, которых мы называем «людьми» и **только** к этому классу. Не отличаясь друг от друга по своему объему, названные понятия значительно различаются по своему содержанию»[1]. Из сказанного следует, что

[1] *Г. Клаус,* Введение в формальную логику, 1960, стр. 200.

формально-логический закон обратного соотношения содержания и объема абсолютизировать нельзя.

Как бы ни относились понятия содержание и объем друг к другу, они все-таки суть формы отражения вещей и их основу следует искать в мире вещей, где каждая вещь выступает в качестве определенного индивида представителя вида и рода. Вещь имеет свою как индивидуальную, так и особенную и общую стороны, которые, будучи предметом изучения, отражаются в понятии. Но каждое отдельное понятие может быть отраженным в основном одной из этих сторон. Поэтому понятия могут быть единичными, особенными и общими.

2. ФОРМЫ ПОНЯТИЯ

а) Единичное понятие

Понятие в своем поступательном движении сначала есть: **единичное понятие** или, вернее, **понятие единичного.** Понятие само по себе есть некоторая всеобщность, некоторая абстракция, некоторое обобщение. Но оно таково лишь по отношению к ощущению или восприятию, а по отношению к своим высшим формам единичное понятие еще не достигает подлинной всеобщности. Например, яблоко может быть антоновкой, мичуринским и каким угодно другим сортом яблока. Каждое яблоко есть некоторая общность по отношению к своим сортам, а по отношению к плоду оно уже не всеобщее, ибо плод—это не только яблоко, но и персик, груша, виноград и т. д. Так что попытка начинать развитие понятия со всеобщего глубоко неверна. Дело в том, что:

1. Всеобщее есть **результат,** а не исходный пункт. Конечно, и результат может стать исходным пунктом, но только для другого результата, а не для самого себя. Кроме того, поскольку начало в результате проявляется в более развернутой форме, результат может ярче осветить путь возникновения начала, но ни в коем случае не заменить его.

2. Не всеобщность опускается в жизни до ступени единичного, а единичное поднимается до уровня всеобщего. Несомненно, это совершается тогда, когда мы имеем дело с нор-

мальным развитием. В буржуазном обществе, например, где масса рабочих и крестьян работает на одного, где государство находится на службе у капиталистических магнатов, единичное искусственно возводят до ступени всеобщего и начинают развитие с него, чтобы не доходить до истинно единичного, до отдельных рабочих и крестьян и не показать их реальные интересы, действительную всеобщность этих интересов. Но этот путь ложен, он сознательно искажает исторический процесс ради интересов группы эксплуататоров. Исторический процесс показывает, что развитие начинается с единичного. Например, процесс самосознания рабочего класса исторически начался с отдельных выступлений против капиталистов и, наконец, вырос в России до организованной мощной пролетарской революции 1917 г.

3. Единичность, начинаясь со всеобщего, не доходит до своей истинной всеобщности, не выходит из рамок узкой индивидуальности, и стоящее на этой точке зрения мышление блуждает в пределах эмпиризма.

4. Всеобщее, как содержание, дается во многих формах, в том числе в особенной и единичной, которые не являются формами этого содержания, потому что всеобщее имеет идентичную себе форму. Это приводит к раздвоению формы и содержания, к искажению действительных соотношений формы и содержания.

5. Начиная с результатов, развитие сводится не к истинному диалектическому движению, а к произвольной конструкции мысли, к чистым соотношениям ее форм. Например, говоря о происхождении государства, Гегель его выводит не из развития общества и общественных классов, а из «мистического результата». Эмпирический факт, т. е. единичное у него, конечно, не исчезает, оно сохранено и имеет некоторое значение, но лишь как «лежащее за пределами его самого», т. е. не как реально существующая единичность, а выдуманная, выведенная из пустой абстракции. Спекулятивное мышление вообще начинает с того, что отвлекается от реально существующего, например, от груши, яблока и т. д., создавая понятие о плодах вообще. А так как ему необходимо ответить на вопрос: «что такое яблоко?», то оно начинает обратное действие, т. е, пытается вывести конкретные формы плода из

созданной им пустой абстракции, поэтому оно объявляет, что яблоко, груша, миндаль и прочее суть простые формы существования, модусы плода[1]. А это есть искажение действительности.

В реальном мире существует яблоко, груша, миндаль и т. д., а плод есть синтез, обобщение этих объективно существующих форм плодов, и научное познание начинается с отражения этих единичных предметов или объектов познания. Но оно на нем не останавливается, а идет дальше, поднимая его до ступени всеобщего путем отыскания и раскрытия всеобщих законов движения единичных предметов познания. Маркс показывает, что развитие стоимости исторически начинается не с денежной, наиболее развитой формы, а с простой, единичной или случайной формы.

Исторически этот процесс является одновременно и логическим процессом. Движение мышления начинается с отображения индивида, через него идет к познанию вида и поднимается до вершин рода. Благодаря этому процессу, выявляются две особенности единичного:

Во-первых, момент обособления, отделения одного индивида от другого. В процессе сопоставления предмет обнаруживает свою особенность, свое отличие от других, подчеркивает свою индивидуальность. Сопоставление груши и яблока дает нам не только сходство их, как видов плода, но и различие, благодаря чему груша оказывается особым видом плода.

Во-вторых, выявляется связывающий момент между ними, некоторая общность индивидов. Обмен товара А на товар В есть в то же время проявление того общего, что им присуще, благодаря чему они вступают в известные отношения друг с другом, в отношения обмена, а именно: оба они—продукты труда. Поэтому нет абсолютно самостоятельных форм, все существующие многообразные формы, в конце концов, суть формы существования и проявления материи и движения, которые одновременно связаны между собой. Но эта общность не исключает их индивидуальности, ибо по своей природе материя и движение многогранны. Единичное, таким об-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 2, стр. 63.

разом, как реальная форма материи, уже по своей природе содержит в себе две крайности: 1) индивидуальность и 2) общность. Эти особенности проявляются только в процессе взаимодействия или взаимосвязи двух разных объектов между собой. Для установления как особенности, так и общности отдельных яблок мы сопоставляем их друг с другом и приходим к заключению, что они и различны, и тождественны, и и противоположны, и едины; оставаясь раздельными, они в то же время сливаются в одно единство—в яблоко.

Основание этого слияния находится в них самих, в том, что они полюсы одного и того же единства—яблока. Каждое яблоко выражает собою не только свою индивидуальность, но и свою общность с другими, то, что оно есть яблоко как форма плода. А это уже переход от индивида к виду, т. е. раскрытие особенности объекта познания.

б) Особенное или частное понятие

Частное есть более глубокая определенность, чем единичность. Единичность в своей перспективе есть частность. Индивиды по своей природе таковы, что не остаются изолированными, не замирают на одной и той же точке, благодаря чему совершается развитие. Один индивид противостоит другому индивиду как его другое. Это отрицательное отношение есть положительное утверждение их различия, т. е. форма существования связи между ними. Ни один индивид не может существовать вне этой связи. Следовательно, индивид внутри себя есть вид, единичность есть частность; первое содержит в себе второе как результат собственного развития. Поэтому субстанция частного—не всеобщее, а единичное. Развернутая форма стоимости возникает из единичных форм, ибо, по выражению Маркса, «единичная форма стоимости» такова, что «сама собою переходит в более совершенную».

Совершенная форма есть результат развития несовершенных. Особенное понятие есть более совершенная форма понятия. Единичное понятие отрицается ею как несовершенное. Но это не значит, что особенное понятие существует как нечто данное и как таковое относится к единичному понятию. Нет,

конечно, особенное понятие коренится в единичном, и отрицание последнего им есть утверждение собственного бытия в нем, по крайней мере основание этого бытия. Так что особенное понятие вырастает из своего другого. Оно является продуктом исторического развития из низших форм понятия, ибо в мире вещей индивид содержит в себе свое отрицание, оно заложено в нем как его существенный момент. Благодаря этой особенности предметного мира, его отражение в сознании человека происходит аналогичным путем— от единичного к частному. Имея объектом отражения единичные вещи внешнего мира, познание схватывает особенности этих вещей, их определенность, что выражается в известных объективно существующих свойствах. Если холст не был таким же «сгустком безразличного человеческого труда», как и все другие продукты товарного мира, обнаружение его особенности было бы немыслимо. Следовательно, особенное понятие есть отражение действительности и не тождественно с единичным понятием.

Особенное понятие отличается от единичного тем, что оно отражает не индивидуальные свойства объектов отражения, воспроизводит не их внешнюю форму, а **особенность,** более **внутреннюю индивидуальность.** Но так как эта внутренняя индивидуальность есть некоторое завершение индивидуальности, то наряду с процессом обособления обнаруживается и связь подобных индивидов. Единичное понятие есть лишь поверхностное отношение субъекта к объекту познания, отражение объекта в той форме, в какой он является нам. Являющийся предмет сначала обнаруживает лишь внешнее отличие от других предметов, поэтому их индивидуальность кажется абсолютной. Железо абсолютно противостоит хлопку и наоборот.

Особенное понятие идет дальше внешнего проявления предмета, оно отражает его со стороны содержания, со стороны специфических качеств, следовательно, в этом смысле оно есть более индивидуальное понятие, чем единичное. То, что в единичном понятии проявляется как общее, абстрактное определение предмета, в особенном понятии оно—существенный момент предмета, его характерная особенность, ибо отношение отдельных предметов в единичном понятии еще но-

сит случайный характер, а в особенном представляет постоянную форму его существования. В единичной форме стоимости соотношение железа и хлопка было случайным. Иначе обстоит дело с развернутой формой стоимости. Здесь «случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает», отношение становится постоянным, вследствие чего «данная натуральная форма каждого товара» превращается в «эквивалентную форму наряду с другими многими» (Маркс). На этом этапе развития железность есть то постоянное существенное качество, которое обособляет данный предмет от другого, давая ему особую форму проявления. Отношение этой постоянной связи есть существенное преимущество особого понятия по сравнению с единичным.

Особенное есть **особенное единичного,** поэтому оно не абстрактное всеобщее, а выражает конкретность предмета. Конкретность есть некоторая полнота, некоторая целостность предмета. А целостность—это сочетание своих моментов, единство отдельных частей или определений, когда речь идет о понятии. Значит, как целостность, особенное понятие есть в то же время и общее понятие. Вступая в отношения с другими, себе подобными, оно обнаруживает с ними свою общность. Его определенность—это та форма, которая, по выражению Гегеля, «исчерпывает частное». Но она, эта определенность, не дана в готовом виде, она продукт исторического развития, результат перехода целого ряда других моментов в нее и потому более богата, чем определеность единичного. Определенность единичного поверхностна, а на данном этапе развития обогащается тем, что через непрерывно повторяющиеся связи обнаруживает постоянство форм предметов. Железо в качестве особенной эквивалентной формы товара представляет постоянство, так как в этой своей форме всегда находится в известных отношениях с другими формами товаров и немыслимо вне этих отношений. Но это отношение есть отношение различия. Два предмета, имеющие между собою общность, в процессе взаимного отношения проявляют различие. И это понятно. Обыкновенно отношение есть там, где существуют относящиеся стороны, т. е. различие в единстве. Проявление этого различия есть осуществление особенности предмета. Отличие железа от хлопка есть выявление особен-

ности натуральных форм двух этих товаров. Со стороны отношения к единичному понятию такой акт есть конкретизация понятия. Но эта конкретность есть одновременно общность. Железо есть вид металла, являющегося совокупностью многих индивидов. Понятие о такой форме вовсе не пустое отвлечение. Общность, которую оно обнаруживает, есть природа самих предметов. Понятие совершает большой прогресс доходя до этой природы вещей. Однако этим движением оно еще не преодолевает всех недостатков единичного понятия.

Частное понятие, вследствие того, что оно частно, еще не вполне завершено. Его полнота и конкретность соответствуют частной полноте и конкретности. Связь, которую она отражает и которая является одним из существенных моментов ее общности, еще имеет некоторый отрицательный характер. Правда, особенное понятие дает нам внутреннюю завершенность внешнего мира, оно показывает, что индивиды вовсе не изолированы абсолютно, как это кажется на первый взгляд, а объединяются в видах и, противостоя один другому, индивиды показывают не только свое различие, но и имеющееся у них сходство. Однако делает оно это на базе сохранения, несомненно, по существу формально, но все-таки сохранения единичной формы понятия. Железо есть **это** железо без **указанной единичной** определенности. Вследствие этого обстоятельства отношение одного частного понятия к другому—себе подобному—есть отношение собственного ограничения и исключения всех остальных. Связь индивидов имеет **определенный** предел, в результате чего истинная сущность отражаемого предмета проявляется в нем еще не полно.

Особенное понятие есть лишь одна из неисчерпаемых форм отражения бесконечного богатства объекта понятия. Но, несмотря на эти недостатки, оно представляет путь к общей форме проявления этого богатства. Оно есть общность, удалившаяся от индивидов. Соотношение, которое возникает между индивидом и видом, есть факт перехода первого во второе. Первый есть данный исходный пункт, поэтому единичное понятие—непосредственное понятие. Второй—результат перехода в него первого, поэтому частное понятие есть понятие опосредования. Опосредование—это обогащение понятия путем снятия случайностей и обнаружения сравнительно бо-

лее существенного в предмете понятия. Поэтому частное понятие, как опосредованное, есть некоторая полнота. Но полнота эта одновременно внутри себя противоречива и неполна, ибо:

1) Частность, как **определенное** соотношение единичностей, не может быть бесконечной, не опрокидывая свою старую определенность и границы.

2) Качественно новые соотношения уже являются соотношениями новых единиц, т. е. частностей, что есть выход из пределов частного. Частное базируется на взаимоотношении, а взаимоотношение частных есть переход к общему.

в) Общее понятие

Частное понятие стало результатом развития единичных и их отрицания, общее понятие возникает в процессе диалектического соотношения частных, поэтому оно есть отрицание отрицания. Частное понятие достигло того, что отражало более существенное в предмете в отличие от несущественного и случайного в нем. В этом отношении оно полнее, чем первое. Однако частное понятие сумело найти лишь путь к полноте и истинной конкретности. Понятие полнее, когда оно раскрывает в единичном предмете основы многогранностей, по крайней мере данного рода объектов понятия. Такое понятие есть общее понятие, поэтому оно богаче частного.

Общее понятие не пустая абстракция или пустое отвлечение от предметов познания. Оно есть раскрытие основного определяющего в них, поэтому оно—истинно жизненная конкретность.

Процесс конкретизации понятия с переходом от единичного к частному был процессом обнаружения существенного в предмете познания. Но этот процесс был лишь процессом начала развертывания, а свое завершение он нашел в переходе от частного к общему. Общее понятие ведет к завершению круга развития понятия. Будучи результатом отрицания, оно включает в себя как единичное, так и частное понятие, а стало быть богаче и полнее предыдущих. Полнота есть в то же время простота. Воззрение о том, что полнота есть множе-

ство признаков, ошибочно, ибо отражение полно не количеством качественных черт, находящихся в нем, а значением этих черт для предмета отражения. Обыкновенно непреходящих, постоянно пребывающих в предмете свойств в количественном отношении не так много. Основной родовой признак человека как общественного животного один: активное воздействие на предметы внешнего мира и их изменение при помощи орудий труда. Этот признак, будучи полным, существенным, в то же время является простым определением человека, его отличием от других животных мира. Полнота и простота являются особенностями общего понятия, которых оно достигает путем снятия в себе предыдущих форм.

Частное понятие уже полнее единичного, ибо оно, как снятие первого, содержит в себе его богатство и свое собственное как новое качество. Но эта полнота имеет тот недостаток, что охватывает существенное в предмете только с одной стороны. Только в общем понятии предмет отражается во всей своей истинной полноте. В единичном и частном понятиях полнота еще ограничена, поскольку отношения крайности стиснуты внутри себя. В общем понятии это стеснение снимается, предмет показывается нам в своем наисущественном свойстве. Поэтому оно есть наиполное и простое и, тем самым, всеобщее понятие.

Всеобщее есть высшая ступень простого определения, не нуждающегося в новом дополнении. Во всяком высшем понятии есть взаимопроникновение и взаимопереход своих моментов, в котором оно приобретает новое, более завершенное бытие. Понятие «человек» завершеннее понятия «человек белой или черной расы», ибо в нем отображено самое основное, что свойственно ему как социальному индивиду. Следовательно, полнота есть особая ступень развития понятия, достигаемая отражением сущности и основания существования данного рода.

Генезис понятия вообще—это реальный мир, его отображение. Следовательно, генезис общего понятия—это существующая вне нас реальная действительность, доходящая до субъекта и его сознания через ощущение, восприятие, через понятия единичного и частного.

Общее понятие, как форма познания, есть форма отношения субъекта к внешнему миру. Понятие стоимости—это отражение субъектом объективно существующих известных форм производственных отношений. Таким образом, своеобразность общего понятия состоит, **во-первых,** в его содержании, в том, что оно отображает постоянно существующую в роде сущность; **во-вторых,** в форме, в том, что оно это делает путем не отвлечения, а углубления, проникновения в самый предмет познания, отражая всю многообразность и особенность внешнего мира.

Общее понятие есть развитие и возведение во всеобщий принцип того, что уже дано в единичном и частном понятиях. Отношение этих трех форм понятий—отношение не частей или моментов единства (ибо каждое из них внутри себя есть целостность), а отношение ступеней, поскольку каждая последующая форма понятия, поднимаясь на плечах первой, отражает более широкое, более общее взаимоотношение. «...один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости»[1]. В реальном мире этот процесс является длительным процессом развития, но сознание, в силу своей особенности, сокращает его, схватывая лишь главное, а именно то, что отражает существенное в единичном и частном. Единичное и частное находят во всеобщем свою истинную сущность. Род является не только зеркалом отражения постоянно пребывающего в видах и индивидах рода, но и тем, чем они могут существовать как таковые, как определенные виды и индивиды рода. Отдельные люди как и отдельные человеческие расы, находят в человеческом роде свое истинное существование. Индивид вне общества—ничто. Робинзоны—нереальные люди. Только в обществе человек есть социальный индивид. общественное животное, т. е. человек. Но это не значит, что общество существовало раньше индивида. Первым реальным основанием общества являются люди. Общество есть известная совокупность индивидов, а не наоборот.

Идеалистическая философия полагала, что если единич-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 77.

ное и частное находят во всеобщем свое истинное отражение, то из этого следует, что всеобщее первично. Но это ошибочно. Конечно, для современного человека единичная собака непостижима вне ее рода, но из этого вытекает только одно: решающие особенности собаки выступают в роде более сгущенно, чем в индивиде, где эти особенности расплываются во многих других качествах. Поэтому всеобщее опирается в конечном счете на понятия частного и единичного. Но, опираясь на них, в то же время оно выступает как нечто новое, более богатое, чем арифметическая сумма своих единиц.

Всеобщее понятие—результат движения предыдущих форм, из-за чего оно полнее и проще предыдущих. Эти полнота и простота делают его самостоятельным понятием, формой в виде отрицания отрицания, возвращающейся к своей исходной форме, но с уже новым обогащенным содержанием. Высшая форма всеобщего понятия—категория.

г) Категория

Категория—это понятие, которое, будучи воспроизведением действительности, в процессе познания играет роль опорного пункта. По сравнению с обычным понятием категория является более глубоким знанием объективного мира, результатом большой обобщающей деятельности человека, дающей ему возможность выражать существенные черты, стороны явлений и предметов мира. «Категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладеть ею»[1]. Кант считал их априорными формами созерцания или рассудка. Это конечно, неверно. Категория так же, как понятие, является отражением объективного мира. Такие категории, как материя, движение, пространство, время, причинность и т. д.—результаты обобщения опыта людей; они возникли и кристаллизовались не случайно и не по произволу, а в течение тысячелетий и в результате упорного труда сотен и сотен поколений людей, следовательно, закономерно.

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 29, стр. 85.

Каждая категория имеет свою историю: она возникла в определенный исторический период и претерпевала развитие. Мы уже знаем, что материя как философская категория прошла длинный путь исторического развития пока окончательно не оформилась в учении Маркса и Энгельса. То же самое можно сказать и обо всех остальных категориях. Их путь является путем постепенного углубления и расширения знаний человека, путем приближения к познанию абсолютной истины через относительные. Сила и значение любой категории состоит в том, что она совпадает с действительностью и дает нам возможность иметь правильное представление о ней. Будучи отражением объективного мира, категория дает нам знание относительно всеобщих особенностей или форм связей этого мира. Частные моменты или же отдельные качества материи не могут быть содержанием категории. По своему характеру категория всеобща. Материя, атрибуты материи, всеобщие формы связи, стороны материи в лице качества и количества, меры, покоя, возможности, действительности, эволюции, скачка, причинности, случайности, необходимости и т. д.—вот объекты категорий. Все эти объекты всеобщи; их познание дает нам возможность устанавливать общие законы развития материального мира, поэтому без категории нет научного познания.

Число категорий бесконечно, так как формы проявления действительности бесконечны. В истории философии предпринимались попытки к ограничению количества категорий. Аристотель полагал, что их всего 10, а по мнению Канта их 12. Такая постановка вопроса метафизична, т. к. исходит, по существу, из абсолютности достигнутого уровня развития познания и из признания вечной неизменчивости существующих форм материи. Но мы знаем, что оба предположения неправильны. Развитие материи, а также познания человека не имеют конца, а каждая новая ступень достижения науки и техники дает нам возможность формулировать новые категории.

Классифицируя все категории, можно сказать, что существуют категории философские и частных наук. В то время как философские имеют общеметодологическое и общетеоретическое значение, категории отдельных наук являются опор-

ными пунктами только в их области. Такие философские категории, как материя, движение, скачок, закономерность, случайность и т. д.,— необходимы для любой науки. Не только физик, но и историк не может обойтись без категории материи или движения, ибо материя—не только атомы, но и производительные силы общества, движение—не только перемещение атомов в пространстве и времени, но и борьба классов в различных экономических формациях. Но нельзя сказать того же относительно таких категорий, как протон, нейтрон, вид и т. д. Для объяснения общественных процессов ни одна из этих категорий непригодна; в свою очередь, для познания явлений физического мира непригодны категории: производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка и т. д. Следовательно, категории конкретны не только в том смысле, что они возникают в определенный исторический период и на определенном уровне наших знаний, но и в смысле их применения. Например, категория силы необходима и вполне достаточна для объяснения известных явлений в области механики, однако она совершенно недостаточна, когда мы хотим познать процессы органического мира. Из этого следует, что нельзя категории одной науки механически переносить в другую или же применять их к другой области. Такое обращение с ними неизбежно приведет к искажению данной науки и к ошибочному пониманию закономерностей действительности. Основной порок социал-дарвинизма состоит как раз в том, что его представители при помощи биологических категорий хотят объяснить общественные явления. Любая наука имеет свой аппарат и свои средства познания мира. Всякая произвольная замена одних средств другими только задерживает развитие научной мысли.

Категории, являясь средствами познания, в качестве всеобщих форм мышления одновременно конкретны, т. е. отражают действительность всесторонне, возводя единичное на ступень всеобщности. Материя, например, это вещь в виде объективной реальности. В категории «материя», отражая это основное свойство вещи, мы возводим ее на ступень всеобщности и раскрываем в ней именно то, что наиболее существенно для познания ее процессов, изменения и движения. Но все-таки в категории дана действительность в форме того или

иного общего свойства субстанции, или же субстанция вообще как реальность. А научное познание требует более полного раскрытия истины, подытоживания знаний с целью определения общей тенденции движения действительности. Средством достижения такого знания является идея.

д) Идея

Идея — это форма мышления, но отличная от обычных до сих пор известных нам форм. Необычность этой формы состоит в том, что она является синтезом определенной группы практики целого исторического периода для отображения общей закономерности изменения действительности. Например, для возникновения и формирования идеи развития необходимо было доказать, что движение—есть атрибут материи, что все существующие формы являются продуктом истории и между ними есть внутренняя связь и взаимопереход. А установление этих фактов потребовало накопления опыта научных исследований сотен поколений людей и тем самым обобщения открытий в разных областях науки. Следовательно, идея—исторически возникшее всеобщее понятие, которое является высшей формой отображения объективной истины как синтеза наших знаний в той или иной области.

Идея, как понятие, по своему содержанию объективна, а по форме—субъективна, ибо является воспроизведением объективной действительности познающим субъектом, «совпадением (согласием) понятия и объективности»[1]. Поэтому ошибочно мнение Канта и всех идеалистов о том, что идея—это «такое необходимое понятие разума, которому во внешних чувствах нельзя дать соответствующего предмета»[2]. Конечно, идея — не единичный образ чувственно-наглядной вещи. Прав Гегель, утверждающий, что «идею не следует понимать как идею о чем-то, идею о том или другом предмете»[3]. Единичные предметы или явления суть объекты понятий, а идея—целое

---

1 *В. И. Ленин,* Полн. собр. Соч., т. 29, стр. 176.

2 *И. Кант,* Критика чистого разума, стр. 267.

3 *Гегель;* Соч., т. I, стр. 321.

направление мысли, например, идея атомизма или же идея о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Но это не значит, что между идеей и материальным миром нет связи, что она — «чистое понятие разума», т. е. «трансцендентальна» по своей природе, как уверяет Кант. Наоборот, идея атомизма возникла на основе наблюдения движения мельчайших частиц материи, действительно существующих в природе, изучения их структуры и закономерностей изменения, а идея победы социализма в одной стране явилась научным выводом анализа соотношения сил классов эпохи империализма. Следовательно, оторвать идею от реальной действительности нельзя, она возникает там и тогда, где созданы необходимые материальные предпосылки не только для ее существования, но и осуществления. Идея, например, научного коммунизма появилась в 40-х годах прошлого столетия, ибо развитие капитализма в это время привело к образованию необходимых условий для ее овладения народными массами и тем самым для превращения в конкретное дело.

Имея свои объективные предпосылки во внешнем мире, идея всегда исторически конкретна. Конечно, как форма, идея является абстракцией и притом абстракцией высшей, вследствие чего действительность отражается ею глубже и полнее, чем понятием или категорией. Последние относятся к отдельным предметам или сторонам субстанции, в то время как идея дает нам представление о самой сущности процесса, его основных закономерностях. А значит: быть абстрактным и быть абстракцией — не одно и то же. Нечто абстрактно, поскольку оно является пустой формой, мертвой схемой или же праздной мечтой человека. Именно эту мысль высказывают, говоря, что между идеей и действительностью существует определенная дистанция. Такие идеи, несомненно, бывают, но они антинаучны и подлинное знание не имеет к ним никакого отношения. Истинно научная идея всегда конкретна, во-первых, потому, что она возникает на какой-нибудь исторически конкретной объективной основе, во-вторых, потому что она возникает как определенная цель, всеобщая задача, стоящая перед обществом или же классом на данном этапе его развития. «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем

рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее разрешения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[1].

«Идея есть истина»[2],— говорит Гегель. И это правильно. Истина — это совпадение нашей мысли с действительностью, поэтому идея как истина «есть адекватное понятие»[3], отражающее действительность в перспективе своего развития. Воспроизведение объекта познания так, как оно есть сейчас,— не идея, а обычное понятие, от которого она отличается тем, что показывает общие законы и характер поступательного движения предмета исследования, берет его многообразные стороны и связи в единстве с другими явлениями и занимает центральное место в образовании научной теории. Идея диктатуры пролетариата является определяющей в учении о построении социализма. Ценность любого учения зависит от жизненности его идей.

Врожденных идей нет, всякая идея является продуктом истории и связана с обогащением практики и развитием научной мысли. Этим следует объяснить, например, тот факт, что в буржуазном обществе появились такие идеи, как идея эволюции органического мира или же идея общественного прогресса, которые не были характерными для феодальной общественной мысли. Это значит, что каждая историческая эпоха выдвигает свои особые идеи, исходя из общего уровня развития и потребностей общества, Поэтому сущность идеи следует искать не в ней самой, а в экономической и классовой структуре общества.

В классовом обществе идея носит классовый характер. Нет совершенно надклассовых идей. Это относится не только к идеям в области общественных, но и естественных наук. Дело в том, что идея в известном смысле—это теория, а теория строится либо на основе материализма, либо на основе идеализма, являющихся мировоззрениями разных классов. Идея, например, двойственной природы света стихийно или созна-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 13, стр. 7.

[2] *Гегель,* Соч., т. I, стр. 321.

[3] *Гегель,* Наука логики, ч. II, стр. 143.

тельно, что все равно, возникла на базе диалектического материализма, и поэтому нельзя рассматривать ее вне борьбы классов. Реакционная или передовая роль класса в обществе соответствующим образом отражается в идеях, выдвинутых ими.

Диалектика идей — это отражение диалектики вещей, вследствие чего идея внутри себя столь же противоречива, как и сама действительность. В. И. Ленин говорит, что «идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его...»[1] Развитие идеи является результатом этих внутренних противоречий. Для того, чтобы показать этот процесс, необходимо пользоваться соответствующими средствами: понятиями и формами их сочетаний.

Понятие внутренне противоречиво. Это противоречие состоит в несоответствии формы и содержания. По содержанию понятие богато, является отражением многообразия мира, а его форма способна давать только общую картину объекта, без раскрытия того, что есть в нем.

В этом смысле оно абстрактно. Задача познания состоит в том, чтобы отрицать эту абстрактность путем выделения особенности. Например, понятие **пространство** абстрактно, поскольку оно не дает нам более или менее конкретного представления об особенностях или же сущности пространства. Для приобретения такого знания необходимо дать определение понятия, что означает раскрыть характерные черты того предмета или явления, отражением которого является данное понятие. Определением, например, понятия **пространство** будет то, что оно является атрибутом материи. Практически это означает от абстрактного и непосредственного понятия перейти к конкретному и опосредованному, что возможно при помощи суждения.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 186.

ГЛАВА III

СУЖДЕНИЕ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЖДЕНИЯ

Суждение — особая форма мышления. Его особенность, в первую очередь, состоит в том, что оно является способом раскрытия внутреннего богатства понятия. Говоря, например, что советский народ миролюбивый, мы обнаруживаем его особенность, которая хотя и есть в этом понятии, но не дана в раскрытом виде. Суждение решает эту задачу путем точной фиксации предмета и его признака, т. е. путем раздвоения единого в понятии.

Суждение есть форма сочетания понятий с целью установления или же определения объекта познания. Например, человек есть общественное животное. Это суждение. Каждый член этого суждения есть понятие, но, вступая в известные отношения между собой, одно понятие берет на себя функцию определения другого. В данном примере понятие человек определяется через общественное животное.

Связь отдельных понятий в суждении — не механическое соединение безразличных единиц, а органическое сплетение, благодаря чему возникает суждение. Элементы или стороны суждения становятся полными только в сфере их соотношений. И это вполне понятно, так как суждение является формой отображения объективного мира, в котором любое явление или предмет существует в своих связях с другим явлением или же предметом. Так, например, меновая стоимость существует только в процессе своего становления, а, тем самым, в процессе соотношения с другими элементами стоимости. Вне

определенного производственного процесса нет меновой стоимости. Суждение отражает эту связь.

Связь есть основание порождения нового, как не нечто внешнее, а внутренне присущее сторонам суждения. Стороны суждения определяются только во взаимной связи, в которой элементы соотношения, как понятия, переходят в нечто новое. Этот переход есть раздвоение понятия, как говорит Гегель, акт самораскрытия моментов единства, возникновения новой связи как между моментами понятия, так и между отрельными понятиями.

Таким образом, суждение, как будто, имеет дело только с формами мышления. Кант уверял, что «суждение есть посредственное познание предмета, т. е. представление его представления»[1]. Это, конечно, неверно. Когда ученый, например, говорит, что бытие определяет сознание, он устанавливает связь не между нашими представлениями, а отражает в суждении ту связь, которая существует вне нашего представления объективно. Несомненно, материя является нам через форму, но не заслоняется ею, и материя во всех случаях остается решающей основой для существующих форм мышления. Поэтому правильно будет сказать, что все вещи могут быть и являются объектами суждения. Все, что дано в мышлении, а следовательно, в суждении, в конечном счете взято из действительности.

Любой акт мышления, а также суждения опираются на единство объективного и субъективного. Конечно, в суждениях и вообще в высших формах мышления существует некоторая дистанция между предметом и его отражением. Суждение имеет дело не с вещами, **непосредственно**, а с их понятиями, также являющимися формами мышления. Но это не значит, что конечное основание суждения — форма, или же, что содержание мышления есть то же самое, что и форма. Единство формы и содержания мышления не в том, что они тождественны, а в том, что в основе их реального различия лежит внутренняя связь на базе определяющей роли содержания. Такие суждения, как «человек не верблюд», вовсе не являются результатом субъективной выдумки мыслящей лич-

---

[1] *Кант*, Критика чистого разума, стр. 87.

ности. Желает ли это субъект, сознает ли он это или нет, человек и верблюд существуют в мире как реальные противоположности, и субъект в своем сознании отражает данный факт. Процесс отражения не тождественен с отражаемым предметом. Первый возникает лишь тогда, когда между субъектом и объектом устанавливается известное взаимоотношение, а второй существует без какого-либо подобного рода отношения. Их единство в понятии есть овладение первым второго. Овладение не является уничтожением реальности, а постижением истинной сущности реального. Суждение есть такое единство, которое внутри себя различает: а) субъект, б) предикат и в) форму связи субъекта с предикатом.

Субъект суждения есть предмет внешнего мира, взятый в определенных отношениях. Вне этих отношений он является реальностью вообще, формой существования материи, как и все остальные формы. Каждая вещь становится субъектом лишь благодаря указанной особенности и способности вступать в отношения, которые суть отношения вещей и их предикатов, раскрытые творческой познавательной деятельностью человека. Вещь сама по себе обладает многими предикатами. Земля, например,— яйцеобразный движущийся шар, независимо от того, знает ли человек об этом или нет. Но без творческого познавательного отношения к ней человека Земля не субъект и яйцеобразность не предикат. Однако не во всех подобных отношениях вещь есть субъект, а свойство — предикат. Ощущение и восприятие суть также отношения человека к внешнему миру, но предметы мира в указанных отношениях еще далеко не субъекты. Предметы внешнего мира становятся субъектами или же предикатами лишь в суждении. Основная ошибка Гегеля состояла в том, что определение субъекта он вывел не из раскрытия его истинной сущности в процессе упомянутых отношений, а из сопоставления и сравнения субъекта с его предикатами. При таком сравнении можно сказать, что субъект есть по смыслу прежде всего единичное, а предикат — всеобщее. И это будет правильное определение, но не раскрытие сущности, ибо сущность субъекта не в том, что он единичен, а в том, что он есть результат определенных отношений и существует как субъект исключительно благодаря этим отношениям. Конечно, своей постанов-

кой вопроса Гегель сделал шаг вперед по сравнению с Аристотелем, который представил соотношение единичного и общего как подчинение первого второму. Гегель показал, что эта связь имеет не односторонний, а разносторонний, диалектический характер. Однако установление единичности еще далеко не раскрытие сущности, ибо последнее требует точного указания на специфичность тех отношений, результатом которых является предмет определения.

Субъект относится к предикату так, как реальность вообще к своим свойствам. Это значит, что субъект внутри себя более многогранен. Но и предикат может стать всеобщим по отношению к субъекту, когда он выражает связь однородных субъектов. Таким образом, отношение субъекта и его предиката—не отношение самостоятельных единиц, а отношение сторон единства на основе субъекта. Из этого следует, что стороны не тождественны. Говоря, что роза красная, мы, тем самым, признаем, что роза не тождественна со своим предикатом, как и наоборот. Но из этого вытекает и то, что связь появляется только там, где между моментами или крайностями единства есть нечто общее. Нельзя, например, сказать что роза умна, ибо мышление есть свойство человека. Таким образом, связь—это признак как единства, так и раздвоения, различения моментов единства для раскрытия внутренних основ их объединения. Суждение есть непрерывный процесс этого самораскрытия. Основа этого процесса — противоречие между субъектом и предикатом, разрешение которого неизбежно приводит к некоторым результатам. Результаты, конечно, не одинаковы. Разные отношения крайностей единства всегда приводят к разным результатам и к разным способам разрешения противоречий. Эти способы суть формы суждения, которые бесконечны. Научное суждение строится по законам диалектики, согласно которым отношение субъекта и предиката, это отношение единства и противоположностей: S и P, с одной стороны, едины, ибо первый всегда необходимым образом предполагает второй, а с другой — они противоположны как противостоящие друг другу полюсы одного и того же суждения. Руководствуясь законом тождества формальной логики, нельзя сказать, что один и тот же предмет в одно и то же время имеет два противоположных признака: нельзя,

например, утверждать, что любая микрочастица одновременно обладает как корпускулярным, так и волновым свойствами. А между тем это факт. Единственное средство преодоления противоречия между фактами и суждениями—это переход от формальной к диалектической логике, переход к рассмотрению действительности и ее отражения в развитии. В своем развитии суждение осуществляется двумя: аналитическим и синтетическим—способами, и соответственно с этим можно говорить о существовании аналитического и синтетического суждения.

2. СПОСОБЫ СУЖДЕНИЯ

а) Аналитическое суждение

Суждение—это форма отражения действительности, форма ее познания. Действительность многогранна, и внутри себя противоречива, поскольку находится в непрерывном процессе изменения и развития. Задача познания состоит в том, чтобы дойти до закономерности этих противоречий. Суждение является формой осуществления этой задачи, для чего начинает свое действие с анализа мира вещей и явлений.

Анализ—это выделение и рассмотрение составных элементов, сторон, отличительных особенностей или же форм взаимосвязи предметов познания. Например, суждение о том, что вода—это H_2O является аналитическим суждением, ибо оно дает нам представление о химическом составе воды, в нем мысленно выделены те элементы, единство которых дает нам воду. Следовательно, аналитическое суждение — это не всякое вычленение объекта исследования, а такое действие, которое выделяет в предмете то, что составляет его сущность, что образует его основу как целостность. Для выявления закономерности изменения познание подходит к своему объекту не как к механическому агрегату, а как к единой целостной системе элементов. Поэтому анализ—это, в сущности, такое обособление основополагающих элементов единого целого, которое дает возможность установить их место в координации и субординации системы. Из сказанного следует, что анали-

тическое суждение обнаруживает не только различие, но и сходство элементов, не только то, что их разъединяет, но и то, что их объединяет. Оно устанавливает, что все выделенные элементы, будучи различными все-таки суть одной и той же системы. Это обстоятельство создает предпосылки для синтеза, тем самым доказывая, что аналитическая и синтетическая формы суждения не только противоположны, но и необходимым образом предполагают друг друга.

Аналитическое суждение — это отражение объективной действительности, оно расчленяет то, что расчленено или же может быть расчлененным в реальном мире. Следовательно, аналитическое суждение имеет свое объективое содержание, оно стремится воспроизводить первооснову процессов вещей. Так, например, суждение об атоме является определением «первоосновы» химических процессов, которая есть целостность. Но из этого не следует, что она вообще не поддается расчленению. В любом атоме можно обнаружить его ядро и вращающиеся вокруг него электроны, иначе говоря, любая первооснова может стать предметом анализа с целью выявления новой первоосновы для другого объекта.

Задача аналитического суждения состоит не в том, чтобы ограничиваться констатацией фактов, а в том чтобы познать предмет развития, поэтому устанавливая клетку, с которой начинается данный процесс, оно, одновременно, раскрывает единство противоположностей в нем. Ведь цель аналитического действия в нахождении составных частей определенного процесса, в открытии того нового, что возникает в результате сочетания упомянутых частей. А значит анализ показывает как различие элементов анализируемого объекта, так и то, что объединяет их в единое целое. Так, например, приступая к анализу воды, химик обнаруживает, что водород и кислород объединяются в молекулу воды в результате взаимодействия их электронных конфигураций. Следовательно, анализ связан с синтезом, поскольку он является расчленением объекта, ставшим результатом определенного синтеза. Кант считал, что аналитическое суждение имеет исключительно отрицательное значение, его задача лишь негативная. Аналитические суждения,— писал он,— «ничего не вносят в понятие субъекта, а только через расчленение распадаются на его

частные понятия, которые, хотя и неясно, уже мыслились в нем»[1]. Что анализ есть переход от общего к частному, это верно, но во всем остальном Кант ошибается.

Во-первых аналитическое суждение—это не одна негация. Чистой негации в природе вообще не существует. Каждое отрицание является отрицанием чего-нибудь, переходом бытия в другое, а не голым отрицанием. Во-вторых, оно является не механическим расчленением объекта познания, а действием, раскрывающим индивидуальности частей или элементов целого. В-третьих, оно дает нам возможность иметь представление о том новом свойстве, которое возникает как результат синтеза частей. В-четвертых, оно углубляет и расширяет наше знание о предмете исследования, хотя бы ознакомлением нас с его составными частями, и, наконец, в-пятых, оно ведет к познанию ряда особенностей синтеза, поскольку анализ и синтез, будучи различными действиями познания, одновременно едины. Их различие состоит в том, что они суть противоположные действия, поскольку анализ разъединяет, а синтез объединяет элементы объекта познания. Анализ начинает с познания внешней стороны предмета и идет к раскрытию сущности, а синтез берет обнаруженную сущность или части целого и показывает нам предмет познания как целостность путем установления связи между частями целого. Анализ выделяет только отдельные стороны предмета исследования, вследствие чего он, в известном смысле омертвляет его, а синтез, наоборот, берет предмет таким, каким он существует в действительности. Единство анализа и синтеза состоит в том, что анализ всегда является расчленением известного синтеза на его составные элементы, а синтез — сочетанием упомянутых элементов. Поэтому нет анализа без синтеза и нет синтеза без анализа. Если взять, например, акт отражения, то легко убедиться, что оно является воспроизведением предмета в единичной форме. Но оно становится адекватным, когда единичный предмет представляется как представитель своего вида или рода, т. е. связывается со всеобщим. Более того, фиксация предмета как части целого возможна только при его включении в целое, ибо часть яв-

[1] *Кант,* Критика чистого разума, стр. 33.

ляется частью целого а целое—единством своих частей. Аналитическое суждение поэтому не только связано с синтетическим, но в своем развитии переходит в него.

б) Синтетическое суждение

В отличие от аналитического, синтетическое суждение есть такое действие мысли, которое от выявления основания целого идет к целому, является знанием целого. Например, суждение о том, что, все тела расширяются от теплоты является синтетическим суждением. Для высказывания этого суждения надо было знать воздействие тепла на отдельные тела и его результат, иными словами, путем анализа установить основание для общего заключения, т. е. синтетического суждения. Приступая к познанию человек вначале старается узнать формы непосредственного проявления предмета познания, найти его главную сторону, свойство его частей, а потом уже обобщить все это в форме мысленного предмета как целостность. Таким образом, синтетическое суждение — это новая ступень познания, оно дает нам возможность от частного перейти к общему, найти общие закономерности развития действительности.

Кант полагал, что синтетическое суждение от аналитического отличается тем, что первое «присоединяет к понятию субъекта продукт, который не заключался в этом понятии и который никаким расчленением нельзя было из него извлечь». Это, отчасти, верно: то, что дает синтетическое суждение, не может дать аналитическое, в противном случае мы имели бы не две, а одну форму суждения. Но Кант намекает на то, что аналитическое суждение якобы ничего не дает, не понимая, что частные понятия существуют не в готовом виде, а являются результатом развития. Даже больше. Такое качество, которое получает аналитическое суждение путем расщепления общего, нельзя получить никаким синтезом. Нельзя, например, путем синтеза дойти до элементов атомного ядра и их закономерностей. Для этого требуется применение анализа, метода расщепления атомного ядра. Стало быть, как анализ, так и синтез способы давать новое, но различаются **фор-**

мами добывания этого нового. Первый отправляется от готового синтеза и приходит к единице, а второй—от единицы идет к общему, к синтезу. Пути их разные, а результат в обоих случаях—новое качество.

Всякий синтез есть некоторая абстракция, всякое соединение есть отрицание некоторых индивидуальностей через одну всеобщую для них всех индивидуальность. Для синтеза, например, двух понятий требуется не только творчество субъекта, но первым долгом соединимость объектов, отражаемых в этих понятиях. Нельзя, говоря о животном мире, соединять понятие «лошадь» с понятием «камень», ибо определяющие черты объектов этих двух понятий несочетаемы. Следовательно, синтез есть реальный процесс, имеющий свое основание в объективном мире, в предметах соединения.

Кант говорил, что синтетическое суждение, как всеобщее научное суждение, есть суждение априори. Это, конечно, неверно. Суждение есть способ определения надлежащим образом еще не определенного объекта. Следовательно, синтетическое суждение, как всякое другое, есть лишь своеобразная форма отражения реальных соотношений предметов мира. Знание о процессах или классах процессов приобретается синтетическим путем. Синтез—это выявление координации составных элементов или свойств целого, это их субординация. Если анализ выражает прерывность объективного мира, то синтез отражает его непрерывность, его целостность. Для выполнения этой задачи синтез берет предмет в своем развитии, в процессе непрерывного становления, ибо целостность обнаруживается только в движении.

Не только основание, но и первоначальные формы синтеза даны в анализе. Выявление существенного и общего в предмете является актом, который содержит в себе момент синтеза. В самом деле. Ведь синтез это обобщение, способ познания общего. Раскрывая основу целого, того, что свойственно всем частям целого, аналитическое суждение доходит до познания общего, но только в его единичной форме. Синтез продолжает дело анализа, но уже в обратном направлении; он берет основу найденного анализом общего и строит новую систему общего в лице представления объекта познания как целостности. Следовательно, хотя анализ и синтез

суть противоположные действия, но в осуществлении задачи познания оба они раскрывают общее в предмете познания. Анализ выполняет эту задачу начиная с нахождения такого признака предмета, который может служить основанием для координации других признаков или самих вещей. На последующем этапе развития анализ уже раскрывает ту клеточку, из которой возникает и развивается сам объект. Это, конечно, суть разные ступени познания, но они являются исходными пунктами для синтеза.

Вначале синтез выступает как момент или сторона анализа. Это имеет место на том этапе синтеза, когда он занимается раскрытием закономерности развития клеточки, исходя из материала предшествующего анализа. Здесь анализ еще не перерос в синтез. Но после накопления известного материала создаются условия для познания этой клеточки синтезом через анализ. На этом новом этапе анализ уже перерастает в синтез, анализ и синтез меняются местами, т. е. первый превращается в момент второго, синтез выступает как ведущее действие исследования, подчиняя себе все остальные методы (дедукция, индукция, сравнение) познания. Он уже не ограничивается раскрытием существенных признаков предмета, выделенных анализом, как признаков вне противоречия, а берет их как тождество противоположностей, как различные полюсы единой цепи, внутренне связанных между собою. Конечно, эти противоречия раскрывает анализ. Именно анализ, расчленяя объект познания на его составные элементы, показывает наличие противоречия внутри объекта, противоречия между объектом и процессом познания и в самом процессе познания. Синтез занимается тем, что обнаруживает пути разрешения этих противоречий. Приступая к исследованию стоимости, Маркс сначала выявил ее внутреннее противоречие, путем анализа он показал, что есть потребительная и меновая стоимости, которые подчиняются различным закономерностям. Специально занимаясь изучением закономерностей меновой стоимости, он установил, что ее развитие—это процесс развертывания и разрешения противоречий. Пользуясь синтезом, Маркс показал пути разрешения этих противоречий, пути перехода от простой, единичной формы стоимости к ее

полной, а потом к всеобщей и, наконец, к денежной форме. Из сказанного следует, что отделять анализ от синтеза, а тем более противопоставлять их друг другу недопустимо. Их отношение—это отношение взаимного определения и дополнения. Но из этого вытекает также, что синтез—это не механическая сумма знаний частей, а качественно новое знание, открытие новых закономерностей, невозможное на базе изучения частей в отдельности.

В действительности нет ничего изолированного. Взаимная связь и взаимное действие является всеобщим обязательным законом существования мира вещей и явлений. Поэтому познание имеет дело не с изолированными объектами, а с процессами, которые суть синтезы противоречивых элементов, свойств, сторон и т. д. Научное познание есть познание процессов. То обстоятельство, что занимаясь анализом, оно рассматривает вещи или их элементы в отдельности, не является доказательством существования их как вещей вне процесса, а лишь действием мысленной изоляции вещей друг от друга с целью углубления в познании процесса, с целью образования новых синтезов, порождающих необходимость в новых синтезах. Так что познание движется от нализа к синтезу, от синтеза к анализу и обратно, составляя диалектический процесс развития. Аналитические и синтетические суждения суть способы отражения этого процесса. В своем развитии суждение проходит разные этапы, составляющие его формы существования. Такими формами являются: единичные, особенное и общее суждения.

3. ФОРМЫ СУЖДЕНИЙ

а) Суждение единичного

В своей первоначальной форме суждение есть констатирование некоторых общих свойств вещей. Всеобщее понятие в своем процессе осуществления, с одной стороны, восстанавливает свой первоначальный вид или простую единичную форму, а с другой—делает свою всеобщую форму общей для

всех единичных вещей. Дом каменный, лошадь не осел. Этот двухсторонний процесс составляет основу суждения единичного.

Суждение единичного есть суждение наличного бытия, суждение, в котором о субъекте высказывается определенный предикат. Оно начинается так: некая вещь, вступая в известные отношения со своим свойством, определяется как субъект, а свойство как предикат, иначе говоря, устанавливается качество предмета. Но это качество не чувственно воспринимаемое качество, а нечто общее. Ведь суждение есть осуществление понятия, которое в своей всеобщей форме является наиболее конкретным. Однако то, что для понятия стало признаком его богатства, для суждения таким быть не может, ибо здесь мы вступаем в новые взаимоотношения, в новую область со своими новыми законами. То, что в понятии было как единое, в суждении раздваивается, расщепляется и выступает в форме двух крайностей, поэтому богатое определение оказывается бедным. Субъект суждения на этой первой ступени своего развития есть единичное, отвлеченное, непосредственное понятие; имеет внешнее проявление.

Предикат есть общее определение и еще не обнаруживает всего того внутреннего богатства, которое свойственно субъекту. Но как суждение оно все-таки является некоторым углублением, расширением, обогащением и конкретизацией нашего знания о предмете. Это вполне понятно. Становясь субъектом в суждении, вещь вступает в отношения со своими предикатами, определяясь тем самым как конкретный субъект. Суждение: единичное есть общее, или: дом—каменный, является признанием того, что единичное не есть отвлеченное общее. Но оно не является также отвлеченным единичным, ибо когда мы говорим: дом—каменный, этим самым мы уже отрицаем его другое ближайшее определение, вследствие чего предикат суждения приобретает характер частности, т. е. более конкретизируется. Единичность есть то, что дано непосредственно, а частность дана через некоторое другое, благодаря чему она есть отрицание некоторого свойства или предиката. Дом—не каменный. Это опосредование есть новый момент и основа движения суждения на данной стадии его развития.

Опосредовать—значит отрицать нечто и совершить переход к чему-нибудь другому. Следовательно, отрицание—не перерыв связи с отрицаемым объектом, а его снятие чем-то новым, в котором старый в некотором смысле сохраняется. Гегель считает, что есть некоторая связь между положительной и отрицательной формами суждения. Когда говорят, что «роза не красна, то тем самым признается, что она имеет цвет и притом другой цвет; по этой общей сфере суждение остается положительным»[1]. И это правильно. По мнению Ленина, Гегель «гениально заметил», что в любом простом предложении «есть диалектика». Сказать, что Жучка—собака, значит признать, что «отдельное есть общее... общее существует лишь в отдельном, через отдельное». Более того, «...говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому»[2]. Признавая, что Жучка есть собака, мы тем самым признаем, что Жучка не кошка, иначе говоря положительное суждение порождает отрицательное, как и наоборот. Но Гегель пошел дальше, полагая, что как исторически, так и логически положительное суждение предшествует отрицательному суждению. А в действительности они существуют одновременно, поскольку «всякое определение есть отрицание», как правильно заметил еще Спиноза.

Положительное суждение констатирует факт: дом—каменный, а отрицательное суждение подтверждает истинность этой констатации: дом не деревянный, а каменный. Но как положительная, так и отрицательная формы суждений утверждают или же отрицают связь лишь одного предиката с субъектом. А ведь предикаты субъекта бесконечны. Поэтому возникает необходимость применять новую форму—бесконечное суждение. Гегель считает, что в бесконечном суждении есть только один положительный момент—отрицание отрицания, а в общем оно бессмысленно. Нам кажется, что при объективном рассмотрении вопроса оказывается, что эта форма

---

[1] *Гегель,* Наука логики, ч. II, стр. 50.

[2] *В. И. Ленин,* Полн собр. Соч., т. 29, стр. 318.

суждения имеет свое оправдание. В самом деле: ведь бесконечное суждение есть определение, гласящее: единичное есть единичное. Иголка не слон, она—иголка. В этом суждении нет отношения в обычном смысле. Его задача состоит в том, чтобы доказать целостность объекта, в которой крайности, снимая себя, не переходят в новые крайности, но, завершая субъект суждения, являются основой появления новых форм отношений, а именно: отношений разных субъектов. Когда говорят, что иголка не слон, тем самым уже признают, что иголка и слон суть вполне самостоятельные субъекты, их отношение—отношение двух противоположных субъектов, в котором они противостоят, или вернее, вступают в отношения с другим, чтобы отрицать свое родство с ним, чтобы отрицать наличие какой-либо внутренней связи между собой и своим партнером. Это и есть отношение. Без такой формы отношения субъект не таков, как он есть, слон не слон. Поэтому ошибочно утверждать, что в бесконечном суждении нет смысла. Нет, смысл есть, его положительное значение состоит в том, что оно благодаря отрицанию приводит нас к такому определению субъекта, в котором этот последний выступает как целостность, насколько это возможно в суждении единичного. Следующий шаг в этом направлении делается уже в суждении особенного.

б) Суждение особенного

Суждение единичного есть такое отношение формы и содержания, в котором форма отражает лишь одну из граней многообразного содержания. В суждении особенного субъекта есть единичный, конкретный субъект, его предикат уже не внешняя форма, а отражение внутреннего бесконечного многообразия. Поэтому суждение особенного—это такое отношение формы и содержания, в котором содержание строго определено, а форма уже не форма в обычном смысле слова, а ближайшим образом отражение этой определенности содержания, вернее его сущности. Формула суждения особенного: человек есть животное, существенным образом отличается от формулы суждения единичного: человек красив, ибо первое устанавливает такое свойство, вне которого существова-

ние человека невозможно, а второе констатирует лишь одну из его особенностей, причем случайную, ибо человек может быть и некрасивым. Таким образом, животное—ближайшее определение субстанциональной природы человека как биологического существа, а красота—одно из многих свойств, без которой он остается человеком. Поэтому можно сказать, что в суждении особенного соотношение субъекта и предиката более непосредственно. Предикат этого суждения, как отражение субстанциональной природы предмета, есть видовое или родовое определение субъекта.

Если отношение субъекта и предиката в суждении единичного есть отношение с самим собой и в этом смысле является замкнутым отношением, то в суждении особенного субъект уже выходит из замкнутого круга и вступает в отношения с другими. В суждении особенного субъект больше не непосредственен. В результате отрицания, которому субъект подвергался в суждении бесконечного, он опосредован и выступает уже как представитель рода; субъект становится представителем множества подобных себе, вследствие чего его отношение к себе подобным оказывается отношением не качества, а количества. Если в суждении единичного развитие есть взаимопереход субъекта и предиката, то в суждении особенного развитие есть в первую очередь развитие субъекта, его движение от единичного ко всеобщему. Поскольку в суждении особенного субъект определен как представитель рода, то становится ясным, что единичность существует в отношении ко всеобщности, а всеобщность осуществляется в форме единичности и через нее. Это отношение единичности и всеобщности—не внешнее, а присущее им имманентное отношение, которое отражает действительность.

В действительности род как всеобщее не существует иначе чем в видах, а этот последний—в единичных индивидах. Таким образом, единичное в силу своей особенности переходит во всеобщность, становится всеобщим. Эта особенность есть тот предикат, в котором субъект находит свою имманентную природу. В то время как в суждении единичного субъект есть единичное наличное бытие без дальнейшего определения, в суждении особенного он уже опосредован и в некотором смысле освобожден от своих случайных определений. Его

отношение к своему предикату—это не отношение к отдельному качеству, а отношение к своей субстанциональной природе. То же самое можно сказать об отношении предиката к своему субъекту.

Если в суждении единичного предикат был лишь моментом или же одним из многочисленных определений, то в суждении особенного, наоборот, он возвышается до определения субстанциональной природы субъекта. Формула: человек есть животное—несомненно истина. Но эта истинность установлена на основе практики, на основе наблюдения и обобщения результатов этого наблюдения. Наблюдение показало, что у человека имеются те же качества, что и у слона, что человек дышит, ходит, ест и пьет так же, как слон и т. д. На основе всего этого стало возможным заключение, что человек такое же животное, как слон или лошадь. Это значит, что родовой признак не дан в готовом виде, не вытекает из логического движения элементов суждения, но его надо вывести из практики. Этим способом установленная особенность субъекта, как конкретная особенность, приобретает характер истины.

Суть этой формы движения состоит в том, что раз дано нечто, то должно быть и другое, в котором это нечто находит свою особенность. Коль скоро человек есть существо реальное, то он непременно имеет свой родовой признак, существует как вид известного рода. А из этого вытекает, что в указанной форме суждения связь имеет особое значение, есть его основание. Однако ошибочно сводить весь вопрос исключительно к связи, ибо ее значение велико лишь постольку, поскольку через нее суждение особенного принимает свой собственный вид, т. е. субъект связывается с таким предикатом, в котором он находит свою истинную особенность. Кроме того, в этой форме суждения субъект также изменяется, представляя уже не индивидуальное существо, а, как уже отмечалось, род, т. е. не одного себя, а некоторое множество подобных. Говоря: человек — животное, мы принимаем за животных всех людей, чем непосредственно переходим от одного ко многому. На этой ступени развития устанавливается новое соответствие между субъектом и его предикатом. Множество есть определенный общий объект, имеющий в себе единичное в снятом виде. Но это снятие не является уничтожением са-

мостоятельности единичного, ибо его истинная самостоятельность совпадает с его родовой сущностью, находит свое полное осуществление в роде, «теряется» же в этом процессе лишь момент случайности.

Особенное как множество является не простым умножением или прибавлением единичных, а новым качеством. В отличие от единичного, оно есть конкретизация суждения, переход к новому качеству, выяснение и познание того, что данная субстанция—это форма не единичного явления, не случайность, а необходимость. Благодаря этому единичное через особенное переходит в общее. Особенное, как диалектическая совокупность единичных, возникает через целый процесс отношения сравнения.

Сравнение внешних сходств и субъектов есть путь к обнаружению субстанционального в субъекте. Поэтому сходство субъектов не внешний признак, а субстанциональная форма. Не будучи еще углублением, всесторонним охватыванием целого, сравнение является той ступенью познания, которая подготовляет почву для его углубления. Таким образом, сравнение содержит в себе противоречие—основание преодоления односторонности. Истинное познание через сравнение идет к внутренним всеобщим законам объектов. Самое общее есть целостность. Познание через единичное и особенное приходит к целому. Целостность субъекта состоит в том, что он охватывает всех представителей рода. Все люди—животные. В этой формуле **все** не одно лишь чистое количество, а количество, которое уже перешло в качество. Все **люди**—человеческий род. Род—это конкретная общность, это целостность своих видов. Виды, как таковые, друг друга исключают. А есть или В или С. Род же есть то, что обще все этим видам, что не только их объединяет, но и сливает в одно высшее единство. Род существует и осуществляется исключительно в видах и единичных формах. Вне этих форм род вообще не существует, как вне стали или чугуна, т. е. видов металла, нет металла вообще. Но металл—не одна упругость или хрупкость стали или чугуна. Металл—такая субстанциональная определенность, которая существует во всех видах металла и делает каждый из них самостоятельным представителем рода. Каждый вид металла со своей стороны самостоятелен и,

как таковой, не только отличен, но и противостоит другим видам. Чугун и серебро не только тождественны, как металл, но одновременно противостоят друг другу как виды металла. Поэтому можно сказать, что А есть или В, или С, или Д и т. д. Это **или** становится отрицательной связкой, которой субъект отгораживается от других. Но это ограничение не является абсолютным отделением сторон друг от друга, оно одновременно указывает на некоторую общность отрицаемых субъектов. Камень есть или базальт, или гранит, или мрамор, или туф и т. д. В этом суждении все перечисленные предметы суть камни, иначе связка **или** не имела бы смысла. Нельзя, например, сказать, что камень есть или вино, или водка, ибо между ними нет никакой внутренней связи, никакого отношения, кроме того, что все они—формы существования материи.

То, что связывает друг с другом разные виды—это их **родовая** общность, и только в рамках этой общности виды могут быть отделены и противопоставлены друг другу. Род есть единство своих видов, их целостность. Виды суть особые формы существования рода. Таким образом, отношение рода и вида есть отношение всеобщего и особенного, благодаря чему мы получаем возможность обнаружить истинную родовую особенность субъекта, т. е. строить суждение общего.

в) Суждение общего

Суждение единичного было качественным определением предмета. В суждении частного субъект больше не единичность, а некоторая множественность. Предикат не отдельное качественное определение, а субстанциональная форма. Это выход за пределы суждения частного и переход к новой, более высокой форме: суждения общего. Особенность суждения общего состоит в том, что оно есть отражение рода, воспроизведение родовых отношений. Суждение единичного дало нам отношение единичного и общего. Примером для этой формы суждения Энгельс считает переход трения в теплоту. Суждение частного передает уже соотношение двух сравнительно завершенных форм. Всякое механическое движение через трение переходит в теплоту, гласит это суждение. В этом суж-

дении дано соотношение двух общих форм, но через единичную форму—трение. «Всякое механическое движение», естественно, не ограничивается одним трением; первое охватывает собой второе лишь как одну из многих форм механического движения, поэтому оно есть общее по сравнению с трением. В общем же движении процесс обобщения завершается, и, что важно, раскрывается связь и соотношение не только между отдельными общими формами, но и между всеми формами. Соотношение отдельных общих форм на этот раз уже принимает новый вид и новый характер, ибо, во-первых, переход не ограничивается лишь двумя формами, но охватывает все формы, которые могут переходить друг в друга; во-вторых, переход не является односторонним переходом, скажем, механического движения в тепловое, он есть и взаимопереход. «Любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превратиться прямо или косвенно в любую другую форму движения»,—гласит пример этой формы суждения. В этой формулировке последней формы суждения общего дано как различие, так и сходство.

В суждении особенного переход совершается непременно через трение, а здесь «при определенных для каждого случая условиях». Это отрицание прикованности мысли лишь к одной форме есть, с одной стороны, расширение сферы деятельности, а с другой,— ее конкретизация. Таким образом, связь крайних терминов переходит из своей единичной формы во всеобщую. Это первая особенность суждения общего. Вторая особенность та, что в суждении общего речь идет уже о переходе не двух, а всех форм движения друг в друга, познание раскрывает связь между всеми формами и ставит себе цель познать эту связь. Всесторонность и конкретность становятся характерными чертами для познания, оно больше не хватает предмет лишь с одного конца, не берет его отдельно, изолированно, а целиком, подходит к нему со всех концов, рассматривает его всесторонне. Суждение здесь поднимается на высшую ступень, оно завершается и тем самым переходит в умозаключение.

В суждении общего основной процесс — это выяснение того, насколько субъект соответствует своей общей природе, говорит Энгельс. В суждении: человек—животное, уже имеет-

ся соответствие, хотя слишком общее. Дело в том, что животное не только человек, но и многие другие существа—лошадь, лев, кошка и т. д. Чем же отличается человек от всех остальных животных? Тем, что человек является общественным животным. В этом новом суждении родовой признак конкретизируется и окончательно устанавливается: субъект полностью соответствует своей общей природе, предикат также отражает именно то, что составляет истинную сущность субъекта (в данном случае—человеческого рода).

Суждение единичного и особенного были формами констатации того факта, что данный субъект имеет какой-то предикат. Соответствие, которое они установили, имело либо случайный, либо довольно общий характер. Человек красив и человек есть животное, как примеры этих форм суждений, являются подтверждением сказанного. В отличие от них, суждение общего уже содержит в себе известное обоснование соответствия субъекта своей общей природе. В нем предикат не только не чужд субъекту, но и необходимым образом вытекает из характера самого субъекта, вполне соответствует ему не по внешнему совпадению, а по внутреннему строению. Поэтому их связь отражает природу субъекта в предикате. Она (связь) в этой форме суждения—не простое указание на принадлежность субъекту некоего предиката, а определенность самого субъекта и тем самым также содержания предиката, ибо последний не отражает в себе ничего более того, что составляет определенность объекта. Можно сказать, что в суждении общего отношение субъекта и предиката является отношением истинного единства. Однако в этом единстве раскрываются только две особенности вещи: ее единичность и общность, ибо всякое суждение состоит из двух членов — субъекта и предиката. А в вещи содержится и момент частного. Для всестороннего отражения объекта познания требуется преодолеть недостатки суждения и найти такую форму мысли, которая способна раскрыть все основные признаки вещи. Кроме того, суждение — констатация факта. Конечно, его общая форма уже является попыткой обоснования установленного факта, но она имеет еще зачаточный характер. Познание истины требует полного отражения объекта и обоснования заключения. Для решения этой задачи мы совершаем переход от суждения к умозаключению.

ГЛАВА IV

УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

Умозаключение — это форма опосредованного приобретения знания или форма теоретического мышления. Оно подчиняется тем же законам, что и объективный мир, т. е. законам диалектики.

Изучая процессы развития познания, диалектическая логика в основу построения умозаключения кладет закон единства и борьбы противоположностей. Для нее умозаключение является отражением исторического процесса. Термины этого умозаключения связаны между собой так, что каждый из них дает нам представление об определенном явлении в его конкретной своеобразности.

В то время как посылки умозаключения формальной логики отражают класс предметов или их признаков в форме раз навсегда данных стандартов, посылки диалектической логики свободны от этой ограниченности, ибо они отражают находящиеся в вечном движении как общие, так и особые свойства предмета познания.

Поэтому содержание этих терминов или посылок всегда относительно. Так, например, о возможности победы социализма мирным способом говорили Маркс и Энгельс в XIX веке, но об этом в XX веке говорим и мы. Однако содержание посылок этих умозаключений совершенно разное, оно изменилось с изменением исторических условий пролетарской революции.

Таким образом, умозаключения, отражающие процессы,

строятся на основе законов материалистической диалектики. Суждение интересовалось вопросом: соответствует или не соответствует данный предикат данному субъекту? Умозаключение ставит другой вопрос: переходит ли эта форма движения в другую форму и как переходит? Поэтому можно сказать, что умозаключение есть высшая форма познания.

Суждение было знанием соотношения двух крайностей, в умозаключении важен переход этих крайностей. Суждение указало нам, что этому субъекту соответствует такой-то предикат, а умозаключение показывает, каким образом возникает это соответствие, как и на основании каких законов субъект и его предикат совпадают. Таким образом, умозаключение есть суждение и его обоснование, поэтому оно есть форма более глубокого знания.

Умозаключение не субъективно. «Фигуры заключения» суть результаты обобщения «практической деятельности человека», результаты «миллиарды раз» повторения «разных логических фигур»[1]. Следовательно, оно не предписано субъектом объективному миру. Нет, сам объективный мир именно таков, как он дан в умозаключении, и оно есть его отражение. Но одновременно не следует забывать, что умозаключение есть **форма познания** действительности, а не сама действительность.

Рассмотрение умозаключения как формы отражения действительности означает, **во-первых,** что оно дает нам объект в его истинно конкретном виде, **во-вторых,** что любое умозаключение есть единство формы и содержания, единство субъективного и объективного. Объективный мир здесь освобождается от случайностей больше, чем в предыдущих формах познания. Это положительно выражено в умозаключении. Его характерная особенность состоит в том, что оно есть единство двух крайностей, опосредование через некое третье, форма движения: X через У переходит в Z. X и Z—суть крайности. Их различие — не различие сущностей, а различие степеней развития той же самой сущности, дистанция между которыми довольно большая: начало и конец процесса. X и Z—

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172.

противоположные полюсы, как север и юг. Однако они вовсе не противоположны как движение и недвижение, как полюсы и неполюсы,— между подобными противоположностями ничего общего нет, они ничем положительно не связаны между собой и не могут быть дополнены один другим. X и Z, север и юг, наоборот, связаны именно тем, что первые суть движение, а вторые суть полюсы. Устанавливая эти крайности, познание старается выяснить их особенность, специфичность законов и закономерностей. Каждая крайность в отдельности ничего не дает, а их непосредственное противопоставление может дать лишь внешнее определение, описание крайностей, а не выражение их закономерностей.

Научное познание есть познание процессов. В процессе начало и конец непосредственно не противостоят друг другу. В товарном обращении, например, начало и конец опосредованы через деньги. Нельзя устанавливать законы товарного мира, игнорируя роль и значение денег, как среднего термина. Таким образом, средний термин является связующим звеном крайностей, благодаря чему они существуют, ибо вне этого звена или в отдельности они уже не крайности. Среднее звено есть завершение начала процесса. Только на ступени среднего звена начало всецело себя обнаруживает и, обостряя свои внутренние противоречия, переходит в свою противоположность. Конец процесса или вторая крайность, благодаря среднему звену, связывается с тем, от чего она отлична и чему противостоит как его отрицание и в то же время с чем она в последнем счете имеет нечто общее. Таким образом, среднее звено есть то, благодаря чему крайности познаются так, как они существуют.

Отношение среднего звена к крайним терминам есть отношение как обнаружения сходства, так и различия. В среднем звене крайность притупляться не может, ибо оно, связывая их, в то же время разделяет, показывает их противоположность. Выступая посредником между началом и концом товарного обращения, деньги не только не притупляют их существенную противоречивость, но и, наоборот, делают ее более очевидной, более понятной. Поэтому можно сказать, что среднее звено—это своеобразная связка умозаключения. Это своеобразие состоит в том, что она одновременно и поло-

жительна и отрицательна. Она положительна, как устанавливающая сходство крайних терминов, и отрицательна как показывающая различие и противоречие. Однако положительное и отрицательное в умозаключении не простые заверения, они обоснованы. Поэтому можно сказать, что отношение среднего звена к крайним терминам есть в то же время отношение обоснования.

Гегель говорит, что «частность образует ближайшим образом средний термин постольку, поскольку она соединяет в себе **непосредственно** оба момента единичности и общности»[1]. Безусловно, Гегель прав: «средний термин» действительно есть некоторое отношение к крайностям. Прав он и в том, что это отношение есть в то же время «соединение». Но из этого не вытекает, что «средний термин» только «соединяет». Соединять крайности, чтобы свести их к некоторому среднему, обозначает притупить противоположности, найти такое среднее звено, в котором противоречия снимаются путем их примирения. Соединение, например, интересов рабочего класса и буржуазии является притуплением борьбы противоположностей, а поэтому подчинением рабочего класса буржуазии. Доказательством этого может служить многолетняя практика реформистов. Конечно, Гегель был передовым мыслителем своего времени, но как идеолог буржуазии, (которая никогда не была и не могла быть последовательным сторонником революции и революционного разрешения противоречий), он склонялся к реформизму, говоря, что «середина есть единство» крайностей.

Истинное единство — это завершение процесса, отрицание отрицания, а середина есть лишь одно отрицание. Истинное единство является условием вечного прогрессивного движения, а середина, в понимании Гегеля, таким условием быть не может. Даже больше: объявление середины единством крайностей снимает вопрос об их истинном единстве, которое есть результат отрицания и способно обеспечить поступательное движение действительности. Вот почему Маркс говорит, что гегелевская «середина» есть деревянное железо, затуше-

---

[1] *Гегель*, Наука логики, ч. II, стр. 72.

ванная противоположность между всеобщностью и единичностью». «Гегель вообще понимает умозаключение как середину, как mixtum compositum»[1]. Таким образом, Гегель сразу совершает четыре ошибки:

Во-первых, он объявляет середину единством крайностей, а между тем истинное единство—это отрицание и середины.

Во-вторых, он приписывает середине, а следовательно, единству роль смягчения противоречий, примирения непримиримых противоположностей. В действительности же только через нее крайности могут быть опознаны как истинные крайности данной сущности.

В-третьих, он отождествляет умозаключение с серединой для объявления умозаключения притуплением противоречий. А фактически умозаключение есть отражение действительности, есть революционное разрешение противоречий.

В-четвертых, он отождествляет действительность с умозаключением, чтобы получить возможность заявить: сама действительность есть примирение противоречий, игнорируя при этом несомненный факт, что она, действительность, истинно диалектична, революционна, есть непрерывное развитие и изменение. Умозаключение есть рассмотрение явления с точки зрения его развития и завершения процесса.

Понятие было отражением вещей в той форме, в какой они существуют без раскрытия их внутреннего содержания. Суждение уже занялось выявлением этого содержания. В трех его формах: в суждениях единичного, особенного и всеобщего обнаруживались все три признака предмета, отраженные в понятиях: единичный, особенный и всеобщий. Конечно, в каждой отдельной форме суждения речь шла только о двух признаках, а в умозаключении даны все три признака одновременно, однако вопрос о раскрытии содержания понятия решается суждением, умозаключение этим делом занимается попутно, ибо основная его задача—обоснование положения, выдвинутого суждением.

Суждение—это отрицание недифференцированности понятия, а умозаключение есть отрицание неаргументированности

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Архив, т. 3, стр. 210.

знания, которое дано суждением. Поэтому умозаключение является отрицанием отрицания, тем самым источником нового знания и средством обоснования этого знания. Если в суждении понятие, потеряв свою самостоятельность, приобретает конкретный характер, превращается в термин, то в умозаключении процесс этот завершается тем, что оно выступает как большой, малый и средний термин, т. е. приобретает новую индивидуальность.

Развитие суждения было процессом перехода от единичного ко всеобщему, т. е. от простого к сложному. Умозаключение другим путем идти не может, поэтому первая его форма—это умозаключение наличного бытия, т. е. обоснование познания умственно наглядной вещи. Вещь обладает многими свойствами, дальнейшее раскрытие которых уже осуществляется в умозаключениях рефлексии и необходимости.

Энгельс в актах рефлексии и необходимости видел дальнейшее углубление познания, движение от «простой формы» отношения объекта к познанию его «субстанциональной особенности» через раскрытие разных отношений субъекта и его предикатов. Он положительно относился к гегелевскому принципу взаимопереходов «богатых форм умозаключений»[1]. Следуя примеру Энгельса, Ленин считал, что главным для Гегеля является не искусственное «выведение» одного из другого, а связь и «переход одного в другое», «тождество противоположностей»[2].

По мнению Энгельса, «великолепна» мысль Гегеля о том, что «индуктивное умозаключение по существу проблематическое»[3], т. е. в одной форме потенциально содержится другая, в которую она может переходить. Следовательно, гегелевская классификация умозаключений имеет свое рациональное зерно, которое состоит в применении принципа развития.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 541.

[2] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 159.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 542.

2. СПОСОБЫ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

а) Индуктивное умозаключение

Руководствуясь принципом развития, следует сказать, что познание начинается с ощущения. Общие понятия, как отражения сущности, возникают на базе накопления фактов чувственным наблюдением. Процесс познания—это переход от единичного к общему и обратно. Поэтому первый способ умозаключения — это индукция. Еще Аристотель заметил, что «первичное нам необходимо познавать посредством индукции, ибо таким (именно) образом восприятие порождает общее»[1]. Развивая эту же самую мысль, Ф. Бекон писал. «Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частностей к наиболее общим аксиомам... Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частностей, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока, наконец, не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный»[2]. Сам Бекон стал основоположником научной индукции.

Индукция—это действие, но в то же время метод познания, которое от ощущений, от восприятия единичных фактов переходит к большим обобщениям, тем самым к рациональному познанию. Можно сказать, что проникновение в предмет исследования начинается с индукции. Ведь ощущение дает нам представление о внешней стороне предмета. Для того, чтобы дойти до сущности, необходимо иметь научное понятие, одним из первых средств добывания которого является индукция. Мнение о том, что индукция — это сочетание ряда частных суждений для определенного вывода, указывает лишь на формальную сторону вопроса, а по существу она является переходом от фактов к общим заключениям и опирается на факты, на действительность. Поэтому можно сказать, что если без ощущения нет знания, то без индукции нет познания общего. Прав был Аристотель, когда говорил, что «общее

---

[1] *Аристотель*, Аналитики, стр. 288.

[2] *Ф. Бекон*, Новый органон, 1935, стр. 111.

нельзя рассматривать без посредства индукции, ибо и так называемое отвлеченное познается посредством индукции»[1].

Таким образом, индукция — это такой способ рационального действия, который теснейшим образом связан с чувственным восприятием. Касаясь этого факта, Аристотель писал: «Как знание приобретаемое из общего невозможно без индукции, так и знание посредством индукции невозможно без чувственного восприятия»[2]. Это и понятно. Ведь чувство способно давать нам знание только об отдельных фактах, а научное познание—это познание общего. Индукция—это способ добывания упомянутого общего, которое является общим **единичных**, данных нам при помощи чувств. Вот почему индукция неотделима от чувственного познания. Но несмотря на это, она все-таки—логическое действие, потому что является формой опосредованного знания; ее движение является движением от фактов к понятиям и от менее общих понятий к более общим (ввиду глубокого и всестороннего отражения действительности).

Примером индуктивного умозаключения может служить следующее: железо расширяется от теплоты, расширяются также золото, вода, дерево и т. д. следовательно, все тела расширяются от теплоты. Тут мы имеем, во-первых, выделение фактов, во-вторых, обнаружение того свойства, которое обще всем этим фактам, в-третьих, установление определенной формы связи между ними, формы их координации и, наконец, в-четвертых, заключение, являющееся обобщением того, что уже познано в частном плане. Если бы мы не знали, что железо и др. расширяются от теплоты, тогда заключение, что все тела расширяются от теплоты, было бы невозможным. Поэтому можно сказать, что индукция — это такое умозаключение, которое дает нам возможность приобрести более общее знание, исходя из менее общих, но уже известных нам знаний. Из сказанного следует, что задача индукции состоит в установлении определенной формы связи между единичным и особым, между особым и общим, имея цель предсказать будущее изменяющегося явления. Так, например, предсказание

---

[1] *Аристотель*, Аналитики, стр. 217—218.

[2] Там же, стр. 218.

движения небесных тел астрономическими обсерваториями является формой индуктивного умозаключения.

Как метод, который занят выведением общего заключения из единичных фактов, индукция является способом количественного изучения качеств, раскрытия количественной основы качеств, и вооружает науку на борьбу с идеализмом и метафизикой. Общеизвестно, что в обнаружении физико-химических и биологических основ жизни индукция играла большую и положительную роль. Но можно ли считать ее заключения аксиомами? Бекон полагал, что его индукция устанавливает именно такие выводы, которые имеют характер аксиомы. Конечно, Бекон был неправ. Индуктивное умозаключение всегда является только вероятным, ибо оно выводится не из всех фактов данного вида или рода, а лишь из наиболее существенных из них, которые уже известны науке. Открытие новых фактов того же рода или вида вносит изменение в имеющееся заключение, уточняя или расширяя его. Так, например, с каждым новым открытием астрофизики обогащается наше знание о положении или движении небесных тел. Кроме того, хотя индуктивное умозаключение опирается на определенные факты, но оно указывает лишь на тенденцию их изменения, которая в деталях часто уклоняется от общего правила или закона. Эти обстоятельства приводят к тому, что выводы индукций становятся вероятными.

В истории логики известны разные виды индукции. Есть полная индукция, суть которой сводится к тому, что объем субъекта, выраженного в больших посылках, совпадает с объемом предиката. Когда говорят, например, что все рыбы живут в воде, имеют в виду, что форель, судак, осетрина и т. д. живут в воде. В отличие от полной, есть и неполная индукция, которая строится на основе лишь части тех фактов, которые охватываются заключением. Она помогает человеку установить простые причинные связи, но не гарантирует от ошибок. Наблюдая, например, положение солнца на небе, можно установить сроки земледельческих работ. Так поступали раньше крестьяне. Но нередко случалось и так, что эти заключения оказывались ошибочными; вместо потепления внезапно наступали холода и наносили большой вред посевам. Во избежание ошибок, можно использовать индукцию через простое

перечисление. Наблюдая определенное свойство известных нам объектов, мы можем свое заключение распространить на все эти объекты, сказать, например, что все ученики V класса нашей школы изучают немецкий язык, если, конечно, нет противоречащих фактов. Но эта индукция не дает особых знаний, поэтому ученые пользуются научной индукцией. Научна та индукция, которая посредством умозаключений от единичного к общему отражает существенные связи вещей и явлений, та индукция, которая приводит нас к познанию причинных отношений и законов объективного мира. Однако для того, чтобы эта форма индукции привела нас к положительным результатам, необходимо избегать абсолютизирования ее значения, необходимо наряду с индукцией пользоваться и дедукцией, которая неразрывно связана с индукцией и является не менее важным способом умозаключения.

б) Дедуктивное умозаключение

Как умозаключение дедукция также является формой открытия связи между единичным, особым и общим, формой логического опосредования, образования понятия, установления аксиомы, создания научной теории с целью познания истины. Но в отличие от индукции, она имеет дело не непосредственно с фактами, а с их понятиями и движется в пределах рационального познания. Дедукция вообще является способом логической организации знаний, способом установления логических связей между формами мышления.

Если индукция движется от единичного к общему, то дедукция, наоборот, движется от общего к единичному, она имеет аналитический характер и занята раскрытием особенности единичного и его связи с общим и особым. Кроме того, единичное в дедуктивном умозаключении не то же самое, что в индуктивном. В первом оно появляется как результат, а во втором как начало; в первом оно существует как отдельное — общее, т. е. как общее в единичной форме, а во втором оно в известном смысле самостоятельно, существует отдельно. В отличие от индукции, дедукция является средством выражения качественного изучения количеств, главное для нее —

это качественная характеристика единичного, показ того, что единичное не может не иметь предиката общего,— поскольку оно является составным элементом общего,— общее же не может не проявляться в единичном, так как оно—единство единичных. Таким образом, дедукция выявляет двухстороннюю связь и взаимозависимость, выдвигая на первый план качественное определение элемента общего.

Если оценить дедукцию по характеру вывода, то следует сказать, что в отличие от индуктивного, в дедукции он выступает как достоверная истина. Объясняется это тем, что дедуктивное умозаключение доказывает, что единичное есть общее, поэтому то, что верно относительно общего, верно также для части целого. Например, когда говорим, что все люди смертны, Сократ человек, то из этого уже следует, что Сократ смертен. Здесь вывод логически вытекает из посылок, которые даны как общие понятия. Но из этого не следует, что дедукция—это чисто логическая конструкция, не имеющая никакой связи с действительностью. Напротив, она отражает ход вещей, именно то, что имеет место в объективном мире. Если все люди не были бы смертными, а Сократ—человеком, тогда нельзя было бы сказать, что Сократ смертен. Следовательно, как посылки, так и заключения дедукции суть формы воспроизведения действительности, но со своими особенностями. Эти особенности состоят, во-первых, в том, что дедукция строится исключительно на базе известных терминов: большого, малого и среднего; во-вторых, в том, что ее вывод вытекает из посылок как необходимость, не нуждаясь в новой агументации извне и, в-третьих, в том, что ее посылки—это не единичные факты чувственного восприятия, а понятия, отражающие общее в индивидах и видах, т. е. то, что наиболее существенно в них.

Дедукция — это способ конкретизации познания. Она дает нам возможность, во-первых, из общего выделить единичное и, во-вторых, в единичном открыть общее. Говоря, например, что все люди смертны, Иван—человек, следовательно, Иван смертен, мы, с одной стороны, раскрываем общее «быть смертным» в единичном Иване, а с другой—устанавливаем родовую принадлежность Ивана. Это не что иное, как

открытие различия и единства противоположностей объективного мира.

Дедуктивное умозаключение показывает, как общее реализуется в особенном и единичном, составляя их сущность. Когда говорят, что Иван—человек, этим определяют его сущность, высказывают о нем то, что есть на самом деле, что является главным, определяющим для него. А подобная постановка вопроса опять доказывает, что дедукция—это один из необходимых способов научного познания. Наука—это познание общего, что составляет сущность объекта познания. А дедукция ничем другим не занимается, кроме стремления к решению этой задачи. Но может ли она удовлетворить требования научного познания? Только в том случае, если мы не будем абсолютизировать ее значение, если наряду с дедукцией будем пользоваться и индукцией, как другим не менее важным способом умозаключения.

Как известно, долгое время ученые полагали, что индукция и дедукция исключают друг друга «совершенно не замечая при этом, что они: 1) бессознательно применяют под этим названием совершенно другие формы умозаключения, 2) лишают себя всего богатства форм умозаключения, поскольку их нельзя втиснуть в рамки двух форм, и 3) превращают вследствие этого сами эти формы—индукцию и дедукцию—в чистейшую бессмыслицу»[1].

В действительности соотношение индукции и дедукции имеет диалектический характер, и нельзя сводить процесс познания к действию одной из них. Дело в том, что «индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга»[2].

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 541.

[2] Там же, стр. 542—543.

Умозаключение—это раскрытие соотношения между единичным, особым и общим. Познание, как мы уже знаем, начинается с единичного и движется к общему. Соответственно с этим умозаключения осуществляются в основном в четырех формах: 1) в форме рассмотрения процесса познания с точки зрения выяснения сущности наличного бытия, в которой основной вопрос—выяснение качества, 2) в форме рассмотрения процесса познания с точки зрения рефлексии, в которой основной вопрос—конкретизация процесса познания, 3) в форме рассмотрения процесса познания с точки зрения необходимости, в которой основной вопрос—единство и завершение процесса умозаключения и 4) в форме гипотезы.

а) Умозаключение единичного

Мы видели, что суждение—это отношение двух крайностей через определяющую связь, которая играет роль простого завершения. В процессе развития оно снимает этот недостаток и в конце своего движения приходит к обоснованию указанного отношения. Первая форма этого обоснования — умозаключение единичного. Таким образом, познание совершает возвратное движение к своему исходному пункту, первоначальное суждение восстанавливается, но не как простое суждение, а как такое отношение крайностей, которое обосновано как умозаключение. В этом высказывается спиралевидность движения познания: каждая спираль, будучи возвратом к начальному пункту, есть в то же время огромный скачок вперед, есть истинное развитие.

Общая форма развития—это переход единичного через особое во всеобщее. В неорганическом мире, например, механическое движение, т. е. простое перемещение небесных тел и земных масс через движение молекул, т. е. физическое движение, переходит в движение атомов, т. е. химическое движение. В биологическом мире индивид через вид вырастает в род. В общественной жизни первобытный коммунизм через частную собственность переходит в научный коммунизм. Это

общераспространенная форма изменения. Единичное умозаключение есть отражение этой обычной формы развития и в то же время вообще общая форма умозаключения. Особенность этой формы состоит в том, что начало и конец процесса противостоят друг другу как крайности, но как крайности одной и той же сущности, поэтому и, собственно, нельзя говорить, что они абсолютно раздельны. Их общность есть общность сущности, и через нее они соединены. Среднее звено указывает на ступень развития крайности, т. е. на меру отделения их друг от друга. С этой точки зрения, чем больше единичное переходит в особенное, а это последнее—во всеобщее, тем более оно выражает всеобщее, вернее, приближается к всеобщему. Но ведь особенное не единично, а, скорее, есть его отрицание, а всеобщее есть отрицание особенного, поэтому единичное не есть всеобщее, они—суть противоположности.

В умозаключении единичного—отношение единичного к себе самому бесконечно, потому что его свойства, через которые эти отношения устанавливаются, бесконечны. Единичное благодаря им вступает в область всеобщего, осуществляется как всеобщее. На этой ступени развития единичное больше не эмпирическое, случайное единичное, оно есть единичное всеобщего. Индивид, как представитель рода, выходит уже из пределов самодовлеющей индивидуальности. Основное, на что уже обращается внимание,—это его родовой признак, и он познается как род, как нечто всеобщее. Но единичное, благодаря этой своей определенности, одновременно есть истинное единичное. Таким образом, мы тут имеем двойное отношение крайностей: 1) отношение единичного — через особенное—к всеобщему, в котором единичное есть всеобщее, и 2) отношение всеобщего—через особенное—к единичному, в котором всеобщее есть в то же время и единичное. Что касается особенного, то по отношению к единичному оно выступает как предикат, т. е. как всеобщее, а по отношению к всеобщему—как субъект, т. е. единичное, говорит Гегель. Благодаря этой роли особенного крайности, **во-первых**, более точно определяются, как таковые, и, **во-вторых**, обнаруживается связь между крайностями. Но эта связь не притупление противоречий, как полагает Гегель, а связь, создающая условия движения, дальнейшего прогресса в природе. Например, связь между

механической и химической формами движения содержится в том, что простое перемещение мест в снятом виде играет свою роль и в химическом движении. Каждая химическая реакция содержит в себе и механическое движение, как побочную форму. В этом примере роль вида в том, что он, будучи отрицанием первичной формы, в то же время сохраняет ее в себе в снятом виде (механическое движение существует как побочная форма в физическом движении) и создает условия для восстановления ее на новой основе. Только в этом смысле он играет роль связи между крайностями. Но основная особенность тех отношений, которые имеют место в умозаключении единичного, в том, что это—качественные отношения, и главная задача состоит в выяснении качества. Формула: волк—сер, серый—указание цвета, следовательно, волк имеет серый цвет,—является формой установления качества.

Сам по себе субъект обладает многими качествами, поэтому эта форма умозаключения качества в каждом своем виде может схватить лишь одну сторону предмета познания, может определить его только с одной стороны и тем самым оказаться неполной, недостаточной. Кроме того, в этой формуле умозаключения первые посылки: О=В и Е=О даны без доказательства, т. е. не опосредованы, а между тем доказательство или опосредование является основной отличительной чертой всякого умозаключения. Доказывая эти две посылки, мы получаем две новые формы умозаключения. А поскольку доказать означает мотивировать, обосновать следующие суждения, постольку и каждое из этих двух умозаключений в свою очередь делится на две новые посылки, требующие своего обоснования, и т. д. до бесконечности. Однако основная форма умозаключения единичного остается такой, какой она есть, а именно: Е=О=В.

Некий субъект через свое свойство определяется как всеобщий. После такого определения субъект уже не случайная единичность. Выступая как представитель всеобщего, как конкретный носитель особенности всеобщего, он снимает свое опосредствующее звено, вступая в прямые отношения со всеобщим. На этой ступени развития умозаключения предикат выступает в роли субъекта, а субъект—в роли предиката, возникает соотношение особенного через единичное к всеобщему.

Два качества выступают в соотношении через некую единичность. Единичность тут показывает, что соотношение этих двух качеств не случайно, ибо особенности принадлежат единичному, которое есть, в свою очередь, всеобщее. Кроме того, поскольку эти крайности суть качества, т. е. имеют одну и ту же сущность, они не могут быть «взаимно безразличными»[1]. Конечно, понятия «серый» и «цвет» сами по себе взаимно довольно безразличны, если подойти к ним как к самостоятельным понятиям. Но всякая самостоятельность конкретна, и, значит, относительна. Поэтому в этом различии нельзя игнорировать и их одинаковость, а именно, что серый цвет — это вид цвета. Однако в этой формулировке обнаруживается и то, что всеобщее не тождественно с особенным, ибо род есть диалектическая совокупность всех видов, а в формуле: вид через индивид есть род, указывается на соотношение только одной особенности всеобщего. Кроме того, откуда же нам известна истинность утверждения, что особенность есть особенность данной единичности, а тем самым и всеобщности, поскольку единичность есть всеобщность? Для решения этого вопроса мы говорим: поскольку уже доказано, что единичное есть всеобщее, а всеобщее есть полнота своих особенностей, из этого вытекает, что единичное есть особенное, иначе, особенность принадлежит единичному. Поясняя эту мысль, Маркс пишет: «... в Т—Д—Т оба крайние члена Т находятся под углом зрения формы, не в одинаковом отношении к Д. Первый Т относится к деньгам как особенный товар к всеобщему товару, между тем как деньги относятся ко второму Т как всеобщий товар к единичному товару. Следовательно, абстрактно-логически Т—Д—Т может быть сведено к форме силлогизма О—В—Е, где особенность образует первый крайний член, всеобщность—связывающий средний член и единичность—последний крайний член»[2].

Таким образом, упомянутая форма есть завершение умозаключения единичного, так как в ней даны все формы этого умозаключения. Каждая из этих форм предполагает свою другую и наоборот, но основа всех их есть первая форма, ибо,

---

[1] *Гегель,* Наука логики, ч. II, стр. 80.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 13, стр. 78.

как мы видим в своем доказательстве, каждая из них все время опирается на первую форму и в конечном счете отправляется от нее. Этот возврат к исходному пункту есть форма проявления завершения данного процесса, и тем самым переход в новый процесс выражен здесь в новой форме умозаключения.

б) Умозаключение особенного

Умозаключение единичного, как мы видели, было качественным соотношением моментов. Качество—внешнее определение, отсюда и отвлеченность этого умозаключения. Однако поступательное движение умозаключения единичного привело к снятию этой отвлеченности, в результате чего возникло новое соотношение—соотношение определенностей. Но эта определенность не является определенностью простого качества, а есть такая определенность, в которой отвлеченность (качественно внешняя определенность) уже снята, возникло равенство, одинаковость объектов и их отношений.

В этой форме умозаключения устанавливается такая связь между субъектом и предикатом, в которой каждый момент процесса выступает в новом виде и с новыми особенностями. Эта особенность заключается в том, что все моменты процесса, как уже опосредованные, обогащены и конкретны. Кроме того, они едины в том смысле, что один из них необходимым образом предполагает свое другое.

Приблизительно то же самое можно сказать и о среднем звене, основная роль которого заключается в обосновании соотношения крайностей. Среднее звено здесь есть нечто определенное, и нельзя через него или при его помощи установить всякую случайную связь крайностей. Благодаря всему этому, умозаключение особенного приобретает свою специфичность и проявляется в разных формах. Эта специфичность состоит в том, что в то время как моменты процесса умозаключения единичного даны непосредственно, без всякого опосредования, в умозаключении особенного они опосредованы, обоснованы. Отношение между ними—это отношение обоснования путем выведения.

В первой форме умозаключения особенного правильность или неправильность заключения соответствующим образом отражается на начальной посылке. Отношение между крайними терминами не случайное, не внешнее отношение, а нечто более глубокое и более внутреннее. Нельзя, например, из посылки: все люди смертны, вывести, что Гай бессмертен. Сказать, что Гай бессмертен, означает, что первая посылка, а следовательно, умозаключение в целом, неправильно. Это говорит о своеобразности отношений частей умозаключения особенного. Среднее звено здесь служит средством доказательства или выведения только одного предиката.

Умозаключение особенного представляет начальную крайность или всеобщее как род не в форме случайной единичности, а в форме полноты единичностей, и оно показывает наличие внутренней связи между ее моментами. Это не простое раскрытие содержимого, а раскрытие с обнаружением внутренних связей, что, несомненно, есть развитие и обогащение познания. Когда ученые показывают, что такое-то животное принадлежит к такому-то роду, т. е. когда они в порядке индукции выявляют новые связи единичного со всеобщим, тем самым они уже на практике показывают полноту единичного. Но полнота эта условна, ибо с расширением нашего опыта меняется и полнота единичности. С каждым открытием в области науки меняются границы рода, поэтому умозаключение особенного одновременно условно-конкретно. Гегель говорит, что оно проблематично. Если под проблематичностью понимать незаконченность или, вернее, неабсолютность, тогда это верно. Однако проблематичность содержит оттенок сомнения по отношению к истинности решения, что едва ли правильно касательно этой формы умозаключения. Если естествоиспытатель, к примеру, устанавливает границы какого-нибудь рода или класса животных, он это делает в достаточной мере точно, но, конечно, в пределах данной действительности, исходя из данной ступени развития науки. Следовательно, вторая форма умозаключения особенного одновременно является выходом за пределы проблематичности, ибо каждая ступень развития, по отношению к своей предыдущей, есть некоторая завершенность.

Отношение моментов умозаключения особенного—это

отношение индуктивных обобщений. Целостность в начале уже дана, в дальнейшем ее надо обосновать. Путь обоснования—это практическое наблюдение и изучение фактов. Так, например, бык, буйвол, лев, слон и т. д. суть позвоночные животные. Но бык, буйвол и т. д. суть и млекопитающие позвоночные. Большая и малая посылки устанавливают, вернее, обнаруживают некоторую общность индивидов, показывают, их внутреннюю связь. Говоря, что бык, буйвол и т. д. суть позвоночные животные, тем самым утверждают, что основной вопрос—не перечень единичностей, а их связь. Каждая из этих посылок показывает отдельный вид названных связей или отдельную сторону общности единичных. Умозаключение, по существу—обнаружение связи между теми предикатами или обобщениями, которые были выведены посылками умозаключения. В нашем примере главное—связь между млекопитающими. Если доказано, что млекопитающие суть позвоночные, т. е. первое включено во второе, как одна из ее особенностей, уже вследствие этого предрешена роль единичных. Одним больше или меньше—не меняет здесь сути дела, млекопитающие не перестают быть позвоночными. С этой точки зрения заключение второй формы вовсе не проблематично. Более того—в нашем примере оно есть абсолютная истина. Проблематичность, вернее, условная конкретность, относится к той части заключения, которая берется из малой посылки, ибо млекопитающее не может не быть позвоночным, раз это доказано. Однако допустимо, что тот или другой индивид не является млекопитающим, или же под выражением все надо подразумевать не одно П, а П+млекопитающее, в силу чего сущность заключения остается без изменения.

Умозаключение особенного одновременно преследует цель обнаружить общность и особенность единичных путем сопоставления тождественных объектов в посылках. Сопоставление вообще присутствует во всяком соотношении, а в умозаключении по аналогии оно играет особую роль. Единственное, что служит основанием для заключения по аналогии,—это тождество субъекта малой посылки с субъектом большой посылки. Поэтому соотношение большой и малой посылок—соотношение установления тождества субъектов или, вернее, обнаружения их сходства. Заключение вообще—это обнаруже-

ние общности предикатов субъектов большой и малой посылок на основе результата предыдущего отношения. Например, млекопитающие являются позвоночными животными; лев—млекопитающее, следовательно, лев позвоночное животное. Соотношение большой и малой посылок послужило базой для заключения. Заключение стало возможным лишь потому, что до этого уже было установлено, что единичность есть особенность, а особенность есть общность, из чего вытекает, что единичность есть всеобщность,—лев есть позвоночное животное.

Аналогия вообще применяется во всех областях науки, ибо повсюду накопление опыта создает условия сокращения пути познания. Таким образом, аналогия опирается на опыт, на практику человека. Однако это обстоятельство не гарантирует аналогию от ошибок. Их не всегда удается избегнуть при обобщении практики и применении результата этого обобщения к другим подобным случаям и фактам. Чем поверхностнее это обобщение, тем больше ошибок в его применении. Поэтому научная аналогия не может опираться на такое обобщение, которое показывает лишь внешнее сходство или случайное совпадение. Для нее чуждо также возведение отдельных признаков во всеобщности. Научная аналогия опирается на такое обобщение и применение практики, при помощи которых можно схватить основное и сделать это исходным пунктом умозаключения.

По своему характеру вывод умозаключения по аналогии является вероятным. Степень вероятности зависит от степени сходства признаков и от той роли, которую играют сходящиеся признаки в жизни сравниваемых предметов. Чем существенны сходства сходящихся признаков, тем более вероятен вывод. Для обнаружения более сходных признаков необходимо увеличить число исследуемых случаев, сравнить все свойства изучаемых предметов, не отдавая предпочтения той или другой группе свойств; обнаружить более разнообразные признаки, не только, например, геометрические, но физические, химические, биологические и т. д.; показать общность признаков, данных в посылке и о которых говорится в выводе, что признаки являются однородными, однотипными и принадлежат именно сравниваемым предикатам. Конечно,

строгое применение этих правил поднимает степень вероятности вывода умозаключения по аналогии, но оно не может привести к тому, чтобы этот вывод превратился в аксиому, ибо все эти правила имеют качественный характер, между тем для получения вполне достоверного заключения требуется и количественная характеристика. Поскольку выполнение этого требования в данном случае невозможно, вывод умозаключения по аналогии остается вероятным.

Умозаключение по аналогии, как и все остальные формы умозаключения особенного, является отношением снятия отвлеченности, отношением обособления путем опосредования и вообще обнаружения и обобщения внутренних связей, а это есть переход опосредующего в новую форму, в форму простой определенности и объективной общности, т. е. выход в новую форму умозаключения всеобщего.

в) Умозаключение общего

В отличие от предыдущих форм, отношение моментов умозаключения всеобщего есть отношение опосредованных процессов. Развитие привело к завершению этих моментов, в результате чего каждый из них выступает как целостность. Следовательно, по своему значению, т. е. по представленному содержанию, они тождественны. Различие между ними, как различие содержания, снято. То, чем они отличаются друг от друга—это их внешняя форма. Процесс умозаключения совершается в пределах этой формы. Благодаря указанной форме устанавливается факт тождества фигур умозаключения. Это обстоятельство придает форме особое значение, делает ее существенной для умозаключения всеобщего или умозаключения необходимости, которое осуществляется в разных формах.

Первая формула умозаключения всеобщего гласит: единичность, вследствие своей особенности, есть всеобщность, или же: индивид, благодаря своей видовой особенности, есть род. Это категорическая постановка вопроса, и каждый момент умозаключения, как уже опосредованный, представляет внутри себя общность, диалектическую совокупность единич-

ностей, отношения между которыми суть отношения утверждения тождества их содержания. По своему строению категорическое умозаключение еще сохраняет форму обыкновенного умозаключения, т. е. отношение субъекта с некоторым предикатом через среднее звено. Однако это лишь внешняя форма, ибо по существу тождество полноты моментов создает уже новое содержание, а именно: такое отношение субъекта и предиката, в котором субъект есть предикат лишь в единичной форме, а среднее звено—тот же самый субъект—выступает уже не в отвлеченной и случайной, а в основной и существенной форме. Таким образом, их различие есть различие формы проявления. Гегель в этом акте познания видит переход от субъективного к объективному. А в действительности формы понятия—суть отражения объективного мира. Они субъективны как формы познания, а их содержание—это отражение явлений реального мира. Особенность этой формы умозаключения состоит в том, что объективный процесс проявляется не в своей случайно переходящей, а в существенно-постоянной форме. Однако вследствие того, что субъект умозаключения все-таки единичность в его отношениях ко всеобщему, выбор того или иного единичного зависит от случая. Почему, например, класс млекопитающих выражается через индивид данного льва, а не, скажем, через слона? Это случайно и не вытекает необходимым образом из определения класса млекопитающих. Но в то же время это определение не случайно, ибо класс млекопитающих есть диалектическая совокупность этих единичностей. Поэтому можно сказать: если дан первый, то тем самым дан и второй, а это—переход к условному умозаключению.

До сих пор нам было известно, что, единичное относится через особенное ко всеобщему, как к своему предикату, или наоборот. Но углубление познания требует раскрытия причины соотношений. Условное умозаключение, решая этот вопрос, гласит: если есть А, то есть В, иначе говоря, А обуславливает собою существование В, ибо бытие А есть также бытие некоторого другого, а именно В. Следовательно, основной характер этой формы умозаключения состоит в отношении условия и обусловливания. Но в равной мере можно сказать, что здесь мы имеем дело и с причинным соотношением, ибо

условие есть в то же время и причина. Однако отождествлять первое со вторым было бы ошибочным, так как условие—более общее определение, содержащее в себе причину и еще нечто другое. Причина есть ближайшее непосредственное отношение. Условие в отличие от причины есть весь комплекс действий отношения и явлений, порождающий данное обуславливаемое. Однако как причина не тождественна со своим действием, так и условие не равно тому, что им обусловлено. Условия, которые порождали философию Гегеля, не равнозначны самой этой философии. Несомненно, основные особенности этих условий отражены в указанной философии, она есть отражение как передовой тенденции, так и половинчатости, консерватизма и непоследовательности собственного класса. В этом смысле условия и обуславливание тождественны, содержание А и В одинаково, и каждый из них стоит в таких же отношениях к своему другому, как этот другой к нему. Но это тождество не снимает существующих различий. **Во-первых,** отражение никогда не есть то же самое, что и отражаемое, ибо всегда оригинал в чем-то отличен от своей копии, в первую очередь—со стороны своего богатства. Оригинал всегда богаче копии. В данном случае копия есть лишь идеологическая форма, и не сама действительность, как условие, порождающее ее. **Во-вторых,** и по форме А не В, они отличны друг от друга, иначе А не могло стать условием, а В обусловленным своим условием. Отношение моментов условного умозаключения—это отношение всеобщего к целостности своих особенностей, отношение совпадения целостности и всеобщности. Но из этого совпадения не вытекает, что род может быть точной копией всех видов. Нет, он их наиболее полное, но одновременно лишь приблизительно точное отражение. Следовательно, тождество А и В—это их единство. Из сказанного логически вытекает, что основной вопрос упомянутой формы умозаключения—доказательство того, что вообще бытие одного есть бытие другого и между ними третьего быть не может. Это ведет к снятию условности умозаключения введением ее разделительной формы.

Формула предыдущей формы умозаключения гласила: если есть А, есть и В. Условность заключалась в том, что существование В ставилось в зависимость от существования А.

Но есть ли А? Для разделительного умозаключения, несомненно, есть. Однако еще в условном умозаключении было установлено, что А, как всеобщее, есть целостность особенностей—и В, и С, и Д и т. д. Это разделение уже само по себе есть различение, т. е. доказательство того, что В, С, Д и т. д. различны; следовательно, А не может в одинаковой мере быть всеми этими особенностями, вместе взятыми. А есть одно из них. Это значит, что А есть или В, или С, или Д. Но, по имеющимся данным, оно есть В, следовательно, А не может быть ни С, ни Д.

Таким образом, разделительное умозаключение есть первым долгом снятие условностей. А есть В. Однако это утвердительное заключение выводится на базе ряда отрицаний, на базе отрицательного отношения к другим. Но отрицание не самоцель, а средство достижения цели, то есть познание истины.

г) Гипотетическое умозаключение

Средством познания истины является и гипотеза. Гипотеза—это простая догадка. В науке же она имеет другой смысл. Она является способом объяснения новых фактов, научным предположением или же формой теоретического построения при помощи известных умозаключений, аргументов и т. д. Следовательно, нельзя отождествлять ее с обычными формами умозаключений. Она является средством изучения фактов, занимается теоретическими обобщениями, сравнением теоретических выводов с фактами, оценкой фактов, установлением причинной связи и законов развития объектов познания и т. д. И, тем не менее, гипотеза—умозаключение. По своему логическому построению она является такой формой действия мышления, которая из частичного сходства предикатов делает вывод о сходстве также субъектов познания. Гипотеза—это умозаключение, часть или одна из посылок которого неизвестна, поэтому его вывод является только вероятным.

Необходимость в гипотезе возникает: 1) когда имеющиеся факты не в состоянии объяснить причинную связь явле-

ний; 2) когда открытые опытом новые факты противоречат существующей теории; 3) если хотя между новыми фактами и старой теорией нет противоречия, однако объяснение новых фактов требует некоторого уточнения и дополнения старой теории — возникает гипотеза; 4) когда новые открытия в науке вызывают необходимость в создании новой теории. Для возникновения необходимости в гипотезе могут быть и другие причины. Важно отметить, что наука прибегает к гипотезе тогда, когда она не в состоянии объяснить существующие факты и явления объективного мира. Следовательно, гипотеза — это умозаключение, которое хотя не может быть неопровержимым доказательством изучаемого явления, но указывает путь к достижению истины. Имея в виду эту особенность гипотезы, Энгельс говорил, что «формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является **гипотеза»**[1]. Это значит, что развитие науки связано с построением научной гипотезы и ее превращением в научную теорию. Развитие идет от менее вероятных гипотез к заключениям более вероятных. Конечно, из этого не следует, что прогресс науки — это переход от одной гипотезы к другой, а лишь подчеркивается важность гипотезы для науки.

Цель гипотезы состоит в научном объяснении изучаемого явления, в открытии причины его возникновения и развития. Цель, например, гипотезы Опарина состоит в показе того, как возникла жизнь на Земле и через какие стадии прошла она до современного уровня ее развития. Если все причины появления жизни на Земле были бы ясны, тогда не было бы необходимости в построении какой-либо гипотезы. Поэтому можно сказать, что гипотеза преследует одну цель: доказать, что данное положение определенных вещей является результатом таких-то фактов или же имеет место на основе действия таких-то законов. Но считать это доказательство достоверной истиной нельзя, так как оно не опирается на достаточное количество фактов; его основание не вполне удовлетворительно, поэтому оно имеет характер вероятности.

Образование гипотезы — это сложный процесс. Начинается оно с подробного изучения определенной совокупности

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 555.

фактов для нахождения причины ее существования. Для этого выделяются все те факты, которые могут быть обоснованием в создании теории, и освобождаются от тех из них, которые не способны к этой задаче или могут помешать ее осуществлению. Все эти операции создают предпосылки для возникновения научного предположения, руководствуясь которым можно достичь поставленной цели. После того, как новое научное предположение окончательно сформулировано, начинается его проверка. Если эта проверка докажет, что оно способно объяснить все имеющиеся факты, и выводы, сделанные из него, подтверждаются опытом, оно превращается в научную теорию. Так возник исторический материализм как наука.

Изучая определенные факты буржуазного общества, Маркс пришел к заключению, что не общественное сознание определяет общественное бытие, а наоборот, общественное бытие определяет общественное сознание. Но это заключение вначале было только гипотезой. Ленин говорит, что «Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берется за фактическое (Это nota bene) изучение материала»[1]. Это изучение дает ему возможность в знаменитом предисловии к «Критике политической экономии» сформулировать все основные положения исторического материализма, но все-таки опять в форме гипотезы. Однако «это была такая гипотеза, которая впервые создала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»[2]. Для окончательного превращения этой гипотезы в научную теорию необходимы были всестороннее изучение большего количества новых фактов, проверка выводов, сделанных из анализа этих фактов, вся практика общественного развития. Маркс выполнил это требование научной гипотезы в «Капитале». Можно сказать, что «Капитал»—это не что иное, «как несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала». Это обстоятельство дало основание Ленину заключить: «Теперь со времени появления «Капитала»—материалистическое

---

1 *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138

2 Там же, стр. 136.

понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...»[1], т. е. научная теория, проверенная на практике.

Отношение гипотезы и научной теории имеет не метафизический, а диалектический характер. Это значит, что хотя заключение гипотезы является вероятным, но из этого не следует, что оно вообще лишено истинности. Во-первых, вероятность — это не отрицание истины, а форма ее высказывания и, во-вторых, всякая вероятность, если она научна, в своем развитии переходит в достоверную истину. Конечно, если отождествлять научную гипотезу с «рабочей гипотезой» или же считать ее делом «соглашения», тогда о достоверной истине не может быть речи, поскольку этим совершается переход от материализма к идеализму. А научная гипотеза возможна только на почве материализма.

Для построения научной гипотезы необходимо, чтобы она не противоречила результатам науки, иначе говоря, не только находилась в полном согласии с ее основными положениями, но и стала бы средством их доказательства. Поэтому при построении нескольких противоречащих друг другу гипотез для объяснения какого-нибудь явления следует предпочесть ту из них, которая больше всего согласуется с данными науки, с опытом. Друг друга исключающие гипотезы объединять нельзя, если же они сходны, их объединение не только возможно, но и необходимо, ибо оно может привести к созданию научной теории. Спешить в оценке значения гипотезы и считать ее научной теорией, когда в действительности это далеко не так, разумеется, недопустимо; такое смещение заставляет признать уже доказанными те умозаключения, истинность которых следует еще доказать. Но не стоит переоценивать значение гипотезы; к ее помощи следует прибегать только при неизбежной необходимости. Гипотеза должна быть не самоцелью, а средством достижения истины.

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч. т. I, стр. 139—140.

ГЛАВА V

ИСТИНА

1. ИСТИНА И ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЕ

Задача любой науки—помочь человеку овладеть силами объективного мира и изменить его, исходя из интересов людей. Для овладения же указанными силами необходимо познать законы действия этих сил, т. е. познать истину о природе и обществе, о материи и ее формах изменения вообще. Истина—это форма отношения между суждением и объективной действительностью. В этом отношении главным является характер формы т. е. то, воспроизводит ли она объект познания или нет. Истина—это совпадение нашей мысли с объективным миром. Вступая в отношения с внешним миром, мы приобретаем известное знание об этом мире. Если наше знание совпадает с миром или с теми явлениями мира, которые нас интересуют, оно является истиной. Наблюдая процессы, происходящие с телами под влиянием теплоты, мы говорим, что тела от теплоты расширяются. Это наше высказывание есть истина. Но само оно является результатом целого ряда познавательных актов, которые подготовляют его. Истина—такое знание, которое дается нам в результате известного процесса отражения. Научное отражение мира связано с правильным рашением трех основных гносеологических вопросов, а именно: 1) с признанием существования вещей вне и независимо от нас, т. е. с признанием материи как субстанции; 2) с установлением факта, что нет принципиальной разницы между «вещью в себе» и явлением, что в явлении дается сущность предмета и, наконец, 3) с признанием того, что позна-

ние всегда является исторически конкретным познанием, непрерывным процессом от незнания к знанию, т. е. вечным углублением и расширением наших знаний, не знающих абсолютных границ. Собственно говоря, ленинская теория отражения сводится к всестороннему решению этих трех вопросов, а марксистское учение об истине логически вытекает из этой теории. Для Ленина истина — это «такое содержание человеческих представлений», «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»[1].

Истина — отражение объективного мира, а не сам мир. Конечно, без мира нет истины, но одно только существование мира недостаточно для того, чтобы иметь истину. Истина — знание человека, совпадающее с материальным миром. Поэтому истина существует там и тогда, где и когда устанавливается определенная форма связи между субъектом и объектом познания. Если нет этого отношения, то нет и истины. Из сказанного следует, что истина — единство объективного содержания и субъективной формы. Содержанием истины является материя со всеми своими формами проявления, которые не зависят от какого-либо отношения к ним, форма же субъективна, ибо это действие субъекта, отражение материи субъектом. Материя становится содержанием истины, когда воспроизводится субъектом; вне этого воспроизведения она существует как объективная реальность и о ее истинности или неистинности речи быть не может. Форма же приобретает определенный смысл и даже существует как форма, когда соединена с содержанием, наполнена им. Поэтому нельзя сводить истину к одному из ее элементов: к материи или же к форме ее отражения. Отождествлять истину с материей значит ставить материю в зависимость от ее познания, иначе говоря, покинуть позиции материализма и проповедывать идеализм, хотя сторонники этого взгляда полагают, что они защищают материализм.

Истина как акт познания полезна. Люди стремятся к приобретению истины, ибо она приносит им пользу, усиливает их власть над природой, дает им возможность облегчить свою жизнь и т. д.. Но не все полезное — истина. Полезность непос-

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 124.

редственно связана с целью: нечто для человека полезно, поскольку оно помогает ему осуществлять свою цель. Люди же ставят себе разные цели в зависимости от их классовой принадлежности, степени развития, конкретных условий и т. д. Вследствие этого не всякая цель совпадает с истиной. Цель богослова доказать сотворение мира богом не имеет ничего общего с истиной, хотя она очень полезна для класса эксплуататоров. Полезность —одна из особенностей истины. Но именно потому, что она является лишь одной из ее особенностей, их нельзя отождествлять. Сущность истины, как было сказано, заключается в совпадении нашей мысли с объективным миром, а полезность —нечто, определяющееся ее сущностью, зависящее от характера. Это доказывается тем, что нечто истинно не потому, что оно полезно, а нечто полезно потому, что оно истинно. Руководствуясь первым суждением, мы неизбежно приходим к субъективизму, к оправданию реакции, к утверждению, например, того, что поскольку колониальная эксплуатация очень выгодна империалистам мира, она квалифицируется как истина. Рокфеллер и ему подобные обязательно согласятся с этим, а стремящиеся к свободе народы Азии и Африки скажут, что это неверно, что не истинность определяется полезностью, а полезность в конечном счете определяется истинностью, что наша освободительная борьба полезна, потому что она верно отражает поступательную тенденцию развития нашей эпохи.

Истина—процесс, который не дан нам в готовом виде, но является результатом поступательного движения познания. Следовательно, истина исторически конкретна, во-первых, потому, что познание никогда не останавливается на достигнутом, а, накапливая новый опыт и новые средства, переходит от одной сущности к другой, от раскрытия одной закономерности к другой, более глубокой и всесторонней, и, во-вторых, потому, что объект познания находится в вечном движении, каждый раз проявляясь в новой форме и с новым, обогащенным содержанием, подлежащим познанию.

Познание истины вытекает из самого факта существования истины. Когда говорят, что истина непознаваема, этим признают существование истины вне пределов познания, как самостоятельного объекта, который мы не можем превратить

в предмет своего исследования. А это является мистификацией истины. В действительности вне познания нет истины. Более того, достижение истины и научное познание—одно и то же. Отрицание возможности познания истины имело бы под собою почву лишь в том случае, если бы сущность и явление противостояли друг другу. Однако нам известно из первой книги, что сущность и явление не только не противоположны, но между ними нет принципиальной разницы, а поэтому всякое высказывание против познаваемости истины несостоятельно. Истина познаваема, и объективность истины является нашим первым высказыванием о ней.

2. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТИНЫ

Мы знаем, что познание всегда является познанием чего-нибудь объективно существующего, т. е. существующего вне и независимо от нас. Следовательно, научное познание всегда имеет свое вполне реальное содержание, благодаря чему оно имеет определенно объективную основу. То же самое можно сказать об истине, как о результате познания. Истина объективна тем, что ее содержание не зависит от человека и его познавательных усилий. Существование, например, Земли до человека, как содержание суждения об этом, никакому сомнению не подвергается, вследствие чего истина, выраженная этим суждением, оказывается объективной. Если наше высказывание не отражает объективного мира, если его содержание не взято из действительности, говорить об объективном характере истины и вообще об истине нельзя. Например, суждение: бог—всемогущ, является ложным суждением, ибо его субъект лишь результат фантазии человека, отчего упомянутое суждение оказывается произвольным ходом мысли, не отражающим никакой истины.

Декарт отождествил истину с очевидностью и свел ее объективность к «ясному и отчетливому представлению ума»[1]. Это, конечно, идеализм, так как ясное представление не есть

[1] *Р. Декарт,* Избранные произведения, 1950, стр. 272.

субстанция, а, наоборот, само определяется чем-то другим, а именно-существованием предмета представления. Мнение Декарта о том, что, руководствуясь дедуктивными умозаключениями, можно прийти к полной ясности мысли, ошибочно. Дело в том, что под ясностью подразумевается определенность содержания мысли, точное установление предмета познания и его отражения в мысли, иначе говоря,—совпадение мысли с объектом мысли. А у Декарта этого объекта нет, и он занимается установлением связи не между предметным миром и мышлением, а между мыслью и сознанием. Таким образом, положительное решение вопроса объективности истины связано с правильным пониманием сущности истины.

Современный идеализм, хотя и в другой форме, по существу продолжает линию старого идеализма. Подтверждением этому служит пример Б. Рассела, который пишет: «Истинность есть свойство веры»[1]. При таком понимании сущности истины, конечно, речи не может быть об ее объективности. Дело в том, что вера, свойствам которой уподобляется истина, является формой выражения субъективных стремлений человека и сама имеет субъективный характер. Кроме того, истина и вера вовсе не одно и то же. Истина—уже достигнутый результат познания. Например, Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Это истина, имевший место исторический факт. А вера, если она научно обоснована, указывает на то, что должно совершиться в будущем. Например: вера в окончательную победу коммунизма. Конечно, суждение о той или другой вере может быть истинным, если оно совпадает с действительностью. Но это также говорит о том, что истина не может быть свойством веры, тем более веры в понимании Рассела.

По мнению Рассела, вера—такое суждение, которое может совершенно не совпадать с объективным миром. «У Джефферсона,—говорит он,—была вера, выраженная в словах: «В северной Америке имеются мамонты». Эта вера могла быть истинной, даже если «никто не видел ни одного мамонта». Откуда же тогда у Джефферсона такая уверенность

---

[1] *Б. Рассел,* Человеческое познание,1957, стр. 182.

если «никто не видел ни одного мамонта?» Ясно, что она у него чисто произвольна. Если допустить, что такое суждение является истинным, тогда можно будет оправдать всякую чепуху и считать, например, выражением истины суждение, что творцом мира является бог. Однако характер суждения определяется не допущением возможности существования подобного факта, выраженного суждением, а его совпадением с объективным миром.

Рассел уверяет, что для суждения об отце Адама «вовсе не требуется, чтобы я или кто-нибудь, когда-то видел его, вполне достаточно, что существуют отцы, наблюдая которых мы можем судить об «отце Адама», как об истинном факте». Конечно, все допустимо, если руководствоваться одним субъективным желанием. Как известно, все религиозные предрассудки возникли именно этим путем, т. е. путем обожествления людей и их действий. Но какое же имеют они отношение к объективной истине? Вопрос об объективности истины прежде всего касается проблемы отражения. Поскольку доказано, что наша мысль является воспроизведением действительности, этим уже установлено, что она имеет объективную основу. Её объективность состоит в том, что факт ее существования определяется признанием субстанциональности материи и ее отражения.

Когда Богданов говорил, что «истина есть идеологическая форма—организующая форма человеческого опыта», этим он целиком ставил истину в зависимость от субъекта, отделяя ее от объекта отражения; такой подход к вопросу дал Ленину полное основание считать Богданова субъективистом и агностиком. Объективность истины является отрицанием как первого, так и второго,— поскольку она исходит из первичности материи и отсутствия принципиальной разницы между материей и ее отражением. В этом суть материалистической теории познания. Для материалиста всякое суждение является обобщением определенного опыта, выявлением реально существующих связей между вещами и явлениями природы; поэтому субъективность истины исключена.

В каких же формах проявляется объективная истина?

а) Абсолютная истина

Приступая к познанию действительности, мы обнаруживаем и устанавливаем истину, которая дает нам объективное представление о мире вещей и явлений. Изучая историю Земли, мы приходим к заключению, что она прошла ряд геологических периодов развития, пока не приобрела нынешнюю форму и не стала убежищем современных растений и животных. Это такой вывод, от которого невозможно отказаться, ибо опровергнуть его нельзя, точно так же, как не подлежит опровержению факт смерти Наполеона 5 мая 1821 года. Подобные выводы или установление фактов — суть объективные истины. Но они не только объективны, но и «вечны, абсолютны, сомневаться в них позволительно только сумасшедшим»[1]. Следовательно, объективная истина может являться в форме вечной, абсолютной истины. Признание объективной истины так или иначе является признанием абсолютной истины, ибо то, что существует и отражается нашим мышлением, является формой проявления субстанции, которая существует как абсолютная реальность.

По мнению Ленина, абсолютно то, что не зависит ни от кого и ни от чего. Утверждение, что материя первична, есть абсолютная истина, ибо оно является итогом развития науки и практики вообще. Отрицание абсолютной истины является отрицанием объективной, так как абсолютна и объективная реальность, и то, что установлено практикой.

Материалисты никогда не сомневались и не сомневаются в существовании абсолютной истины. Абсолютными являются такие суждения, как, например: «Москва находится в России» или «тела расширяются от теплоты». Эти суждения абсолютны, поскольку они правильно характеризуют факты и знания, данные в этих суждениях, вполне достаточны для приобретения правильного представления об этих фактах, взятых в конкретно-исторических отношениях. В самом деле, возьмем, например, положение: тела расширяются от теплоты; это такое

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 135.

суждение, которое является безусловным и передает факт в полном соответствии с действительностью. Но из этого не вытекает, что упомянутое суждение исчерпывает все наши знания о теле или тепловых процессах, происходящих в телах, ибо оно является установлением лишь одного факта и только в этом смысле рассматривается как абсолютное, а как звено в цепи наших знаний оказывается относительной истиной, так как воздействие теплоты на тела одним расширением не ограничивается, и вообще суждение «тела расширяются от теплоты» дает нам лишь частичное знание о явлениях природы. Это значит, что абсолютная истина переходит в относительную, становится переходной ступенью к новой абсолютной истине. Эта новая «абсолютная истина складывается из суммы относительных. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»[1].

б) Относительная истина

В принципе относительная истина не противостоит абсолютной, поскольку последняя складывается из бесконечно многих относительных истин. Кроме того, относительная истина так же объективна, как и абсолютная. Идеалисты потратили немало времени и энергии на то, чтобы опровергнуть этот факт. Для субъективного идеалиста относительность истины означает отсутствие каких-либо объективных основ для ее существования. В этом суть релятивизма как философского учения. В предисловии к третьей книге «Эмпириомонизма» Богданов уверял, что относительность истины, якобы, является «отрицанием безусловной объективности какой бы то ни было истины». Отрывая относительную истину от абсолютной, Богданов не мог придти к другому выводу. Но мы видели, что такой подход к вопросу является ошибочным. Относительная истина—форма существования абсолютной истины в конкретно-исторических условиях; поэтому нет основания считать ее

---

[1] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 137.

субъективной. Например, суждение о том, что империализм является умирающим капитализмом—истинно, так как в нем отражена характерная особенность современного капитализма.

Относительна та истина, которая отражает субстанцию только частично. В этом смысле все наши знания являются относительными. Д. Бом связывает относительную истину с объективной ошибкой. По его мнению «...каждый закон, который мог бы быть сформулирован, должен вести к ошибкам просто потому, что он представляет природу с помощью некоторой конечной системы понятий, которые с необходимостью не могут учесть бесконечности дополнительных потенциально или действительно существенных качеств и свойств материи»[1]. По этой причине каждое наше знание имеет относительный характер. Но от этого истина не перестает быть необходимой для лучшей организации нашей жизни, так как для познания действительности нет других средств, кроме установления и усвоения относительных истин, не знающих пределов накопления. Благодаря последнему факту, познание превращается в бесконечный процесс перехода от одной истины к другой. Отношение относительной и абсолютной истины — это отношение их диалектического взаимоперехода и взаимопревращения. Абсолютная истина практически осуществляется через относительные истины, а относительные истины, раскрывая отдельные стороны или моменты абсолютной истины, переходят в нее. Поэтому можно сказать, что любая истина, как адекватное отражение действительности, абсолютна, а как воспроизведение лишь частицы или же какой-либо конкретной формы проявления субстанции, относительна.

Если для старых метафизиков истина только абсолютна, исходя из чего каждое новое открытие они считали ее последним словом, то современные метафизики-релятивисты признают только относительную истину, отвергая всякую мысль об абсолютной истине. «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры

---

[1] *Д. Бом,* Причинность и случайность в современной физике.

картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы продвинулись в своем познании сущностей вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». «Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»[1].

4. КОНКРЕТНОСТЬ ИСТИНЫ

Как абсолютная, так и относительная истины всегда исторически конкретны. Абстрактных истин нет. Любая истина является результатом познания в определенных исторических условиях и представителями того или иного класса в классовом обществе. Вне этих условий истина мертва, в лучшем случае она превращается в абстрактную схему, которая не только не помогает прогрессу, но и задерживает его. Истина, будучи положительным решением поставленного вопроса, является путеводителем в нашем поступательном движении. В этом проявляется ее конкретность, т. е. жизненность. Истина по своей природе такова, что становится ответом на запросы жизни. Ее конкретность, следовательно, состоит также в том, что она вытекает из жизни и во всем служит ей.

Как совпадение мысли с действительностью, истина научно обоснована, она не является произвольным выводом человека или же поверхностным обобщением случайных фактов. Истина есть относительная полнота определений отражаемого объекта, который берется ею в целом, с охватом всех его

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 138—139.

основных особенностей, рассматриваемых в их внутреннем единстве. Поэтому, когда К. Каутский определил империализм как политику, как «стремление промышленной капиталистической нации присоединить к себе или подчинить все большие аграрные области», Ленин считал это определение ложным, ибо в нем была охвачена только одна особенность империализма, а пропущены самые основные. Истина состоит в том, говорит Ленин, что империализм не политика, а особая фаза развития капитализма, «когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, кончился раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»[1]. Каутский подходил к вопросу односторонне и абстрактно, в силу чего не сумел познать истины, тогда как Ленин, отвергая метафизику Каутского, доказал, что истина — это отражение сущности явления, отражение не одной, а всех его основных особенностей в их диалектическом единстве. В этом и состоит конкретность истины. Маркс говорил, что «конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, является единством многообразного»[2]. Подходя к вопросу с этой позиции, мы можем сказать, что истинны все научные определения, и их конкретность состоит в их научности, в том, что они воспроизводят явления так, как они суть.

Суждение, которое неспособно передавать сущность явления или определяющие его характерные черты, нельзя считать истинным. В этом смысле истинность и конкретность в познании совпадают. Истина всегда конкретна, так как нельзя брать какое-нибудь явление в его отношениях с другими без точного определения его границ. Следовательно, конкретность — это полнота всех связей. Истина конкретна, так как она отражает не только объект познания, но и его связи с окружающей средой и, как вывод познания, является сгустком цепи многих познавательных действий, раскрывающих многогранность объективного мира. Из сказанного следует, что

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 387.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 12, стр. 191, ч. I.

конкретная истина всегда сложна и показывает нам путь изменения явления.

Истина не только отражает действительность, но и дает нам возможность изменять или же воспроизводить ее в новом виде и с новым содержанием. Таким образом, истина—активная сила, способная стать средством революционизирования действительности,— при условии, конечно, если она не формальна, не абстрактна и является достоянием народных масс. Но как проверить истинность наших суждений или теории вообще?

5. КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ — ПРАКТИКА

Еще в тезисах о Фейербахе Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истиной, вовсе не есть вопрос теории, а **практический** вопрос. В практике человек должен доказать истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто **схоластический** вопрос»[1]. Это вполне понятно. Ведь знания человека только тогда имеют какую-нибудь ценность, когда отражают мир правильно, т. е. являются объективными. А для проверки объективности всех наших теорий у нас есть только одно средство: применять их в жизни, превращать их в принципы практической деятельности людей, говоря образно, пропускать их через фильтр этой деятельности. Одним словом, только практика может быть критерием истины. Если бы вопрос об объективности наших знаний не имел никакого значения, если бы эти знания могли служить человеку для революционного изменения мира, в котором он нуждается, не будучи отражением объективной действительности, тогда вопрос о практике и даже о критерии их истинности вообще бы не стоял. Идеалисты вели и ведут борьбу против материализма именно с этой позиции.

Выдвигая тезис о том, что истина — это очевидное суждение, которое не противоречит общей системе или с которым

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, стр. 1—2.

согласно, по крайней мере, большинство людей, идеалисты разных направлений исключают вопрос о практике из теории познания, а когда агностики отрицают возможность познания, они уже отказываются от обсуждения вопроса о критерии вообще. Но мы видели, что истина—это совпадение нашей мысли с предметом познания, и ее полезность зависит от того, насколько она правильно и всесторонне отображает объективный мир. Для того, чтобы выяснить этот вопрос и получить конкретные результаты, мы должны проверить на практике имеющиеся у нас истины, т. е. претворить их в жизнь. Одна лишь логическая последовательность суждения или же согласие большинства людей с теми или иными суждениями не дают нам возможность выяснить, объективны ли они, совпадают ли они с действительностью или нет. Например, суждение о том, что все тела падают на Землю, Луна есть тело и, следовательно, она упадет на Землю,— логически строго последовательно, однако оно не является доказательством истинности мысли, выраженной им. Мы должны решить этот вопрос путем опыта. А опыт опровергает эту мысль, хотя она выражена логически последовательными суждениями. То же самое следует сказать о согласии большинства людей с теми или иными предложениями. Все религиозные люди согласны с тем, что есть бог, но это вовсе не является доказательством существования бога. Ежедневная практика людей и все науки опровергают мысль о существовании бога.

Позитивист Ф. Франк предлагает «новый» критерий. Он сводит его к «основанию для веры в утверждение... что мы можем вывести из него результаты, которые могут быть проверены наблюдением». Он считает, что якобы «с современной научной точки зрения» «мы верим в утверждение благодаря его следствиям». Не скрывая, что так ставил вопрос еще Ф. Аквинский, Франк сознает, что «этот критерий никогда не убеждает»[1], иначе, он не решает вопроса об истинности наших суждений.

Критерием истинности всякого суждения и всякой мысли является практика, не только потому, что нет другого пути их проверки, но и потому, что ничего не возникает в голове че-

---

[1] *Ф. Франк*, Философия науки, стр. 75.

ловека, помимо практики. Объявляя все наши понятия изначальными формами мысли, идеалист, естественно, не нуждается в практике для проверки их истинности. А для материалиста понятие — это обобщение опыта людей, отражающее объективную действительность. Следовательно, оно является продуктом истории, причем результатом деятельности людей и потому постоянно проверяется этой деятельностью в процессе его возникновения и применения. Таким образом, проверка истинности наших понятий является общеобязательным актом научного познания, так как оно начинается с практики, развивается в практике и кончается или завершается проверкой практики. Но из этого вытекает также вывод о том, что проверка не изолирована от общего процесса познания во времени и пространстве. Каждый акт познания является также актом проверки и наоборот. Даже когда естествоиспытатель ставит опыты с целью проверки истинности своих выводов, он одновременно углубляет свое знание, ибо нельзя ничего проверить, не зная предмета проверки и конкретных законов его изменения. В этом как раз истинная ценность проверки. Из этого вытекает, что практика, как средство проверки, одновременно является исходным пунктом познания, тем фундаментом, над которым поднимается величественное здание познания.

В идеалистической философии практика и познание оторваны друг от друга, в результате чего познание мистифицируется, противопоставляется практике. Впервые Маркс и Энгельс окончательно преодолели этот порок философии, превратив ее тем самым в орудие революционного изменения мира.

Одна из основных особенностей марксистской гносеологии—это единство теории и практики, которое проявляется не только в том, что практика—основа и критерий истины, но также в том, что без нее логические формы и законы мышления неспособны показать нам истинную картину объективного мира. В самом деле, разве можно понять смысл, например, математических абстракций без практики? Если верно, что она «возникла из потребностей людей, из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из исчис-

ления времени и из механики»[1], то совершенно ясно, что ее содержание открывается нам, она так или иначе помогает нам решить какую-нибудь конкретную задачу, выдвигаемую жизнью в процессе применения.

Но означает ли это, что для проверки истинности любого суждения мы должны прибегать к практике, к опыту? Нет, конечно. На данном уровне развития в настоящее время «не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытывал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатом опыта его предков»[2]. Прежний опыт всегда помогает сокращать путь познания, освобождаться от лишних повторений и концентрировать свое внимание на поступательном движении познания. Это вполне понятно, так как выводы сделаны на основе обобщения практики и, проверенные ею, приобретают концентрированный характер, в силу чего они могут стать исходными пунктами для нашего познания и одновременно критериями проверки истинности новых выводов. Таковы все основные положения науки и, в частности, марксистского мировоззрения. Имея такие основополагающие принципы познания, как первичность материи, объективная реальность пространства и времени, вечность движения, законы диалектики и т. д., мы освобождаемся от повторения многого из того, что необходимо для обоснования нашей мысли в процессе изучения природы и общества, и одновременно уверены в положительном решении поставленных вопросов, если вместо произвольного согласования фактов с нашими принципами мы станем их творчески применять к имеющимся фактам.

Таким образом, роль практики в познании довольно сложна, и упрощать ее не следует. Верно, она является исходным пунктом познания и критерием истины. Однако критерий практики не абсолютен, нельзя сказать, что его диагнозы или установки никогда не меняются. Конечно, как подтверждение теории, как средство установления объективности истины, он абсолютен, никакая сила не способна опровергнуть его. Вся история человечества подтверждает абсолютное значение

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 37—38.

2 Там же, стр. 582.

критерия практики в деле проверки истинности нашей мысли: руководствуясь им, люди никогда не ошибались. Однако, практика всегда исторически конкретна, каждая ее ступень соответствует уровню развития общества, и характер критерия практики всегда определяется ее рамками. Исторической ограниченностью каждого периода развития практики является также ограниченность действий критерия практики.

Кроме того, «не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть **полностью** какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»[1]. Следовательно, когда речь идет о роли практики, мы не должны покидать позиции конкретного подхода к вопросу и обращать свое внимание на то значение, которое имеет она для преодоления метафизики и идеализма.

Говоря о практике, мы имеем в виду, по выражению Ленина, целеполагающую деятельность человека, направленную на преобразование не только природы, но и общества с целью улучшения собственной жизни. Сюда включаются: материально-производственная деятельность людей, классовая борьба, а следовательно, социальная революция, практика борьбы за социализм и коммунизм, лабораторный опыт, эксперимент и наблюдение ученого и т. д. Все, что является исходным пунктом для **дальнейшего** развития общества, можно считать практикой.

В современных условиях прогресс общества, как известно, зависит не только от материального производства, но также от степени и темпа развития науки. Поэтому мы можем сказать, что результаты науки, ее основные выводы тоже включаются в практику, поскольку они по существу образуют духовную практику людей, которая на данном этапе нашего развития играет огромную, а в отдельных случаях даже решающую роль. Духовная практика, усвоенная народными

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

массами, превращается в материальную силу, и чем дальше развивается общество, тем сильнее сказывается ее роль.

Кроме того, духовная практика не существует отдельно от материальной или наоборот. Ведь человек — это не только производящее, но и мыслящее существо; в отличие от животного, он осуществляет на практике то, что уже было у него в голове. Поэтому можно сказать, что материальная практика без духовной невозможна. И наоборот.

Духовная практика — это теоретическое отношение человека к природе. Для практического изменения природы необходимо знание законов ее изменения. Следовательно, материальная практика не только порождает духовную практику, но исходит из нее. Человек никогда ничего не производит, не имея модели того, что собирается производить. Но в то же время он не способен создать какую-нибудь модель без наличия соответствующего опыта. Это значит, что как практическая, так и духовная деятельность человека — это такое единство двух различных моментов, которое является процессом бесконечного взаимоперехода сторон. А из этого следует, что как практика является критерием истины, т. е. теории, так и теория является средством осмысления и обоснования практики. Но неверно полагать, что практика не нуждается в обосновании или в критерии инстинности. Факт тот, что люди действуют не вслепую, а с сознанием и убеждением, что они получат намеченный результат именно благодаря тому, что научной теорией была доказана необходимость **этой**, а не **другой** практики. Разве борьба пролетариата за социализм или же народов всех континентов за мир не доказана теорией? Так что, если отрицание роли практики в доказательстве истины приводит к объективному идеализму, то отрицание роли теории порождает эмпиризм, практицизм и даже субъективный идеализм. Поэтому при определении роли практики как критерия истины никогда нельзя недооценивать значение теории.

6. ЛОГИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ИСТИНЫ

Считать практику критерием истины вовсе не означает отрицать необходимость ее логического доказательства и это хотя бы потому, что выявление роли практики в познании

возможно только при помощи определенных форм логических действий. Точка зрения о том, что марксистская диалектика — это орудие анализа или исследования, а не доказательства истины, ошибочна, поскольку этим исследование противопоставляется доказательству. В действительности любое исследование одновременно является доказательством определенной истины, а доказательство истины возможно только путем исследования. Исследуя капиталистический способ производства, Маркс доказал ту истину, что замена этого способа производства новым — коммунистическим является неизбежной необходимостью, а для доказательства этой истины он занялся упомянутым исследованием. Следовательно, доказательство и исследование истины не противоположны, а суть такие действия познания, которые взаимно определяют друг друга.

Доказать что-либо означает—установить его совпадение с фактами объективного мира. Доказать, например, что переход к социализму возможен только через диктатуру пролетариата, означает показать правильность этого положения марксизма путем научного анализа исторического опыта классовой борьбы эпохи капитализма. Логическое построение этого доказательства начинается с выделения тезиса, надлежащего доказать, идет далее к нахождению оснований для подтверждения истинности тезиса и завершается демонстрацией или аргументацией выделенного тезиса, с использованием ряда умозаключений; иными словами, происходит сопоставление оснований, выступающих в качестве посылок умозаключений, с выводами, следующими из этих оснований. Наш пример: «переход к социализму без диктатуры пролетариата невозможен»—будет тезисом доказательства. Основаниями этого тезиса являются суждения, отражающие опыт классовой борьбы, в частности в буржуазном обществе. Его аргументация—это уже соединение оснований с тезисом. Это значит, что логическое построение доказательства является актом рационального познания действительности и не может быть произвольно сконструированной системой форм чистой мысли.

С точки зрения не только аристотелевской, но и современной формальной логики, доказательство — это такой процесс мысли, когда истинность какого-либо положения уста-

навливается при помощи положений, истинность которых уже доказана. Иными словами, согласно формальной логике, в доказательстве мы имеем дело **только** с формами мышления. Но может ли это привести к утверждению истины? Формальная логика заботится только о логичности мышления, о совпадении его форм, забывая о содержании этих форм. Конечно, формальный момент в доказательстве играет определенную роль, он решает вопрос согласованности тезиса с аргументами, без чего нет доказательства. Однако было бы неверно абсолютизировать эту роль, и сводить все к формальному согласованию элементов доказательства. Дело в том, что не всегда общая истина может быть основанием для доказательства какого-либо частного положения. Так, например, хотя классовая борьба рабочих против буржуазии обязательно ведет к диктатуре пролетариата, а стачечное движение в Америке — это классовая борьба, но из этого еще не следует, что оно в Америке приводит к установлению политической власти рабочих. Научное доказательство требует не только формальной согласованности тезиса и его посылок, но и проверки истинности этих посылок, проверки упомянутой согласованности по существу.

Разве аксиомы любой науки не проверены? Почему же нельзя строить доказательства, исходя из них, спрашивают сторонники формальной логики? Конечно, аксиомы проверены и наука пользуется ими в своих доказательствах. Но она считает их не априорными категориями, которые сами по себе очевидны и поэтому могут быть исходными положениями доказательства, а результатами исследования, очевидность которых вытекает из их согласованности с опытом. «Если, например, математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку у нас чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытном доказательстве, то это является лишь результатом накопленной наследственности»[1]. Ошибка Аристотеля и его современных последователей состоит в том, что они считают аксиомы исходными принципами мышления на том основании, что они **непосредственно очевидны**, забывая, что очевидность — это субъективный кри-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 582.

терий. Не всякое положение, признанное нами очевидным, может быть истинным. Долгое время люди считали очевидным тот факт, что Солнце вращается вокруг Земли, но Коперник доказал обратное. Следовательно, формальный подход к вопросу не гарантирует нас от ошибок.

Энгельс считает, что не всегда логическими аргументациями можно доказать истину. Когда агностик заявляет, что знает не вещи, а только впечатления, которые они произвели на его чувства, он высказывает мысль, опровергнуть которую одной лишь аргументацией трудно. Коренное решение вопроса возможно только практикой[1].

Формализм в доказательстве неизбежно ведет к идеализму, поскольку его сторонники отказываются от изучения содержания и от признания практики в качестве исходного пункта научного доказательства. Кроме того, он ведет также к метафизике, ибо абсолютизирует формальный момент в доказательстве. Первым основным средством преодоления этих пороков является последовательное применение принципа материализма в решении вопросов о доказательстве. Это значит, что следует заботиться о том, чтобы аргументы, доказывающие правильность тезиса, и результаты исследования имели характер объективной истины. Но напрашивается второе основное средство преодоления пороков формализма: применение диалектики к процессу отбора фактов, к установлению связи и взаимодействий между тезисами и посылками и к решению вопроса о формах аргументации и доказательства объективной истинности тезиса. Научное доказательство—это синтетическое выведение, выходящее из пределов достигнутого знания и накапливающее новые. Для построения такого доказательства необходимо согласовать формы мышления и их действий с объективным положением вещей, необходимо отказаться от рассмотрения форм и видов доказательства как абсолютно неизменных. Это требование мотивируется тем, что «доказательство есть вообще **опосредованное познание.** Различные виды бытия требуют именно им свойственных видов опосредования или содержат их в себе; поэтому и приро-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1947, стр. 90.

да доказательства относительно каждого из них различна»[1]. Следовательно, доказательство конкретно, его общие положения приобретают определенное значение в процессе их конкретного применения к действительности.

Таким образом, познание истины является целым сложным процессом, который в полной мере осуществим, если только мы строго руководствуемся правилами и законами научного мышления.

---

[1] *Гегель*, Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 75.

ГЛАВА VI

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ

1. ХАРАКТЕР И ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНОВ МЫШЛЕНИЯ

Мы уже знаем, что познание стремится к установлению истины. Это является задачей познания. Но решение этой задачи может быть успешным, если нам известны правила и законы научного мышления и мы строго руководствуемся этими законами. Сознавая важность вопроса, все мыслители в той или иной мере занимались его разработкой. Одни из них считали и считают, что законы мышления—чисто субъективные формы, не имеющие никакого отношения к объективному миру, формы без конкретного содержания. Так думал Кант, так думают все субъективисты. Выступая против этого направления в философии, Гегель поставил вопрос о содержательности логических форм и истолковал законы мышления с позиций диалектики. Это было огромным шагом вперед, поскольку законы мышления были рассмотрены не как застывшие бессодержательные формы, а как формы связи, которые непрерывно развиваются и обогащаются в процессе собственного применения. Однако идеализм помешал Гегелю быть последовательным до конца, показать отражение законов материального мира в законах мышления, доказать, что мышление, как отражение действительности, выводит свои законы и правила в конечном счете из этой действительности. Только марксизм окончательно решил этот вопрос.

Объективность является первой характеристикой законов мышления. Тот факт, что они показывают связь и процесс изменения элементов мысли, не делает их субъективными,

потому что от этого они не перестают быть объективными процессами, не зависящими от воли людей и отражающими мир вещей и явлений. Ведь «разум (рассудок), мысль, сознание **без природы,** без соответствия с ней есть фальш»[1]. А человек вступает в отношения с природой не по своему субъективному желанию, а в силу факта своего существования, в силу того, что он есть и трудится. Труд, как мы уже знаем, является формой обмена веществ между человеком и природой. Следовательно, мышление и его законы имеют объективный характер. Они непосредственно определяются практикой людей, которая, непрерывно повторяясь, закрепляет их в сознании человека в форме понятий, категорий, логических фигур и т. д.

Таким образом, объективный характер законов мышления проявляется: во-первых, в содержании, в том, что они являются отражениями законов самой действительности. Ленин говорит, что «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека». Во-вторых, соединение форм мыслей между собой, установление определенных правил и законов и пользование ими тоже совершается независимо от воли людей. То, что при образовании, скажем, ассерторической формы суждения люди руководствуются определенными законами, не связано с их субъективными намерениями, а вытекает из самого факта существования социальных индивидуумов и объективного хода их мысли. Если бы для получения ассерторического суждения кто-нибудь захотел соединить субъект суждения со своим предикатом через связки «если», он потерпел бы поражение, потому что связка «если» является средством образования проблематического, а не ассерторического суждения. Таким образом, мыслительный процесс имеет свои законы, и никто, не совершая ошибки, нарушить их не может.

Для правильного мышления необходимо строго руководствоваться законами мышления, потому что они объективны. Однако объективность законов мышления не отождествляется с законами материального мира. Последние существовали

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29. стр. 258.

до человека и существуют независимо от человека; они ничем не определяются, что нельзя сказать о законах мышления. Они возникли с возникновением человека, и объективные основы их существования находятся вне их, в законах и формах существования внешнего мира. Следовательно, в отличие от законов материального мира законы мышления субъективны, как копии определенных оригиналов, как такие формы связи, которые определяются чем-то другим, но они объективны по содержанию и как необходимые формы связи, без которых нет мыслительного процесса.

Объективные законы мышления исторически конкретны, являются результатами определенных исторических условий и изменяются с изменениями этих условий и в результате развития самого мышления. Мышление не только не вечно, но и появление каждой его формы или каждого его правила было связано с длительным процессом развития общества. Однако этот историзм не следует понимать в том смысле, что каждое новое поколение или даже каждый новый класс создавал свои законы мышления. Их историчность в том, что они возникли и развиваются с возникновением и развитием человеческого рода, и, кроме того, в том, что изменение их объективной основы, т. е. материального мира, привело и приводит к изменению мышления как формы его отражения. Но это различие не абсолютно, ибо законы движения и развития материи и мышления в принципе друг друга не исключают, так как в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же содержанием.

В первоначальных отношениях к природе человек схватывает лишь ее **внешнее**, воспринимает вещи в состоянии покоя и устойчивости. Дерево или дом, человек или лошадь, ставшие объектами нашего познания, вначале представляются нам как самостоятельные объекты, строго разграниченные. Конечно, эта обособленность вещей и предметов природы не отрицает наличия связи между ними, поскольку она также является формой связи, однако познание всегда начинается с обособления, ибо пока неизвестно, что из себя представляет данный предмет, нельзя понять суть его связи с другим предметом или же его перехода в нем. Пока у нас, например, отсутствует приблизительное представление о кошке и тигре,

мы не можем установить их родство. Для познания этого состояния объективного мира мышление вырабатывает определенные законы, которыми оно руководствуется. Это—законы рассудка, которые дают нам возможность координировать наши понятия, устанавливать между ними элементарные связи, однако они не способны обеспечить отражение объекта познания как живую целостность со своими внешними и внутренними связями и противоречиями.

Обогащение общественного опыта людей, развитие науки и техники, достаточное исследование отдельных форм материи и движения привели к тому, что познание от рассмотрения своего объекта в относительном покое перешло к его изучению в движении и развитии. На этой ступени развития познания прежние законы мышления оказались уже недостаточными для сочетания понятий, образования суждений, умозаключений и вообще для организации процесса научного мышления. Законы рассудка или законы формальной логики вполне удовлетворяют требованиям процесса координации, но они оказываются совершенно недостаточными, когда возникает необходимость заняться субординацией форм нашего мышления.

При относительном покое одна вещь находится рядом с другой, поэтому формы их отражения классифицируются по законам координации. А когда мы имеем дело с непрерывными изменениями и взаимопревращениями вещей, неизбежно показываются также движение и взаимопереход форм их отражения, ибо процесс вечного диалектического движения действительности можно передавать только аналогичным процессом познания, в противном случае неизбежно противоречие между объектом и средствами его познания. Преодоление этого противоречия возможно благодаря организации процесса познания, при котором руководствуются законами субординации.

Таким образом, по характеру и по своим значениям для мышления мы имеем две основные группы законов: законы координации и законы субординации форм нашего мышления. Как же устанавливаются эти законы?

2. УСТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОВ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Мышление—функция мозга, как продукта исторического развития. Возникновение научного мышления является завершением процесса развития способности мышления. Трудовая, промышленно-производственная деятельность человека является решающей силой в деле оформления научного мышления. Но наряду с этим в рассматриваемом вопросе играли и продолжают играть огромную роль полученные в порядке преемственности знания. Поэтому можно сказать, что научное мышление с его законами оформилось постепенно, в процессе как накопления общественного опыта на базе прогресса науки, так и поступательного движения самого мышления.

Первое основное условие как развития мышления, так и установления его законов—это наличие определенных отношений человека со своей окружающей средой. Если нет этого отношения, нет и самого мышления, а следовательно, и его законов. Чтобы установить, скажем, закон какого-нибудь суждения, необходимо отражение известной формы связи вещей или явлений природы или общества, поскольку содержание суждения составляет именно эту связь.

Законы мышления так же, как всякий другой закон, устанавливаются путем обогащения накопленного фактического материала. А накопление материала связано с повторением объекта познания и его отражения. Энгельс говорил: «что трение порождает теплоту, это было известно на практике уже доисторическим людям, когда они изобрели—может быть уже 100000 лет назад—способ получать огонь трением, а еще ранее согревали холодные части тела путем их растирания. Однако отсюда до открытия того, что трение вообще есть источник теплоты, прошло кто знает сколько тысячелетий. Но так или иначе, настало время, когда человеческий мозг развился настолько, что мог высказать суждение: «**трение есть источник теплоты**»—суждение наличного бытия и притом положительное суждение»[1]. Но что бы случилось, не повторяйся трение вообще. Ясно, что субъект лишился бы данного объ-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 539.

екта своего познания. А если бы отражение факторов появления теплоты посредством трения предметов вообще не имело бы места? Тогда упомянутое суждение не образовалось бы, следовательно, вопрос о его законе оказался бы выдуманным. Таким образом, повторение как предмета, так и его отражения является новым условием для открытия законов мышления. Ведь закон — форма связи, а связь — форма отношения между элементами или же сторонами связи. Закон мышления — форма связи элементов мышления или же его актов между собой. Накопление этих актов возможно только при их повторении. Поэтому положение Ленина, что принцип повторяемости является общенаучным критерием, целиком относится и к установлению законов мышления.

Повторение — это непрерывное воспроизведение явления. Повторение актов мышления — это их воспроизведение, в процессе которого существует и развивается мышление. Конечно, если повторение было бы простым возвратом к исходному пункту, тогда не могло быть и речи о развитии. Но в действительности такого возврата нет, и каждый акт повторения, будучи восстановлением старого, одновременно является его отрицанием, во всяком случае, подготовкой к его отрицанию, а следовательно, действием с новым моментом. Повторение, например, суждения: трение есть источник теплоты — было его применением к новым и новым фактам природы. Это применение привело к двум результатам: во-первых, к установлению, что все предметы подвергаются или же могут быть подвергнуты трению, и во-вторых, раскрылась сущность самого трения: оказалось, что оно является формой механического движения. А все это подготовило возникновение нового суждения: всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту. Это было переходом положительного суждения единичной формы во всеобщее суждение особенной формы и тем самым подтверждением закона взаимопереходов форм мышления.

При установлении законов природы мы пользуемся абстракцией, обобщением, раскрытием сходства и различия и другими способами действия познания. Открытие законов мышления также нуждается в этих методах обработки материала, только здесь они имеют свои особенности. Когда речь

идет об отношении природы, об установлении ее законов, абстракция является средством перехода от чувственно-наглядного познания к логическому мышлению. А когда мы хотим установить законы мышления, абстракция выполняет роль обнаружения связи между логическими формами. То же самое можно сказать об остальных способах. Так что в принципе пути установления законов материального мира и мышления не противоположны, они различны в деталях, в приемах использования тех или иных методов обработки материала. Это вполне понятно, если учесть то обстоятельство, что законы мышления суть отражения законов материального мира.

3. МЕСТО ЗАКОНОВ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Мышление—это целый процесс с разными ступенями развития. Оно может быть как метафизическим, так и диалектическим, т. е. люди способны мыслить как метафизически, так и диалектически. Когда говорят о метафизическом мышлении средних веков или же материалистов до Маркса, имеют в виду, что мыслители средних веков или же материалисты до Маркса пользовались законами и правилами мышления односторонне, абсолютизируя те или иные из них, отвергая развитие и взаимопереход его форм как форм отражения реальной действительности. Неверно сводить метафизику как антидиалектику—к признанию относительного покоя. Относительный покой, как момент движения, так же диалектичен, как процесс изменения. Поэтому законы мышления, отражающие состояние относительного покоя, не исключаются из диалектического мышления, а снимаются им и в снятом виде превращаются в средства для углубления познания.

Формальная логика—это наука об элементарных действиях мышления, свойственных также животным. Об этом Энгельс пишет: «Нам общи с животным все виды рассудочной деятельности; **индукция, дедукция,** следовательно также **абстрагирование (...), анализ** незнакомых предметов (...), **синтез** (...) и, в качестве соединения обоих, **эксперимент** (...).

По типу все эти методы—стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования—совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (...) они различны»[1]. Но это различие не в том, что, строя свою логику, человек отказывается от ощущения. Когда Кант говорил, что логика есть наука о формах чистой мысли, он брал их независимо от содержания, от того материала, который дает ощущение, мотивируя необходимостью различать форму от содержания. Как стремление к точному установлению понятия оно само по себе не порочно. Но Кант, отвлекаясь от всякого содержания, создал царство чистой мысли и, противопоставляя его ощущению, пошел по пути дуализма, который привел его к субъективизму.

Развитие научной мысли доказало, что процесс познания нельзя искусственно расчленять на отдельные самостоятельные действия ощущения и разума, ибо они едины и друг друга не только дополняют, но и определяют. Поэтому логика не может быть наукой только о формах мышления, она является наукой о процессе познания в целом. Её предмет—познание, его формы и законы, в которых даны законы развития материальных вещей. Кроме того, логика является своеобразным обобщением, итогом знаний эпохи. Ведь для того, чтобы познание, его формы и законы стали предметом особой науки необходимо накопление определенного количества фактического материала, что может быть результатом развития общественных и естественных наук. Что творцом формальной логики стал Аристотель, а диалектической логики — Гегель, было случайностью, но отнюдь не случайно, что первая оформилась в то время, когда наука занималась собиранием материала, а вторая—во время его систематизации.

Знания каждой исторической эпохи порождают свою логику или же являются основанием для ее возникновения. Все виды знания или наук прошли в основном два периода развития. Характерная особенность первого периода—накопление фактов без раскрытия их внутренней связи и взаимоперехода. Науки этого периода отражают закономерности состояния относительного покоя вещей и явлений объективного мира.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 537.

По мнению Энгельса, то, что «особенно характеризует рассмотренный период, так это—выработка своеобразного общего мировоззрения, центром которого является представление **абсолютной неизменяемости природы»**[1]. Наиболее отличительной чертой второго периода является систематизация накопленного материала, раскрытие внутренней связи и взаимопревращения форм материи и ее движения, рассмотрение природы в процессе развития. Соответственно с этими двумя периодами развития человеческих знаний возникли и формировались две—формальная и диалектическая—логики. Если первая (как мы уже видели) имеет дело с формами мышления, свойственными и животным, то вторая, наоборот, занята изучением «диалектического мышления», которое «возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в современной философии»[2].

Не следует ли из сказанного, что с наступлением второго периода развития научной мысли формальная логика больше не нужна. Нет, не следует. Дело в том, что с переходом к изучению процессов накопления фактов, их координация, описание и выявление законов относительного покоя не перестали быть необходимыми. Познание невозможно без этих первоначальных действий, которые каждый раз в сокращенном виде повторяются, подготовляя почву для перехода познания к более высшему этапу. Здесь имеет место то же, что при развитии живого организма, когда вышестоящее животное в эмбриональный период своего развития в общей форме повторяет пройденные этапы развития своих предков.

Кроме того, Энгельс говорил, что формальная логика относится к диалектической логике, как арифметика к высшей математике. Известно, что высшая математика не является огульным отрицанием законов и правил арифметики, а диалектическая **логика** не развивается путем отбрасывания законов и правил **формальной** логики. Как для решения своих сложных задач высшая математика пользуется действиями

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 348.

[2] Там же, стр. 537—538.

арифметики: сложением, вычитанием, умножением и делением, так и для всестороннего охвата процесса диалектическая логика не может обходить законы, которые отражают простые отношения вещей.

Не следует ли из сказанного, что в отличие от диалектической логики формальная логика метафизична? Конечно, метафизической науки вообще нет. В любом факте или предложении о нем можно раскрыть диалектику его развития. Однако эта возможность превращается в действительность не всеми науками. Арифметика, например, не способна показать нам переход количества в новое качество или же наоборот, потому что она является наукой об элементарных соотношениях количества. То же нельзя сказать о высшей математике, поскольку она имеет дело со сложными количественными процессами.

В действительности происходят как простые, так и сложные изменения. В элеваторе, например, количество зерна осенью увеличивается, а весною уменьшается. Для познания этого факта нет надобности прибегать к помощи законов единства и борьбы противоположностей, взаимоперехода количества и качества или же отрицания отрицания, ибо они его объяснить не могут. Но для понимания закономерности процесса получения нового сорта зерна без упомянутых законов диалектики уже нельзя обойтись. Следовательно, необходимость в применении диалектики возникает только тогда, когда мы имеем дело со сложными процессами. А «пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, мы, действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них... В пределах такого рода рассмотрения вещей мы и обходимся обычным, метафизическим способом мышления»[1].

Диалектическая логика имеет дело с противоречиями, она является синтезом всего положительного, что достигнуто человечеством. В этом одно из ее преимуществ по сравнению с другими философскими учениями. Однако она не является результатом механического соединения разных положений,

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 123

взятых из разных философских систем или же наук. Диалектическая логика—это новая наука, возникшая на базе предыдущей научной мысли, но путем снятия ее. Поэтому ранее установленные законы или положения теоретической мысли переходят к диалектической логике в снятом виде, превращаются в правила диалектического мышления, приобретая новый характер, точно так же, как деление или умножение в высшей математике являются не обычными действиями арифметики, а средствами для выяснения сложных количественных соотношений материального мира. Законы формальной логики как таковые неспособны передавать процессы субординации, хотя они необходимы для их понимания. Дело в том, что если координация возможна без субординации, то всякая субординация обязательно включает в себя координацию, как один из моментов общего процесса. В самом деле, для того, чтобы, например, делить суждения на положительные и отрицательные, нет надобности показывать, каким образом одна его форма вытекает или же рождается из другой формы. Но для того, чтобы показать переход от суждения наличного бытия к суждению рефлексии, необходимо их сопоставить друг с другом, координировать их соотношение. Поэтому нельзя метафизически противопоставлять диалектическую логику формальной.

Первый закон формальной логики, закон тождества «в старометафизическом смысле, есть основной принцип старого мировоззрения»[1], поэтому он непригоден для научного познания. Последнее требует преодоления метафизики и признания того, чтобы понятие, выступающее в начале мышления, до конца данного процесса осталось тем же, а не вообще неизменным. Это требование вытекает из того, что содержание понятия—вещь или явление объективного мира—имеет относительную устойчивость. Камень под влиянием дождя, ветра и т. д. меняется, но одновременно сохраняется до полного превращения в свою противоположность. Исключить это конкретное тождество из природы мы не можем.

В мышлении определение так или иначе исходит из этого факта. В суждении: «богатство общества.... является огром-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 530.

ным скоплением товаров» (Маркс), богатство отождествляется с товаром, т. е. в понятие здесь вложено определенное содержание, которое относительно устойчиво. Отказаться от такой конкретизации ни на каком этапе развития мышления нельзя. Поэтому правильно, когда говорят: А=А. Капитализм, например, на всех этапах своего развития является капитализмом, и для правильного понимания сущности его перехода в социализм мы не можем игнорировать этот факт. Истинное тождество совпадает с сущностью. Гегель говорил, что «сущность есть, таким образом, тождество с собою»[1]. Познание такого тождества вовсе не является поверхностным. Наоборот, именно оно ведет к отрицанию поверхности, к углублению познания.

Формула А=А для старой формальной логики была средством отрицания всякого различия и доказательством тезиса, что различие во всех условиях ведет якобы к отрицанию последовательности мышления. Это неверно, во-первых, потому, что А=А только в процессе, только по сравнению с другими экономическими формациями капитализм является капитализмом, вне этой связи вопрос об определении объекта познания снимается. Во-вторых, формула А=А уже содержит в себе различие, ибо она говорит, что тождество отлично от различия.

Согласно второму закону, два диаметрально противоположные суждения об одном и том же явлении и в одно и то же время истинными быть не могут. Если верно, к примеру, что современное западногерманское государство является империалистическим, то совершенно ошибочно утверждение о том, что оно не является империалистическим. Но исключена ли возможность его превращения в неимпериалистическое государство? Нет, не исключена. С победой пролетарской революции в этой стране, ее государство превратится в миролюбивый политический орган трудового народа, как это имеет место в Восточной Германии. Следовательно, второй закон формальной логики соответствует действительности лишь постольку, поскольку отражает **именно данный** предмет на данном уровне его развития или в **данных** конкретных усло-

---

1 *Гегель*, Наука логики, т. I, кн. II, стр. 18.

виях его существования; с изменением времени и обстоятельств это суждение уже неправильно. Любой предмет или любое явление имеет не один, а много предикатов. Высказывая какое-нибудь суждение, мы констатируем лишь один из этих предикатов, не отрицая существования других. Когда говорят: дом красив, из этого не следует, что все дома красивы, ибо в действительности есть и такие дома, которые некрасивы. Поэтому второй закон формальной логики относится к тем суждениям, субъекты которых точно определены в пространстве и времени. Исходя из этого, можно формально-логическим считать только то суждение, которое гласит: Этот дом красив, так как другие могут быть некрасивыми. Тогда возникает вопрос: может ли один и тот же предмет иметь противоположные признаки? Да, может. Мы уже знаем, что элементарная частица одновременно имеет и корпускулярную, и волновую особенность, и хотя суждения, отражающие эти противоположные особенности, друг друга исключают, но они правильны.

Кроме того, один и тот же объект в разных условиях может приобретать совершенно разные признаки. Один и тот же человек в одних условиях способен совершить героические поступки а при других обстоятельствах повести себя как трус. Это значит, что признаки предмета познания не абсолютны, они меняются в зависимости от времени, условий и развития самого предмета. А вопрос, какому закону противоречия должно подчиняться наше суждение о нем: формально-логическому или диалектическому, зависит от характера суждения. Если оно отражает объект познания, локализируя его в пространстве и времени, тогда оно подчиняется первому закону, если же отражает его в процессе, в движении, подчинение имеет место, согласно второму закону.

Представители метафизического мышления превратили второй закон формальной логики в средство борьбы с диалектикой. В этом отчасти повинен Аристотель, который писал: «Не может кто бы то ни было признавать, что одно и то же (и) существует и не существует, как это, по мнению некоторых, утверждает Гераклит»[1]. Как известно, по Гераклиту,

[1] *Аристотель*, Метафизика, стр. 18.

ьсе течет и все изменяется, вечно неизменного нет. Эта точка зрения Гераклита на природу вещей сейчас является точкой зрения науки. Но следует ли из этого, что об одном и том же явлении в течение одного и того же времени ничего определенного сказать нельзя? Во всяком случае принцип движения у Гераклита не дает основания для такого заключения. Он писал: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». Но из этого едва ли возможен вывод, что Гераклит одному и тому же явлению и в одно и то же время приписывал противоположные качества? Он утверждает, что мир есть и не создан никем. Но то, что есть, подвергается изменению. Каждое изменяющееся состояние **существует**; то, чего нет, изменяться не может; изменяется то, что есть. Полученное в результате изменения опять **существует**, но как отрицание старого. Таким образом, Гераклит, строго руководствуясь научной логикой, отрицает не то, что существует, а его неизменчивость, отвергает мнение, согласно которому вещь всегда и во всех условиях одна и та же. Иначе говоря, Гераклит был не релятивистом, а диалектиком, и вышеприведенный фрагмент— «очень хорошее изложение начал диалектического материализма»[1].

Формула материалистической диалектики гласит: и да, и нет, а формула школьной логики: да-да, нет-нет. В понимании старой логики вторая формула противостояла первой, а в действительности между ними нет противоречия, поскольку вторая формула является частным случаем первой. Формула: и да, и нет—указывает на процесс, например, на то, что при капиталистическом производстве между деньгами и товаром нет раз навсегда установленных границ, первые непрерывно переходят во что-то другое, и наоборот. В природе также формы материи и движения абсолютно не разграничены. На вопрос, является ли материя живой или неживой, можно ответить; и да, и нет, поскольку неживая материя, попадая в организм, превращается в живую, а разлагающиеся клетки живого организма превращаются в неживую материю. Этот

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 311.

процесс в природе повторяется непрерывно. Однако этот непрерывный процесс всегда имеет свои периоды количественного накопления, которые выражаются в формуле: да, поскольку в таких периодах сущность предмета в целом еще остается той же самой. Но после количественных изменений наступает момент скачка, перехода существующей сущности в свою противоположность, когда да заменяется отрицанием. Таким образом, оказывается, что формула: и да, и нет—иначе, непрерывный процесс в действительности осуществляется в форме—да-нет, т. е. перерывами постепенностей. Поэтому можно сказать, что третий закон формальной логики: «не может быть ничего посередине между двумя противоречащими (друг другу) суждениями»[1]—не противостоит диалектическому мышлению.

Ни один последовательный диалектик никогда не скажет, что ничто не поддается более или менее точному определению, что возможность установления границ взаимопереходящих вещей и явлений вообще в принципе исключается. А третий закон формальной логики утверждает, что нечто есть либо А, либо В, третьего же быть не может; таким образом, оно поддается определению, ибо как объект познания это нечто имеет определенное конкретное содержание, и путать его с другими нельзя.

Могут сказать, что формула: или-или—формула метафизического мышления. Это верно, но только в том случае, если оторвать ее от общего процесса, объявить ее абсолютной формой природы и ее познания. Старая логика стояла на этих позициях. А в действительности формула: или-или—вовсе не является абсолютной. Она имеет силу, когда речь идет о простых отношениях, или же о двух действительных крайностях. Так, какое-нибудь мировоззрение является либо материализмом, либо идеализмом, третьего быть не может. Но означает ли это, что третьего вообще нет? Если взять элементарную частицу, то она имеет либо корпускулярную, либо волновую природу, потому что является сочетанием этих двух особенностей и тем самым тем третьим, в пределах которого существуют упомянутые особенности. Допустим, кто-то утверж-

---

[1] *Аристотель,* Метафизика, стр. 75.

дает, что понятие имеет либо содержание, либо объем, в то время как оно есть их единство, тем самым то третье, которое соединяет в себе как первое, так и второе.

Гегель справедливо замечает, что даже само отрицание существования третьего косвенно является его признанием. В самом деле. Когда говорят, что нечто может быть либо +А, либо —А, тем самым признают, что есть какое-то А, которое не является ни +А, ни —А, а тем третьим, которое отрицается. Но лично Гегель своим признанием существования третьего подчас создавал почву для теории примерения крайностей. В «Критике философии права Гегеля» Маркс осудил его за старание примирить действительные крайности: Гегель везде находил между двумя противоположностями и третье звено. Маркс указывает, что такое звено появляется только там, где есть процесс непрерывного изменения, и мышление неизбежно сталкивается с ним, как только, выходя за пределы обычных явлений, хочет объяснить сложные процессы природы и общества.

Четвертый закон формальной логики гласит: все **имеет свое достаточное основание.** Если есть нечто, то без основания оно быть не может. Маркс говорил: если идея возникла, значит, она имеет свои предпосылки. Четвертый закон является логическим выражением соотношений объективных явлений. Выдвигая этот закон, Лейбниц исходил из того, что для какого-нибудь явления одна механическая причина не может служить достаточным основанием, таковым является только **конечная** причина. Механическая причина имеет частный характер, поэтому по отношению к основанию она носит характер внешний. Для преодоления этого недостатка Лейбниц по существу вернулся к учению Аристотеля о конечной причине и объявил ее достаточным основанием для любого бытия. Таким образом, цель Лейбница состояла в том, чтобы использовать этот закон для доказательства своего идеализма, но наряду с этим у него была здоровая тенденция: не отрывать вопрос об основании от вопроса о причинности. После Лейбница представители формальной логики довели различие между причиной и основанием до их полного противопоставления, превратив этот закон в бессодержательную метафизическую форму мысли.

Конечно, нельзя отождествлять логический закон достаточного основания с причиной. В суждении: железо от теплоты расширяется—теплота является причиной, а расширение следствием, которые между собой логически не связаны, так как теплота—это увеличение температуры, а расширение—увеличение объема. Причина и следствие суть такие понятия, которые применимы к отдельным явлениям, а основание совпадает с сущностью, поэтому логическое основание—это более широкое обобщение, раскрытие всеобщей причины. Таким образом, логическое основание отличается от обычной причины не тем, что первое—это априорная форма «чистого рассудка», а вторая нет, а тем, что первое является отражением таких всеобщих соотношений вещей и явлений природы, которые полностью объясняют их существование и развитие без всякого исключения.

Основание связано с развитием. Там, где нет развития, не может быть речи об основании, ибо основание—это то, из чего возникает нечто новое. То же самое можно сказать о причине. Поэтому причина и основание взаимно не исключают друг друга, наоборот, они родственны. Основание—всеобщая причина. Говоря об основе возникновения теории Дарвина, Энгельс писал: «Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической **основы.** Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до выхода за пределы видового признака и у которых даже ближайшие их причины могут быть установлены лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его подвергнуть сомнению **прежнюю основу всякой закономерности** в биологии—понятие вида в его прежней метафизической окостенелости и неизменчивости»[1]. Закономерность как определенная форма соотношения причинности и основа закономерностей является основой этих соотношений, т. е. основой более существенного соотношения, чем это требуется для установления отдельных законов. Основой старых закономерностей в биологии была «метафизическая неизменчивость», основой же новых закономерностей являет-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 20, стр. 535 (курсив наш—Г. Г.).

ся изменчивость видов, их историчность; поэтому старая основа была ложной и не могла способствовать быстрому развитию науки, а новая—научная и потому оказалась единственной основой развития биологии.

Основа—это то, на что опирается данный вывод. В суждении: **если землю хорошо обработать, то урожай будет хорошим**—первая часть является логическим основанием для второй и одновременно причиной для своего следствия. Это значит, что основание—та же самая причина, но без недостатков отдельных причин. Таким образом, четвертый закон также является отражением действительности, и диалектическое мышление пользуется им, ибо всестороннее познание процесса немыслимо без открытия его основания.

Из сказанного следует, что законы формальной логики, будучи законами отражения относительного покоя, служат делу обособления вещей и явлений и устранения противоречий, как необходимого условия для выделения объектов познания и их исследования в качестве изолированных целостностей. Диалектическая логика, будучи преодолением узости формальной логики, не отказывается от указанных элементарных действий мышления в качестве частных правил для диалектического процесса мышления, но она имеет свои собственные законы, лежащие в основе ее построения.

4. ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Мы уже знаем, что законы мышления суть отражения законов объективного мира. В объективном мире законы действуют по известному порядку и имеют определенную внутреннюю связь. В «Анти-Дюринге» анализ законов диалектики Энгельс начинает с раскрытия всеобщей связи. Доказывая атрибутивность движения, он переходит затем к закону единства и борьбы противоположностей, а потом уже к законам взаимоперехода качества и количества и отрицания. Это и понятно.

Ведь для того, чтобы соотношение крайностей в материальном мире принимало форму единства и борьбы проти-

воположностей, необходимо, чтобы они соотносились между собой, т. е. чтобы между ними была внутренняя связь. А для того, чтобы одно состояние материи перешло в другое, иначе говоря, одно качество заменилось другим, имело место отрицание отрицания, необходимо, чтобы между разными состояниями материи существовала связь в форме единства и борьбы разных качеств или же качества и количества. Таким образом, в природе вначале мы открываем формы связи и противоречий, а затем уже показываем формы и способы разрешения этих противоречий в лице взаимоперехода качества и количества и отрицания отрицания. Мы считаем, что изложение законов диалектики в таком порядке правильно, ибо оно, как мы видим, совпадает с историческим процессом.

а) Всеобщая связь

Когда мы вступаем в отношения с действительностью, прежде всего нам бросается в глаза взаимосвязь отдельных тел и форм их движения, говорит Энгельс. Исходя из этого, Ленин утверждает, что самое первое основное правило научного исследования вообще, марксовой диалектики в особенности, это требование рассмотрения связи... Без выяснения связи мы не можем узнать причину какого-нибудь явления, познать его законы изменения. Это и понятно. Ведь бытие и небытие существуют не раздельно, как это полагала формальная логика, а являются моментами общего становления. Поэтому категория всеобщей связи приобретает особое значение, она выступает как руководящий принцип и как закон познания. Без этого принципа нельзя найти правильный путь разрешения вопроса о принадлежности данного сложного и противоречивого предиката данному субъекту.

Всякая наука так или иначе занимается вопросами связи. Так, химия интересуется формами связи между химическими элементами, физика—между физическими объектами, математика—между величинами, история—между классами, народами и т. д. Результаты исследования всех наук доказывают, что как в природе, так и в обществе все явления, вещи и предметы связаны между собой, что взаимосвязь и взаимо-

действие являются основой их существования. Является фактом, что движение Земли вокруг своей оси немыслимо вне связи с ее движением вокруг Солнца; поведение водорода во время образования воды неотделимо от поведения кислорода; существование буржуазии связано с существованием пролетариата; образование суждения невозможно без наличия понятия, а возникновение понятия немыслимо вне суждения и т. д. и т. п. Таким образом, связь — и закон, и форма существования всякого бытия. Она является законом, потому что является формой соотношения моментов, сторон, вещей и явлений объективного мира. Но она является также формой существования вещей, ибо вне связи и взаимодействия нет вещей.

Как форма существования вещей в действительности, связь осуществляется по-разному. Наиболее всеобщая ее форма есть закон. Но когда она показывает соотношение единичных вещей или явлений, одних — в роли причины, а других — в роли следствия, мы уже имеем дело с причинной связью. Причинная связь — одна из существенных форм связи. Все причинно связано. Как в природе, так и в обществе всегда что-то является причиной, а что-то — следствием. Роль этой связи определяется ее характером. По характеру существуют две формы связи: внутренняя и внешняя. Судьбу любого процесса в конечном счете определяет внутренняя связь, а внешняя связь может оказать решающее влияние на ход и характер изменения объекта через внутреннюю связь. Развитие живого организма в конце концов определяется внутренними противоречиями, т. е. соотношениями противоречивых процессов, а именно: ассимиляцией и диссимиляцией внутри организма, а влияние среды практически осуществляется для организма через эти процессы. Учитывая эту роль внутренней связи, мы можем сказать, что познание сущности любого процесса требует выявления и точного определения характера внутренних связей. Так, понятия общего и единичного относятся друг к другу как разные полюсы понятия, и это их отношение является формой внешней связи. Описание этой связи не дает нам полного представления о характере упомянутых форм понятий. А когда мы ставим себе задачу показать: каким образом из единичного

понятия возникает общее, как единичное раскрывает все свои потенциальные особенности в общем, а это последнее осуществляется в единичных формах, которые суть формы проявления внутренней связи, мы достигаем познания истины в своей полноте. Дело в том, что сама истина складывается из **совокупности всех** сторон явлений действительности и их взаимоотношений[1]. Поэтому можно сказать, что ее познание—это обнаружение сущности связи как закона, как причинности и т. д.

Идеалисты уверяют, что связь не объективна, а является априорной формой субъективного мышления. Так полагал Кант, и так думают современные субъективисты-неокантианцы. Однако доказать этого нельзя. Все современные науки и вообще практика людей не позволяют сомневаться, что причина или закон суть объективные формы соотношения явлений в природе или обществе.

Устанавливая объективность связи, мы приступаем к ее всестороннему изучению. На ступени формальной логики наше познание удовлетворяется раскрытием обычных, весьма простых соотношений вещей. Его интересует внешняя связь, и оно не ставит себе задачу показать закономерности взаимопереходов форм понятий, суждений и умозаключений. По этой причине формальная логика является в основном скорее описанием, чем анализом форм и законов мышления. В отличие от формальной логики диалектическая логика интересуется прежде всего внутренней связью, взаимопревращением форм и их развитием, Для нее важно показать характер связи, которая возникает в результате перехода одной формы мышления в другую. Существенное в переходе от проблематического суждения к аподиктическому состоит в том, что проблематическая форма связи субъекта с предикатом заменяется утвердительной формой, совершается попытка обосновать заключение суждения.

Поступательное движение познания является постоянным процессом смены форм связи между формами мышления, а следовательно, процессом раскрытия и разрешения противоречий. Ведь взаимосвязь и взаимодействие явлений есть од-

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178.

новременно и противоречие и выступает в форме единства и борьбы противоположностей. Это значит, что закон всеобщей связи действует совместно с законом противоречия, законом единства и борьбы противоположностей; их связь настолько существенна, что действие одного невозможно без действия другого. Противоречие есть там, где существует взаимосвязь и взаимодействие между двумя явлениями или же сторонами одного и того же единства и наоборот. Поэтому наличие закона всеобщей связи необходимым образом предполагает закон единства и борьбы противоположностей.

б) Закон единства и борьбы противоположностей.

Обособленное изучение объектов познания привело к отрицанию противоречий, а исследование процесса взаимосвязи и взаимоперехода форм поставило вопрос о противоречиях, о раскрытии и разрешении противоречий. Любое явление природы и общества обладает внутренними отношениями, так как каждое из них имеет внутри себя две стороны, которые, будучи едиными, одновременно противоположны и, находясь в состоянии борьбы, являются источником развития. Таким образом, применение закона всеобщей связи приводит к открытию закона единства и борьбы противоположностей, сущность которого состоит в том, что показывает нам, каким образом противоположности, взаимно проникаясь, превращают развитие в непрерывный процесс развертывания и разрешения противоречий.

Закон единства и борьбы противоположностей является законом всякого бытия,—не только природы и общества, но и мышления. Отражая мир вещей, мышление отражает его как единство противоположностей, между которыми идет внутренняя борьба. Для научного мышления это **обязательно**, во-первых, потому, что мир существует только в процессе непрерывного противоречивого изменения, а мышление не может быть принципиально отличным от собственного содержания и, во-вторых, потому, что иначе достичь объективного познания мира невозможно, что является целью мышления. Нельзя застывшую материю, находящуюся в состоянии покоя, считать

объектом научного познания, так как такой материи нет. Поэтому Ленин писал: «Условие познания всех процессов мира в их **«самодвижении»**, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единство противоположностей»[1]. Таким образом, закон единства и борьбы противоположностей является одним из основных законов познания действительности, законом раскрытия ее внутренних противоречий. Его научное значение состоит также в том, что он правильно отображает процессы самого познания, одновременно являясь законом развертывания последнего. Именно он дает нам возможность установить, что возникновение каждого нового положения познания опирается с одной стороны на предыдущее, имея его в качестве гносеологического исходного пункта или же материала для себя, а с другой—является его снятием новыми формами и средствами для более адекватного воспроизведения действительности. Является фактом, например, что умозаключение единичного—это качественное соотношение своих моментов и тем самым отвлеченное познание мира, а умозаключение особенного—это уже снятие отвлеченности первого, поскольку соотношение его моментов имеет характер индуктивных обобщений. Без правильного представления этого диалектического процесса познания нет самого научного познания.

Процесс познания—это противоречивый процесс, во-первых, потому, что он является отражением противоречивой действительности и, во-вторых, потому, что его развитие имеет противоречивый характер. Кант полагал, что противоречие свойственно только мышлению, а «вещь в себе» не содержит никаких противоречий. Он полагал, что противоречие мысли есть результат слабости человеческого разума, его неспособности выйти за рамки явления, чтобы дойти до познания сущности вещей. Современные неокантианцы, продолжая линию Канта, считают, что, применяя термин **противоречие к вещам**, необходимо отказаться от утверждения Энгельса о том, что мысль, являющаяся продуктом природы, должна соответствовать природе, ибо противоречие—это несовпадение мысли с фактом. Но это неверно. Противоречие—это движение мыс-

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

ли, непрерывное преодоление ее устарелых форм новыми, ее усовершенствование и обогащение в процессе отражения новых явлений природы и общества.

Идеалисты, объявляя противоречие мысли заблуждением, фактически отказываются от признания ее развития. А это ведет к отрицанию возможности создания научной теории.

Признаком научности любой теории является ее соответствие противоречивому миру вещей.

Только в противоречии и в разрешении его, источник жизненности, ибо всякое движение вперед требует преодоления сопротивления старого новым. В том случае, если противоречие не разрешается, движение превращается в топтание на месте, начинается гниение бытия. Неоспоримо, например, что загнивание современного капитализма, разрушение его производительных сил—результат развертывания, но не разрешения противоречий буржуазного общества. Нельзя поэтому отрывать противоречие от его разрешения, они едины. Но абсолютизировать значение какого-либо момента единства противоположностей тоже не следует. Дело в том, что развитие требует не сохранения, а нарушения имеющегося единства, оно осуществляется только при наличии взаимоисключающегося соотношения единства и его нарушения.

Соотношение противоположностей принимает в мышлении форму синтеза тогда, как каждое противостоящее друг другу определение, будучи отражением истины, дает новое понятие. Так, умозаключение является соединением двух крайностей для выявления новой истины. Любое определение вообще способно переходить в свою противоположность, т. е. внутренне противоречиво, поскольку является отражением противоречивой действительности. В самом деле, разве любое суждение не является установлением конкретного тождества, которое содержит в себе различие, ведущее к противоречию? Ведь простое суждение: **роза есть растение**—является высказыванием мысли, с одной стороны, о том, что субъект есть предикат, а с другой стороны, утверждением, что предикат не тождествен с субъектом, что они различны и между ними существует противоречие. То же самое можно сказать в отношении вывода и посылок умозаключения. Так

что любая форма мышления существует и развивается путем противоречия и их разрешения.

К. Бакрадзе считает, что упомянутое положение марксизма неприменимо к формам мышления. «Понятия и суждения, в которых выражено знание, не имеют своей собственной истории в том смысле, что они не развиваются в силу внутренних противоречий, содержащихся в самом понятии или суждении»[1]. По его мнению, признание развития понятий и суждений в силу их внутренних противоречий означает отказ от изучения действительности. Конечно, развитие понятия или суждения непосредственно связано с развитием объектов их отражения, с практикой. Но разве этот факт исключает развитие суждения также в силу его внутренних противоречий? Ведь нельзя отрицать, что в суждении: **Жучка есть собака**— потенциально дана его отрицательная форма: **Жучка не человек**. Разве процесс постепенного перехода от чувственно-наглядного до философского понимания материи не является историей развития этого понятия? А мы знаем, что все философские категории возникли именно этим путем. Ошибка К. Бакрадзе состоит в том, что он отделяет форму мышления от ее содержания, почему и полагает, что одно дело развитие «понятия и суждения в силу их внутренних противоречий» и совсем другое дело «обращение к действительности для ее изучения». Между тем мы имеем здесь единый процесс. Приступая к познанию действительности, мы пользуемся понятиями, суждениями и умозаключениями как средствами ее отражения. Каждый новый шаг в области нашего проникновения в глубь действительности одновременно является усовершенствованием упомянутых средств отражения мира. Разве не факт, что от простого суждения: «трение есть источник теплоты» до высшей формы суждения: «любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться прямо или косвенно в любую другую форму движения», мы имеем огромное развитие формы мысли именно по законам развертывания и разрешения внутренних противоречий? Конечно, если исходить из того, что «отношения между суждениями» изучаются «только формальной

[1] *К. С. Бакрадзе,* Система и метод философии Гегеля, стр. 345.

логикой»[1], как это уверяет К. Бакрадзе, тогда действительно о внутренних противоречиях понятий, суждений и умозаключений речи быть не может, ибо, как мы уже знаем, формальная логика не имеет непосредственного отношения к процессу, занимаясь в силу этого лишь координацией форм мышления, для чего нет надобности показывать внутренние противоречия этих форм, побуждающих одну из них переходить в другую. Но ведь кроме формальной логики есть еще и диалектическая логика, которая занимается изучением процессов, форм и законов их отражения, показывает поступательное движение не только материи, но и мышления в результате развития и разрешения внутренних противоречий. Поэтому мы можем сказать, что закон единства и борьбы противоположностей действительно является всеобщим законом, действующим не только в материальном мире, но и в области мышления, как это было показано при анализе понятия, суждения и умозаключения.

Формы мышления, как отражения действительности, своими противоречиями в конечном счете обязаны противоречиям объективного мира. Это значит, что понятия, суждения и умозаключения обладают внутренними противоречиями, потому что материальный мир, образующий их содержание, сам противоречив, а не наоборот, как уверяют прагматисты. Прагматисты были бы правы, если бы существование материального мира зависело от существования нашего мышления. Но это утверждение противоречит выводам современных наук, опровергается практикой, доказывающей, что противоречия по своей природе объективны, присущи самим вещам, вследствие чего противоречие мышления является отражением сущности вещей.

в) Закон взаимоперехода количества и качества

Противоречие, как в области мира вещей, так и в познании, осуществляется в форме взаимоперехода и взаимопревращения качества и количества. Мы, приступая к познанию действительности, начинаем с единичного, т. е. с определен-

[1] *К. С. Бакрадзе*, Система и метод философии Гегеля, стр. 339.

ного качества и постепенно идем к общему, что является результатом скопления и обобщения известного количества изучаемых фактов или же синтеза процесса познания. Разве не так возникло понятие категории «материя», как субстанциональное понятие одного? Люди, вступая во взаимоотношения с внешним миром, наблюдали вокруг себя множество вещей или предметов природы. В процессе практического взаимоотношения с ними, у людей появилась необходимость узнать их структуру, источник их возникновения или основу их изменения. Первые древние мыслители полагали, что все вещи «вылеплены» из одной первоматерии. Фалес отождествлял ее с водой, а Анаксимен с воздухом, т. е. с качественно конкретной формой материи. Для того, чтобы достичь поставленной цели, познать сущность материи, необходимо было отвлечься от её наглядного качества, найти ее субстанциональную особенность, скрывающуюся за качественной наглядностью вещей. Анаксимандр сделал большой шаг в этом направлении, объявляя, что первоматерия — это не чувственно-наглядное, а логическое вещество (апейрон), с одним только качеством — быть первовеществом. Дальнейшее развитие познания материи привело к заключению, что материя как таковая — это «философская категория для обозначения объективной реальности» (Ленин). Только путем такого отвлечения от чувственной наглядности и обнаружения субстанциональной особенности вещей можно установить количественное соотношение между ними. Так, например, для определения численности населения мира мы отвлекаемся от всего, кроме субстанциональной особенности людей, а для определения наличия рабочей силы мы находим уже другую субстанциональную особенность. Характер этой особенности меняется, ибо меняется поставленная задача, а само обнаружение субстанциональной особенности, как условия выяснения и изучения количества, остается.

Качественная единица в логике не та же самая, что в природе и даже в естественных науках. В природе она есть та или иная вещь со своими наглядными свойствами. В ядерной физике она какая-нибудь частица микромира, так или иначе поддающаяся наблюдению. В логике качественная единица — это понятие, суждение, умозаключение, одним словом, формы

мышления. Они не существуют вне и независимо от человека и не поддаются его наблюдению,—а суть логические формы мышления, характер которых зависит от обобщенной ими практики. Знание качества вещи—поверхностное знание, а знание качественной единицы логики или формы мышления—это раскрытие содержания понятия, суждения, умозаключения и т. д., что является целью познания, достижением которой оно завершается. Познание качества вещи—только начало познания.

То же самое следует сказать о количестве. Количество в природе—это, например, химические элементы вещества, которые своими наблюдаемыми свойствами принципиально не отличаются от предметов макромира. Количество в логике—это те элементы, из которых образуются разные формы мышления и имеют чисто духовный характер. Для понятия такими элементами являются слова, для суждения—понятия, для умозаключения—суждения и т. д. Количественные единицы в логике, так же, как качественные, своим содержанием связаны с материальным миром и его процессами, будучи формами их отражения. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека формами логики»[1].

В логике взаимопереход качества и количества совершается как процесс образования новых логических форм из предыдущих, т. е. из сравнительно более простых или же в результате обобщения нового материала. Появление суждения как качественно новой формы мышления связано с соединением ряда понятий между собой. Сами суждения после своего возникновения становятся количественными единицами умозаключения. Этот взаимопереход является непрерывным процессом, в течение которого познание переходит от одной сущности к другой, от менее глубокого знания к более глубокому знанию предмета познания. Этот беспрерывный процесс взаимоперехода есть стимул развития самого познания. Переход суждения в умозаключение является актом появления новой, более совершенной формы мышления. В этом отношении нет принципиальной разницы между взаимопереходами в природе и в области познания.

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

В логике взаимоотношение количества и качества имеет форму также взаимоотношений накопленных знаний о качественных и количественных отношениях предмета познания. Приступая к познанию какого-нибудь предмета, мы вначале приобретаем знание о его качестве, о том, что он из себя представляет, каковы его свойства и т. д., а потом уже переходим к выявлению его количественной природы, чтобы иметь более цельное представление о нем, тем самым синтезируя наши упомянутые знания. Так, открывая новое химическое вещество, ученые вначале обращали внимание на его качество, т. е. на то, чем оно отличается от других веществ. После этого, а иногда и в процессе решения вопроса, они переходили к выявлению того, откуда и как получается имеющееся качество, т. е. к познанию количественной природы, к установлению его веса, количества электронов и т. д. Поэтому не случайно, что знание о количественной природе веществ возникло позже знания их первичных качеств.

Научное решение соотношения качества и количества привело к открытию меры. Из истории познания тепловых явлений известно, что вначале ученые рассматривали качественные и количественные характеристики этих явлений как две самостоятельные, не связанные между собой группы свойств. Однако, в результате дальнейших исследований, удалось доказать, что количественные изменения не затрагивают качество вещей лишь в определенных, постоянных для каждой вещи границах. Во время своих научных опытов Галилей заметил, что ртуть в трубке, опущенной в кипящую воду, всегда поднимается на одну и ту же высоту. Это дало возможность установить меру кипения воды. Таким образом, познание меры привело к открытию новых закономерностей в природе, и ее установление стало одним из основных требований научного познания.

Возможно ли познание качества без количества, и наоборот? Конечно, логически качество дано раньше количества. Мы уже знаем, что познание начинается с ощущения, в котором дано и качество предмета. Иначе говоря, процесс познания идет от следствия к причине, а в природе, наоборот, процесс становления вещества начинается с количества и идет к качеству, т. е. причина порождает следствие. Но из

этого не следует, что знание не является отражением действительности, поэтому оно возможно без количества. Во-первых, познание, как отражение действительности, не способно оторвать качественный процесс от количественного, поскольку без известного количества нет никакого качества. Во-вторых, переход от познания одного качества к другому всегда связан с накоплением определенного количества материала, подготавливающего этот переход.

Является ли упомянутый переход скачком в познании? Несомненно, да. Переход от описания фактов к их обобщению с целью открытия закономерностей существования и развития объекта познания или же переход от понятия к суждению и от суждения к умозаключению—является скачком в процессе познания, поскольку в результате этих переходов возникают качественно новые формы мышления. Таким образом, в процессе познания, как и в природе, действует третий закон диалектики—закон отрицания отрицания.

г) Закон отрицания отрицания

Это, по мнению Энгельса, «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления»[1]. Мы знаем, что диалектика исходит из атрибутивности движения. А «движение есть противоречие». Противоречие отвечает на вопрос, как совершается развитие,—и доказывает, что оно является процессом непрерывного порождения и преодоления сопротивлений путем количественной подготовки нового качества и скачкообразного перехода в нем. Преодоление сопротивления или скачок—это отрицание старого качества. Поскольку любое состояние материи, любое как материальное, так и духовное качество или степень развития познания является результатом предыдущего развития, любое новое отрицание является отрицанием отрицания. Таким образом, закон отрицания отрицания отвечает на вопрос: к чему же приводит движение, к какому результату мы приходим в конце данного процесса?

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 145.

Закон отрицания отрицания является объективным законом бытия и мышления. Его объективность состоит в том, что отрицание отрицания является формой движения всего существующего и осуществляется независимо от субъекта. Например, переходы неорганической материи в органическую, или же положительного суждения в отрицательное совершаются как закономерные действия по естественной необходимости. Любое явление, находясь в движении, в конце концов обязательно отрицается тем новым, которое зарождается в результате его развития. Из сказанного следует, что упомянутый закон имеет всеобщий характер. Его всеобщность подтверждается, во-первых, тем, что нет ничего вне движения (и быть не может) и поэтому все неизбежно отрицается, и, во-вторых, тем, что нет развития без отрицания старого. Развитие—процесс непрерывного отрицания сначала количественной, а затем качественной определенности предыдущих степеней.

Отрицание есть результат внутренних изменений, вернее, оно есть это самое изменение, почему и присуще всему процессу развития. Противоречие, которое является движущей силой развития, соотнесено с понятием «отрицание», так как само является актом отрицания. Поэтому можно сказать, что как противоречие, так и отрицание свойственны всему процессу развития. Например, в суждении: **капитализм не идеал человечества,** дано противоречивое и, тем самым, взаимоотрицающее отношение между двумя объектами познания. Это значит, что законы диалектики, во-первых, не оторваны друг от друга. Во-вторых, все они универсальны, действуют везде и во все периоды развития. В-третьих, различие этих законов следует искать не в объеме, а в **способе** их выражения в действительности. Основная функция закона отрицания отрицания состоит в том, что следует указать на разрешение противоречий развития, тем самым, сделать его возможным. Согласно этому закону, все, что существует, обязательно должно быть отрицаемо. Маркс согласен с Кауфманом, что «для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли

об этом или не думают, сознают ли это или не сознают»[1]. Это значит, что диалектическое отрицание является естественно-историческим процессом. Оно является естественным, потому что никто не навязывает его как объективному миру, так и мышлению, но каждое явление природы и общества само подготавливает свое отрицание. Оно исторично, ибо каждый период развития научной мысли или же каждая ее область имеет свои особенности отрицания. Отрицание наукой религии в период буржуазного просвещения нетождественно с современным отрицанием этого мировоззрения. Или же отрицание абстрактного определения не то же самое, что отрицание идеализма материализмом.

По характеру отрицание может быть голым, простым отбрасыванием существующего или его уничтожением. Например, отрицание возможности познания есть голое отрицание, ибо не является необходимым условием для поступательного движения и не имеет ничего общего с законом отрицания отрицания.

Голое отрицание, во-первых, является односторонним прекращением процесса: на место отрицаемого ничего нового не предлагается, во-вторых, оно имеет единичный и эмпирический характер, что противопоказано возможности выступать в качестве закона. В отличие от такого рода отрицания существует диалектическое отрицание, которое создает положительные предпосылки для продолжения процесса, следовательно, наступает как результат закономерного развития явления. Поэтому оно уже не единичный акт и не одностороннее отбрасывание старого, но также утверждение положительного. Отрицание, например, понятия суждением является также его сохранением в самом суждении, поскольку без понятия нет суждения. Отрицание состоит в том, что в суждении понятие раскрывается путем соединения предиката со своим субъектом. Диалектическое отрицание — это уничтожение устаревшего, создание нового и установление связи между старым и новым. Поэтому, давая общую характеристику диалектического процесса познания, Ленин писал: «Диалектический момент» требует указания «единства», т. е.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 20.

связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию —от отрицания к «единству» с утверждаемым,—без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом»[1].

Единство, т. е. связь положительного с отрицательным, обнаружение положительного в отрицательном, является наиболее характерной особенностью диалектического развития. Благодаря этой связи и переходу, возникшее новое по содержанию богаче старого, ибо в нем к положительному старого прибавляется новое; можно поэтому сказать, что каждое новое отрицание является дальнейшим углублением в познании объективной действительности.

Если на ступени чувственной достоверности отношение субъекта к объекту познания имеет характер непосредственности и знание материи является знанием ее случайных, единичных форм, то восприятие является уже отрицанием непосредственности, обнаружением свойств вещи и их отношения к качеству; познанием структуры вещи и соотношения элементов структуры. Переходом от восприятия к явлению вещи познание совершает новый прыжок вперед, отрицая ограниченность восприятия, переходит от ощущения к логическому мышлению. Вещь на этом уровне развития познания представляется как целостность своих частей и отлична от явления. В явлении раскрывается сущность, ставится вопрос об отражении сущности в определенных формах, о соотношении формы и содержания, о противоречиях сущности и условиях ее перехода и отражения в явлениях, о законе явлений и его познания. Таким образом, это отрицание более приближает нас к познанию действительности.

Действительность является нам в форме осуществления сущности, и приступая к ее воспроизведению, познание рассматривает ее как возможность, как необходимость и случайность, т. е. во всех тех формах, в которых она осуществляется. Но познание действительности ставит вопрос единства материального мира, вопрос о субстанции. Познание здесь делает новый прыжок, поднимаясь на новую ступень абстракции и тем самым к более глубокому отражению ми-

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 208.

ра вещей. На этом уровне развития познание имеет дело уже не с единичными вещами, а с материей как таковой, как субстанцией. Но дойдя до этого познание обнаруживает, что материя как субстанция не пустая абстракция, а реальное единство неорганической, органической и общественной материи (со своими атрибутами в лице пространства, времени и движения). Познание каждого атрибута материи является раскрытием ее новых особенностей, и закономерностей изменения.

Таким образом, начиная с непосредственного отношения к единичным вещам, познание доходит путем ряда отрицаний до отражения материи как философской категории. Эти отрицания дают ему возможность преодолеть свои ограничения, связанные с действиями ощущений, и выступить как акт истинного единства ощущения и разума. На этом уровне развития предметом анализа познания становятся формы собственного действия: понятие, суждение и умозаключение, приводящие к всестороннему воспроизведению истины.

Из сказанного следует, что закон отрицания отрицания является законом развития; в отрицаемом он открывает зародыш будущего, преодолевая сопротивление старого, очищая путь для нового, более глубокого познания. Это значит, что отрицание здесь целенаправленно, стремится прежде всего обеспечить поступательное движение познания. Поступательное движение не прямолинейно, а зигзагообразно, во-первых, потому, что, зарождаясь в старом, новое в процессе преодоления сопротивления старого вынуждено иногда делать отступления для того, чтобы продвигаться вперед с новой силой. Как известно, познание, начиная с обобщения практики, в конце снова возвращается к практике—чтобы проверить истинность своих выводов. Во-вторых, спиралевидность движения объясняется также тем, что отрицание старого является и его сохранением (в снятом виде). Поэтому в спирали мы имеем возврат к исходному пункту, но на новой основе. В этом возрасте, во-первых, осуществляется связь со старым и, во-вторых, доказывается, что новое вовсе не является повторением старого. То обстоятельство, что познание, как в начале своего возникновения, так и в конце, имеет дело с практикой, говорит о том, что этапы его развития связаны между

собой. Однако практика в начале познания и в конце—не одно и то же. Вначале она дана как сырой материал, а в конце как продуманное действие человека с заранее установленной целью. В этом процессе развития важно не количество ступеней, пробегаемых явлением, а то, что существующее его состояние обязательно будет заменено новым, более высоким состоянием, т. е. важно само отрицание. Поэтому нельзя сводить диалектический процесс к триаде. Абсолютизирование триады превращает живой процесс развития в мертвую схему. Исходя из этого, классики марксизма-ленинизма говорили о необходимости отрицания существующего, рассматривая его как живой процесс отмирания старого, возникновения и роста нового.

Таким образом, сущность закона отрицания отрицания состоит в том, что он устанавливает преемственную связь между отрицаемым и отрицающим, доказывает, что диалектическое отрицание не является голым отбрасыванием старого, но его преодолением, сохранением, дальнейшим развитием всего положительного в старом качестве и утверждением нового качества в своих правах—следовательно, истинно поступательным движением.

Таковы основные принципы марксистской логики.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Авогадро 274
Аквинский Фома 413
Амбарцумян В. А. 180
Анаксагор 35, 125, 129, 131, 213
Анаксимандр 8, 124, 162, 213, 448
Анаксимен 123, 124, 138, 162, 213, 214, 448
Аннеников 155
Аррениус 269
Аристотель 6, 49, 50, 123, 127-129, 180, 182, 204, 210, 212, 213, 348, 357, 380, 381, 419, 429, 434, 436, 437
Аскин Я. Ф. 202

Бакрадзе К. С. 446, 447
Бергсон 52, 188
Беркли 192, 324
Бернал Дж. 219
Бертело 140
Блек 133
Богданов 406, 408
Бойль 144, 145, 274
Больцман Л. 260
Бом Д. 262, 263, 409
Бор Н. 263
Борель 177
Брадле 257
Бруно Джордано 129, 130, 142, 143
Брюль Леви 25
Бэкон Ф. 130, 160, 180, 274, 380, 382

Вернер 133
Велер 140
Винер Н. 152
Виноградов В. В. 333
Витгенштейн Л. 82

Гай (Гайк Бжишкян) 391
Галилей 155, 180
Гассенди 131, 180, 274
Гебер 278, 279
Гегель 9, 10, 15, 19, 27, 43, 52, 56, 58, 59, 75, 76, 78, 83, 86, 87, 104, 105, 107, 108, 110, 174, 181, 202, 204, 212, 225, 227, 234, 240, 268, 291, 292, 301, 302, 325, 329, 338, 342, 350, 352, 355, 356, 357, 366, 377—379, 389, 395, 396, 421, 422, 429, 433, 437, 446.
Геккель 261
Гельс 133
Гераклит 123, 124, 161, 162, 213, 214, 434, 435
Гертвиг О. 153
Гесиод 123
Гоббс 132, 134
Гольбах 132, 134
Гомер 123
Гурвич 279
Гей-Люссак 274

Дальтон 145, 146, 270, 274
Дарвин 155, 286, 438
Декарт 131, 157, 171, 178, 210, 227, 404, 405
Демокрит 9, 25, 126, 128, 130, 144, 162, 178, 180, 214, 224
Дефо Даниель 55
Джефферсон 405

Дидро Д. 171, 215
Дриш 141,
Дунс Скотт 158
Дюбуа-Раймонд 278
Дюринг 101

Зенон 123, 179, 180, 208, 209

Иваненко Д. 180
Инфельд 140, 164
Иоффе А. Ф 279

Кант 15, 47, 67, 95, 115, 177, 178, 180, 186, 187, 194, 195, 211, 212, 324, 347, 348, 350, 351, 355, 360, 361, 410, 422, 429, 444
Кар Лукреций 128, 129
Карно 259
Каутский К. 411
Кауфман 452
Кедров Б. 218, 221, 222, 269
Кирхгоф 257
Клаузис 259
Клаус Г. 336
Кольбе 140
Коперник 155
Кратил 162
Кузанский Николай 142

Лавуазье 274
Ламетри 215
Лаусон 286
Левкипп 125, 126, 128, 131, 144
Лейбниц 84, 172, 210, 211, 223, 242, 437
Ленин 5, 7—9, 11, 46, 48, 59, 61, 77, 85, 91, 101, 136, 137, 157, 161, 164-167, 196, 229, 296, 318, 323, 328, 332, 347, 350, 353, 366, 375, 379, 399, 400, 402, 406—408, 410, 411, 416, 423, 427, 435, 440, 442, 444, 448, 449, 453, 454
Линней 133
Лобачевский 336
Локк Д. 18, 20, 242
Лоренц 258
Луи де Бройль 37

Майлот 287
Максвелл 231
Маркс 7, 9—11, 33, 34, 39, 55, 56, 60, 63, 64, 70—73, 75, 78, 79, 81—83, 90—93, 99, 101, 108, 115, 116, 118, 119, 130, 143, 152, 154—157, 162, 163, 165, 170, 181, 187, 190, 204, 207, 216, 218, 220—222, 233, 235—238, 253, 256, 258, 260, 269, 272, 288, 290, 298, 302, 305, 306, 312, 328, 329, 339, 340, 342, 346, 348, 352, 363, 374, 377—379, 385, 389, 399, 411, 412, 414, 415, 418—420, 426, 428—433, 437, 438, 451—453
Мах Э. 175
Менделеев 139, 145, 155, 274—276
Мильман 287
Минковский 176
Мюллер 261

Наполеон 291, 407
Негели 170
Ньюлендс 145
Ньютон 145, 155, 172, 188, 228, 229—231

Павлов И. П 312
Парменид 124, 208
Пастер 221
Планк М. 130, 191, 192, 209, 210
Прудон 329

Рабан Мавр 158
Рассел Б. 405, 406
Рембрандт 317
Риман Б. 180, 336
Робинэ 134
Рокфеллер 403
Рубинштейн С. Л. 16
Рудянский 322
Румянцев Ю. А. 189

Свиридский В. И. 179
Семенов Н. 269
Сократ 384
Спиноза 131—133, 135, 136, 158, 160

161, 178, 205, 366
Спиркин А. 186

Толанд Дж. 214
Томсон 206, 259
Трусов Ю. П. 189

Фалес 123, 124, 129, 133, 138, 162, 212, 448
Фейербах 26, 105, 170, 172, 193, 195, 203, 318, 319, 324, 412
Фихте 324
Фицджеральд 258
Фишер К. 106, 141
Франк Ф. 42, 263, 413
Франкланд 140

Хигинс Вильям 145
Хландри 138

Цельсий 234, 270

Эмпедокл 8, 35, 124, 125, 144, 213
Эмпирик 324
Энгельс 6—9, 34, 36, 55, 56, 60, 63, 70, 72, 73, 79, 82, 90, 92, 93, 100, 101, 107, 108, 116, 119, 130, 143, 152, 155—157, 162—165, 170, 187, 190, 204, 207, 215, 216, 218—222, 226, 228, 233, 235, 237, 253, 256, 258, 260, 269, 272, 276, 277, 278, 288, 290, 298, 306, 328, 339, 346, 348, 371, 372, 378, 379, 385, 389, 398, 411, 412, 414, 415, 419, 420, 426, 428, 429, 430, 431, 432, 438, 439, 440, 444, 451, 453
Эйнштейн А. 140, 164, 176, 179, 257
Эпикур 128, 129, 131

Юм Д. 243, 410

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Книга первая

Объективная логика

Глава I. ВЕЩЬ 15

А. Ощущение вещи 15

1. Начало познания вещи 15
2. Качество и его познание 17
3. Множество качеств и их различение 20
4. Граница, ее роль в обособлении и познании вещей . 21
5 Конкретно-единичная вещь 23
6. Общность, ее характер и реальность 25

Б. Восприятие вещи . 28

1. Особенности восприятия вещи и его процесс . 28
2. Вещь и ее свойства 30
3. Соотношение качества и свойств вещи 33
4. Сложность вещи и характер соотношения ее элементов 35
5. Структура вещи 38
6. Соотношение элементов и структуры . . . 40
7. Объективная реальность вещи 42

Глава II. ЯВЛЕНИЕ 45

1. Характерная особенность явления . 45
2. Явление и являющееся или вещь . 46
3. Целостность вещи 49
4. Соотношение целого и частей 53
5. Явление и сущность. Сущность и её отражение . . 57

6. Содержание—выражение сущности и его отношение к форме 60
7. Форма и ее отношение к содержанию . . . 67
8. Сущность и существование . . . 74
9. Суть противоречия сущности 78
10. Сущность как основание существования . . . 82
11. Условие и переход сущности и явления . . . 85
12. Историчность явления 88
13. Закон явления 90
а) Процесс познания и определение закона . . . 90
б) Объективность закона 95
в) Виды и соотношение видов законов . 96
г) Историчность законов . . . 100

Глава III. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ . 104

1. Действительность как осуществление сущности . . . 104
2. Возможность и действительность 108
3. Случайность как форма существования действительности . 114
4. Необходимость и случайность. Переход к субстанции . . 117

Глава IV. СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ МАТЕРИИ КАК СУБСТАНЦИИ . 122

История становления 122
а) Первый период . 122
б) Второй период . 125
в) Третий период . 131

Глава V. МАТЕРИЯ 135

1. Субстанциональность материи . 135
2. Единство многообразной материи . . 137
3. Индивидуальность единой материи 141
4. Основные формы индивидуальности единой материи 149
а) неорганическая материя 150
б) органическая материя 151
в) общественная материя 154
5. Материя как философская категория . . 157

Глава VI АТРИБУТЫ МАТЕРИИ 160

Общая постановка вопроса об атрибутах . 160
Пространство 167
а) Возникновение категории пространства 167
б) Пространство—атрибут материи . . 169
в) О некоторых особенностях пространства 172
г) Измерение пространства . . . 174
д) Объективная реальность пространства 176

е) Непрерывность и дискретность пространства 179
Время 185
а) Возникновение категории времени 185
б) Время—атрибут материи . . 187
в) Объективная реальность времени . 191
г) Формы времени и их соотношение . 195
д) Направление времени 198
е) Конечность и бесконечность времени . 200
Движение 203
а) Познание движения как атрибута материи 203
б) Основные формы движения . . 216

А. Механическое движение 220

1. Особенности механического движения и их познание 220
2. Тела механического движения 222
3. Количество и формы его изменения . . . 223
4. Характер количественного процесса . . . 226
5. Качественные переходы в механическом движении 229
6. Единство количества и качества. Мера . . 232
7. Взаимосвязь и взаимодействие качества и количества. Причинность 238
8. Объективная реальность причинности и критика идеализма 242
9. Формы осуществления причинности . . 246
10. Переход и закон перехода . . 248

Б. Физическое движение 252

1. Познание особенности физического движения . . . 252
2. Качественная многообразность физических форм движения и их связь 255
3. Обратимость и необратимость физических процессов и их единство 259
4. Микромир и особенности его движения . . . 261

В. Химическое движение 267

1. Познание сути химического движения 267
2. Особенности химических противоречий и их разрешение 270
3. Формы разрешения противоречий 273
а) Разложение 273
б) Соединение 274

Г. Биологическое движение 276

1. Специфичность биологического движения и его познание . 276
2. Основные формы биологического движения . . 280

а) Ассимиляция 280
б) Диссимиляция 282
в) Развитие 283

Д. Общественное движение . . . 288

1. Характерная особенность общественного движения . . 288
2. Производственные отношения — определяющая форма общественного движения 292
3. Цель 295
4. Средство 298
5. Осуществление цели 301
6. Прогресс общества 303

Книга вторая

Субъективная логика

Глава I. СОЗНАНИЕ . . . 311

1. Сознание и его характерная особенность . 311
2. Субъект и объект сознания и их отношения . 315
3. Формы отношения 318
   а) Ощущение 318
   б) Восприятие 319
   в) Представление 321
   г) Мышление и его виды . . . 322

Глава II ПОНЯТИЕ . 327

1. Определение понятия . . 327
2. Понятие и слово . . . 331
3. Содержание и объем понятия . . 334
4. Формы понятия 337
   а) Единичное понятие . . 337
   б) Особенное или частное понятие . . 340
   в) Общее понятие 344
   г) Категория 347
   д) Идея 350

Глава III. СУЖДЕНИЕ . 354

1. Определение суждения 354
2. Способы суждения 358
   а) Аналитическое суждение . . . 358
   б) Синтетическое суждение . . . 361
3. Формы суждений 364
   а) Суждение единичного . . . 364
   б) Суждение особенного . . . 367
   в) Суждение общего . . . 371

Глава IV. УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ . 374

1. Определение умозаключения . . . 374
2. Способы умозаключения 380
   а) Индуктивное умозаключение . . 380
   б) Дедуктивное умозаключение . . 383
3. Формы умозаключения 386
   а) Умозаключение единичного . . . 386
   б) Умозаключение особенного . . . 390
   в) Умозаключение общего . . . 394
   г) Гипотетическое умозаключение . . 397

Глава V. ИСТИНА . . 401

1. Истина и ее установление . 401
2. Объективность истины . . 404
3. Формы истины и их познание . . 407
   а) Абсолютная истина . . 407
   б) Относительная истина . . 408
4. Конкретность истины . . . 410
5. Критерий истины — практика . . 412
6. Логическое доказательство истины . 417

Глава VI. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ 422

1. Характер и значение законов мышления . . . 422
2. Установление законов научного мышления 426
3. Место законов формальной логики в диалектическом мышлении 428
4. Законы диалектического мышления 439
   а) Всеобщая связь 440
   б) Закон единства и борьбы противоположностей 443
   в) Закон взаимоперехода количества и качества 447
   г) Закон отрицания отрицания . 451

Указатель личных имен . . 457

Редактор: *В. А. Осипян*
Редактор издательства: *С. В. Авакян*
Художник: *Г. Назарян*
Технич. редактор: *А. А. Овасапян*
Контр. корректор: *А. С. Саакян*

ВФ 07611 Заказ 1913 Тираж 2000
Сдано в производство 7/VIII 1968 г.
Подписано к печати 25/XII 1968 г.
Бумага 60×90¹/₁₆. Печ. л. 29. Изд. л. 23,83. Цена 1р. 70 коп.

6-ая типография Главполиграфпрома Госкомитета по печати Совета Министров Арм. ССР, Ереван, ул. Туманяна 51.